

АЛЕКСАНДР
РАЕВСКИЙ

Я ПОНЯЛ
ЯПОНИЮ

ОТ ДРАКОНОВ
ДО ПОКЕМОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 94(521)
ББК 63.3(5Япо)
Р16

*Глава «Кулинария вычитания» написана в соавторстве
с Дмитрием Булахом*

Раевский, Александр Евгеньевич.

Р16 Я понял Японию. От драконов до покемонов / Александр Раевский. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 368 с.

ISBN 978-5-17-145160-8

Япония, без сомнения, одна из самых загадочных и удивительных стран на Земле, подарившая миру столько самобытных культурных феноменов, что и не сосчитать. Географически будучи Востоком, а ментально тяготея к Западу, она зависла где-то посередине и способна удивить любого иностранца.

Эта книга для тех, кто чувствует очарование Японии, заинтригован и хотел бы узнать о ней больше. Здесь объединены академические знания об истории и культуре страны, а также личный опыт автора. Серьёзность содержания сочетается с увлекательным языком повествования и лёгкостью изложения. На страницах этой книги вас ждут:

— главные вехи японской истории, от самурайских войн до атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки;

— корни феномена манги и аниме, а также классического кинематографа Японии;

— удивительные факты о национальной кухне японцев и их вкусах;

— наконец, попытка собрать все детали этого пазла, чтобы понять загадочную японскую душу.

Понять Японию, разумеется, весьма непросто, но эта книга написана для того, чтобы помочь всем желающим сделать первый шаг в этом направлении.

**УДК 94(521)
ББК 63.3(5Япо)**

ISBN 978-5-17-145160-8

© Раевский А.Е., текст

© Булах Д.Ю., текст

© Картографическая основа. РОСРЕЕСТР

© ООО «Издательство АСТ», оформление

Вместо вступления

Понять другую культуру — почти невозможно: будучи сторонним наблюдателем, неизбежно упускаешь что-то, известное лишь её носителям на генетическом уровне. (Впрочем, так же невозможно постичь и собственную культуру, поскольку оказываешься лишён возможности посмотреть со стороны и провести необходимый отстранённый анализ).

Тем более тяжело представить, что кто-то сумел бы понять Японию — одну из самых самобытных и удивительных культур на земле. Можно десятилетиями изучать язык и читать в оригинале древние рукописи, можно работать в японской фирме и иметь множество друзей-японцев, можно родиться и вырасти в этой стране — всё равно у неё останется много загадок и непостижимых секретов. Отчасти в этом и состоит прелесть пути, у которого нету конца.

Поэтому название данной книги не следует воспринимать буквально; она не содержит исчерпывающей информации обо всех особенностях японской культуры. Зато в этом названии есть и легкая ирония, и приятная уху рифма — качества, которые кажутся автору важными для того труда, который у него получился.

Идеи и мысли, вложенные в эту книгу, являются компиляцией тех знаний, которые были почерпнуты автором за годы изучения Японии, жизни в этой стране и общения с японцами. В ней встречаются и его собственные интерпретации — в той мере, в которой это кажется уместным, и там, где он относительно уверен в их справедливости. Но ни в коем случае эта книга не претендует на незыблемость трактовок и утверждений: у любого явления в этом мире есть несколько ракурсов, и всегда надлежит помнить об этом.

Для того, чтобы сориентировать читателя, хочется сделать несколько вводных замечаний:

Все японские имена написаны в соответствии с японской традицией: вначале фамилия, потом имя. Поэтому некоторые имена (включая, например, Миядзаки Хаяо) могут казаться непривычными. Но это только поначалу.

В отечественной японистике существует одно правило: при записи японских слов кириллицей использовать транскрипци-

онную систему Поливанова. Эта система пользуется заслуженным уважением, но при этом в ней существует один не совсем точный, по мнению автора, момент. Это запись японского слога *ち/チ*. Его обычно принято транскрибировать слогом *ти*, но, с точки зрения фонетики, ближе к японскому произношению представляется слог *чи*. Рискую вызвать непонимание коллег по цеху, автор всё же берёт на себя смелость не согласиться с традицией и транскрибировать по принципу близости к оригинальному звучанию.

Таким образом, княжество Тёсю неизбежно становится Чёсю, а эпоха Муромати — эпохой Муромачи (т.е. приближается к японскому произношению этих слов). Это может вызвать неодобрение людей, привыкших к определённом написанию, и автор приносит свои извинения тем, кого это может задеть.

К сожалению, не всем важным историческим личностям, событиям и культурным феноменам нашлось место на страницах этой книги. И если что-то оказалось обойдённым вниманием, то это сделано не в силу недостаточной важности, а лишь из-за ограниченности формы. И если судьба будет благосклонна, то у этой книги будет продолжение, раскрывающее более подробно то, чему не нашлось места в этой части.

В заключение автор хотел бы выразить благодарность всем своим учителям, — в России и в Японии, — взгромоздясь на плечи которых, он решился на это писательское путешествие. Этой книги не было бы без многих поколений японистов — великих учёных, кого уже нет в живых, и наших не менее выдающихся современников.

Автор также робко надеется, что этот его скромный труд тоже однажды послужит для кого-то опорой, используя которую получится ещё немного лучше понять Японию.

Приятного чтения.

ЧАСТЬ 1

ИСТОРИЯ

Начинать всегда сложно.

Тем более когда начинаешь объяснять то, что не до конца вырази-мо словами, стараясь при этом оставаться в рамках научного дискур-са, когда говоришь о том, что уже неоднократно рассказано и описа-но, пытаясь при этом сказать что-то своё и посмотреть на изученное и знакомое другими глазами. Предстоящий путь кажется невероят-но долгим, чужая культура — потёмками, собственные знания — ни-чтожно малыми.

Но если верить старинной японской поговорке, утверждающей, что *сэнри-но мичи-мо иппо кара* (千里の道も一歩から) — дорога длиной в тысячу *ри* начинается с первого шага, то дальше становится легче. Получается, самое сложное — именно эти открывающие слова, а впе-реди простирается бескрайний путь, который будет становиться легче и приятнее с каждой новой строкой, а к концу повествования принесёт удовольствие и читателям, и самому автору.

Если это и вправду так, то можно попробовать.

Первый раздел этой книги посвящён истории Японии от тех не-запамятных времён, когда переселенцы из различных частей света, гонимые кто голодом, кто социальными трудностями, а кто просто жаждой приключений, начинают заселять почти необитаемый архи-пелаг до относительно недавнего оглушительного схлопывания япон-ской экономики «мыльного пузыря» после десятилетий невероятных успехов, когда эта небольшая страна заполонила мир своими товара-

ми и покупала американские небоскрёбы просто потому, что могла себе это позволить.

Этот путь был непрямым и непростым, но знание о нём — первая ступень к тому, чтобы понять Японию и современных её обитателей. Оговоримся сразу: эта часть изобилует именами, которые трудно запомнить русскому уху и глазу, а также датами, событиями и фактами, которые покажутся кому-то необязательными. Однако всё это — скорее декоративные элементы, украшения и детали, позволяющие сделать эту историю интереснее и живее. Главное же — то, что должно проступать за ними: мощный каркас исторического процесса с его неизбежными закономерностями, где каждый новый этап непонятен без предыдущего, но вместе они складываются в единую картину, которая даёт представление о том, через что прошла эта страна и её жители перед тем, как предстать сегодня нашему взору.

В ходе дальнейшего повествования и в связи с самыми разными аспектами японской жизни и культуры мы будем неоднократно возвращаться к тому, что изложено в этой части, поскольку прошлое определяет современность гораздо больше, чем нам зачастую кажется. Ну и кроме того, история Японии, даже если смотреть на неё с позиции не историка, а простого обывателя, сама по себе очень интересна и заслуживает нашего внимания.

А теперь, наконец, пришло время делать первый шаг.

Глава 1

Древняя Япония

В стране Ямато
Много разных гор,
Но выделяется из них красой одна
Гора небес — гора Кагуяма!
Когда на эту гору ты взойдёшь
И там просторы взором обведёшь, —
Среди равнин страны
Восходит дым густой,
Среди равнин морей
Взлетает чаек рой.
О, вот она — чудесная страна,
Заветный край мой — Акицусима,
Как крылья стрекозы, простёрты острова,
Страна Ямато — вот она!
*«Манъёсю» (VIII век. Песня, сложенная
императором Дзёмэй во время восхождения его
на гору Кагуяма, откуда он любовался страной)*

Прежде чем начинать рассказ об истории Японии, хорошо бы на всякий случай ещё раз вспомнить и как следует осмыслить, где расположена эта страна. С одной стороны, вроде бы это прекрасно известно, с другой — кажется, не всегда этому фактору уделяется должное внимание.

Едва ли кто-нибудь станет спорить, что географическое положение, климатические особенности и рельеф территории очень сильно влияют на социально-психологические особенности местного населения, на историю и культуру, язык, гастрономические традиции, мышление и вообще на всё. А в случае Японии это особенно важно, поскольку условия, в которых зародилась и развивалась её цивилизация, весьма отличаются от тех, что были у большинства других стран, а значит, и результаты развития будут отличаться столь же сильно.

Иными словами, можно сказать, что изящество и неповторимость японской культуры, высокий уровень её современного развития и столь разительная непохожесть на все другие страны во многом были сформированы именно географическими факторами и окружающей средой, в которой японский народ жил, работал, творил, развивался. И при их внимательном анализе мы сможем гораздо лучше понять, о каком народе пойдёт речь.

Япония — островная страна на востоке Азии (среди нескольких тысяч островов отчётливо выделяются четыре самых крупных — Хонсю, Кюсю, Сикоку и Хоккайдо), вытянутая на 3 тысячи километров с юго-запада на северо-восток. Её площадь — около 377 тысяч квадратных километров. (немногим больше площади, к примеру, Германии), но более 70% всей этой земли составляют горы. По сути, японский архипелаг — это причудливо изогнутая горная гряда, вырастающая посреди океана.

Под этим архипелагом сходятся четыре тектонические плиты — фактор, который сильно увеличивает вероятность землетрясений и цунами. Климат, учитывая географическую протяжённость, весьма разнообразен: от субарктического на севере до субтропического на юге, но на большей части территории страны — умеренный и крайне приятный для жизни. Также на климат влияют океанские течения: теплое Кюросио с юга и холодное Оясио (Курильское) с севера. Много лесов, а вот природных ископаемых и полезных ресурсов — крайне мало¹.

Ещё тут много дождей и высокая влажность, и японцы в полной мере научились это использовать. Приспособив все хоть сколько-нибудь пригодные для сельского хозяйства земли для выращивания риса, они в итоге стали одними из самых эффективных фермеров в мире: благодаря обилию воды они в течение года могут собирать с одного поля два урожая: после сбора риса можно посадить какую-либо озимую культуру (в условиях Японии — в основном ячмень). Кроме того, комфортный климат, красота ландшафта и ярко выраженная смена времён года делают эту островную страну крайне приятной для проживания: аборигенов, селившихся тут в древности, в общем нетрудно понять.

¹ Справедливости ради надо отметить, что они были представлены на архипелаге в немалом разнообразии (золото, уголь, медь и т. д.), однако их запасов было немного, а труд стоил дорого. Для полноценного развития страны этого количества явно не хватало, и в итоге оказалось выгоднее ввозить их из-за рубежа.

Однако само по себе географическое положение, если отбросить красоту природы, далеко не идеальное. Тайфуны и цунами, обрушивающиеся на побережья, наносят немалый ущерб инфраструктуре и уносят многие жизни. Частые и обильные дожди хороши для земледелия, но вообще осадков в Японии традиционно очень много, включая могучие снегопады на севере страны. Разрушительные землетрясения, которые даже в XXI столетии японцы так пока и не научились предсказывать, случаются неожиданно, а время от времени землю шатает так сильно, что рушатся города и уничтожается вся прибрежная линия.

Помимо непростых тектонических условий, у расположения Японии существует ещё один существенный фактор: географическая изолированность. Япония оторвана от материка на значительно большее расстояние, чем Великобритания с другой его стороны, а это означает, что культурные контакты жителей архипелага с другими странами были всегда сильно затруднены и бурное и экстенсивное развитие цивилизации, бушевавшее на континенте, тут совершенно не ощущалось. Культурные обмены и взаимные влияния, захваты, переселения, войны и конфликты между племенами и народами — ничего из этого до японцев не долетало. Тут люди всегда жили в своём маленьком мире — как это принято сейчас говорить, «на своей волне». На ней же они живут и до сих пор, в эпоху всепообеждающей глобализации.

Японский язык также подтверждает мысль об оторванности японцев от остального мира, поскольку не похож ни на один другой мировой язык. Хотя его письменность основана на китайской иероглифике, японский язык похож на китайский в той же степени, что и на русский. Наиболее близким языком является корейский, но и тут можно говорить только о каких-то структурных сходствах.

Это изолированное положение имело и положительное влияние на развитие страны. Во-первых, море, окружающее японский архипелаг, давало в изобилии рыбу — источник животного белка — и возможность легко перемещаться между островами. Кроме того, географическая изоляция уберегла Японию от захватнических набегов и войн, предоставив людям спокойствие и размеренный ритм жизни, возможность любоваться природой, спокойно развиваться и творить.

Хотя существует расхожая точка зрения, согласно которой японская культура не столько самостоятельна, сколько сформирована заимствованиями из других культур (в первую очередь, конечно, китайской), это справедливо лишь отчасти. В исто-

рии этой страны периоды невероятного любопытства и интенсивного заимствования чередуются со столетиями замыкания в себе и полного разрыва контактов с внешним миром. Но в целом нельзя не отметить, что оторванность от континента сделала японцев крайне любопытными и восприимчивыми к новым знаниям.

Однако все заимствования Японии, если разобраться, представляют собой крайне интересный мировой феномен. Пришедшие извне культурные элементы начинают тут развиваться в условиях полной оторванности от внешнего мира, а поэтому происходит их неизбежная трансформация и результаты заимствований существенно отличаются от первоисточника.

Япония в этом плане представляет чуть ли не уникальный случай в мировой истории: обособленная этническая группа со своей уникальной культурой и языком, до определённого времени почти не участвующая в общем процессе развития мировой цивилизации, в один момент врывается в него, хотя и не может понять, в какой степени это благо, а в какой — опасность и вред.

Вполне вероятно, местные жители всегда ощущали свою непохожесть на окружающий мир с самого момента знакомства с ним, и эта особенность чувствуется при изучении истории этой страны. Как мы увидим, отношение японцев к иностранцам было противоречивым и сильно менялось в разные времена — от комплекса неполноценности до чувства превосходства, но географическая изолированность, безусловно, наложила большой отпечаток и на внешнюю политику страны, и даже на то, как сегодня японцы воспринимают себя в этом большом мире.

А теперь, когда место действия обозначено и все самые общие предпосылки известны, время начинать неспешную и увлекательную историю о том, как на далёких островах появляется удивительная цивилизация, так непохожая на все другие и удивляющая этот мир даже тогда, когда, кажется, сделать это не так просто.

Когда-то в незапамятные времена, более 20 тысяч лет тому назад, японский архипелаг ещё не был архипелагом в полном смысле этого слова.

Уровень мирового океана был тогда предположительно на 140 метров ниже нынешнего, современные острова были единым массивом суши, а территория Японии была соединена с материком сухопутными путями. По ним и начинают посте-

пенно перебираться на будущий архипелаг его первые обитатели, открывая новые земли. И приходят они с севера.

Задолго до того, как в плавильном котле самых разных этнических культур сформировался такой этнос, как «японцы», и за долгие тысячелетия до начала христианской эры, на севере Японии (или, точнее, той территории, которую мы сейчас называем этим словом) расселился причудливый народ неизвестного происхождения — айны.

Хотя многие книги и источники утверждают, что айны населяли всю Японию, наиболее поздние исследования говорят о том, что область их обитания была всё же ограничена севером — современным островом Хоккайдо и регионом Тохоку — северо-востоком острова Хонсю. То есть, может, кто-то из них и добирался случайно до равнины Канто, где сегодня располагается столица страны, но массового характера это не приобретало.

Айны — народ столь же удивительный, сколь и не похожий на японцев — уж скорее они похожи на русских. Хотя бы тем, что они были высокого роста, носили бороды и усы и поклонялись медведям¹. Впрочем, их происхождение до сих пор вызывает вопросы: найдены некоторые генетические сходства с коренными народами Сибири и Дальнего Востока, в частности, с чукчами и ительменами (камчадалами), но по многим антропологическим показателям айны отличаются и от них, и от японцев, и от австронезийцев.

Основными их занятиями были охота, рыбалка да сбор ягод и кореньев в местных лесах. Охотились на оленей, барсуков, зайцев и лис. На медведей тоже, но к ним относились с особым почтением. Те считались воплощениями на Земле духов *камуи*, которые даруют людям благополучие, значит, обращаться с ними следует особо. В этом отношении примечателен обряд *иомантэ* (на айнском языке это означало «провождение домой»),

¹ Археолог и специалист по айнам, профессор университета Хоккайдо Като Хирофуми однажды в личной беседе в качестве примера близости русской и айнской культур привёл в пример сказку «Три медведя». По сюжету, как мы помним, Маша попадает в дом к медведям и обнаруживает, что они спят на кроватях, сидят за столами и едят из тарелок — т. е. являются абсолютно антропоморфными по многим признакам. Примечательно, что ни одно другое животное в русских сказках не может вести себя как человек. Все другие звери (зайцы, волки, лисы и т. д.) — это просто звери, а медведь — явно чуть больше, чем просто животное. Так и айны верили в то, что боги могут являться в наш мир, принимая медвежье обличье.

когда маленькие медвежата жили в деревне в особой клетке, за ним ухаживали, кормили и расчесывали шкуру — и всё для того, чтобы потом торжественно принести в жертву. Считалось, что духи медведей, поднявшись на небо, расскажут остальным камуи о том, как хорошо на Земле (а именно — в этой деревне), и те тоже захотят туда спуститься и одарить жителей счастьем и благополучием.

Удивительно выглядели и айнские женщины: у них была традиция наносить татуировки вокруг рта, образуя несколько жутковатую улыбку, напоминающую бэтмэновского Джокера.

В итоге история оказалась по отношению к айнам не слишком добра. Японцы, не особо жалующие чужаков, тем более столь заметно отличающихся от них, начиная с VI столетия с айнами последовательно боролись, постепенно отодвигая границы их обитания всё севернее и севернее¹. В какой-то момент те оказались вытеснены на северный остров Хоккайдо, где платили дань одному японскому княжеству, но в обмен на это относительно спокойно жили, охотились, ловили рыбу и поклонялись медведям: японскому правительству тогда особо не было до них дела. Однако, когда началось освоение Хоккайдо, айнам снова пришлось подвинуться, и это стало концом этого этноса в его чистом виде.

Сегодня редкие оставшиеся айны ассимилировались и встроились в японское общество, стали художниками и артистами, обзавелись японскими семьями, почти потеряв ту самобытность, которой всегда гордились. А японцы, наоборот, теперь спохватились, стали изучать айнский язык и мифы, посвящать

Семья айнов в традиционных одеждах. Фото студии сестёр Герхард. 1904 г. Исторический музей Миссури, Сент-Луис, США

¹ В этом отношении судьба айнов перекликается с судьбой коренных американских индейцев, которых европейские завоеватели загнали в резервации или ассимилировали.

им выставки и открывать музеи и культурные центры. Даже обнаружили, что многие слова в языке, и в частности топонимы, в их стране имеют айнские корни.

Этот древний период японской истории, о котором идёт речь, называется *Дзёмон*. В мировой археологической науке его принято называть «каменным веком» (или неолитом), однако японцы предпочитают использовать свой термин, гораздо более поэтичный.

Слово дзёмон (縄文) можно перевести с японского языка как «верёвочные узоры». Это необычное название появилось с лёгкой руки американского биолога Эдварда Морса, который изначально приехал в Японию изучать моллюсков, но в итоге прославился как археолог. В 1879 году он ехал на поезде из Иокогамы в Токио и заметил из окна странный холм. Заинтересовавшись, он со своими учениками провёл там раскопки и обнаружил «раковинную кучу» — доисторическую мусорную свалку на месте стоянки древних людей. Так в Японии начинается изучение истоков своей страны.

Кроме разных любопытных артефактов, ракушек и костей рыб и птиц, гарпунов и наконечников стрел, в раковинной куче были обнаружены черепки посуды, покрытой странными узорами, которые Морс назвал «верёвочными» (по-английски — cord-marked pottery). Японцы перевели это на свой язык, и так с подачи американского биолога это название получил целый период (при этом самый продолжительный в японской истории — примерно с 14 тысячелетия до н. э. по X в. до н. э.)¹.

Относительно веревки Морс был прав. Температура обжига керамики того времени была довольно низкой — около 600–800° (поэтому так мало посуды сохранилось: уж очень хрупкая), но зато на неё для красоты наносились узоры — или конопляными нитями, сплетёнными в верёвку, или просто ногтями. И если в начале дзёмон — это простой узор из горизонтальных полосок «ёлочкой», то с течением времени узоры становились всё более сложными, а декоративные элементы — всё более причудливыми.

Собственно, дзёмон известен в первую очередь своей керамикой — посудой, статуэтками людей и богов, чашами в виде

¹ Долгое время считалось, что начало периода Дзёмон приходилось примерно на 3 тысячелетие до н. э., но недавние исследования доказали, что первая фаза каменного века в Японии началась значительно раньше.

Фукабачи. Средний
Дзёмон (2600–1500 гг.
до н. э.). Художественный
музей Хаконэ,
преф. Канагава, Япония

пламени костра. Что в целом не удивительно: в регионе, где ещё нет ни государства, ни политики или экономики, керамика — одно из тех важных культурных достижений, которые определяют эпоху. (Иногда, впрочем, кажется, что даже когда есть и политика, и экономика, и все остальные государственные атрибуты, всё равно спустя столетия определять эпоху будет керамика или те культурные элементы, на которые современные не всегда обращают должное внимание.)

Надо отметить талант первобытных мастеров Японии: их произведения не просто функциональны, но ещё и визуально привлекательны. Особенно ярко это проявляется в чашах, края которых выполнены в форме языков пламени, в деталях в виде стилизованных изображений животных или человеческих лиц, в причудливом декоре. Не случайно шотландский археолог Нэйл Мунро (1863–1942), около полувека проживший в Японии, писал, что ранняя японская керамика «погружается в щедрые концепции форм и орнаментики, не превзойдённые, вероятно, нигде и никогда», и что «корни художественного таланта поздней Японии лежат в её доисторическом прошлом».

Глядя на артефакты, дошедшие до наших дней от эпохи Дзёмон, можно заметить: для первобытной неолитической цивилизации и в сравнении с глиняными изделиями других народов и культур на том же этапе развития японцы демонстрируют удивительное внимание к деталям, смелость изображений, экспрессию — то, что мы сегодня называем словом «креативность».

Но говоря о красоте древней японской керамики, не нужно забывать и о бытовых изменениях, с ней связанных. Появление гончарного производства на территории Японии говорит о смене хозяйственного уклада внутри общества: у людей теперь есть возможности для хранения продуктов или употребления новых видов растительной и животной пищи благодаря её термической обработке. А это в свою очередь может приводить к изменениям внешнего вида и анатомических особенностей — например, исчезновению мощных выдающихся вперёд челюстей, без которых невозможно пережёвывать жёсткую пищу.

Подобные изменения в анатомии и быте первобытных людей неразрывно связаны с глобальными процессами и изменениями, которые в то время начинаются на территории всего земного шара. Происходит потепление, поднимается уровень океана, а уровень влажности повышается, и климат становится гораздо более похожим на нынешний. Архипелаг отделяется от суши, формируются острова и прибрежные отмели, благоприятные для размножения рыбы. Леса разрастаются и покрывают горы, население постепенно увеличивается, древние млекопитающие — олени, слоны и бизоны — напротив, начинают вымирать.

Археологические раскопки позволяют судить о том, как жили и чем занимались обитатели архипелага того времени. Они ловили рыб и диких зверей, ставили капканы, плели сети из растительных волокон, делали костяные гарпуны, каменные наконечники копий и стрел, выдалбливали из дерева лодки. Именно тогда начинает формироваться зависимость японцев от ресурсов моря — важнейшего источника животного белка, а значение охоты, наоборот, со временем продолжает уменьшаться.

Благодаря улучшению качества жизни (диверсификация продуктов питания, хранение пищи) население неуклонно растёт и к 3 тысячелетию до н. э. составляет, если верить данным японской археологии, около 260 тысяч человек. Может сперва показаться, что это не так много, но для острова в каменном веке эта цифра довольно внушительная.

Судя по всему, население в то время было довольно оседлым, при этом значительно бóльшая часть поселений и жилищ была сосредоточена в прибрежных районах, горные районы были заселены гораздо меньше. Сами жилища, как правило, представляли собой землянки в форме круга диаметром 4–5 метров с полом, углублённым в землю на 50–100 сантиметров, и с каменным очагом посередине.

О высокой степени оседлости могут свидетельствовать и наличие массовых захоронений недалеко от стоянок, и следы перестройки и изменения размеров жилищ. Это тоже одно из проявлений тенденции перехода от охоты к рыбной ловле: охотники и собиратели более склонны к кочевому образу жизни, а рыбакам это далеко не так выгодно.

На этапе Дзёмон происходит зарождение того этноса, который потом, впитав различные этнические и культурные влияния, станет японцами. Но пока что это были разрозненные племена охотников и собирателей, которые ещё не постигли ни земледелия, ни идеи государственности.

Зато они безусловно постигли веру в божественное и находящееся за пределами известного нам мира. Это становится понятно из тех немногих артефактов, что остались нам от того времени, — из статуэток догу.

Догу представляют собой небольшие фигурки примерно от 10 до 30 см высотой, как правило, выполненные в виде людей или животных. Всего на территории Японии их найдено порядка 15 тысяч штук, причём подавляющее большинство — в северо-восточной её части (где и развивалась культура Дзёмон). Их предназначение выяснено не до конца, но, по всей видимости, не обошлось без магических функций и участия в религиозных ритуалах. В частности, есть версия, что повреждённые догу (те, что были найдены без ног или рук) были разбиты специально — в рамках ритуала по излечению болезни той части тела, что была разбита.

Одна из наиболее известных статуэток, найденных в районе современной префектуры Аомори на севере острова Хонсю, изображает антропоморфное существо с широкими бёдрами и огромными глазами, больше похожее на инопланетянина, чем на человека. Особенно удивительны эти огромные глаза на

Статуэтка догу. Конец периода Дзёмон (1 тыс. до н. э.).
Находка из Камэгаока,
преф. Аомори. Токийский
национальный музей, Токио,
Япония

пол-лица, так странно рифмующиеся с появившимися спустя тысячелетия большими глазами персонажей в японской анимации. Впрочем, объясняется эта черта довольно просто: север Хонсю — очень суровый край с жестокими зимами, сильными снегопадами и огромными сугробами. Изображаемое существо — вовсе не инопланетянин, а простой человек, использующий для защиты от летящего в лицо снега деревянную маску с прорезями для глаз. Впрочем, даже если знать это, статуэтка выглядит всё равно удивительно, как и многие другие догу, сохранившиеся с тех незапамятных времён.

Сложно сказать, когда именно заканчивается одна древняя эпоха и начинается другая, но эта смена эпох определённо была связана со следующей интенсивной волной миграции на японский архипелаг, и на этот раз — на его юг, со стороны Китая и Корейского полуострова. Вместе с новыми переселенцами на территорию Японии попадает та самая до этого никому не известная цивилизация — точнее, её отдельные проявления, которых тем не менее было достаточно для того, чтобы первобытная жизнь начала меняться.

То, что массы мигрантов хлынули на Японские острова в поисках лучшей жизни, — следствие бурной политической ситуации на материке: конец Циньской империи, начало империи Хань, жестокие войны на Корейском полуострове. В этих реалиях отдалённые и не особо заселённые острова видятся людям, уставшим от политических волнений, не таким уж плохим местом для обитания. И надо признать, что быт редких обитателей архипелага, которые в тот момент вели фактически первобытный образ жизни, это массовое пришествие изменило до неузнаваемости.

Во-первых, вновь прибывшие переселенцы начинают выращивать рис, применяя технологии заливного рисосеяния, и постепенно выясняется, что территория Японии крайне располагает к такому способу ведения земледельческого хозяйства. Рис поменял историю страны и характер её обитателей, окончательно превратил охотников в земледельцев, стал основой и других масштабных изменений.

Во-вторых, они больше не довольствуются глиной как основным материалом. Ей на смену приходят железные и бронзовые изделия, появляются новые формы и виды предметов: мечи, колокола, зеркала. А глиняные сосуды начинают теперь обжигать при более высокой температуре, и они становятся более прочными и долговечными. Только вот выглядят они теперь гораздо

проще, без огненных чаш и причудливых орнаментов. Так материковые технологии и знания пришли на смену яркой первобытной экспрессии.

Кроме рисосеяния и изделий из металла, попавших в это время на японский архипелаг, встречаются и другие следы материкового влияния: одежда, орнаменты, монеты и другие диковинные проявления человеческой мысли и творчества. Это ещё пока не оформившееся, но уже явное начало изменения Японии под влиянием китайской цивилизации, которая впоследствии станет тут синонимом всего самого продвинутого и идеального.

Этот период, связанный с проникновением на японский архипелаг материковой цивилизации (X в. до н. э. — III в. н. э.)¹, носит название *Яёй* — в честь района в Токио, где в конце XIX века был обнаружен сосуд, относящийся к новому типу керамики. В этом даже можно увидеть что-то не совсем логичное, поскольку эта новая культура появилась не в столице, а гораздо южнее — на острове Кюсю, и к тому же далеко не керамика определяет эту временную эпоху, а гораздо более глубинные изменения. Но название, предложенное маститыми археологами, так и осталось на века.

Обширные изменения, происходившие в то время, были связаны не только с жизнью и бытом обитателей архипелага, но и с его экосистемой. Переселенцев с материка не устраивает японский ландшафт, совершенно не подходящий для выращивания риса, и они начинают подстраивать его под себя. Если раньше по всей территории страны росли густые широколиственные леса (а влажный климат весьма этому способствовал), то в начале новой эры их стали последовательно уничтожать, чтобы сделать эту непроходимую территорию более пригодной для земледелия. Вместо них появляются хвойные породы, например, сосны, столь часто воспетые впоследствии в японской классической поэзии.

Однако технология заливного рисосеяния, которую начинают развивать новые обитатели архипелага на приведённой ими в порядок территории, не так проста и требует от людей значительных усилий. Для того чтобы вырубить леса, чтобы построить многоуровневые террасы, чтобы обеспечить их ирригаци-

¹ Раньше считалось, что период Яёй начался в III веке до н.э., но вместе с периодом Дзёмон нижняя граница этого периода также сместилась ниже — примерно к X веку до н. э. (по некоторым теориям — к V веку до н. э.). В любом случае, контакты обитателей архипелага с материковой цивилизацией начались значительно раньше, чем считалось до этого.

ей, необходим масштабный коллективный труд большого числа людей — иначе такой глобальный проект просто не вытянуть. Это можно считать началом того знаменитого японского трудолюбия и коллективизма, которые хорошо известны сегодня всему миру (рис и его влияние на жизнь страны будут подробнее рассмотрены в главе про японскую кухню).

Большую роль в развитии цивилизации также сыграло проникновение в быт людей железа и бронзы. Железные мечи, топоры, резцы, серпы и рыболовные крючки оказываются прочнее и функциональнее, чем их каменные и костяные аналоги, что значительно улучшает результаты охоты и рыбной ловли, и повседневная жизнь становится более удобной. И если вначале использовались инструменты, привезённые с материка, то со временем появляются и собственное металлургическое производство, и добыча руды.

Бронзовые изделия тоже использовались, но не в практических, а скорее в ритуальных целях: бронза и на континенте традиционно считалась более престижной. Однако в Японии многие предметы получают локальное осмысление: например, корейские бронзовые колокольчики из мелодичного музыкального инструмента постепенно превращаются в огромные ритуальные колокола, увеличившись в размере примерно в десять раз.

Бронзовые зеркала стали тоже на порядок больше тех, что были в Китае: есть версия, что они символизировали солнечный круг. Характерно, что и сегодня зеркало — одна из священных императорских регалий Японии. В каких-то регионах встречаются бронзовые мечи, но и они, судя по всему, играли ритуальную функцию, являясь скорее символом власти, нежели боевым оружием.

С распространением рисосеяния и металлургического производства на юго-западе страны там неизбежно увеличивается плотность населения и растёт его количество. Поселения становятся всё более крупными, в некоторых уже живёт около тысячи человек. Новая цивилизация всё серьёзнее укрепляется на архипелаге, распространяя своё влияние всё шире и шире.

Со временем некоторые мощные кланы, развивавшиеся на южном острове Кюсю, начинают постепенно продвигаться на север, распространяя там своё влияние. И хотя этот процесс был скорее перманентной борьбой за власть разных племён, каждое из которых стремилось завоевать господство над остальными, тем не менее благодаря этому в Японии со временем появится прообраз централизованного государства. Таким образом,

как можно заметить, активные и пассионарные переселенцы, заселяющие архипелаг в период Яёй, оказались куда более мощным фактором для развития японской цивилизации, чем люди Дзёмон, обитавшие на севере архипелага.

До определённого времени эти столь разные культуры почти не встречаются, поскольку живут на значительном расстоянии друг от друга; должно пройти немало времени для того чтобы страна оказалась освоена до такой степени, что контакты между ними стали неизбежными. Пока же на севере обитают значительно менее развитые племена — они не возделывают землю и не получают знания из-за океана, зато по старинке ловят и едят рыбу, собирают орехи, обжигают глину, не подозревая, что жизнь может быть хоть сколько-нибудь иной.

Различия между этими культурами настолько сильны, что даже сегодня в Японии можно отличить «человека Дзёмон» от «человека Яёй». У последних — более вытянутая форма черепа, широкие ноздри и приплюснутый нос, и обитают они в основном в центральной и западной Японии. Если и говорят иногда, что японцы для нас «на одно лицо», на самом деле всё, конечно, совсем не так.

Однако не нужно забывать и о том, что было и ещё одно направление, по которому шёл приток представителей новых этносов в Японию. Вместе с течением Курисио на простых долблёных лодках туда приплывают в поиске новых земель жители племён с далёких островов Полинезии и Микронезии. В сравнении с переселенцами с материка они не представляли особо развитой цивилизации, зато привезли с собой важные знания о мореплавании и рыболовстве. С ними же прибыли и новые божества, со временем влившиеся в пантеон синтоизма. Одно из самых известных — улычивый толстяк с удочкой по имени Эбису, покровитель богатства и рыбной ловли.

Таким образом, японский архипелаг на тот момент представлял собой плавильный котёл самых разных цивилизаций и этносов, территорию, где происходило удивительное сме-

Бронзовое зеркало. Период Кофун (IV в.). Британский музей, Лондон. © The Trustees of the British Museum

шение традиций и культур, аналоги которому едва ли можно встретить в мировой истории. Не нужно и удивляться тому, что в результате этого смешения получилась такая самобытная и ни на что не похожая культура.

О том, как жили тогда островитяне, мы можем узнать из древних китайских хроник, от путешественников, описавших быт, нравы и обычаи в стране в то время. Ситуация по их описаниям выглядит следующим образом: в Японии живут разные разрозненные племена, их около тридцати, и они объединены под властью жрицы-шаманки по имени Химиико. Это государство они называют Яматай.

Эта жрица — весьма странная и непростая: живёт в отдельном высоком тереме, общается с богами и через мужчину-прислужника передаёт их повеления народу. Видеть её никто не может, но все очень уважают. И при этом, нужно отметить, Химиико правит абсолютно официально: она получила мандат от императора Вэй на правление людьми «ва». Так китайцы называли тогда японцев¹.

Свидетельства об образе жизни людей «ва» тоже дошли до нас благодаря этим хроникам и могут считаться первыми в истории достоверными² описаниями жизни и быта японского народа. Вот как описывали японцев в III веке н. э. путешественники из Китая:

«...Они берут пищу руками, но кладут её на деревянные подносы и доски. Ходить босиком — общий обычай. Уважение демонстрируется сидением на корточках. Они много пьянствуют. Они — долго живущий народ, и очень многие достигают столетнего возраста. Все мужчины высокого положения имеют по четыре или по пять жён, другие — две-три. Женщины верны и не ревнивы. Там нет грабежей и воровства и тяжбы нечасты. Жёны и дети у преступивших закон отнимаются, а за тяжкие преступления семья

¹ Что характерно, этот слог до сих пор означает всё японское в противовес всему западному и в этом контексте записывается иероглифом 和: *васицу* (和室) — японская комната, *васёку* (和食) — японская кухня, *вагаси* (和菓子) — японские сладости и т. д. Таким образом, можно предполагать, что через него произошло формирование и осознание японцами своей национальной идентичности в противовес всему остальному миру.

² Впрочем, А. Н. Мещеряков и М. В. Грачёв в «Истории древней Японии» приводят аргументы в пользу того, что эти источники могут быть предвзяты, поскольку китайцам было выгодно представить их островных соседей в умышленно невыгодном свете.

преступника истребляется. Траур длится лишь десять дней, в течение которых члены семьи постятся, плачут и скорбят, в то время как их друзья поют, танцуют и играют на музыкальных инструментах. Они практикуют гадание на жжёных костях, и по ним они выясняют, хорошая или плохая их ждёт судьба. Когда им предстоят путешествия или поездки, они назначают человека, которого величают «хранитель удачи». Ему не позволяют причёсываться, мыться, есть мясо и приближаться к женщинам. Когда они удачливы и благополучно возвращаются, они делают ему ценные подарки, но, если они заболевают или сталкиваются с несчастьем, они относят это к плохому соблюдению клятвы хранителем удачи и предадут его смерти».

Можно представить себе, с каким изумлением китайцы, чья цивилизация уже тогда находилась на недостижимо высоком уровне, взирали на эти странные обычаи. Таинственная шаманка во главе страны — как далеко это было от конфуцианских идеалов, на которых они были воспитаны.

Однако, несмотря на довольно невысокий уровень развития цивилизации, японцы активно участвуют во внешней политике региона. В то время между тремя корейскими княжествами — Когурё, Пэкче и Силла — идут кровавые бои за власть на полуострове, и Япония не может оставаться в стороне: она вступает в коалиции, участвует в войнах, даже захватывает земли на материке и устанавливает там своё владычество. Между представителями правящих домов Японии и Кореи в то время неоднократно заключались браки. Учитывая всё это, можно даже согласиться с Джорджем Сэнсом¹, который говорит, что «изоляция Японии — сравнительно поздний исторический феномен»².

Также история хранит упоминания о «пяти царях Ва» — пяти японских императорах, которые отправляли посольства в Ки-

¹ Английский дипломат и историк (1883–1965), известность которому принесла книга «Япония: краткая история культуры» (1931) — одна из классических западных книг о японской истории.

² Любопытно, что весь исторический «экшн» разворачивался в то время вокруг Японского моря. Такой разительный контраст с нашими днями, когда всё развитие сконцентрировано со стороны Тихого океана, а западное побережье Японии называется Уранихон (裏日本, «изнанка Японии») и запустевает всё возрастающими темпами.

тай с просьбами признать их правление законным. Подобная бумага как бы позволяла правящему в Японии клану править официально — то есть по сути в отсутствие своей легитимности пользоваться чужой для укрепления своих позиций. Безусловно, наличие этого символического мандата на власть не могло не влиять на баланс сил в регионе.

Разумеется, там, где только начинает формироваться государство, эта бумага, скорее всего, носила условный характер, однако факт этих посольств может говорить как о том, что к этому времени один клан на островах стал явно сильнее остальных, так и об огромном авторитете древнего и великого Китая для всех других племён, пытавшихся выстраивать политику в этом регионе.

Ещё одно важное событие происходит, согласно летописям, в 391 году, когда к японскому двору прибывает делегация из Пэкче, а в её составе — некий учёный Акичи, которого японские правители попросили рекомендовать какого-нибудь великого китайского учёного для воспитания их престолонаследника. Таким человеком стал писец по имени Вани, про которого говорили, что «не было ни одной книги, которой бы он не постиг», но тут важна не столько личность воспитателя, сколько само это событие.

С этого момента японское государство официально признаёт культурное господство Китая и начинается период заимствования и учёбы у китайской цивилизации, когда в Японию попадут письменность, религия, архитектура и многие другие достижения этой древней культуры. Это культурное донорство и уникальная возможность реализации чужих идей в собственных условиях позволят японцам в один момент сравняться с их материковыми соседями.

Вместе с этим всё отчётливее и крепче устанавливается верховная власть: конкурирующие между собой кланы постепенно начинают понимать, что нужно консолидироваться, чтобы стать сильнее. А чтобы консолидироваться, неизбежно нужно признать кого-то самым главным и покориться ему; и более того — чем раньше закрепить своё место в этой всё отчётливее формирующейся системе, тем больше политических дивидендов это может в будущем принести. Разумеется, это была идея государства на самом зачаточном уровне, но где-то здесь и зарождается концепция «Японии» как страны, которую мы знаем сегодня.

Этот период колоссальных политических изменений в японской историографии называется *Кофун*. И назван он так в честь курганов, в которых хоронили императоров, вождей племён и других важных людей.

Даты смены периода Яёй на период Кофун весьма условны и расплывчаты, но принято полагать, что граница проходит приблизительно в IV столетии. Впрочем, в случае со столь древними эпохами это можно считать условностью, важной скорее для того, чтобы хоть как-то объяснять и систематизировать естественный и неделимый исторический процесс.

Любопытный читатель, возможно, обратит внимание на название этого исторического периода. Это может показаться немного странным: период политического формирования страны, когда в Японии устанавливается подобие верховной власти, когда происходят активные контакты с материком и впервые начинают проявляться необычность и самобытность японской культуры, получает название в честь могильных курганов. В связи с этим не может не вспомниться Лафкадио Хёрн с его важной и немного загадочной мыслью о том, что «во всех отношениях мёртвые значительно больше, чем живые, были правителями этой страны и сформировали её судьбу».

Разумеется, Япония не является единственной страной, где исторический период впоследствии назван в честь могильных захоронений, но, если знать, как эти *кофуны* выглядели и строились, становится понятно: курганы появляются в названии эпохи совершенно неслучайно. Во-первых, они являются свидетельством несомненного развития культуры и появления религиозного сознания: идея почитания загробной жизни и благоговейное трепетное уважение к умершим — это то, с чего начинается зрелая религия. Во-вторых, они доказывают существование централизованного государства, потому что только оно может развернуть государственное строительство такого масштаба, а также продемонстрировать чёткую социальную стратификацию — разделение между теми, кого торжественно хоронят, и теми, кто в поте лица должен это обеспечивать. В-третьих, они безусловно привлекают внимание тех, кто с ними сталкивается.

Кофуны бывают самых разных размеров и форм: от сложенных друг на друга огромных каменных плит или земельных насыпей, мелькающих между огородами и магазинами на задворках префектуры Миядзакис на юге Кюсю, до гигантского и самого известного в Японии кургана — захоронения императора Нинтоку около Осаки, видного даже из космоса. Своими очертаниями он напоминает замочную скважину, эта форма является очень популярной у захоронений в районе современной Нары в западной Японии и, по-видимому, наиболее престижной.

Дайсэн Кофун — место захоронения императора Нинтоку (V в.). Сакаи, преф. Осака, Япония

Многие кофуны были окружены изгородью из небольших статуэток, называемых ханива. Это слово означает «глиняные круги», что напрямую связано с техникой их изготовления. Влажную глину раскатывали в длинную палку-цилиндр, потом вынимали середину, полученные кольца складывали в столбик друг на друга, а швы между ними заглаживали пальцами. Так получались скульптуры полые внутри, что должно было избавить их от растрескивания при обжиге.

Есть версия, согласно которой эти скульптуры призваны были заменить собой человеческие жертвы при погребении, однако человеческие изображения появляются сравнительно поздно, что может ставить эту версию под сомнение. Самые ранние изобразительные ханива — это дома, по архитектурному стилю похожие на строения тех времён. Ещё популярны были ханива-лодки: по всей вероятности, лодка ассоциировалась с переправой в загробный мир. Также обнаружено большое количество ханива-животных и птиц — больше всего собак и лошадей. Предполагают, что они символизировали то, чем начинал обладать умерший после смерти: маленькие фигурки изображали реальные предметы, просто в загробном мире.

В поздний кофун, в VI–VII столетиях, ханива начинают уступать место украшению росписями. Так в Такамацудзука-кофун, высота которого составляет 5 метров, на потолке изображено

звёздное небо, а на стенах — реальные и мифические животные в соответствии с четырьмя сторонами света.

Эти захоронения можно встретить в Японии и сегодня: более 100 тысяч больших и маленьких кофунов разбросано по разным краям страны, включая небольшие отдалённые острова, и даже, что любопытно, часть находится на юге Кореи (влияние политического присутствия японского государства на корейском полуострове). А вот север Японии и тут показывает свою изолированность от глобальных процессов, происходивших в стране: в Сэндае ещё можно встретить кофуны, но севернее — уже нет. Таким образом, география этих захоронений даёт представление о территории японского государства в то время.

Появление этих захоронений говорит и о новом этапе развития японского государства, в котором раздробленная родоплеменная система общества постепенно уступает место монархической. Хотя до того, как на территории Японии появится полноценное государство, должно пройти ещё несколько столетий, уже тогда видны результаты военных столкновений и дипломатических договорённостей. Появляется один самый мощный клан, владычество которого начали признавать и другие: теперь он не просто получает бумаги из Китая, но и может руководить масштабными государственными проектами типа строительства гигантских гробниц.

Этот род называется Ямато — его имя даёт название и первому японскому государству. Так одно из многочисленных племён, пришедших с материка на Кюсю в поисках лучшей жизни, постепенно подчиняет себе все остальные племена.

Неслучайно первым легендарным японским героем стал персонаж по имени Ямато Такэру, куда больше похожий на вымысел, чем на реальную историческую личность. Рассказы о нём встречаются в обоих мифологических сводах древней Японии — «Кодзики» и «Нихон сёки», и в обоих он предстаёт бесстрашным воителем, покорявшим чужеземные племена и подчиняя их власти рода Ямато. Также обращает на себя внимание его необузданный буйный нрав.

Отцом героя был легендарный 12-й император Кэйко¹. Однажды он спросил своего сына, почему его старший брат пере-

¹ Кэйко — подобно другим императорам древности тоже скорее мифологическая фигура. То, что про него известно, связано скорее с жизнелюбием монарха: мы знаем, что он дожил до 106 лет, имел восемьдесят детей и был женат на своей праправнучке.

стал появляться на трапезах, и попросил передать ему отеческое недовольство. Реакция Ямато Такэру оказалась не такой, на какую можно было бы рассчитывать. Через несколько дней, когда Кэйко снова заметил, что давно не видел своего старшего сына, он бесхитростно ответил, что уже разобрался с этой проблемой: «Рано утром, когда мой брат прошёл во внутренние покои, я уже ждал его в засаде. Я схватил его, разордал на куски, оторвал конечности, завернул их в соломенные циновки и выбросил вон».

Как ни крути, неожиданно суровое наказание — тем более для родного брата. Тогда император смекнул, что подобная агрессивность была бы уместнее против непокорных племён, нежели против своих родных и близких, и направил сына на Кюсю, сражаться с *кумасо*. Этим словом назывались племена, которые этнически были похожи на Ямато, но жили дикой и непокорной жизнью, не платили налоги и совершенно не желали существовать в рамках развивающейся цивилизации. Их подчинение (и уничтожение не желавших подчиняться) было одним из важнейших направлений государственной политики страны примерно до VIII столетия.

Ещё одним из подвигов Ямато Такэру является его победа над богатырём Идзумо Такэру¹, которая была им одержана не в результате военной доблести, а благодаря хитрости. Сперва он обменялся с ним клятвой о дружбе, а затем предложил своему новому другу торжественно обменяться мечами и скрестить их в дружеском поединке. От Идзумо он получил острый наточенный меч, а сам дал ему заранее заготовленную деревянную имитацию меча, после чего заколоть доверчивого оппонента не представляло особых сложностей.

Миф о Ямато Такэру, беспрестанно воевавшем по приказу своего отца и ставшем в итоге трагическим героем, обречённым на бесконечные сражения, потерявшим жену и погибающим от болезни в холодных горах Синано, в числе прочего говорит о значительных военных победах Ямато и о консолидации населения страны под их властью. Хотя «Кодзики» относит эти события к первому столетию, есть основания полагать, что активное покорение непокорных соседей относилось скорее к четвёртому, а персонаж Ямато Такэру — собирательный образ военачальников того времени.

¹ Он, очевидно, олицетворяет племя Идзумо — одного из главных конкурентов Ямато за верховную власть в стране.

По итогам этих военных кампаний лидеры Ямато в то время владели значительной территорией, включавшей острова Кюсю и Сикоку и остров Хонсю чуть ли не до равнины Канто (современный Токио и окрестности), и осуществляли правление через наиболее верных подданных из числа покорившихся им племён.

Эти племена по-японски называются *удзи*, и слово это в древней японской истории очень важное: оно появится ещё раз, когда речь пойдёт о формировании японской религии. Клань, обладавшая определённой автономией за признание преданности клану Ямато, получали во владение значительные территории и претворяли там в жизнь политику верховной власти.

В государстве, состоявшем из клановых групп, императорский род имел наибольшие преимущества в силу ряда причин, но во многом это связано с тем, что глава этого рода почитался ещё и как верховный жрец: ритуальная составляющая была тогда сильнее политической. Именно в то время формируется культ Солнечной Богини как верховного божества, ставший идеологической основой японского государства.

Религия *синто* (神道, «путь богов») безусловно является ключевой для понимания японского общества с древнейших времён и до наших дней. Являясь по сути многобожием (стоит заметить, что идеи единого бога в Японии не появилось по сей день) и первобытным верованием в могущество сил природы, синто тем не менее стало ключевым элементом японского сознания. В основе синто лежит идея божеств *ками* (можно заметить сходство с айнским словом *камуи*), обитающих вокруг нас, и главным из них является богиня солнца Аматаэрасу. Именно ей подчиняются все остальные мириады богов, — а значит, и люди тоже.

Однако кроме религиозных мотивов, у объединения Японии под властью одного рода были и довольно прагматические: императорский род являлся официальным представителем всех остальных японских кланов на мировой арене, что неизбежно заставляло относиться к нему с уважением. Иными словами, с древнейших времён верховная власть в Японии была тесно связана с религией, что, впрочем, было свойственно политическим институтам древности. Удивительно скорее то, что даже сейчас, когда мир в основном отошёл от таких взглядов, священная верховная власть японского императорского рода носит скорее религиозную функцию, нежели политическую.

Особо важные кланы, которые помогли в своё время Ямато прийти к власти, теперь получили за эту помощь высокое положение в государственной иерархии, а также упоминание о своём божественном происхождении в древних хрониках. В зависимости от близости к правящему роду, главам этих кланов достаются первые политические должности: *о-оми* — высшие министры, *о-мурадзи* — высокопоставленные чиновники.

Так были заложены две основы политической системы древней Японии, закрепившиеся на многие столетия. Во-первых, это теснейшая связь религии и политики, древних мифов и реальной власти. Даже сегодня 126-й император Нарухито, чья династия непрерывно правит Японией и является древнейшей в мире, возводит своё происхождение к Солнечной Богине Аматаэрасу, а его дальним предком считается полумифический император Дзимму.

Во-вторых, люди оказываются у власти благодаря своему происхождению, и этот принцип аристократизма становится определяющим на много столетий вперёд. Возможности двигаться по службе в соответствии со своими способностями японское государство не будет предоставлять людям ещё очень долго.

Эту систему историки впоследствии будут обозначать двумя словами: *удзи-кабанэ*, где *удзи* — это род, а *кабанэ* — название титула, который был пожалован главе клана верховным правителем. Это и самая первая политическая система, появившаяся в японском государстве, и самая первая попытка жителей архипелага упорядочить существовавшие между ними политические отношения.

Тем не менее говорить о полном подчинении всех племён, живших тогда на территории страны, одному пока всё же несколько преждевременно. Скорее всего, тогда по населённой территории архипелага были разбросаны отдельные укрепления и поселения с разной степенью самостоятельности и со своими отношениями друг с другом (от самых дружественных до самых агрессивных), а самый главный род, который сегодня мы называем «императорским», просто имел наибольшую поддержку среди других племён и получал из Китая официальные документы, дающие право на власть.

При этом нужно помнить: на северо-востоке, выше современного Токио, жили совершенно другие племена и царили другие порядки. Это чужаки *эмиси*, говорящие на незнакомом языке и практикующие другие обычаи. В тех краях ещё почти не выращивают рис и хоронят людей, просто бросая в ямы. Это

те самые «люди Дзёмон», среди которых встречаются и знакомые нам айны, спокойно осваивавшие северо-восток архипелага, пока южные племена, не жалея сил и людей, борются за власть и место под солнцем.

Цивилизация с юга страны на север распространяется не очень быстро, но, когда первые контакты наконец происходят, отношение со стороны молодого и амбициозного государства Ямато очевидно: там, на севере, живут чужаки, они не платят нам дань, они варвары. И поскольку территория страны неуклонно расширяется, а договориться с этими людьми не представляется возможным в силу различия *вообще во всём*, — их надо или покорять, или уничтожать.

Северо-восточные варвары, впрочем, тоже относились к жителям без особой симпатии. Войны с эмиси стали вполне обычным делом для истории японского государства, и символическое деление страны на запад и восток¹ тоже во многом берет начало именно отсюда.

Традиция возводить огромные курганы, символизирующие высокий статус похороненных там людей, постепенно уходит в прошлое. Связано это было с тем, что страна развивалась и жизнь шла вперёд: буддизм, начавший оказывать огромное культурное влияние на политику и общественное мнение, постепенно вытеснил этих гигантов и сделал их пережитками прошлого — они для новой цивилизации были слишком архаичными, слишком примитивными, слишком не подходящими той новой и цивилизованной стране, которой Япония постепенно становилась.

Период Кофун заканчивается, по одной версии, в 538 году (год официального появления буддизма в Японии, хотя на самом деле он был известен и до этого), по другой — в 592 году. Следующий период, который называется Асука, примечателен ещё более серьёзными внешними заимствованиями, развитием государственности, укреплением власти единственного правящего рода. Его можно считать завершением перехода от доисторического конгломерата различных племён, объединён-

¹ Это деление существует и явственно ощущается сегодня, проявляясь даже в названии столицы, поскольку Токио (東京) — это «Восточная столица». (Подразумевается, что Западная столица — это Киото.) Об этом противопоставлении нужно помнить, изучая историю страны: японцы не всегда были японцами: это разные племена и разные нравы, долго привыкавшие друг к другу, перед тем как сформировать единый этнос.

ных относительно центральной властью и верой в божественную силу умерших предков, к той стране, которую можно назвать Японией в нашем понимании этого слова.

Само название происходит от названия местности: Асука — так называлось село к югу от современной Нары, где были найдены следы императорских столиц и дворцов. А надо отметить, что столиц в древней Японии было очень много, и менялись они постоянно, поскольку со смертью каждого нового императора место его правления объявлялось нечистым и нужно было срочно переезжать туда, где не было загрязнения. И в этом следовании религиозным верованиям, несмотря на всё их практическое неудобство, можно увидеть незрелость японского государства на тот момент: постоянная столица — это всё же важный элемент верховной власти.

Поскольку перенос столицы — слишком масштабное мероприятие, чтобы предпринимать для этого слишком далёкие переходы, их строили примерно в одном месте, и в этот момент политический центр фиксируется в районе равнины Асука. На западе страны он останется надолго — до XVII столетия, пока не передвинется к Токийскому заливу, где и находится до сих пор.

Когда мы говорим о древней Японии (впрочем, как и о последующих этапах её развития), следует всегда учитывать огромное влияние Китая. Степень этого влияния трудно себе даже представить, поскольку оно проявилось во всём — от государственного устройства до эстетических принципов. Японцы на всём протяжении своей истории демонстрируют склонность к заимствованию и внедрению тех заграничных достижений, которые превосходили их собственные, и Китай — безусловно, важнейший культурный донор и источник вдохновения.

По этой причине часто высказывается точка зрения, что японцы — нация не столько создающая и креативная, сколько умело заимствующая придуманное другими. В этом отчасти есть резон: Япония действительно впитала очень многие достижения и изобретения Китая (а впоследствии Европы и Америки) и, несколько видоизменив и приспособив к местным реалиям и нуждам, сделала своими. Когда мы говорим о традиционной японской культуре и вспоминаем её самые важные элементы, с очень большой вероятностью они будут не исконно японскими.

Икэбана и оригами, чайная церемония и каллиграфия, архитектурные элементы храмов и игра в го, письменность, структура министерств и одежда простых людей — всё это было приве-

зено японцами из-за рубежа, но многое из этого удивительным образом известно в мире как созданное в Японии. В этом, конечно, и состоит японский гений: удачное подражание приводит к тому, что копии становятся изящнее оригиналов, а японская культура зачастую покоряет мир не гениальными новыми идеями, а изысканным воплощением в жизнь идей, придуманных кем-то ещё.

Впрочем, мнение о японцах как о нации не креативной, а лишь умело заимствующей, справедливо не полностью; иначе невозможно объяснить самобытность этой культуры, проявившуюся в причудливых статуэтках догу, в лаконичной поэзии, в эстетических принципах эпохи *Хэйан*, которые, очевидно, нигде не были подсмотрены, а появились каким-то неведомым образом в головах у местных жителей. Кроме того, как уже говорилось, периоды слепого заимствования и подражания в японской истории перемежались со столетиями разрыва всех контактов с другими странами, изоляцией и попыткой осмыслить уже узнанное.

Однако в тот момент, когда японцы впервые увидели Китай, желание повторить, воссоздать, сделать так же, пожалуй, было самой естественной реакцией. Их несложно понять, если вспомнить, что Япония тогда представляла собой фактически первобытную цивилизацию с верой в сверхъестественные силы и огромными курганами, а Китай был на тот момент без преувеличения наиболее богатой, могущественной и технически продвинутой страной во всём мире, куда благодаря Великому Шёлковому пути стекались культурные достижения со всего материка.

Римляне, греки, арабы, персы, слоны и жирафы, причудливые наряды и красивые величественные здания — когда японцы впервые попадают в этот яркий и удивительный мир, у них загораются глаза. Они вдруг отчётливо понимают собственное ничтожество в сравнении с этой грандиозной цивилизацией и хотят всеми правдами и неправдами *всё это* забрать к себе, чтобы тоже стать такими же великими и мощными.

Этим и объясняется довольно бездумная на первых порах политика культурных заимствований из Китая. Она строилась по принципу «надо брать всё, поскольку ничего лучше у нас у самих нет и не факт, что мы когда-либо сможем это придумать». Япония регулярно направляет культурные миссии в Китай, не взирая на то, что мореплавание по тем временам не было их коньком, а далёкие путешествия по морю были крайне опас-

ным предприятием. Нужно отдать должное любознательности и бесстрашию японцев, без этого подобные приключения вряд ли были бы возможны.

Один столь же анекдотический, сколь и печальный случай, описанный в хрониках, даёт примерное представление о том, как могла выглядеть судьба подобной культурной миссии. Четыре корабля, возвращавшиеся из Китая вместе с важными китайскими послами, отправились из устья Янцзы и вскоре попали в сильнейший шторм. Корабль, на котором плыла основная часть делегации, разломился на две части после удара молнии, и глава делегации и около двадцати пяти её членов были немедленно смыты за борт волной и утонули. Пара кораблей после долгих дней странствия в потрёпанном виде причалили к Кюсю, а моряки с ещё одного судна были захвачены в плен островитянами, которые хотели их съесть, но, по счастью, им удалось бежать.

Эта зарисовка может дать приблизительное представление о том, сколь рискованным предприятием были культурные обмены и заимствования в описываемое время. Тем ценнее становились те знания, которые получалось добыть и успешно доставить, не лишившись жизни и не потеряв полученное.

Культурное влияние Китая на Японию поистине масштабное и многогранно — до такой степени, что за этими заимствованиями тяжело порой разглядеть настоящую Японию, какой она была в древности. Достижения китайской цивилизации очень глубоко проникли в сознание и быт японского народа, и сложно назвать ту сферу жизни, в которой бы это влияние не было бы заметно.

В первую очередь оно, безусловно, проявилось в сфере интеллектуальной и философской. Учитывая то, что в Японии, как мы помним, в то время господствовала первобытная вера в духов природы, можно себе представить эффект от знакомства с религиозными концепциями, формировавшимися на протяжении многих столетий на материке. Во-первых, в середине VI века в страну попадает буддизм. Формально он был известен японцам и до этого, но теперь начинается государственное продвижение этой религии на официальном уровне. Не будет преувеличением сказать, что именно буддизм помог создать японскую культуру и изобразительное искусство, став и философской, и политической основой жизни страны.

Важно учитывать, что буддизм в Японии отличается от того классического буддизма, который зародился в индийской цивилизации. Как и многие другие чужеземные культурные явления, которые при проникновении в Японию неизбежно подстраивались под местную специфику, буддизм также меняется в соответствии с потребностями и ожиданиями жителей страны.

Тут он стал отвечать за загробную жизнь и всё, что с ней связано. Синто было религией жизни, буддизм благородно взял на себя вопросы смерти. Нельзя также недооценивать его роль в образовании и нравственном воспитании жителей страны. К моменту прихода этой религии в Японию местные жители поклонялись деревьям и скалам, суеверно боялись гнева умерших и верили в духов природы.

Буддизм объяснил им, что смерть — это ещё не конец, рассказал про карму и перерождения, дал надежду на лучшую жизнь после смерти, если совершать благие деяния и не грешить понапрасну в этой. Он дал им изображения богов, научил их тому, что можно молиться в красивых храмах, объяснил основные принципы эстетики и устройства этого мира.

Неудивительно, что буддизм, как мы увидим, в какой-то момент получил так много власти, что немногим было под силу с ним совладать. Но это будет много позже, а пока — японцы ещё даже не могут ухватить всю суть буддизма с его идеями сансары и нирваны (для этого их интеллектуальный уровень пока недостаточен, и это время придёт лишь спустя несколько столетий), но уже чувствуют его силу и мощь.

Также в это время в Японию приходит конфуцианство, которое во многом помогает молодому японскому государству нащупать свою идеологическую и духовную основу. Идея государства как семьи, почитания императора как отца, беспрекословное уважение к старшим — все эти элементы, являющиеся незаменимыми составляющими японской картины мира на протяжении последующих столетий, были во многом сформированы под влиянием конфуцианской доктрины.

Один из наиболее известных текстов, приписываемых Конфуцию, называется «Книга о сыновней почтительности». Этот труд был очень популярен в древней Японии, к VIII столетию входил в программу всех школ и тщательно разбирался на обязательном уровне. Основа общества — это семья, и «каждый должен почитать своих родителей так же, как каждый служит Небу», — писал Конфуций. Небо (*тянь*) — вообще ключевое понятие в конфуцианстве, неразрывно связанное с благород-

ством правителя и его правом на управление страной. И хотя в Японии, в отличие от Китая, император правил вне зависимости от своих личных качеств, а лишь по праву принадлежности к определённой семье, идея почитания верховной власти и государства как семьи показалась правящему роду заслуживающей внедрения у себя в стране.

Заемствования были основополагающими, и не про все из них можно сказать, что они дались японцам легко. К таким сложностям относится, например, то, что было решено использовать китайскую письменность. Довольно странная идея — учитывая, что в японском языке около 50 слогов и запись их азбукой выглядела бы, безусловно, куда логичнее, чем внедрение для этой цели из-за рубежа порядка 50 тысяч пиктограмм и идеограмм.

Но прийти к идее азбуки японцам к тому времени не удалось, поэтому пришлось использовать достижения зарубежной цивилизации (впрочем, в защиту японцев надо признать, что никто из их соседей азбуку тоже не придумал, поэтому весь дальневосточный регион использовал китайскую письменность). Путаница на первых порах была невообразимой: в разных регионах для записи одних и тех же слогов использовались совершенно разные знаки, и подобное отсутствие единообразия привело к невозможности сегодня расшифровать ряд документов, относящихся к японской древности. Понадобится несколько столетий, и японцы на основе иероглифики придумают свои слоговые азбуки, но путь к ним был весьма непрост. По сути, тому, кто хотел писать по-японски, приходилось вначале выучить китайский.

В это же время в Японии появляется китайский календарь: так называемые «10 небесных стволов, 12 земных ветвей». В его основе лежала идея цикличности времени: каждый цикл состоял из шестидесяти лет. 10 стволов — это пять китайских первоэлементов (Огонь, Вода, Металл, Земля, Дерево), у каждого из которых были «старший» и «младший» братья¹. 12 ветвей — это двенадцать китайских зодиакальных животных. Количество возможных сочетаний, таким образом, составляет шестьдесят: цикл начинается с года Крысы, старшего брата Дерева, и заканчивается Свиньёй, младшим братом Воды. Новое совпадение первого «ствола» и первой «ветви» происходит ров-

¹ Впрочем, «братьями» их называют в европейской традиции, в китайском оригинале родственных семейных отношений между ними нет.

но через шестьдесят лет¹. Известный сегодня всему миру цикл из двенадцати лет, в котором животные сменяют друг друга, — это на самом деле уменьшенный цикл полной шестидесятилетней версии.

Эти же самые животные применялись и для разделения суток на одинаковые временные отрезки (в русской традиции их называют «стражами»), равнявшиеся примерно двум астрономическим часам: например, стража Крысы была ночью (с 11 вечера до часа ночи), стража Змеи — утренней (с 9 до 11 утра), а Обезьяна заступала на стражу примерно в три часа дня.

Они же были использованы для ориентации не только во времени, но и в пространстве. Пока в языке не появились понятия сторон света, японцы ориентировались по направлению Дракона, Тигра или Змеи. Так в Японии формируются основные временные и пространственные координаты.

Китайские нововведения не обошли стороной и политическую жизнь. К 603 году относится введение системы чиновничьих рангов по китайскому образцу. Они были названы важными конфуцианскими понятиями и ранжированы по цвету головных уборов. Чиновник первого ранга, к примеру, назывался «Большая добродетель» и носил фиолетовую шапочку, а чиновник 12-го — самого низкого — ранга назывался «Малой мудростью», и шапочка у него была серого цвета. Вообще, судя по японской политике в древности, цвета головных уборов и мантий их интересовали гораздо больше, чем политические функции той или иной должности: таким образом, сама система была китайской, а содержание было уже японским.

Это, разумеется, лишь некоторые примеры того, как японская повседневная жизнь обогащалась новым содержанием — благодаря стараниям правящего рода обмена становятся регулярными, буддийские монахи, учёные, художники и инженеры отправляются на стажировки в Китай, проводят там несколько лет и возвращаются непревзойдёнными мастерами.

Благодаря постепенному культурному и политическому развитию японцы со временем начинают осознавать себя самостоятельными, независимыми, а в чём-то — даже превосходящими великий Китай. Подумать только: в 607 году Япония вместе с официальным посланником Оно-но Имоко направляет в Китай

¹ 60-летний юбилей в Японии называется *канрэки*: считается, что человек в этом возрасте снова становится младенцем и как бы заступает на новый круг жизни. По этому поводу нужно дарить ему красные, нарядные вещи.

письмо, в котором от лица Императора страны, где солнце восходит, обращается к Императору страны, где солнце заходит.

С точки зрения современного знания географии в таком обращении был свой резон, но писать в официальном послании императору великого Китая такие слова (учитывая, что ещё несколько столетий назад у него выпрашивали право на власть над страной) — было настолько вызывающе, что китайский император был оскорблён и письмо поначалу не принял.

Но конфликт вскоре был улажен: китайцы сделали скидку на то, что от их диких островных соседей странно ожидать дипломатического такта, а в следующем японском официальном письме через пару лет тон стал уже гораздо более уважительным.

Все эти дипломатические миссии и масштабные изменения японского государства были бы невозможны без одного человека, которого можно считать первым японским просветителем.

Его звали Сётоку Тайси (принц «Святые Добродетели»), и он приходился племянником императрице Суйко — первой женщине на японском престоле, правившей с 593 по 628 годы. Принц Сётоку, обладая не только мудростью и благими намерениями, но и мощным государственным ресурсом, хорошо понимал, что для развития своей страны нужно брать пример с более развитых стран, а потому всячески стимулировал внедрение зарубежного опыта.

Скорее всего, он поддерживал и стимулировал распространение буддизма не потому, что ему было близко содержание этой религии (она для японцев на тот момент была несколько сложна для понимания), а потому, что чувствовал её великую роль в жизни на материке. Если научить этому и местных жителей, рассуждал он, возможно, это введёт страну в цивилизованное пространство и позволит тем самым сравняться с более продвинутыми соседями.

В целом инициируемое властями насаждение буддизма в Японии в VII столетии следует рассматривать не столько как религиозную инициативу, сколько как средство постижения другой цивилизации, где понятие «буддизм» равняется понятию «культура» в целом. Не в последнюю очередь благодаря такому восторженному отношению буддизм, как мы увидим, приобрёл почти неконтролируемое влияние на разные сферы жизни страны.

Принц Сётоку является создателем первого в Японии свода законов, состоящего из 17 статей. Эти «17 Статей» принца Сётоку хоть иногда горделиво и называются «конституцией», едва ли

Сётоку Тайси (ок. 574–622)

в полной мере ею являются. Беглое ознакомление с содержанием, скорее всего, позволит читателю согласиться с этим утверждением.

Так, вторая статья этого документа говорила о почитании трёх буддийских Сокровищ (Будда, Дхарма — нравственный закон в буддизме и Сангха — буддийская община), пятая предостерегала против жадности и чревоугодия, восьмая требовала от чиновников усердной работы, десятая осуждала гнев, а четырнадцатая — зависть. Понятия, конечно, фундаментальные, но от конституции современный человек всё же ждёт другого.

Однако, несмотря на несколько формальный характер этого свода законов, по тем временам это, безусловно, был прорыв в формировании как государства, так и общественной морали. Нельзя, конечно, забывать, что читали и знали этот документ очень немногие: подавляющая масса жителей страны была даже не в курсе ни этих 17 статей, ни деятельности принца «Святые Добродетели», да и вообще ещё не осознавала самой страны. Они пока мыслили масштабами своего рода, и до формирования этнической идентичности японцев оставалось ещё

несколько столетий. Для императорского рода, тем не менее, это был большой шаг вперёд на пути к законодательной базе будущего государства.

Хотя имя Сётоку Тайси часто упоминается в числе преобразователей японского государства, а его фигура сегодня известна и почитаема всеми японцами, нужно помнить, что этим всем он занимался не один: за ним стояли серьёзные политические силы, которые его поддерживали и делали эти реформы возможными. И главной такой силой был могущественный клан Сога.

Сога стоит особняком среди родов раннего государства Ямато. Им были доверены сбор налогов и другие административные функции; они занимались внешними связями: отправляли посольства в Китай, продвигали буддизм и развивали экономику. За полвека им удалось подвинуть с политической сцены такие великие древние кланы, как Мононобэ и Накатоми, и полностью узурпировать власть в стране.

По большому счету, это был первый род в японской истории, который понял, что, для того чтобы править страной, совершенно необязательно захватывать власть. Гораздо изящнее и менее рискованно это можно делать, вступая с правящим родом в родственные отношения — например, выдавая дочерей замуж за будущих наследников престола. Так главы клана Сога как «теневые кардиналы» осуществляли управление государством от лица императора и при полнейшем его попустительстве.

Эта система в японском государстве оказалась настолько живучей, что проявления её видны до сих пор: на протяжении семи столетий по поручению императора всю фактическую власть осуществляли *сёгуны*, а сейчас это делают премьер-министры. Всё это время императоры меняются — свергаются и возводятся на престол, умирают и рождаются, подписывают указы и появляются на церемониях, — но за крайне редкими исключениями они не слишком известны миру. Впрочем, их это, кажется, не слишком беспокоит. Куда сильнее политики их занимают гораздо более интересные вещи.

Так, например, предыдущий, 125-й, император Японии — Акихито, отрекшийся от престола в 2019 году, — является уважаемым ихтиологом, членом Лондонского Линнеевского общества, одного из самых влиятельных в мире биологии; он опубликовал немало научных работ, посвящённых морским бычкам. Один из их видов, впервые описанный в 2005 году, был назван в его честь — *Exyrias akihito*.

Как можно заметить, власть императора является формальной и не подтверждается реальными полномочиями, но, возможно, именно поэтому она сохранилась на протяжении стольких столетий: поскольку на императоре нет никакой ответственности за происходящее, не должно быть и тех, кто им недоволен. Император всё-таки является божеством, а значит, ему вообще не пристало заниматься всей этой мирской суетой типа политики.

Сога-но Умако (551–626) был деятельным императорским министром, приближенным к власти настолько, насколько это вообще было возможно. В 593 году он посадил на престол свою племянницу — императрицу Суйко (деталь, красноречиво говорящая о расстановке политических сил в то время) и вместе с принцем Сётоку активно изучал буддийские сутры и китайские добродетели, способствуя продвижению буддизма — разумеется, скорее в силу политических, нежели религиозных причин.

Безграничная власть переходит по наследству к его сыну по имени Эмиси, который в свои пятьдесят с лишним лет мог так же, как и его отец, считать себя фактически полноправным правителем страны. Помимо огромного влияния на правящих императриц, которое он имел в силу должности и статуса, он выдал свою дочь замуж за императора, тем самым поддерживая хорошую установившуюся традицию. Когда он в 643 году передаёт по наследству звание верховного министра своему сыну Ируке и тем самым обеспечивает своей семье дальнейшее процветание, он был уверен, что умрёт, являясь фактическим правителем страны, и ничего не может пойти «не так».

Он даже не мог представить себе, как всё повернётся.

Сога-но Ирука был, судя по всему, крайне избалован почти безграничной властью: уже в следующем году после назначения министром он нападает на замок своего политического конкурента, принца Ямасиро-но Оэ, — и заставляет того покончить с жизнью. Всё бы ничего, но принц был сыном великого принца Сётоку и претендентом на императорский престол. Такой демарш, разумеется, не мог остаться без внимания и без должного наказания. Против рода Сога формируется коалиция, которую возглавили девятнадцатилетний принц Нака-но Оэ и его двадцатидевятилетний помощник по имени Фудзивара-но Каматари. Они долго ждали подходящего момента — и он наконец настал.

В июле 645 года должен был проходить приём корейских послов, и заговорщики решили выбрать для убийства именно эту церемонию — по всей видимости, для наибольшего эффекта. На приёме они закололи Ируку на глазах у императрицы Когёку, после чего она по вполне понятным причинам решила отречься от престола: страшно даже представить себе, насколько нечистым с точки зрения традиционного синто было увидеть гибель другого человека. Совершенно очевидно, что править страной после такого нельзя. (Впрочем, нужно отметить, что она, отрёкшись в пользу своего брата, после его смерти, в шестьдесят лет, снова стала императрицей).

Вслед за этим начинается волна убийств и других представителей клана Сога: недовольство гегемонией этого рода нашло поддержку у многих людей. Узнав о том, какой оборот приняли события, Сога-но Эмиси с сожалением понял, что счастливые времена его семьи остались в прошлом, а впереди — пустота и уничтожение. Тогда он поджигает свой дом и сгорает в нём, предпочитая не дожидаться более мрачного конца.

Один из организаторов заговора, юный принц Нака-но Оэ, хоть и был объявлен бесспорным наследником престола, пришёл к власти не сразу, а после своего отца: он стал императором по имени Тэндзи спустя пятнадцать лет после кровавого убийства. Но своего старшего товарища по коалиции против Сога он не забыл. Вместе с ним возвысился и его верный помощник — Фудзивара-но Каматари, которому во многом и принадлежала идея этого переворота.

С того времени род Фудзивара становится наиболее приближённым к императорскому роду и начинает пользоваться теми же привилегиями, которыми раньше наслаждался род Сога. По сути, ничего не поменялось: просто один клан сменился другим, но сама основа политической системы осталась столь же неизменной. Родственные связи с императорской семьёй продолжали являться залогом долгого и устойчивого правления; если, конечно, как показывает практика, этой властью не злоупотреблять.

Император Тэндзи (626–672; правил с 661 по 672 годы), благодаря которому произошло возвышение рода Фудзивара, — фигура очень важная для японской истории. Надо отдать ему должное: он был одним из тех немногих императоров, которые реально правили, а не просто восседали на троне, передавая управление страной доверенным людям. Благодаря затеянному им изменениям япон-

ские правители начинают отходить от выполнения религиозных и жреческих функций, которыми обладали до этого, и становятся больше похожи на монархов китайского образца.

С именем Тэндзи связано начало серии масштабных политических реформ, конечной целью которых было превращение Японии в серьёзное монархическое государство по образцу великого Китая. В результате этих реформ власть императора усилилась, а власть местных родов, соответственно, уменьшилась; было введено административное деление на провинции (сохранившееся вплоть до реставрации Мэйдзи во второй половине XIX века), а в эти провинции были назначены губернаторы; появились новые налоговые реестры и общевойсковая повинность. В общем, на основе того, что удалось подсмотреть в Китае, японцы начинают создавать своё собственное государство. Название этих реформ очень соответствует историчности момента. Их назовут реформы Тайка (大化 — «большие перемены»).

Слово *тайка* примечательно и тем, что стало первым *нэнго* в японской истории: это ещё одна традиция, которая была заимствована из Китая в VII столетии и существует до сих пор, бережно поддерживаясь. Её можно назвать системой летоисчисления по девизам правлений императоров.

Каждый император, вступая на престол, теперь должен был утверждать название эпохи, которое призвано было окружить его правление благостью и гармонией. В качестве таких названий использовались «счастливые» сочетания из двух иероглифов, несущие определённый смысл. Впрочем, если происходило что-то важное, *нэнго* можно было поменять, чтобы проявить гибкость в меняющихся условиях. Девиз могли поменять несколько раз даже за одно и то же правление. Эта система существует и сегодня, разве что чуть видоизменившись. С 1868 года, после реставрации Мэйдзи, девиз правления остаётся неизменным: как эпоху назовёшь — такой она и сложится.

Систему, сформировавшуюся в Японии благодаря реформам Тайка, принято называть *рицурё* (что обычно переводят как «уголовное и гражданское право»), и на их содержании следует остановиться подробнее, поскольку некоторые особенности получившегося «государства *рицурё*» напрямую повлияли на дальнейший ход японской истории.

Как и в Китае, всё население страны было поделено на «добрых людей» (*рёмин*) и «плохих людей» (*сэммин*). Представителям первой категории государство выделяло землю, чтобы

те исправно платили с неё налоги; представители второй занимались обслуживанием и уборкой государственных учреждений или служили отдельным семьям. Касты «неприкасаемых» в японском обществе — так называемые *эта* и *хинин* — берут своё начало именно оттуда.

Одна из важнейших реформ, проходившая красной нитью через все преобразования Тайка, — земельная. Земля во все времена была в Японии главным мерилем богатства и важнейшим ресурсом, и её ценность, вне всякого сомнения, укреплялась тем, что этот ресурс был сильно ограничен.

Новая система официально закрепила право государства на владение землёй. Как гласила китайская доктрина, на которую ссылались японские власти: «Под небесами нет земли, которая не принадлежит императору». Не факт, что все остальные кланы были готовы спокойно принять такое перераспределение ресурсов, поэтому требовалось компенсировать отнятие земли раздачей придворных должностей, чтобы гарантировать лояльность и избежать восстаний.

После того как эти моменты были улажены и лояльность подданных гарантирована, все земельные наделы были распределены между работниками и тщательно переписаны, чтобы можно было эффективнее собирать налоги. Размер земельного надела, предоставляемого в пользование, определялся исходя из качества земли в данной местности, а также из сословия и пола держателя.

Кроме земельного налога существовали и другие виды повинностей, включая трудовую. Прокладка дорог, строительство зданий, общественные работы — всё это требовало мужского труда в огромных количествах, но вот только в отличие от земельного налога, который хотя бы приносил крестьянам землю, эти виды работ никак не компенсировались. Особенно тягостной была военная служба, от неё обычно «откупались» другими повинностями, поэтому в японской армии в то время служили в основном представители самых бедных семей.

Вообще «государство рицурё» представляло собой крайне интересный феномен. По сути, японцы брали китайскую модель управления государством и в том же самом виде пытались её воссоздать у себя, хотя отличались от Китая буквально всем: размером, социальной организацией, экономикой и взглядом на мир. Тем любопытнее анализировать, что же в итоге получилось, учитывая, что некоторые элементы китайской политической системы были японцами полностью проигнори-

рованы — не то за ненадобностью, не то за невозможностью применить в местных реалиях.

Так, несколько важных элементов китайского политического устройства вступили в очевидное противоречие с теми основами японского государства, которые появились ещё во времена глубокой древности и поэтому показались японцам ненужными.

Например, в Японии так и не появилась китайская система «Небесного мандата» — источника легитимации правления Императора, который он мог утратить в случае потери добродетели и разложения нравственности или в результате плохих знаменений. Японский император, в отличие от китайского, получал верховную власть по праву рождения, а значит, лишить его этого статуса никто и ничто не могло.

Существовала и ещё одна особенность местной политической системы, которая когда-то давно была сформирована местными жителями и осталась в том же самом виде безо всяких изменений. В Китае существовала развитая система государственных экзаменов, благодаря которым способный юноша, родившийся в бедной семье вдали от столицы, мог дослужиться до высших чиновничьих ступеней. Этот социальный лифт, поднимавший таланты на заслуженные ими должности, на протяжении многих столетий доказывал там свою важность и эффективность.

В Японии эта потенциальная эффективность была совершенно проигнорирована. Тут всё всегда определялось положением того или иного рода: принадлежность к влиятельному роду давала её обладателю невероятные возможности карьерного роста, а способный юноша, родившийся в бедной семье далеко от столицы, так и оставался бедным и вдали от столицы.

Зато аристократические кланы у власти пользовались большими привилегиями и могли быть совершенно спокойны за будущее своих отпрысков, даже если те были без особых способностей. Существовала даже специальная система «теневых рангов», согласно которой высокий чин родителя мог как бы «отбрасывать тень» на ребёнка и предоставлял тому ранг ещё при рождении безо всяких дополнительных условий. «Теневой» ранг становился реальным при достижении совершеннолетия — таким образом юноша начинал службу не с низших чинов, а сразу на довольно престижной позиции.

Обе эти вышеназванные особенности, связанные с важностью рода и семьи в японской политике, во многом определяют историческое развитие страны, по крайней мере до того

момента, как в XIV–XV столетиях крестьяне и лесорубы не начинают становиться самураями и пробиваться во власть благодаря военным заслугам. Но пока Япония представляет собой государство, внешне вроде бы построенное по китайскому образцу — с китайской письменностью и китайской культурой, министерствами и чиновничьими шапочками, — но внутри остающееся всё той же родоплеменной структурой, где понятие удзи играет более важную роль, чем индивидуальные качества и способности.

После смерти императора Тэндзи остро встаёт вопрос престолонаследия, последующие события принято называть смутой годов Дзинсин. Это был, наверное, первый раз в японской истории, когда вопрос престолонаследия решался в масштабных кровопролитных сражениях, но далеко не последний. В дальнейшем такой способ решения конфликтов станет вполне традиционным.

Перед смертью тяжело больной Тэндзи вызвал своего брата, принца Ооама, и спросил его, не возражает ли тот, если он передаст престол не ему, а своему сыну.

— Конечно, не возражаю, — ответил смиренно Ооама. — Я как раз собирался стать монахом, до престола мне никакого дела нет.

Тэндзи, успокоившись, умирает, и его сын благополучно становится следующим императором, взяв имя Кобун.

Но вот Ооама так и не пошел в монахи. Вместо этого он собрал людей и оружие, а затем двинулся войной на столицу. Победа была не молниеносной, и боевые действия продолжались около месяца, но в итоге столица оказалась взята. Правление императора Кобуна продлилось лишь несколько месяцев, в итоге он сбежал из захваченного дворца и задушил себя на горе Нагара. А Ооама сжёг дворец, чтобы потом построить для себя новый, и провозгласил себя императором Тэмму.

Тэмму, правивший с 673 по 686 годы, стал первым японским императором, использовавшим по отношению к себе ещё при жизни титул *тэнно* (天皇): его предшественники удостоивались его лишь посмертно. Это слово принято переводить на европейские языки как «император», но разница весьма значительна. На самом деле этот термин, взятый из китайского языка, относится к астрономии и обозначает Полярную звезду.

Почему именно Полярная звезда? Потому что она самая яркая, загорается раньше других и сияет на ночном небосклоне, символизируя, что мир пребывает в прекрасной гармонии. По-

добно этому, тэнно сидит у себя во дворце, тем самым поддерживая мир и гармонию в стране. На образ жизни императора это, безусловно, накладывало свой отпечаток: в частности, он не должен был покидать пределы дворца, чтобы ненароком не разрушить эту гармонию.

Для последующего понимания всех политических процессов в Японии следует помнить об этой особенности верховной власти. Быть императором, безусловно, очень почётно, но при этом невыносимо скучно. Будучи по сути запертым у себя во дворце в статусе живого божества, император был лишён каких бы то ни было развлечений, за исключением изучения китайских трактатов, сочинения стихов и распития сакэ. Всё это, конечно, крайне увлекательные занятия, но могут со временем несколько приесться. Кроме того, как можно было уже убедиться, власти особой у них тоже при этом не было: всеми политическими процессами управляли другие люди, иногда любезно позволяя императорам участвовать, но очень ограниченно.

Однако Тэмму был тем императором, который реально правил и руководил страной, являясь самостоятельной политической фигурой. За время своего правления он продолжил процесс политической реформации, преобразовав систему политических родов кабанэ, наградив угодных и покарвав неугодных: теперь сильные стали ещё сильнее, слабые — ещё слабее. Он пытался ослабить влияние Китая и разорвал отношения с Танской династией, заключив взамен дипломатический союз с корейским государством Силла.

Заключительный законодательный кодекс периода Асука увидел свет в 701 году и назывался *Тайхо* (大宝 — «Великое сокровище»; впрочем, это тоже была не высокая оценка нового кодекса, а девиз правления императора Момму). Он реорганизовал центральное правительство и установил систему министерств и ведомств, среди которых горделиво возвышался *Дадзёкан* («Великий государственный Совет») — высший орган власти в Японии, сохраняющий своё верховное положение до самой реставрации Мэйдзи в XIX веке. Его возглавлял главный министр (*дадзё дайджин*), которому полагалось «быть примером в пределах четырёх морей, обеспечивать в стране следование путём морали и приводить в гармонию тёмные и светлые силы инь и ян».

Равной по значимости и влиянию могущественному Дадзёкану была ещё одна структура — *Дзингикан*, и её можно отне-

сти к числу тех примечательных японских нововведений, которые не были взяты из Китая. Дзингикан принято переводить на русский язык как «Департамент по делам небесных и земных божеств», и в этом кроется важная особенность японской политической системы. Как бы глубоко ни проникла китайская цивилизованная модель государства, как бы ни почитали буддизм представители императорского рода, всё равно их уважение к местному культу и к местным божествам оставалось той самой основой, на которую наносится всё остальное.

Появились и другие министерства; перечислять их, наверное, не обязательно, но следует остановиться на одной важной особенности. Наиболее престижными были министерства, которые занимались делами императора и придворных, а в подчинённом положении оказывались те, что ведали делами простого народа.

Аристократизм как определяющая сила японской политики никуда не девается, какими бы политическими институтами эта страна ни обростала. И если правящая каста в китайской политике была аристократией по образованию, то в Японии она была аристократией по праву рождения. Заимствовав из Китая форму и терминологию, японцы пренебрегли теми основополагающими принципами, без которых эта система была обречена на провал. Впрочем, слабость эта проявится не сразу, а лишь по мере развития государства.

Таким образом, период Асука ознаменовался значительными политическими преобразованиями, в результате которых разрозненные племена оказались связаны единой государственной системой, а на карте появилось новое государство, хоть и сделанное по китайским канонам, но всё равно обладающее своей яркой индивидуальностью, которая впоследствии будет проявляться всё сильнее. Это — уже начало той Японии, которую мы знаем; и путь, который предстоит пройти этой молодой стране, поражает воображение.

У этой страны уже есть многие важные составляющие настоящего государства: административный аппарат, власть на местах, система налогообложения. Но не хватало одной небольшой детали, о которой наперебой рассказывали путешественники, возвращавшиеся из Китая — роскошной столицы, которая могла бы наглядно демонстрировать силу и вкус центральной власти. И если уж японцы заимствовали у Китая столько всего, можно было взять и идею главного города.

Столицы в Японии до VIII века менялись очень часто. Как было сказано выше, необходимость переноса была связана с естественным ходом жизни: императоры неизбежно умирают, а каждая смерть потомка Солнечной богини является настолько сильным загрязнением, что жить в таком месте никому не рекомендуется.

Поэтому приходилось регулярно переносить город на новое, незагрязнённое место. Таким образом, за периоды Асукка и Кофун столица успела побывать примерно в 40–50 разных местах; но называть эти временные поселения столицами, возможно, не очень правильно. Ни один из таких экспресс-городов не успевал достаточно развиваться до смерти очередного правителя.

В 710 году столица в очередной раз переезжает — на этот раз в город Нара, и теперь всё серьезнее: там она задержится не на пять-десять лет, а аж на семьдесят четыре года (из которых пять лет (740–745), справедливости ради, находилась всё же в другом месте).

Новая столица, как и все предыдущие, была построена под китайским влиянием и по китайскому образцу. Крайне важным был выбор места для строительства: для этого учёные мужи применяли взятые из Китая принципы *фэн-шуй* (風水, «ветра и воды»), представлявшие собой систему идеального географического расположения города в окружающем пространстве в соответствии со сторонами света. Город должен был быть построен в таком месте, чтобы находиться под защитой четырёх животных: Чёрной Черепахи на севере, Лазурного Дракона на востоке, Красной Птицы на юге и Белого Тигра на западе.

Новая столица была сконструирована по простому принципу: прямоугольная структура с улицами, пересекавшимися под прямым углом. Сам город, носивший тогда название Хэйдзё-кё, был довольно крупным по тем временам (около 200 тысяч жителей, что составляло около 7% населения страны) и вообще первым в Японии настоящим городом — с чиновниками, обслуживающим персоналом, крупными поместьями и развитой экономической деятельностью. Но, в отличие от китайской столицы Чанъань, Нара не обносилась стенами: политическая ситуация в Японии была гораздо спокойнее, чем в Китае.

Здания дворцового комплекса возводились под отчётливым китайским влиянием: на приподнятых каменных платформах, с опорными столбами, покрашенными в красный цвет, и роскошными раскидистыми крышами из чёрной или серой чере-

пицы. Внутри дворцового комплекса находились все министерства, в которых работало около 7 тысяч чиновников.

Все остальные дома были гораздо проще — без каменных платформ и черепичной крыши, но все строения были в отличие от Китая сделаны из дерева. А то, что дома стояли довольно тесно друг к другу, делало столицу очень легко воспламеняемой: представить, как выглядел этот город в древности, мы можем лишь по очень условным предположениям.

В период *Нара* продолжается реформирование государства по китайскому образцу, но к этому времени японцы уже чувствуют свою самобытность и начинают ценить её сильнее, чем раньше. Если до этого они смотрели на Китай широко распахнутыми глазами и с нескрываемым восхищением, ощущая свою отсталость и дикость по сравнению с размахом великой цивилизации, то теперь восхищение сменяется скорее практическим интересом.

К этому времени относится формирование важных элементов японского государства и японской национальной идентичности. В 712 году был составлен первый мифологический свод Японии — «Кодзики» («Записи о деяниях древности»), а спустя восемь лет появляется «экспортная версия» этих мифов — «Нихон Сёки» («Хроники Японии»).

К этому же времени относится возникновение названия *Ниппон* (日本), которое можно перевести как «корни солнца». Можно лишь догадываться, как смело это звучало по тем временам и как удивлялся Китай, для которого эта бравада во многом и предназначалась. По некоторым версиям, знаменитое изображение — красный круг на белом фоне, символизирующий солнце, — тоже появляется именно тогда. Весь этот набор с очередной дипломатической миссией был отправлен в Китай, и тем самым молодое японское государство как бы заявляло: мы — самостоятельная новая страна, и теперь с нами надо считаться.

Следует отметить важную примечательную черту эпохи *Нара*: за эти восемьдесят с небольшим лет страной дольше правили императрицы, чем императоры: ни до, ни после того в истории страны не было такого длительного женского правления. Уже начиная с последующей эпохи Хэйан станет общепринятой точка зрения о главенстве мужчины во власти; но период *Нара* в этом плане был близок тем древним временам, когда во главе страны стояла принцесса-шаманка Химико. Это, кстати, тоже расходилось с китайской моделью управления, где женщин на престоле почти не было.

Тодайдзи (первая половина VIII в.). Нара, преф. Нара, Япония

Впрочем, несмотря на долгое правление женщин, наиболее продвинутым правителем того времени можно считать мужчину — 45-го императора по имени Сёму, правившего четверть века — с 724 по 749 годы. Будучи большим поклонником буддизма, он продолжил политику активного культурного заимствования из Китая. Большие средства он тратил на строительство монастырей, порядком уменьшив государственную казну; но это оправдывалось тем, что в это время свирепствовала эпидемия оспы, и буддийские храмы, по его мнению, должны были помочь победить болезнь.

Тогда началось строительство храмов кокубундзи, главным из которых был Великий Восточный храм — Тодайдзи, до сих пор поражающий воображение всех туристов, оказывающихся в древней японской столице. Кокубундзи, построенные в каждом регионе страны, должны были отвечать за здоровье и благополучие жителей.

Сёму искренне мечтал связать буддизм и государственное управление, считая это ключом к гармоничному и правильному развитию страны. Эта его политика «аукнулась» много столетий спустя, когда буддийские монастыри, пользуясь режимом наибольшего благоприятствования, стали такой огромной и влиятельной силой, что с ними было не совладать ни императору, ни сёгуну.

Правление Сёму нельзя назвать спокойным. В 740 году восстание поднимает Фудзивара-но Хироцугу, племянник императрицы Комё, недовольный последними политическими назначениями и тем, что влияние рода Фудзивара благодаря этому сильно пошатнулось. Его мятеж начался на Кюсю: там тогда бушевала эпидемия оспы, крестьяне страдали от голода и неурожаев, а глобальные государственные проекты по строительству монастырей, вынуждавшие людей работать до полусмерти, не добавляли оптимизма. Он собирает войско из недовольных крестьян и представителей племени *хято*¹, заручается поддержкой корейского государства Силла и движется на север, в сторону столицы. Всего его армия насчитывала порядка 15 тысяч человек.

Но всё пошло не по плану. Одно войско опоздало, а другое просто не появилось. Императорские войска, высадившись на Кюсю, нанесли мощный удар по мятежникам, и армия Хироцугу оказалась повержена. Сам он собирался уже уплыть на лодке в сторону Кореи, но разыгравшаяся буря не позволила сделать даже этого. На одном из крошечных островов на юге Кюсю он был пойман и обезглавлен.

Воцарившееся спокойствие продолжалось не слишком долго. Следующее восстание в 764 году поднимает ещё один представитель рода Фудзивара по имени Накамаро. Это тоже стало проверкой на прочность императорского правления. Накамаро был приближен к императрице Сётоку, пользовался большим политическим авторитетом и в значительной степени управлял страной — по крайней мере, делал это в большей степени, чем она порой предполагала.

Поэтому, когда императрица приблизила к себе буддийского монаха Докё и вступила с ним в любовную связь, Накамаро, почувствовав себя обиженным, поднял восстание. На самом деле это был конфликт двух возможных систем правления: одна строилась вокруг самостоятельной фигуры императора, другая отводила императору почётное место священного потомка Ама-тэрасу и лишала его фактической власти, поручая всю её полностью приближённому клану.

¹ Хято («люди-соколы») — племя, обитавшее в древности на Кюсю, предположительно австронезийского происхождения, позже ассимилированное японцами. Они проявляли свою самостоятельность и даже подняли восстание в 720 году; но в итоге подчинились правлению Ямато. Судя по найденным археологическим артефактам, их культура была довольно самобытной и непохожей на остальные регионы Японии.

Впрочем, восстание довольно быстро выявило свою главную слабую сторону — очевидный недостаток поддержки. Накамаро, хоть и использовал свой властный ресурс для того, чтобы собрать людей, не мог противостоять всей мощи императорского рода. Силы оказались неравны, восстание было подавлено, а сам мятежник приговорён к смертной казни.

Докё — монах, добившийся любви императрицы, — тоже оказался не так прост: в 769 году, находясь в зените своего могущества, он понял, что нужно пользоваться моментом, и решил рискнуть. Он вдруг объявляет, ссылаясь на оракула из святилища Хачимангу на Кюсю, что императрица обретёт мир, если он будет — внимание! — провозглашён императором.

Весьма смелый и рискованный ход. Сётоку, при всей её любви к этому монаху, оказалась в растерянности: так далеко она не была готова заходить. На Кюсю отправляют придворного, чтобы узнать истинную волю богов. Он вернулся с ответом: «Со времени начала нашего государства и до дней нынешних определено, кому быть государем, а кому — подданным. И не случалось ещё, чтобы подданный стал государем. Трон Солнечной Богини может передаваться по наследству лишь членам императорской семьи, а всех неправедных людей должна постичь кара».

Так амбициозная попытка монаха стать правителем Японии окончилась провалом, а смерть императрицы Сётоку в следующем году лишила его бывшего политического могущества. Клан Фудзивара, воспользовавшись этим, отправил властолюбивого монаха в ссылку, и так называемый «инцидент Докё» на этом был исчерпан.

Политическая нестабильность сопровождалась ещё и тем, что система государственного управления, которую вроде как построили по китайскому образцу и потому ожидали эффективного решения всех проблем, начинала давать сбои. Это и неудивительно. Учитывая, что важнейшие принципы, лежащие в основе этой системы в Китае, были проигнорированы, а была скопирована лишь внешняя форма, этого можно было ожидать; но императорский двор был в недоумении и не понимал, как решать появляющиеся проблемы.

Сложная система распределения земли и исправного сбора налогов с неё подходила для громадного Китая (впрочем, и там были сложности с тем, чтобы регулярно собирать налоги с крестьян из разных краёв страны), но для Японии была излишне сложной для исполнения. И если в Китае государствен-

ные мужи были тщательно отобраны, чтобы достойно нести службу во благо государства, то в Японии этим занимались наследники аристократов, не имевшие к этому ни способностей, ни особого желания.

Основные сложности были в управлении той немалой территории, которая принадлежала правящему роду. Покидать столицу, чтобы отправиться неведомо куда и следить за сбором налогов, разумеется, никому не хотелось; поэтому посылали своих наместников и заместителей, о судьбе которых не сильно беспокоились, и в итоге чёткого контроля так и не вышло.

По этой причине государство получало гораздо меньше денег, чем рассчитывало, а потребности аристократии продолжали расти. В полигамном обществе, каким являлась Япония, количество представителей этого класса увеличивалось довольно быстро, и всем хотелось хорошо одеваться, вкусно есть, украшать свою жизнь роскошью. Все эти растущие запросы экономика была обработать уже не в состоянии.

Расходы на освоение новых пахотных земель и создание ирригационных систем часто были довольно внушительными, поэтому было принято следующее решение: давать земли чиновникам в частное пользование на несколько поколений вперёд, чтобы они сами занимались их освоением и развитием.

Налогом эти земли не облагались — в силу тесных связей и дружбы во властных кругах. Такими же привилегиями пользовались крупные и влиятельные буддийские монастыри. Так постепенно формируется частное землевладение, которое, впрочем, не только не решит существующих проблем, но даже усугубит ситуацию.

Поскольку налоговые подати на всех остальных жителей страны оставались неподъёмно тяжёлыми, землевладельцам приходилось искать надёжных покровителей, чтобы иметь возможность нормально жить. В итоге процесс выглядел примерно так: владелец земли, не желая платить обременительный налог, договаривался с собственником поместья, не облагаемого этим налогом, и отдавал тому свою землю, выплачивая денежную благодарность за покровительство. Этот покровитель во избежание неприятностей, в свою очередь, мог договориться с ещё более могущественным лицом и передать земли ему. Как правило, наиболее мощная и устойчивая позиция была у религиозных организаций — буддийских или синтоистских храмов: именно под их опеку стекалось большое количество владений — с виду государственных, но на самом деле нет.

Государство, конечно, пыталось запретить практику передачи облагаемых налогом земель храмам, но уследить за этим не могло. Контроль за этой системой должны были осуществлять представители власти, которых самих было тяжело контролировать. Так процесс налогообложения превратился в видимость, все деньги оставались у местных властей или стекались в буддийские монастыри, которые приобретали власть и могущество, а государство продолжало беднеть.

Подавляющую часть этого непростого периода столица была в городе Нара, пока в 784 году её снова не переносят — на этот раз в город Нагаока. В качестве наиболее возможной причины часто приводится растущее влияние буддизма, что, собственно, в полной мере проявилось в «инциденте Докё». Император Камму, опасаясь усиления этой тенденции, решает передвинуть столицу к северу от окруженной буддийскими монастырями Нары ближе к современному Киото.

Впрочем, переезд сразу не задался. Главный архитектор проекта Фудзивара-но Танэцугу, который и предложил императору это место для новой столицы, был застрелен во время осмотра одного из строящихся зданий, что повлекло за собой волну арестов и наказаний. В результате этой волны пострадал давний противник переезда, принц Савара (который, возможно, вообще никакого отношения к убийству не имел): его сослали в провинцию Авадзи, но он по пути повесился.

Потом начались наводнения, главные архитекторы менялись один за другим, и ощущение того, что небо благоволит к новой столице, безвозвратно ушло. Кроме того, страх, что мстительный дух (*онрё*) погибшего принца будет оказывать злое потустороннее влияние на строящийся город, не давал императору покоя. Подумав немного, он решил на ещё один перенос столицы: после десяти лет затянувшейся эпопеи с новым переездом в 794 году столица оказывается в городе Хэйан-кё.

В этом городе ей суждено было находиться более десяти столетий. Едва ли Камму мог даже предполагать, что на этот раз выбор места окажется настолько правильным.

Судя по сохранившимся источникам, это был красивейший город — расчерченный улицами под прямым углом на ровные квадраты, словно огромная шахматная доска, сконструированный по модели роскошной китайской столицы Чанъань: три с половиной километра с севера на юг и два с половиной —

с запада на восток. В северной части города находился отгороженный участок, где располагалась резиденция императора. Сперва Хэйан-кё был окружён от внешнего мира стеной, но она быстро разрушилась и её так и не восстановили за ненадобностью.

Через весь город от ворот Расёмон (которым много позже посвятит свой знаменитый рассказ Акутагава Рюноскэ) шла широкая улица Судзаку-Одзи: её название можно перевести как «Проспект Феникса». По обеим сторонам улицы были высажены плакучие ивы, и все религиозные процессии проходили именно здесь. Но и на всех остальных улицах росли различные деревья, дарившие летом живительную прохладу.

Сам город был поделён рекой на западную и восточную части, и они развивались крайне неравномерно. Восточная была нарядной и красивой, с аккуратными виллами аристократов, садиками и чистыми улицами. Западная же быстро пришла в упадок и стала прибежищем волков и преступников, гулять по ней было откровенно опасно. Правительство время от времени издавало указы, направленные на исправление криминогенной ситуации, но это так ни к чему и не привело.

Строения были деревянными и стояли тесно друг к другу (поэтому пожары были величайшим бедствием: всё вспыхивало за секунду), но ряд зданий выделялся из общей массы. Величественно выглядел Дайгоку-дэн («Великий Зал Государства») — на высоком каменном фундаменте, с красной лакированной балюстрадой и изумрудно-голубой крышей. Но и другие здания с изящными и причудливыми названиями (Хогаку-дэн — «Зал Щедрых Удовольствий», Сэйрё-дэн — «Зал Чистой Прохлады», Сисин-дэн — «Зал Пурпурного Дракона») выглядели не менее роскошно. При этом, несмотря на внешнее величие, их внутреннее убранство было скорее элегантным и строгим: буддизм с его идеей простоты и скромности уже успел повлиять на японские каноны прекрасного.

Население Хэйан-кё в IX столетии составляло, по некоторым оценкам, 500 тысяч человек; и даже если эти цифры несколько приукрашены, всё равно очевидно, что это был на тот момент один из крупнейших городов мира. Японцы хотели большой и красивый столичный город — и они его получили.

Название новой столицы Хэйан-кё («Столица мира и спокойствия») непосредственно связано с названием нового периода японской истории — Хэйан (平安, «мир и спокойствие»). Этот

период, аналогов которому не найти в мировой истории, совершенно справедливо называют «золотым веком японской культуры»: всю любовь к красоте, которую японцы только могли в себе воспитать, они вложили в создание этого удивительного мира, вместившегося в один город, но переросшего его в веках.

Это время было удивительным и уникальным не только по японским, но и по мировым меркам. Никогда — ни до, ни после эпохи Хэйан — не возникало нигде в мире подобной культуры, где всё было бы построено на красоте и на любовании, на тонких чувствах и изысканных манерах. При этом, что очень важно, эта культура сформировалась абсолютно естественным образом, не будучи нигде подсмотренной, то есть является не привычным заимствованием из Китая, но скорее каким-то велением японской души, которое разделяли все жители той столицы.

Как справедливо замечает Айван Моррис¹, если бы европеец того времени оказался в Хэйан-кё, он бы не поверил своим глазам: пока средневековый мир барахтался в войнах и грязи, а Европа находилась во мраке и невежестве, маленькая островная азиатская страна построила культуру, которая могла показаться утопией — идеалом спокойствия, счастья и любви.

Разумеется, это не значит, что все жители страны в едином порыве сочиняли стихи и любовались сменой времён года. Простые крестьяне по-прежнему жили впроголодь, и им было не до сочинения стихов. Речь идёт о культуре лишь одного отдельно взятого города, где жили члены императорского рода, аристократы, их фрейлины и слуги. Всего — чуть более 10 тысяч человек. Именно они и создают эту удивительную, ни на что не похожую культуру, до которой потом безуспешно будут пытаться дотянуться их потомки.

В Хэйане не было войн и сложных политических отношений с соседями (островная страна всегда неизбежно находится в некоторой изоляции, что даёт относительное спокойствие). Экономика в целом уже сложилась раньше, во времена строительства «государства рицурё», и функционировала на довольно несложном уровне: крестьяне работали в поте лица, собирали

¹ Британский японист, писатель и переводчик, к наиболее известным произведениям которого относятся «Мир блистательного принца» (1964) об эпохе Хэйан и «Благодородство поражения» (1975) о трагических героях в истории Японии.

рис и отдавали его в качестве налога. Аристократам в столице даже не было до этого дела: они были богаты, но никогда не вникали, что лежит в основе их богатств. Они думали о деньгах, как о чем-то приземлённом и очевидном, а любование сменой сезонов явно увлекало их больше экономических процессов.

Работа чиновников шла своим чередом, но больше напоминала имитацию деловой деятельности и игру в министерства и издание указов. Хотя политическая система и министерства были кропотливо воссозданы в Японии по китайским канонам, не все понимали, что с ними следует делать. Кроме того, как мы помним, все посты были распределены по принципу знатности рода, а эта властная пирамида была сформирована ещё с незапамятных времён на основе древних родов кабанэ, принявших власть рода Ямато. С тех пор эта система так и существовала без изменений, да и менять её особой необходимости не было: едва ли нашёлся бы в том обществе человек, которого бы она не устраивала.

Хэйанские чиновники таким образом были с рождения наделены «теневыми рангами», автоматически получали высокий чин и хорошую прибыль и могли беспокоиться лишь о том, как соблазнить очаровательную фрейлину или сочинить *танка*, которая принесла бы славу тонко чувствующего поэта. Ну не заниматься же скучной политикой, если в этом нет особой необходимости.

Эти государственные служащие в таких прекрасных условиях занялись тем, что им было интереснее всего: начали уделять пристальное внимание разработке ритуалов и цветов придворных одежд, а не абстрактным политическим или экономическим вопросам.

В эдиктах 810 года мы встречаем предписания относительно цветов мантий и длины мечей придворных. Внимание уделяется оттенкам пурпурного цвета одеяний, которые должны были носить министры второго ранга: недопустимо, если они будут недостаточно тёмными. В 818 году появляются правила этикета и поведения по отношению к вышестоящим: в зависимости от ранга чиновника отличался ритуал приветствия главного министра, когда тот входил в помещение, правому и левому министру нужно было податься вперёд на местах и поклониться, более младшие ранги должны были непременно встать, чиновники шестого ранга и ниже — вставали и низко кланялись. Подобные указы выходили с регулярностью, достойной лучшего применения.

Жители столицы, все как один освобождённые от каких-либо серьёзных дел, проводили время, занимаясь тем, что понастоящему приносило им радость и удовольствие. Они любовались цветами, они сочиняли стихи, они писали друг другу любовные послания; любовь вообще составляла главный смысл их жизни. Они бережно исполняли все ритуалы, продуманные до мельчайших деталей, как будто важнее этого не было ничего на свете.

Так, в «Записках от скуки» описан ритуал вручения фазанов важной персоне:

«Лучше всего их привязывать к сливовой или какой-нибудь другой ветке, когда цветы на ней или еще не распустились, или уже осыпались. Привязывают и к сосне-пятилистнику. Первоначально длина ветки должна равняться шести-семи сяку¹, потом делают ножом косой срез на пять бу². К середине ветки привязывают птицу. Ветки бывают разные: к одним фазанов привязывают за шею, к другим — за ноги. С двух сторон к веткам принято прикреплять нераспутанные побеги вистарии. Усики её следует обрезать по длине маховых перьев птицы и загнуть наподобие бычьих рогов.

По первому снегу утром с достоинством входишь в центральные ворота, держа дарственную ветвь на плече. Следуя по каменному настилу под стрехами карниза, ступаешь так, чтобы не оставить следов на снегу, потом выдергиваешь из фазаньего хвоста несколько перьев, разбрасываешь их вокруг и вешаешь птицу на перила дома».

Подобным образом были продуманы ритуалы и регламентированы правила для самых разных действий — от торжественных до повседневных. Беспрекословное соблюдение всех этих правил можно назвать бессмысленной красивой забавой, прекрасной утончённой игрой; но не было ничего важнее этого. О человеке судили по знанию и изяществу исполнения социальных ритуалов. Столь же тщательно были регламентированы привилегии в зависимости от придворного ранга: были установлены цвет костюма, ширина во-

¹ Традиционная мера длины в Японии. Один сяку равняется примерно 30 сантиметрам.

² Традиционная мера длины в Японии, равняющаяся примерно 3 миллиметрам.

рот в доме, тип повозки и количество слуг. Мир был изыщен с одной стороны, и подчинён бесконечным правилам с другой.

Дж. Сэнсому принадлежат слова о том, что «многое в культуре Хэйан кажется таким хрупким и иллюзорным», поскольку «она была продуктом скорее литературы, нежели жизни»; и с этим согласится любой, кто узнает, как было устроено общество того времени и как проводили дни обитатели столицы.

Это было общество, где поэтический талант и вовремя сочинённое красивое стихотворение могли помочь продвижению по карьерной лестнице, где о людях судили по красоте почерка и по чуткости восприятия, где, появившись на людях в кимоно, расшитом в цвета глицинии, когда цветут сливы, означало прослыть варваром и покрыть себя несмываемым позором.

Хэйанское общество, если оценивать его из современной действительности, отличалось от нашего общества буквально всем. Идеалом был женоподобный аристократ с напыленным лицом, не работающий и проводящий жизнь в любовании и сочинении стихов. Когда принц Гэндзи — главный герой романа «Гэндзи моногатари»¹ — узнает о том, что пора собираться на службу, он с сожалением произносит: «Ах, опять эта работа? Мне кажется, я создан для того, чтобы всю жизнь любоваться этими прекрасными цветами», — и дамы, для которых это сожаление было предназначено, — в мечтательном восхищении: «Ах, какой мужчина!» Для молодой фрейлины Мурасаки Сикибу, сочинившей этот роман, и для её современниц именно это был идеал мужчины: богатый, имеющий много жён и любовниц и не стремящийся делать ничего, кроме любования природой и сочинения стихов (и то, и другое выходило у него вполне неплохо).

Любовь во все времена и эпохи, как известно, «движет солнце и светила», но в столице Хэйан-кё, за неимением других развлечений, она составляла самый главный смысл существования. Но нужно отдать должное изысканству, с которым совершались все элементы ухаживаний. Всё начиналось с переписки, в результате которой по стихам, по почерку, по бумаге и по её аромату (в Хэйане все, включая мужчин, делали духи) можно было решить, имеет ли смысл начинать отношения.

¹ Один из известнейших романов японской литературы, написанный придворной фрейлиной Мурасаки Сикибу в 1001 году.

Если обеим сторонам становилось понятно, что смысл есть, времени на раскачку и на свидания уже не требовалось, и любовь японцев к простым физическим радостям этой жизни брала верх: мужчина приходил к девушке ночью и оставался с ней до рассвета, чтоб с первыми криками петуха незаметно уйти, а вернувшись к себе, тут же написать пятистишие о том, как он ненавидит петуха, разрушившего приятный момент любовной неги, и как мокры его рукава — неясно, то ли от росы (ведь уходил он рано утром, а рукава кимоно были длинными), то ли от слёз. Двусмысленность всегда была правилом хорошего тона в японской культуре.

Так он приходил три раза, и на третий он мог уже не уходить с утра, а остаться в постели с любимой: это было свидетельством серьёзных намерений.

Впрочем, если сравнивать с нашим современным восприятием брака, то серьёзность отношений в Хэйане можно было бы поставить под сомнение: иметь несколько жён было обычной практикой. Более того, странно и вызывающе для аристократа было иметь только одну жену: это могло значить, что человек или недостаточно финансово обеспечен, или просто странный какой-то. Ни то, ни другое, безусловно, не приветствовалось. В «Гэндзи моногатари» героя, который замыслил продемонстрировать верность и силу любви, женившись лишь на одной любимой девушке, родители отговаривают изо всех сил: мол, не хочешь же ты, чтобы над нами смеялись соседи, одумайся.

Женщин такая ситуация, впрочем, тоже вполне устраивала, да и никакой другой они представить просто не могли. Пределом мечтаний было стать женой из Северных покоев, то есть главной женой: тогда твои дети могли получить наибольшее благоприятие и обеспечение. А уж о верности как о каком-то важном принципе семейных отношений речи просто не шло.

Эта прекрасная жизнь, состоявшая из любований цветами и сменой времён года, бесконечных любовных переписок, сочинений писем и ожиданий ответа, редких путешествий за пределы столицы, а в основном — в безмятежном пребывании дома, вероятнее всего, была очень скучной. Айван Моррис справедливо замечает, что одним из самых популярных времяпрепровождений аристократов было «бессмысленное смотрение часами в одну точку». Такова была плата за эту спокойную счастливую жизнь, где можно было до старости ни о чем не переживать, кроме как о том, что письмо, которого долго ждёшь, никак не несут.

Каких-либо громких событий, менявших ход истории, не происходило, всё шло своим чередом. Да и вообще общество того времени нельзя назвать любопытным. Путешествовали японцы крайне редко: это было крайне неудобным и опасным занятием. Неудобным — потому что для путешествия следовало сесть в повозку, запряжённую двумя волами, которые очень медленно шагали, а качество дорог было не очень-то высоким, поэтому путешественников изрядно трясло на ухабах, и никак невозможно было сосредоточиться, чтобы сочинить надлежащее стихотворение.

Опасным — потому что мир за пределами столицы считался диким, неизведанным, вселяя скорее тревогу, нежели желание покорить его в путешествиях. Жители столицы предпочитали проводить время у себя дома, в максимально комфортной среде. Аристократы воссоздавали в своих ухоженных двориках миниатюрные копии красивейших мест родной страны — и всё: можно уже никуда не ехать, а просто выйти во двор.

Удивительно, но это время любования красотой, когда искусство обрело силу закона, а жизнь была посвящена лишь стихам и любви, длилось удивительно, просто невероятно долго: около четырёх столетий. Если вдуматься, это исторический промежуток примерно как от времён Петра I до наших дней.

Конечно, не всё это время жизнь Хэйан-кё протекала в мире и спокойствии — в середине XII столетия уже начинаются самурайские разборки, и аристократическое безмятежное существование начинает уходить в прошлое; тем не менее следует отдать должное управлению страной, которое позволяло поддерживать этот режим настолько долго без потрясений и смут.

Надо отметить ещё одну удивительную и очень важную особенность этой эпохи. Когда она неизбежно закончилась, изящные манеры и утончённые ритуалы стали прошлым, а на смену эстетствующим аристократам пришли грубые самураи, установившие свою власть в стране на семь веков вперёд, казалось бы, они должны были посмеяться над всеми этими странными обычаями. В конце концов, речь идёт о культуре, созданной очень узким кругом людей для своего же круга, до чужаков и людей более низкого сословия хэйанским аристократам не было никакого дела. Но вышло наоборот.

Никто не стал считать этих людей оторванными от жизни аристократическими фриками, никто не стал смеяться над бесчисленными стихами и кимоно, расшитыми глициниями.

Напротив, именно эта культура стала считаться с тех пор идеалом, к которому следует стремиться; и самураи, и другие простые жители страны бессознательно признавали и величие этой культуры, и своё бесконечное отставание от неё. Тем же статусом обладает культура Хэйан и в глазах современных японцев: золотое время, возвышенные нравы, красивая жизнь.

Хэйан был апогеем власти рода Фудзивара, которые тогда управляли всей страной, изящно оставаясь в тени божественных потомков Аматаэрасу. Это стало возможным благодаря излюбленному приёму, которым пользовались ещё их предшественники из клана Сога. Они выдавали своих дочерей замуж за принцев императорской крови, а когда малолетний принц становился императором, его тесть благородно брал на себя все важные государственные дела и управление страной. Император, хотя и становился просто марионеткой в руках расчётливых политиков, тем не менее никогда не противился. Сложные семейные связи и отношения позволяли Фудзивара использовать императоров в своих интересах. Наибольшего успеха достиг, пожалуй, Фудзивара Мичинага, который выдал своих четырёх дочерей замуж за императоров, а сам стал дедом троих из них и прадедом двоих.

Несмотря на то что зачастую в истории Фудзивара видятся хитрыми и расчётливыми политиками, пользовавшимися слабостью императорской власти в своих интересах, нужно помнить, что эпоха Хэйан длилась относительно без происшествий, в мире, спокойствии, созерцании и сочинении стихов целых четыре века подряд; одно это говорит о том, что у них всё же были определённые политические способности, позволявшие поддерживать страну во время золотого времени её культурного развития.

Однако «поддерживать» — не значит «развивать». Политика в ту прекрасную эпоху была в застое, поскольку не представляла интереса и особо никому не требовалась. Государственные эдикты были посвящены цвету мантий и шапочек придворных, разработке ритуалов и придворного этикета уделялось больше внимания, чем экономическим вопросам, а политические указы были хаотичными — в соответствии с классическим китайским изречением *чёрэй бокай* («отдать приказ утром и пересмотреть его вечером»).

Результаты были вполне ожидаемы. Государственная казна пришла в запустение вследствие полного краха системы на-

логообложения. Описанная выше система частных земельных участков сёэн в Хэйане достигла своего апогея, а это привело к тому, что буддийские храмы стремительно богатели, а государство недополучало деньги. Единственным экономическим механизмом, обеспечивавшим стабильность системы, был сбор рисового налога с государственных земель, но странно было бы рассчитывать, что этого могло быть достаточно для полноценного развития страны.

Дошло до того, что к началу XI столетия никто толком не знал, как делать монеты: все торговые операции и налоговые выплаты осуществлялись с помощью риса — главного экономического столпа Японии. С одной стороны, это помогало хоть как-то решить проблему, с другой — откладывало её более экономически оправданное решение на неопределённый срок.

Кроме того, в это время стало окончательно понятно, что попытка построить японское государство, просто взяв административные схемы из танского Китая и вписав их в японские условия, потерпела крах. Для управления небольшой и редконаселённой страной совершенно не требовалась сложная система с тысячами чиновников. Для эффективной административной работы нужна была не только принадлежность к знатному роду, но и личные качества и способности. Для того чтобы политика приносила результаты, нужно не только разрабатывать ритуалы и думать о цветах одежд, но и заниматься более серьёзными и сложными вопросами.

Была и ещё одна проблема — внешнеполитическая. С северо-востока продолжались набеги конных банд — опасных чужаков, которые совершенно не вписывались в уютный мир хэйанских аристократов. Поскольку эти аристократы редко держали в руках что-либо тяжелее кисти, не были обучены обращению с мечом, да и вовсе не желали воевать, а хотели вместо этого сочинять стихи, решить вопрос военных набегов так просто, как всем хотелось (например, чтобы однажды они просто пропали — и всё), не получалось.

Для решения проблемы создавались пограничные посты на севере страны, но отсутствие центрального контроля вновь мешало получить ожидаемый результат. Местные чиновники использовали выделенные ресурсы и средства для личного обогащения, занимали солдат на своих хозяйствах, поэтому войска были совершенно не готовы к отражению военных набегов, и эмиси то и дело прорывали эти неэффективные блокпосты.

В общем, история эпохи Хэйан говорит нам о том, что красота стихотворений и изящество ритуалов — это, конечно, важно, но на одном этом государство существовать не может. Рано или поздно красивой цивилизации, построенной вопреки всему в одном отдельно взятом городе, должен был прийти конец. Все предпосылки для этого были созданы экономическими и политическими действиями (или, точнее, бездействием) погрязшего в утончённом разврате и сочинении стихов управляющего класса. Крушение не самого прочного режима было лишь вопросом времени.

И в середине XII века это время пришло.

Глава 2

Жизнь легче пуха

Легче гусяного пуха
Жизнь улетает.
Снежное утро.
Онодэра Хидэтомэ

Одна из самых знаменитых книг про самураев (и отчасти для самураев) — написанная в XVIII веке «Хагакурэ» («Сокрытое в листе») — начинается словами:

«Я постиг, что Путь Самурая — это смерть. В ситуации “или/или” без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнишь решимости и действуй. Только малодушные оправдывают себя рассуждениями о том, что умереть, не достигнув цели, означает умереть собачьей смертью. Сделать правильный выбор в ситуации “или/или” практически невозможно».

Лучшее начало, кажется, невозможно придумать. Ямамото Цунэтомо (1659–1719) — самурай, после смерти своего господина ушедший в горы и ставший там отшельником, благодаря своему литературному таланту возвеличил в веках то сословие, к которому был горд принадлежать. Слово «бусидо» известно сегодня почти каждому, загадочный «кодекс чести самурая» стал культовым (хотя не до конца понятно, что именно имеется в виду), и представители воинского сословия Японии спустя пару столетий после своего исчезновения обрели в мировой культуре невероятную славу, которая им наверняка бы польстила.

Однако это эффект литературы, не имеющий прямого отношения к реальной жизни и истории. Сам Ямамото жил в то время, когда великие самурайские деяния остались в прошлом и история этого сословия двигалась к неизбежному закату; поэтому, читая красивые слова о самурайской доблести, написан-

ные им в начале Нового времени, не следует обманываться, полагая, будто все самураи всегда жили и действовали в соответствии с ними.

За многовековую историю этого сословия самураями успели побывать самые разные люди: и благородные, и ушлые, и храбрецы, и трусы, и герои, и злодеи. Честь и доброе имя были важны для многих из них, но далеко не для всех. Некоторые могли предать, сбежать с поля боя или ударить в спину, если так было нужно или приказано: ни о каком кодексе *бусидо* никто и не задумывался, поскольку его как такового не существовало. Всё-таки война — это война, и прав в ней оказывается тот, кто выжил, а не тот, кто чтит кодекс.

Рассказывать историю самураев непросто, поскольку слава об их подвигах велика, образ непоколебим и благороден, а достоверные факты обросли легендами до такой степени, что очистить их от этого слоя, при этом не повредив, почти невозможно. Кроме того, историю часто пишут победители, и пишут её так, как им кажется выгоднее и как бы они хотели, чтобы потомки спустя столетия видели эти события. Поэтому остаётся вероятность, что та информация из учебников истории, которая сегодня предлагается в качестве единственной версии, не всегда является столь достоверной, как хотелось бы. Но другой у нас всё равно нет.

Для начала хочется сделать несколько важных вводных замечаний, которые должны помочь читателю лучше понять, о чем будет идти речь.

Во-первых, следует помнить: самураи — не просто военное сословие, коих немало было в разных странах; гораздо важнее, что это было правящее сословие, которое находилось у власти в Японии на протяжении семи веков подряд. Их мысли, их ценности и идеалы не могли не оказать огромное влияние на всю страну и на её развитие; большинство феноменов японской культуры, известных всему миру сегодня, появилось при их покровительстве или под их непосредственным влиянием.

Во-вторых, нужно разобраться с определением. Слово «самурай», хотя оно и используется в этой книге, является не совсем корректным. Точнее, это слово до самого недавнего времени не использовалось в Японии, и если бы вы в лицо назвали самураем кого-нибудь из героев этой главы, он бы, вероятно, снёс вам голову острым мечом в следующую же секунду. Правильнее было бы использовать слово *буси* (武士), где первый иероглиф указывает на отношение к военному делу, а второй — на представителей определённого сословия.

Слово «самурай» происходит от глагола «сабурау», или «самурау», и сам этот иероглиф (侍) означает «служить», «прислуживать при дворе». То есть в этом слове звучит не столько указание на доблесть и мужество, сколько указание на то, что это служилое сословие. Преданное служение своему господину, разумеется, было возведено в разряд наиболее важных добродетелей, но, как мы сможем убедиться, идеальными слугами были далеко не все. Кроме того, *самураи* — это японское слово, а *буси* составлено из китайских иероглифов, а всё, что обладало китайскими корнями, как известно, считалось более величественным и благородным.

Их часто сравнивают с рыцарством, но эти аналогии не всегда справедливы. Самураи шли на бой только за своего господина и за славу своего рода, к которому они были горды принадлежать, а не со священными лозунгами и именем Бога на устах. Не менее странной показалась бы им идея воевать за Прекрасную даму: даже к самым прекрасным из женщин у них было скорее функциональное отношение, нежели возвышенное.

Эти люди были не похожи на нас, некоторые их взгляды и поступки могут вызвать недоумение у наших современников — но и время тогда было непростое, оно требовало тех качеств, которые у нас могут не проснуться за целую жизнь. Там, где жизнь легка как пух и каждый день может стать последним, всё видится немного по-другому, чем в мирное время. Как мы увидим, как раз мирное время и разрушило это сословие, для которого главным смыслом жизни была война.

Изучать этих удивительных воинов нужно внимательно и вдумчиво, отринув стереотипы и продираясь сквозь дебри и нюансы сложной японской средневековой истории. И для начала нужно вернуться туда, где закончилась предыдущая глава — в столицу Хэйан-кё, где наслаждаются жизнью, сочиняют стихи, предаются изысканным удовольствиям и утончённому разврату изнеженные аристократы.

Там живёт император со своими многочисленными родственниками и слугами и представители знатных родов. Они занимаются любовью, пьют сакэ и любят взмахом кисти, для них политика — скорее забавная игра в подражание Китаю, нежели актуальная необходимость. В их сознании Япония — это не большая страна, требующая управления, а скорее отдельно взятый город, за пределами которого царит опасная неизвестность. Их изящная жизнь далека от реальной ситуации в стране, и такое положение дел всех долгое время устраивало;

в конце концов, этой эпохе мы обязаны шедеврами японской литературы, высотами изящества и стиля, которых она с тех пор больше не достигала.

Время, впрочем, было не самым простым. Обстановка на северо-востоке страны накаляется, на дорогах орудуют «конные банды» (*сюба-но то*), которые терроризируют население, грабя склады и убивая чиновников. Единственный выход для наслаждающихся *dolce vita* хэйанских чиновников — это отправить надёжных людей для наведения порядка и контроля над этими неспокойными территориями.

Когда перед императорским двором (а по сути, перед правящим родом Фудзивара) встал вопрос о наведении порядка, решение было найдено на первый взгляд довольно эффективное: управителями в эти земли были направлены принцы императорской крови со вверенными им людьми и военными ресурсами. Эффективным оно было потому, что это были «свои люди», а значит — верные трону. Сами эти аристократы, назначенные нести пограничную службу, тоже не слишком возражали: всё равно все должности в столице были уже расхvatаны и поделены, а земли и оружие открывали перед ними новые возможности.

Эффективность, конечно, была лишь видимостью. Борясь с одной проблемой, Фудзивара, сами того не подозревая, создавали другую — ещё более серьёзную. Они тем самым передавали огромную силу в руки людей, которые потом ею непременно воспользуются — когда варвары с окраин будут повержены, взгляды победителей неизбежно обратятся на представителей власти. Непонятно даже, почему они с самого начала не увидели этой опасности. Спишем это на напряжённое сочинение стихов, придумывание законов и некоторую утрату связи с реальностью.

В это время появляются два основных рода, на плечи которых легла почётная обязанность по защите страны. Один, возводивший своё происхождение к императору Камму (тому самому, который основал Хэйан-кё), получил имя Тайра. А в Исэ был направлен род, взявший имя Минамото и ведущий своё начало от внука 56-го императора Сэйва.

Тайра укрепляли свои владения на юге и западе от Киото, а Минамото — на севере и востоке. Первые прославились как усмирители пиратов, которых было немало у берегов Кюсю и во Внутреннем море, вторые — как покорители варваров и мятежников на северо-востоке страны. Эти воины оттачивали своё умение на дальних рубежах, постепенно накапливая военную мощь. Бросить вызов Фудзивара они пока не решались, но

каждое их успешное военное предприятие приближало момент нешуточной схватки за власть. Нараставшее соперничество достигло своего апогея в середине XII века; нужно было буквально немного, чтобы они наконец столкнулись. Но, для того чтобы лучше понимать последующие события, нужно учитывать одну важную особенность японской политики того времени.

В эпоху Хэйан сложилась практика *инсэй*, согласно которой император в сравнительно молодом возрасте отрекался от престола в пользу своего малолетнего наследника, а сам принимал монашеский сан. Учитывая тот скучный образ жизни, который вели японские императоры, для многих это становилось возможностью наконец пожить нормальной жизнью, а не в обременительном статусе живого божества. Эта практика была крайне популярной, но неизбежно вызывала споры вокруг того, кто будет назначен следующим императором, поскольку все претенденты и заинтересованные лица были молоды и полны сил.

Один из таких кризисов во власти случается в 1150 году, когда неожиданно умирает шестнадцатилетний император Коноэ; ходили слухи об отравлении, но доказать это так и не удалось. Разумеется, нужно решить вопрос о престолонаследии. Оба претендента — и предыдущий император Сутоку, которого до этого фактически вынудили отречься от престола, и претендующий на власть Го-Сиракава — решили в военном противостоянии выяснить, кто из них достойнее. Тут-то им и пригодились люди, умеющие хорошо обращаться с оружием.

Смута Хогэн — первое и последнее масштабное военное сражение того времени, в котором друг против друга воевали смешанные армии, состоящие из самураев как Тайра, так и Минамото. После этой битвы два великих военных рода воевали только друг с другом — вплоть до полного уничтожения одного из них.

Жарким днем 29 июля 1156 года две армии сошлись в сражении, которое положило начало великим самурайским битвам последующих пяти веков. Сражение было не только масштабным, но и крайне галантным, наполненным всеми правилами военного этикета: оно началось с боевых кличей, а лучники, выпускавшие первые стрелы, громко провозгласили свои родовые и личные достижения. Только после этого началась кровавая битва.

В ней благодаря неверному стратегическому решению в лагере противника одержала победу армия под руководством Тайра Киёмори. Императорская резиденция проигравшего битву Сутоку была предана огню, а спасавшихся в панике людей са-

мураи расстреливали при свете огромного пожара, озарившего всё ночное небо. Теперь Киёмори мог считать себя настоящим победителем: за помощь Го-Сиракаве в обретении власти он стал ближайшим императорским советником и потеснил с этих надёжных позиций род Фудзивара.

Впрочем, в то время любая, даже самая уверенная победа была окончательной лишь относительно; всегда было несколько людей, оставшихся недовольными и мечтавших о свержении власти в свою пользу.

Тайра Киёмори был, судя по сохранившимся историческим свидетельствам, не самым приятным человеком: властолюбивым, жестоким, подозревающим всех и каждого в возможной измене. «Хэйкэ моногатари» (в русском переводе «Повесть о доме Тайра») рассказывает о том, что по городу теперь ходили *кабура* — юноши 14–15 лет с одинаковыми короткими стрижками и в одинаковых красных куртках — и следили, не говорит ли кто-нибудь плохого о Тайра. Если виновный находился, у него отбирали имущество и вели на жестокую расправу — мера была эффективной в той же степени, в какой и настраивала людей против власти.

Со временем отношения между Го-Сиракавой и Киёмори стали весьма напряжёнными: император не был согласен с суровой политикой последнего и вскоре по хорошей традиции отрёкся в пользу своего пятнадцатилетнего сына. Впрочем, и после отречения он принимал участие в заговоре против Киёмори, который был в итоге раскрыт с последующей казнью всех причастных к нему.

Мятеж против жестоких узурпаторов из рода Тайра рано или поздно должен был случиться, и неудивительно, что его подготовили недовольные сложившимся положением Минамото. А именно, самурай по имени Минамото Ёситомо — один из тех представителей этого рода, которые выбрали правильную сторону в сражении Хогэн и благодаря этому выжили, но завистливо чувствовали себя обделёнными властью, свалившейся на их врагов.

Обида Ёситомо подкреплялась и тем, что после победы он должен был отдать приказ о казни собственных отца и деда: проявить малодушие в тот момент означало бы выразить неверность императору, за которого он воевал. Некоторое время после победы он ходил равнодушной тенью среди упоённых величием самураев Тайра, а затем разработал план военного переворота.

Подходящего момента ждали довольно долго. Но однажды в середине января 1160 года, когда Тайра Киёмори вместе со старшим сыном направились на поклонение в святилище Кума-

но, тот самый момент настал. Выждав четверо суток, чтобы отряд отъехал на значительное расстояние от столицы, самураи Минамото под предводительством Ёситомо ворвались в бывший дворец императора, подожгли его и начали убивать всех, кто там находился.

Эпизод, известный в японской истории как смута Хэйдзи, поражает своей безжалостностью. Суровые неотёсанные воины с окраин столицы преследовали придворных дам, выбегавших с пронзительными криками из уютных спален, и с азартом выискивали тех, кто спрятался под деревянным настилом, закалывая их на месте. Грохот рушившихся балок и крики людей, сгорающих и умирающих в самом центре столицы Мира и Спокойствия, говорили о том, что уходит время поэзии и утончённых любований природой, а на смену ему приходит неизбежное и страшное новое время.

Тайра вернулись в столицу так быстро, как смогли, учитывая скорость распространения в XII веке новостей из столицы до экипажа в пути: через полмесяца. Но вернулись готовыми к бою. Вначале Тайра незаметно выкрали императора, переодели его в женское платье, а затем дали ещё один бой Минамото, в ходе которого одержали победу. Ёситомо вынужден был спастись бегством в горы, а через несколько дней был предан и убит собственным вассалом.

Теперь торжество Тайра было оправдано и безгранично. Киёмори должен был действовать сообразно обстоятельствам и не собирался щадить почти никого: в живых остались лишь старики и дети, сосланные в самые удалённые концы Японии. К старикам за свою долгую верную службу императору был причислен пятидесятичетырехлетний Минамото Ёримаса, а в числе детей, которых благородно недооценил Киёмори¹, оказался четырнадцатилетний Минамото Ёритомо. Именно этот хмурый и обозлённый подросток спустя много лет совершит военный переворот, отбросивший Тайра на обочину японской истории.

Впрочем, до этих событий оставалось ещё около двадцати лет. Немалый срок — и за эти два десятилетия Тайра успели успокоиться, отвыкнув от бесконечных притязаний на власть со

¹ Этот поступок — сохранение жизни детям своих злейших врагов — даёт основания полагать, что Киёмори не был столь жестоким и злым человеком, каким его принято считать. Однако поскольку историю пишут победители (а победителями оказался род Минамото), не исключено, что имя Тайры Киёмори оказалось впоследствии сознательно очернено.

стороны противников. Киёмори стал ленивым и богатым стариком со скверным нравом, а Минамото как раз перевели дух и были готовы к очередной попытке захватить власть. Поводом для того, чтобы жернова войны вновь завертелись, стал вполне серьёзный политический документ.

Принц Мочихито, обделённый властью сын императора Го-Сиракавы, издал прокламацию, в которой призывал храбрецов Минамото объединить усилия и свергнуть ненавистный диктаторский режим Тайра. Этот документ положил начало войне Гэмпэй (1180–1185) — самой известной самурайской войне в японской истории.

Слово *Гэмпэй* состоит из первых двух иероглифов названий воинствующих родов: **Гэндзи** (альтернативное название Минамото) и **Хэйкэ** (альтернативное название Тайра). Иногда эту войну сравнивают с войной Алой и Белой Розы из истории Англии, поскольку цвет знамен Тайра был красным, а Минамото — белым. Словно кровь падает на снег. Война Гэмпэй — одна из самых кровавых страниц японской истории, хотя при этом и одна из самых героических.

Призыв принца Мочихито поддержал семидесятичетырехлетний Минамото Ёримаса, которого, казалось бы, никто не мог и заподозрить в заговоре против власти, поскольку он так давно смиренно ей служил. Однако, узнав о прокламации, он сжигает свой дом, собирает верных людей и возглавляет заговорщиков. Первым масштабным сражением, которым началась война Гэмпэй, стала битва при Удзи.

Сегодня город Удзи славится своими чайными плантациями, там выращивают одни из лучших сортов чая во всей Японии. Ещё там течёт красивая река, а на её берегу стоит Бёдоин — вилла семейства Фудзивара с роскошным павильоном Феникса. Даже само это здание выполнено в форме летящего феникса — настоящий шедевр японской храмовой архитектуры. В 1180 году на берегу этой реки остановился Ёримаса со своими людьми, здесь они ждали союзников в лице монахов-воинов из Нары.

Слово «монах» не должно вводить в заблуждение: монахи-воины (*сохэи*) представляли собой серьёзную военную силу, будучи куда ближе к воинам, нежели к монахам. Поскольку буддийские храмы не облагались налогом, под их протекторат переходили многие люди в поисках экономической выгоды и облегчения своего существования. Этот важный ресурс, разумеется, был использован вовсю: монахи превратились в самостоятельную военную силу и неоднократно являлись ко двору

Храм Бёдоин. Удзи, преф. Киото, Япония

с ультимативными требованиями. Ещё император Сиракава в XI столетии с грустью замечал: «Хоть я и правитель Японии, есть три вещи, над которыми я не властен: водопады на реке Камо, падение игральных костей и монахи горы Хиэй».

Теперь вся надежда Ёримасы была только на них — он внимательно вглядывался в туманную рассветную дымку на противоположном берегу, пытаясь увидеть, кто будет первым: сохэй, которые помогут ему одержать победу в этой битве, или самураи Тайра.

Затем из тумана раздался боевой клич, лишавший надежды. Первыми были Тайра.

Ночью самураи Минамото предусмотрительно разобрали настил на мосту, чтобы врагам было не так легко перебраться через бурную реку, и бой на разобранном мосту продолжался до тех пор, пока его не покрыли тела убитых. После этого Тайра стали форсировать реку под огнём стрел противника, и большинство успешно справилось с этой задачей. Первым выскочил на берег восемнадцатилетний Асикага Тадацуна, про которого известно, что он превосходил остальных в трёх вещах: «силой, которая была равна силе сотни людей, голосом, который разносился на расстояние в десять ри, и зубами, которые были длиной с палец». За ним подоспели и остальные самураи.

Воины Минамото были в явном меньшинстве, и чем ближе их отгесняли к воротам Бёдоин, тем отчетливее Ёримаса, раненый в правую руку, понимал, что сражение проиграно.

Он воспользовался небольшой передышкой, пока его сыновья держали ворота под вражеским натиском. У него было всего несколько минут, и медлить было нельзя. На оборотной стороне боевого веера он написал короткое стихотворение:

Как дерево сухое,
С которого не снять плодов,
Печальна жизнь моя была,
Которой суждено пройти бесплодно.

После этого он взял короткий меч *вакидзаси* и разрезал себе живот: вначале сделал вертикальный надрез, затем — крест-накрест — горизонтальный, тем самым совершив классический пример знаменитого способа самоубийства, столь любимого среди самураев, — *сэппуку*, которое мы обычно называем «харакири».

Эти два слова записываются одними и теми же иероглифами — 腹 («живот») и 切 («резать»), однако меняются их порядок и чтение. Слово *харакири* (腹切) читается по японским чтениям иероглифов, *сэппуку* (切腹) — по китайским. Китайские более благородные, поэтому слово, читающееся по китайским канонам, звучит торжественнее, чем его японский аналог¹.

Этот вид самоубийства удивителен и поражает своей суровой эстетикой (не случайно он стал одной из визитных карточек Японии в массовом сознании). Его истоки не совсем понятны, и можно считать его одним из тех немногих японских феноменов, который не был взят из Китая, а сформировался внутри страны. По одной из версий, истоки лежат в древнем айнском мифе про богиню, которая распоролa себе веткой живот, но и это — всего лишь версия.

Важно помнить про восприятие японцами живота как части всего организма. Если для нас это бесчувственный анатомический орган, который в основном переваривает пищу, то в дальневосточной культуре живот — это важнейшая часть тела, в которой заключена жизненная энергия и которая отвечает за все наши чувства и эмоциональные состояния. (Похожим образом мы сейчас романтизируем сердце — хотя оно на самом деле просто перекачивает кровь, а вовсе не ответственно за влечение к другому человеку.) Неслучайно в Китае существу-

¹ По этой же причине слово *камикадзэ* является не совсем правильным несмотря на то, что уже стало известно всему миру. Правильнее читать эти иероглифы (神風) по их китайским чтениям, чтобы получилось *симпу*.

ет понятие «киноварного поля» — энергетического центра человека, который находится примерно на три сантиметра ниже пупка, — это и есть всё средоточие энергии человека. Центр пересечения вертикального и горизонтального рассечений приходится примерно на эту точку.

Фактическое раскрытие живота можно в данном случае уподобить обнажению души. Теперь, после своей смерти, человек наконец может, предъявив окружающим свои внутренности, как бы сказать: «Вот, смотрите, я такой, какой есть». Трудно себе представить более благородную смерть — ни один другой способ расстаться с жизнью не может так красноречиво выразить желание человека уйти в гармонии с этим миром и окружающими.

Кроме того, это в немалой степени свидетельствует о мужестве человека, поскольку это один из самых болезненных способов расстаться с жизнью. Необходимо сделать два довольно глубоких надреза — сперва вертикальный, затем горизонтальный, и рука должна оставаться твёрдой до самого конца, иначе получится некрасиво. Кроме того, от этих ран человек не умирает сразу; его смерть может идти к нему несколько часов, она долга и мучительна. Поэтому со временем в этих ритуалах появляется *кайсяку* — секундант, стоящий за спиной самоубийцы с мечом наготове: после того как *сэнпuku* закончено, он быстрым движением отрубает тому голову, чтобы избавить от мучений. Задача кайсяку при этом тоже непроста: если он отрубит голову так сильно, что она покатится по полу и обрызгает кого-нибудь кровью, будет и непочтительно, и не слишком красиво. В идеале он должен сделать это так, чтобы голова повисла на тоненькой полоске кожи шеи. Сложно даже представить себе, сколько часов тренировок нужно, чтобы поставить удар такой точности.

Самоубийством Ёримасы война Гэмпэй не закончилась — скорее только началась. В это же время на Идзу прокламацию от мятежного принца получает Минамото Ёритомо, который к тому времени успел превратиться из озлобленного подростка в зрелого мужчину. Ему было 34 года, и на протяжении долгих лет своей ссылки он вынашивал лишь одну идею, которая не требовала суеты и легкомыслия: он мечтал отомстить.

Когда Ёритомо узнаёт о бушующих событиях, он понимает, что медлить больше нельзя. Он устраивает побег и попутно рассылает всем своим родственникам, затаившимся по разным уголкам страны, извещение, что пришло время сместить давних врагов. И хотя, казалось бы, все представляющие возможную опасность Минамо-

то должны были быть к тому времени полностью уничтожены, всё же находятся союзники, откликающиеся на его призыв.

Одним из них был его младший брат — величайший воин самурайского эпоса, идеальный самурай и подлинный трагический герой японской истории¹ — знаменитый Минамото Ёсицунэ. Это он добыл для своего старшего брата победу в войне Гэмпэй, а в итоге был им предан и совершил сэппуку на опушке леса, загнанный его верными воинами.

В детстве Ёсицунэ был отдан на воспитание в монастырь, где постигал основы воинского искусства. Согласно легендам, его учителями были горные мифические существа *тэнгу*², обучившие его всем тем умениям, благодаря которым он снискал будущую воинскую славу. Также, в отличие от многих других самураев, он известен своими отношениями с противоположным полом: его возлюбленной была прекрасная танцовщица Сидзука. В общем, идеальная биография для настоящего героя.

Вместе с ним вошёл в историю и его верный друг — монах-великан Бэнкэй, по мощи превосходивший многих других воинов своего времени. Он был послушником монастыря Энрякудзи, однако за озорной и грубый нрав его в итоге попросили покинуть монастырь. Тогда Бэнкэй нашел себе дело по вкусу: он ходил по дорогам, отнимая мечи у встречных воинов. Когда у него было их уже 999, на мосту Годзё он повстречался с Ёсицунэ. Бэнкэй вступил в схватку за юбилейный трофей, но неожиданно для себя потерпел поражение. Тогда он решил, что станет слугой такого умелого воина, и с тех пор их имена на страницах японской истории неразделимы.

Ёсицунэ поступил на службу к своему брату в 1180 году, и первым его заданием стало, как ни странно, нападение не на врагов из рода Тайра, а на войска их двоюродного брата — Минамото

¹ Архетипу трагического героя в Японии посвящена книга А. Морриса «Благородство поражения». Согласно его идее, в западной культуре, нацеленной на успех, более популярен тип героя-победителя, путь которого заканчивается славой и триумфом, в то время как японцы больше сопереживают герою, который противостоит окружающему миру, но «навечно обречён с проигрывающей стороной и неизбежно будет низвергнут». И то, что он в итоге лишает себя жизни, возвеличивает его смерть и делает её гораздо важнее и прижизненной славы, и триумфа.

² Тэнгу (天狗, «небесные собаки») — горные существа, обладающие сверхъестественной силой. Как правило, изображаются в виде краснокожих мужчин огромного роста с мечом и крыльями. Ещё одной отличительной чертой тэнгу является их длинный нос.

Ёсинака. Для того чтобы стать единоличным правителем Японии, Ёритомо с невиданной лёгкостью сталкивает своих родных в кровопролитных битвах, при этом сам в них никогда не участвуя. Он был в первую очередь политик, а не самурай: военная сторона дела его интересовала лишь как средство для достижения успеха.

Минамото Ёсинака (чаще известный как Кисо Ёсинака) представлял на тот момент значительную силу, контролируя горный район Синано к северо-востоку от столицы. По замыслу Тайра, его должны были убить ещё младенцем, но самурай, которому было поручено убийство, проявил тогда жалость и великодушие и отнёс малыша в горы, где тот вырос, обосновался и подчинил себе в итоге немалую территорию, которую умело оборонял. В это время в Японии существовали три основные военные силы: Тайра в Киото, Ёритомо на равнине Канто и Ёсинака в горах Синано.

Ещё после смерти Тайра Киёмори его сын Мунэмори пошел войной на владения Ёсинаки, но эта кампания была откровенно странной: огромную армию собирали принудительно из лесорубов и крестьян, продовольствие кончилось через несколько дней после выхода из столицы, и начались мародёрство и дезертирство; а вдобавок ко всему, когда войско дошло до озера Бива, командиры, вдохновившись видами, нашли время прокатиться на лодке, чтобы один из них сумел сочинить стихотворение.

Странно было бы, если бы этому войску удалось одержать победу, но ему и не удалось. Сперва самураев Тайра оттеснили к ущелью Курикара («Уж на что глубоко ущелье Курикара, а и оно оказалось тесным, когда семьдесят тысяч воинов Тайра рухнули вниз, прямо в пропасть»), а затем войска Ёсинаки начали путь в столицу. В 1183 году они триумфально вошли в Хэйан-кё, и стало понятно, что время могущества Тайра осталось в прошлом.

Когда Ёритомо узнаёт об этом, его охватывают противоречивые чувства, но направление следующего удара становится понятным. Начать завоевание страны Ёритомо решил не со своих главных врагов, а со своего двоюродного брата.

Встреча двух армий состоялась в 1184 году у реки Удзи, и Ёсинака, готовясь к сражению, снимает настил у моста, как это сделал Минамото Ёримаса четыре года назад, но уже с противоположной стороны реки. Решиться форсировать реку по подтаявшему снегу было не просто, но недаром Ёсицунэ был великим воином и полководцем. После благополучной переправы конец Ёсинаки был близок; как написано в «Хэйкэ моногатари», «теперь он бежал вдоль русла реки всего с шестью

приближёнными, уже затерявшись в мрачных сумерках нижнего мира». Его жена сражалась с ним бок о бок и даже отрубила голову одному из самураев Ёсицунэ.

Однако итог всё равно оказался печален. Ёсинака мчался на лошади по заливному полю, и его конь провалился в жидкую грязь. Он понукал и хлестал коня и в какой-то момент на секунду оглянулся посмотреть, далеко ли преследователи. В этот момент вражеская стрела поразила его прямо в лицо.

Справившись с Ёсинакой, свой следующий удар Ёсицунэ направил уже на самураев Тайра, отвоевав горную крепость Ичи-но-тани. Преодолев крутой спуск, по которому, как говорили, и обезьяна не спустится, Ёсицунэ со своими людьми, включая великана Бэнкэя, набросились на незащищённый тыл Тайра, и пока те бежали к кораблям, чтобы спастись, поджигали всё на своём пути. Сражение за Ичи-но-тани стало для Тайра оглушительным разгромом, после которого их моральный дух серьёзно пошатнулся. Но главной битве предстояло случиться через полгода после этих событий, в апреле 1185 года.

Завершающим сражением войны Гэмпэй стала битва в заливе Данноура. Тогда основные силы рода Тайра решили дать бой Минамото у южной оконечности острова Хонсю, в районе современного города Симоносэки. Особых причин для волнения не было: Тайра были явно более опытными мореплавателями и хорошо знали местные воды. Но на стороне Минамото была большая численность благодаря недавно заключённым политическим союзам и, конечно же, военный гений Ёсицунэ.

С самого начала главной своей целью Тайра выбрали именно его. «Узнать его будет нетрудно, — говорил в мотивирующей речи Тайра Кагэкиё, — он лицом бел, ростом мал, зубы торчат вперёд». Затем они разбили свои корабли на три эскадры, и ранним утром 15 апреля 1185 года сражение началось.

Несмотря на меньшую флотилию, судьба вначале благоволила Тайра, и Ёсицунэ даже едва не попал в плен, но спасся, перепрыгнув на другое судно. И вот когда они были уверены, что победа уже близка, течение вдруг поменялось. Теперь корабли Минамото теснили их к берегу, попутно покрывая градом стрел. Было и ещё одно непредвиденное обстоятельство: измена. Один из самураев Тайра спустил красный флаг, поднялся на борт к Ёсицунэ и рассказал ему, где находится основной корабль — тот, на котором был семилетний император Антоку со своей бабушкой. Теперь вся военная мощь флотилии была направлена против него.

Постепенно Тайра стало понятно: сражение проиграно. О том, чтобы сдаваться, речи, разумеется, не шло: поэтому самураи предпочли расстаться с жизнью, не дожидаясь разгрома и уничтожения, — они стали прыгать с кораблей и нашли свою смерть в волнах залива Данноура. Так произошло, возможно, самое массовое и драматичное самоубийство в истории самураев.

Малолетний император тоже не избежал этой участи. Вот как это событие описывает «Повесть о доме Тайра»:

«Императору Антоку исполнилось восемь лет, но на вид он казался гораздо старше. Чёрные прекрасные волосы ниспадали у него ниже плеч. Он был так хорош собой, что, казалось, красота его, как сияние, озаряет всё вокруг.

— Куда ты ведешь меня? — удивленно спросил он, и Ниидоно, утерев слезы, отвечала юному государю:

— Как, разве вам ещё неизвестно, государь? В прежней жизни вы соблюдали все Десять заветов Будды и в награду за добродетель стали в новом рождении императором, повелителем десяти тысяч колесниц! Но теперь злая карма разрушила ваше счастье. Сперва обратитесь к восходу и проститесь с храмом Великой богини в Исэ, а затем, обратившись к закату, прочитайте в сердце своём молитву Будде, дабы встретил он вас в Чистой земле, обители райской! Страна наша — убогий край, подобный рассыпанным зёрнам проса, юдоль печали, плохое, скверное место! А я отведу вас в прекрасный край, что зовётся Чистой землей, обителью райской, где вечно царит великая радость! — так говорила она, а сама заливалась слезами.

Государь, в переливчато-зелёной одежде, с разделёнными на прямой ряд, завязанными на ушах волосами, обливаясь слезами, сложил вместе прелестные маленькие ладони, поклонился сперва восходу, простился с храмом богини в Исэ, потом, обратившись к закату, прочёл молитву, и тогда Ниидоно, стараясь его утешить, сказала:

— Там, на дне, под волнами, мы найдём другую столицу! — и вместе с государем погрузилась в морскую пучину».

После этих событий моряки ещё долго боялись заходить в залив Данноура, опасаясь того, что их утянут на дно призраки самураев. Ещё одна легенда гласит, что утонувшие самураи после смерти превратились в крабов: их так и называют — хэйкэ-гани (крабы Хэйкэ); если выловить этого краба и внимательно на него посмотреть, и вправду можно увидеть лицо воина, застывшее в панцире членистоногого.

Хэйкэ-гани (*Heikeopsis japonica*). Национальный музей естественной истории, Париж, Франция

Сражение при Данноура — единственное масштабное морское сражение в истории самураев; и его трагический конец, как и в целом вся война Гэмпэй, стали основой для целого ряда произведений искусства на многие столетия вперёд. После этой битвы редкие выжившие Тайра рассеиваются по разным концам страны, но со страниц японской истории это имя сходит навсегда. Начинается эпоха господства Минамото.

Однако Ёсицунэ вовсе не ждали лавры героя. После блистательных военных побед он посылает своему старшему брату письмо, начинавшееся со скромных слов, отчётливо показывающих характер отношений между двумя братьями: «Я, Минамото-но Ёсицунэ, лейтенант внешней дворцовой стражи, почтительно обращаюсь к вашему превосходительству». В письме он пишет о добытых им победах и спрашивает разрешения прибыть в военную ставку в Камакуру.

Ёритомо, впрочем, оказался чужд благодарности и тёплых братских чувств: он приказывает Ёсицунэ отправляться в столицу, минуя Камакуру. А через несколько дней начинает рассылать по всей стране приказ о задержании и умерщвлении Ёсицунэ и Бэнкя.

Такое поведение может показаться неблагодарным и не совсем логичным, но мы не должны недооценивать холодный расчёт основателя первого японского сёгуната: благородство было плохим советчиком в войне, а в то время — и вовсе опасным.

Уже по тому, что Ёритомо уклонялся от битв и сталкивал между собой своих родных, можно заметить, что он не являлся идеалом воина и не представлял собой образец добродетели. Его интересовала политическая победа, он хотел власти, а всё, что казалось ему помехой, требовало устранения.

Теперь помехой оказался его младший брат, который пользовался популярностью и любовью среди самураев, а значит — мог при желании направить этих людей против самого Ёритомо. Кроме того, преследование Ёсицунэ было и стратегическим ходом, направленным на поддержание контроля над страной: как известно, ничто так не объединяет людей, как общая военно-тактическая задача.

Кроме того, были и чисто психологические причины: чем больше Ёритомо приближался к власти, тем более становился он мнительным и тревожным, тем сильнее панически боялся заговоров и мятежей. Он начинает подозревать окружающих в заговорах и кознях, не ночует в одном и том же месте несколько ночей подряд, казнит подданных за малейшую оплошность. Неудивительно, что такой идеальный самурай, как Ёсицунэ, мог вызывать у него противоречивые чувства.

Существует множество легенд о том, как Ёсицунэ и Бэнкэй на протяжении многих месяцев скрывались от самураев всей страны. Согласно одной из них, у заставы Атака Бэнкэй уговорил господина переодеться его слугой-носильщиком, чтобы избежать подозрений. Когда офицер обратил внимание на странную парочку и заподозрил в одном из них государственного преступника, Бэнкэй начал на его глазах избивать «носильщика», и в итоге они благополучно миновали заставу. Этот эпизод всплывёт впоследствии в средневековых пьесах театра *но* как пример истинной доблести слуги.

Впрочем, убегать от всей страны бесполезно, это противостояние заведомо обречено на поражение. В битве у реки Коромо отряд Ёсицунэ, состоявший из девяти его верных воинов, противостоял вооружённому отряду из 30 тысяч человек. Согласно легенде, когда Бэнкэй и Ёсицунэ остались вдвоём, слуга предложил господину бежать, а сам остался сдерживать наступающее войско. Он исступлённо размахивает алебардой, уничтожая десятки воинов и покрываясь в это время стрелами. Таковы были последние минуты жизни Бэнкэя. Впрочем, и после смерти его опирающаяся на алебарду огромная чёрная фигура внушала такой ужас, что воины не спешили к ней приблизиться.

Когда они наконец прорываются к опушке леса, где спрятался Ёсицунэ, тот уже успел дочитать сутру Лотоса Благого Закона и совершить сэппуку мечом, подаренным ему в детстве настоятелем храма Курама, где он воспитывался. Так умирает великий самурай¹, и вместе с этим наступает время централизованного государства, которое строил его старший брат.

Минамото Ёритомо, начинавший свой путь в ссылке на Идзу, а закончивший военным правителем всей страны, не был бесстрашным воином, о которых слагаются легенды. Он не был и тем благородным самураем, именем которого была бы освящена война за верховенство Минамото. Его имя, как заметил С. Тернбулл, «принадлежит бесстрастному миру политической истории», в то время как о подвигах его родных можно слагать легенды, прославляющие род Минамото.

Зато он был хорошим администратором, талантливым и расчётливым политиком, выдающимся государственным деятелем. В конце концов, не всем дано быть самураями, каждый должен заниматься своим делом — и Ёритомо однозначно нашёл своё.

В числе прочего он сделал то, на что никто до него не решался, хотя наверняка многие мечтали. Он договорился с императором (не напрямую, конечно, а через доверенных посредников) о том, что тот дарует ему титул *сэйи-тайсёгун* («великий полководец, покоритель варваров»), а по сути, предоставляет карт-бланш на любые политические действия. Так появляется знаменитый титул «сёгун» (сокращенная версия полного титула), а вместе с ним — политическая система, характерная для Японии на протяжении всей последующей истории до сегодняшнего дня.

С тех пор император, формально являясь верховной (и не следует забывать, божественной) фигурой и символом власти, по сути, становится официально освобождён от принятия каких-либо политических решений. Он доверяет это дело фактическому правителю, которым и был сёгун. Окидывая взглядом историю страны, можно заметить, что это именно та система, к которой Япония всегда была предрасположена (что показывало место рода Фудзивара в системе власти), но которую до определённого момента просто не решалась построить на самом деле.

¹ Впрочем, существует версия, согласно которой Ёсицунэ бежал и впоследствии появился в истории под именем Чингис-хан, но она кажется не вполне убедительной.

Это во многом обеспечило стабильность императорской власти в Японии и позволило сохранить незыблемость одной династии до наших дней, что является уникальным примером в истории. Как уже говорилось выше, что бы ни происходило в стране и как бы ни были недовольны люди, император точно был ни в чём не виноват: виноваты были исполнители, которые на самом деле правили.

Их и нужно было свергать, смещать, назначать новых — в общем, проводить различную политику, направленную на достижение мира, гармонии и счастья в стране. А потомок Солнечной богини оказывался как бы выше этого (что не отменяло политических дразг за тронном).

Ёритомо стал первым сёгуном, взявшим на себя фактическое правление страной. Свою воинскую ставку он основал в городе Камакура — на побережье Тихого океана, недалеко от тех мест, где в своё время пребывал в ссылке. Помимо ностальгических воспоминаний о юношеских годах, влекущих его в тот край, в пользу Камакуры говорило и её географическое положение: окружённое горами с трёх сторон и океаном с четвёртой это место было идеальным для основания там города, где базируется военное управление страной.

Эта система правления, которую мы называем «сёгунат», носит в японской историографии название *бакуфу*. Их в японской истории было три, и их принято называть по месту расположения или по роду, стоявшему у власти. Первый японский сёгунат (период с 1192 года по 1333 годы) носит название города, в котором находился в то время центр военной власти, — Камакура.

Благодаря политике Ёритомо управление страной изменилось и стало более эффективным, чем прежде. Если до этого правящий императорский род был заинтересован в получении прибыли и поддержании своего могущества, но при этом не слишком контролировал происходящее за пределами столицы, то бакуфу ставит перед собой более масштабную задачу и крепкой рукой начинает править страной, используя для этого новые механизмы и инструменты.

Ёритомо учёл все ошибки, допущенные Киёмори, и решил их не повторять. Важным отличием от прежней власти было то, что знатное происхождение больше не имело решающего значения, власть бакуфу строилась на одной простой идее — верности. Именно она приносила наибольшие дивиденды: в награду за неё наиболее преданные самураи получали должность *дзито*

(«земельный глава»). Им выдавалась во владение земля, поручалось собирать налоги, следить за порядком и достойно управлять своим владением, регулярно отчитываясь перед сёгуном.

Ещё одна новая должность, введённая Ёритомо, называлась *сюго* — «защитники». Сюго, назначаемые в разные провинции и регионы, должны были нести военную службу и подавлять восстания — для этого у них был необходимый военный ресурс и поддержка центрального правительства. Эта система стояла у истоков появления спустя несколько столетий крупных и независимых феодалов *даймё*, но до этого Ёритомо не дожил.

Созданная им система управления страной преданными самураями, награждаемыми землёй и властью за преданную службу, казалась устойчивой и надёжной (и это действительно было впервые в истории страны), однако время обнажит один её существенный недостаток. После смерти Ёритомо выяснится, что она зависела во многом от личности сёгуна, а его последователи не смогли удержать её в строгости и порядке. Кризис власти в правление последующих сёгунов сопровождался постепенной потерей контроля над регионами: без жёсткого и внимательно-го контроля система неизбежно сыпалась.

Сёгунат, построенный Минамото Ёритомо, часто называют двумя фамилиями: Минамото-Ходзё бакуфу. Всё дело в том, что после смерти Ёритомо среди его наследников не оказалось столь же талантливых политиков, которые сумели бы удержать преимущество рода Минамото. В японской истории так бывало весьма часто: верность правителю после его смерти начинает больше ничего не стоить. А Ходзё, о которых пойдет речь ниже, с самого начала показали себя не самыми преданными людьми.

Ходзё Токимаса был человеком, верным роду Тайра, поэтому именно в его владения был направлен в ссылку юный Ёритомо. Но, почувствовав потенциал этого мальчика, Токимаса выдаёт за него замуж свою дочь и начинает помогать в организации восстания против Тайра. Расчёт оказался верен: его дочь стала в итоге женой сёгуна, а сам он — его тестем. И после смерти самого сёгуна они наконец могли вести ту политику, какую считали нужной. Одна беда — у Ёритомо остались наследники.

После смерти отца сёгуном стал двадцатилетний Минамото Ёрииз, но за власть ему пришлось конкурировать с собственной матерью и её могущественным кланом, и силы были явно неравны. В итоге этого противостояния его заставили отречься от власти, а ещё через год он был убит у себя в поместье по приказу собственного деда.

Его младший брат Минамото Санэтомо, ставший сёгуном в одиннадцать лет, с самого начала понимал, что спокойного правления не получится, и больше увлекался сочинением стихов, нежели политическими вопросами. Но от судьбы всё равно не уйти — в феврале 1219 года его закалывает мечом его собственный племянник на ступенях святилища Хачимангу в Камакуре. После этого прямая линия от Минамото обрывается, и власти Ходзё больше никто не мог помешать.

Однако представители этого рода по хорошей японской традиции занимали должность регента (*сиккэн*), не правя формально, но управляя всем на самом деле: сёгун выбирался из боковой ветви рода Фудзивара. Таким образом, в Японии складывается в тот момент очень странная ситуация, когда во главе страны формально находится император, но на самом деле правит сёгун, хотя на самом деле сёгун тоже ничего не решает, а всем заправляет его регент.

Надо сказать, регенты справлялись с задачей не лучшим образом. Ходзё, хоть и стремились поддерживать порядок, заведённый основателем камакурского сёгуната, но неудачно: политика не была их коньком, чрезмерная власть развратила, и крепкого централизованного управления не получилось. А потом и вовсе случилось то, чего никто не мог ожидать: из-за моря на Японию двинулась огромная вражеская армада.

В середине XIII века на материке происходят невообразимые перемены. Орды кочевников — свирепые татаро-монголы — проносятся по странам, покоряя и уничтожая всех на своём пути. Они добираются и до Китая, подчиняя себе великую империю, но воинственный свирепый дух толкает их дальше, к новым подвигам и завоеваниям. Выясняя, что ещё можно покорить в этом регионе, они узнают, что к юго-востоку лежит маленькое островное государство Ямато, совершенно неразвитое в сравнении с покорённым ими Китаем. Предстоящая победа кажется им слишком лёгкой, чтобы всерьёз продумывать сражение.

Об этом говорит и характер послания, направленного императору Японии в 1268 году. Вальяжно и уверенно в себе Хубилайхан — внук прекрасно нам известного Чингис-хана — пишет:

«Нам известно, что с древнейших времён правители даже маленьких государств стремились поддерживать дружеские связи с владыками соседних земель. В столь же большой мере наши предки, которые обрели Срединную Империю, стали известны

во множестве дальних стран, которые все преклонились перед их могуществом и величием.

Мы просим, чтобы отныне вы, о правитель, установили с нами дружеские отношения, дабы мудрецы могли сделать Четыре Моря своим домом. Разве разумно отказываться поддерживать отношения друг с другом? Это приведёт к войне, а кому же нравится такое положение вещей? Подумайте об этом, правитель».

Император, получив это письмо, был в панике: ещё никогда иностранные государства не объявляли о готовности вести войну с Японией, он даже не очень представлял, как это может происходить. К счастью, он вовремя вспоминает, что в Камакуре находятся люди, которые должны заниматься такими вопросами, и направляет делегацию суровых монгольских воинов к сёгуну в надежде, что тот разберётся.

Сёгун оказался непреклонен: предложение монголов было отвергнуто, а посланники вынуждены были вернуться ни с чем. Японцы же начинают готовиться к сражению. Ходяё обращаются к самураям с призывом забыть старые распри и объединиться во имя спасения страны.

В 1274 году монголы направляют к берегам Японии флотилию, равной которой по мощи никогда ещё не бывало в тех краях. Общая численность войск составляла около 25 тысяч человек, включая китайских и корейских солдат. Тёмным ноябрьским вечером корабли захватчиков прибыли в бухту Хаката, а на рассвете состоялась первая битва, принёсшая неожиданно обеим сторонам.

Монголы быстро сообразили, что им достался не столь простой противник, как они рассчитывали. Безрассудную храбрость японцев, их звериную ярость в схватках, которая впоследствии станет известна и другим народам, включая американцев в XX столетии, монголам довелось увидеть первыми. Кроме того, они тогда сражались на незнакомой территории, тем более прибрежной — в не самой привычной для них обстановке.

Японцы тоже вынесли из сражения немало уроков. Они привыкли к галантным поединкам: так, в начале сражения выходил лучник и после изложения своей родословной посылал первую стрелу (непрененно с тупым наконечником) в лагерь противника, это было сигналом к началу боя. Но теперь монголы убивали лучника до того, как он успевал сказать хоть слово.

Воспитанные на героических рассказах о храбрости японцы бросались первыми в бой, каждый мечтал сразиться один

на один с монгольским воином и снести ему голову острым мечом. Но монголы стояли плотной линией и методично убивали всех смельчаков. Это было не время для героических поединков, а настоящая борьба за жизнь. И монголы были куда более опытными воинами, чем японцы.

Укрывшись после битвы за ограждениями, самураи приходили в себя и отправляли просьбы о подкреплении в Камакуру. Впрочем, подкрепление ещё не успело прибыть, а судьба битвы была решена. Той ночью случился сильный ветер, принёсший с собой разыгравшуюся откуда ни возьмись бурю. Корабли бросало по волнам, а некоторые разбило о прибрежные скалы. Около 13 тысяч человек погибли в этом стихийном бедствии, и монголы были вынуждены отступить. Так закончилась их первая попытка вторжения в Японию.

Было понятно, что на этом война не закончится: обе стороны, померившись силами, стали всерьёз готовиться к следующей встрече на поле боя, которая состоялась лишь через семь лет. В этот раз монголы снарядили войско куда больше прежнего и направили его на трёх с половиной тысячах кораблей к острову Цусима. Японцы встречали их во всеоружии, но при виде такой армады сердца их дрогнули: должна была начаться самая решающая битва в их истории.

Методика встречи вражеских кораблей была хорошо освоена: японцы подплывали на небольших лодочках к монгольским кораблям, рубили свою мачту и по ней вскарабкивались на борт вражеского судна. Один из самураев по имени Кусано Дзиро проник на корабль, был осыпан дождём стрел, потерял в бою левую руку, но сжёг корабль и захватил 21 голову.

Битва не была молниеносной. Несколько дней монголы стояли у берегов Японии и, ожидая флотилии с подкреплением, отбивали отчаянные и зачастую эффективные атаки японцев. Стояла ужасная жара, некоторые корабли начали гнить. В довершение на монгольских судах разыгралась эпидемия, уносившая множество жизней. Но численное превосходство было по-прежнему на стороне завоевателей, и когда армада объединилась, японцам стало по-настоящему страшно, что они скоро будут уничтожены и «не останется семени, чтобы наполнить девять провинций». Оставалось только возносить надежды богам и надеяться на чудо.

И боги вняли мольбам. 15 августа 1281 года на горизонте появилось маленькое облачко, через несколько часов превратившееся в глухой мощный ливень. А потом случился тайфун,

равного которому по силе не было ни до, ни после этого дня. Снова тяжёлые корабли метало «как божественные гадательные стебли» по поверхности воды, било о скалы, накрывало целиком многометровыми яростными волнами — около половины монгольского флота в течение нескольких часов превратилось в щепки.

Так божественный ветер (его впоследствии так и назовут — *ками кадзэ* — 神風) дважды помог японцам отразить вторжение на их землю. Говорят, Хубилай-хан планировал ещё одно вторжение, но не сложилось: Япония осталась непокорённой.

Несмотря на триумфальную победу, сёгунат Ходзё оказался в несколько сложном положении. Отличившиеся самураи требовали вознаграждения за свою службу и рассчитывали на достойную награду за проявленный героизм. Однако в Японии традиционно лучшим вознаграждением были земли, а война с монголами, несмотря на все вложенные усилия и на важность для японского народа, не дала ни пяди новых земель.

Недовольство воинского класса нарастало, они почувствовали себя обманутыми, и ничем хорошим для бакуфу это кончиться не могло. Если бы у власти в то время был такой мощный лидер, как Минамото Ёритомо, возможно, он бы сумел твёрдой рукой сдерживать волнения, покарать недовольных и восстановить порядок, но в то время правил Ходзё Такатоки, который больше всего на свете любил собачьи бои, танцы и секс. Этих увлечений было явно недостаточно, чтобы противостоять ходу истории.

В 1318 году императором становится тридцатилетний Годайго с активной жизненной и политической позицией. Он решил воспользоваться слабостью бакуфу, чтобы наконец вырвать у самураев и вернуть императорскому роду законную фактическую власть. В 1333 году начинается инициированная им «ре-ставрация Кэмму», на очень короткое время вернувшая власть в стране императору.

Несмотря на смелость и амбициозность, у плана Годайго были слабые стороны и проблемы, которые требовали разрешения. Главная состояла в том, что для политического переворота, который он намеревался совершить, ему не хватало очень важных деталей — военной силы.

Дело в том, что император в то время не являлся в Японии столь уж важной фигурой. Как мы видели, императоров похищали, травили, смещали — в общем, вели себя с ними не самым трепетным образом, поэтому, как это ни удивительно,

Кусуноки Масасигэ (1294–1336)

у символа божественной власти никогда не было воинов для своей защиты. Сперва Годайго начал обхаживать мятежные буддийские храмы, чтобы расположить к себе монахов-воинов и дать бой войскам сёгуната. Однако его план был раскрыт, и он, захватив императорские регалии, бежал из Киото в горный монастырь. Теперь пути назад не было.

Первым самураем императора стал Кусуноки Масасигэ, и теперь это имя олицетворяет верность Японии и незыблемой императорской власти — недаром его конная статуя возвышается рядом с императорским дворцом в центре японской столицы. Легенда, необходимая для героя по-

добного уровня, гласит, что император увидел во сне камфорное дерево (по-японски — *кусуноки*), тем самым узнав имя, которому суждено будет сыграть важную роль в его жизни.

Когда Кусуноки собирал войска, обнаружилось, что за императора согласно воевать немало воинов, недовольных неэффективным правлением камакурского бакуфу. Впрочем, и на стороне сёгуна было немало преданных и хорошо обученных самураев: численное преимущество было не в пользу Годайго. Но Масасигэ не зря считался отличным стратегом: хитрость в таких случаях зачастую была более надёжным оружием, чем количество солдат.

Уже в первом сражении проявился его военный гений. В 1331 году он укрылся в крепости Акасака и долго держал осаду, пока боеприпасы не кончились. Тогда он собрал солдат и предложил им следующий план. Они вырыли огромную яму в самом центре замка, сбросили туда тела погибших товарищей, сверху накидали сухих веток, а затем однажды ночью их подожгли. Пламя разгорелось очень быстро, и вскоре пожар озарил ночное небо, к удивлению и радости осаждающих. Когда они ворвались в догорающий замок, их взорам предстали сгоревшие тела, и не было ни одного самурая, кто бы не восхищался мужеством и решимостью Масасигэ и его воинов, со-

вершивших такое красивое самоубийство. На самом деле, они, конечно же, незаметно ушли той ночью и скрывались в лесах, пока замок догорал. Последующее неожиданное нападение застало армию бакуфу врасплох.

Ещё одна любопытная история про Масасигэ рассказывает, как он выставил глиняных кукол в человеческий рост перед воротами замка, и войска противника, ещё издалека заметив их, во весь опор помчались в атаку. Они оказались жестоко обмануты, напав на кукол, но их разочарование продлилось недолго — вскоре лучники, сидевшие в засаде справа и слева от ворот, начали их расстреливать. Подобные примеры очень важны для понимания того, что далеко не всё решалось силой, отвагой и количеством людей. Военный гений и тщательно продуманная тактика были не менее важны.

Под знамёнами мятежного императора и бесстрашного Масасигэ постепенно собирается всё больше людей. Даже военачальник Асикага Такаудзи, которого сёгун направил воевать против Годайго, понимает, куда дует ветер, и переходит на сторону восставших. Он разворачивает войска, идёт войной на Киото и убивает там представителя сёгуната, тем самым нанося бакуфу удар в спину.

Позже к этой армии присоединился и Нитта Ёсисада, который атаковал Камакуру с моря, выбрав для наступления краткий момент отлива (нужно помнить, что с других трёх сторон город был защищён непроходимыми горами). Когда его войска вступили в город, сластолюбивому регенту Ходзэ пришлось совершить сэппуку. И на этом закончилась история первого японского сёгуната.

Блестящие победы соратников сумели в итоге принести Годайго долгожданную победу, но вот распорядиться ею достойно у него не слишком получилось; всё начало рушиться, как только дело дошло до раздачи наград отличившимся воинам. Разумеется, такие великие самураи, как Кусуноки Масасигэ и Нитта Ёсисада едва ли были обижены результатами награждения, но вот тысячи простых солдат не получили вообще ничего.

Дело было то ли в чисто человеческой жадности Годайго, то ли в его наивном убеждении, что все вокруг воюют за идею и его светлое императорское имя. Как бы то ни было, бесстрашные самураи в награду за свои подвиги получили от императора искреннюю благодарность — и ничего более. Едва ли это могло помочь мятежному императору создать надёжную опору для власти.

Существует и ещё одна вероятная причина того, что Годайго не удалось реализовать свой план. В мечтах о будущем государственном устройстве он жил прекрасным прошлым, в его голове воскресали образы далёкого счастливого Хэйана, когда не было никаких войн и никаких самураев; и он искренне полагал, что, когда власть вернётся к императору, всё будет по-старому: как во времена, которые он не застал, но о которых столько слышал.

Однако далеко не все вокруг него разделяли эти идеалы; точнее — почти никто. Всё-таки это были самураи, вне зависимости от того, за кого они сражались; система сёгуната была привычной и вполне всех устраивала, а строить мифический Хэйан, в котором военному сословию могло вовсе не найтись места, никому особенно не хотелось. Поэтому, несмотря на одержанную победу и свержение бакуфу, идти дальше за императором никто не пожелал.

Кто-то в итоге должен был претворить общее недовольство в действие и покончить с шаткой властью Годайго, — и этим человеком стал когда-то сражавшийся на его стороне воин по имени Асикага Такаудзи, бывший союзник Масасигэ.

Преданность не являлась сильной чертой Асикаги — на протяжении своей жизни он несколько раз менял политические идеалы, выбирая сторону в зависимости от того, какая была выгоднее. Не дождавшись от Годайго должной награды, он выбрал подходящий момент и выступил против него, собрав вокруг себя всех недовольных самураев, а их было немало.

Вместе с военной силой на сторону Асикаги перешла удача: он выигрывает битвы одну за одной, заставляет отступить войска Нитты Ёсисады, и наконец настанет время битвы с главным героем реставрации Кэмму — Кусуноки Масасигэ. Заключительная битва состоялась в яркий солнечный день летом 1336 года у реки Минато.

Масасигэ был против этого сражения: весь его военный опыт подсказывал, что выиграть невозможно и лучше отступить к горе Хиэй, дать Асикаге войти в столицу, а затем атаковать его всеми объединёнными силами. Но Годайго требовал сражения, а противиться приказу императора Масасигэ не мог.

Силы были очевидно неравны: генералы Асикаги вели на бой около 35 тысяч человек, а в императорских войсках было вполонину меньше воинов. Когда с моря начал наступать брат Такаудзи, стало понятно, что исход предрешён, и к вечеру войска роялистов были почти полностью уничтожены. Масасигэ и его брат Масасуэ укрылись в маленьком крестьянском домике для совершения сэппуку.

Предсмертный разговор двух братьев, подобно другим важным легендам, оказался чудесным образом известен за пределами этого домика и представляет своего рода квинтэссенцию японского духа. Масасигэ спросил у брата о его последнем желании, на что тот ответил: «Я хотел бы возродиться семь раз в этом мире людей, чтобы суметь уничтожить врагов двора». Лозунг *сичисё хококу* («служить императору в семи жизнях») был любим и неоднократно использован японскими милитаристами в XX веке, был создан даже отряд *камикадзэ* под названием *сичисё бутай* («отряд семи жизней»). А братья вспарывают себе животы, подводя итог бесплодным надеждам амбициозного императора вернуть себе власть.

Смерть Кусуноки Масасигэ приблизила начало новой эпохи, начинавшейся весьма беспокойно. Император Годайго сперва бежал на гору Хиэй и искал там приюта у боевых монахов, затем спустился из убежища и передал регалии своему преемнику — императору Комё, а через пару месяцев объявил, что регалии были поддельными, а настоящие, дескать, остались у него.

С этими регалиями он укрылся в 70 километрах южнее захваченной самураями столицы, в Ёсино — месте, славящемся красотой цветущих вишен, — и основал там альтернативный «южный» императорский двор. А Асикага Такаудзи тем временем получил от нового императора долгожданный титул сёгуна и перенёс военную ставку в Хэйан-кё, где самураи торжественно провозгласили основание «северного» двора. Впервые в стране было два императора, а значит — ни о каком мире не могло быть и речи.

Годайго бесславно умер через год после этих событий, и уже к моменту его смерти было понятно, что централизованная и сильная власть в стране осталась где-то в прошлом, а в будущем её ждут кровопролитные войны и непрекращающиеся сражения.

Период *Намбокучё* — Период борьбы Южного и Северного дворов (1333–1392) — крайне необычное время в японской истории. Когда в стране два императора, пойдя разбери, кто из них настоящий, а кто нет, и решает всё в таких случаях, разумеется, не убедительная аргументация, а военная сила. Противостояние закончилось тем, что Южный император Го-Камэяма, покоровшись и признав власть сёгуната, в 1392 году вернул императорские регалии в Киото, а значит, фактически признал власть северной династии. Впоследствии, однако, историки обсуждали, какая ветвь в действительности была бо-

лее легитимной, и пришли к выводу, что Южная — та, что шла от Годайго¹. Впрочем, когда в стране фактическая власть продолжала оставаться у военных, едва ли историческая справедливость была столь уж важной.

Сёгунат, основанный Асикагой Такаудзи, носит название Муромачи — по названию одного из северных районов Киото, где и находилась воинская ставка. И на это тоже следует обратить внимание: впервые самураи не только вступили в аристократическую столицу, но и обосновались там; можно представить себе удивление, сопровождавшее привыкание друг к другу двух столь разных социальных классов. Это найдёт отражение и в удивительном расцвете культуры и искусства, который характеризует этот период, несмотря на все политические сложности и огромное количество военных конфликтов самого разного масштаба.

Сёгунат Муромачи (1336–1573) — сложное время в японской истории, характеризующееся отсутствием сильной власти, междоусобными войнами и небывалыми переменами в жизни страны. Практика раздачи частных земельных владений и почти неограниченная власть на местах привели к тому, что локальные кланы обрели небывалую до этого военную силу и самостоятельность. Изначально предполагалось, что они, обладая властью у себя в провинциях, останутся при этом верны бакуфу; но едва ли можно было предполагать, что эта система будет эффективна без надлежащего твёрдого и жёсткого управления.

А его, к сожалению, так и не получилось. Асикага Такаудзи скончался в 1358 году, и его модель управления, просуществовав какое-то время, начала слабеть. Последним сильным правителем из рода Асикага можно считать объединившего Южный и Северный дворы Ёсимицу, который стал сёгуном в десять лет и управлял страной до своей смерти в сорок девять. А вот после его смерти система передачи власти стала принимать всё более странные формы. Шестой сёгун Асикага по имени Ёсинори был назначен сёгуном волею выпавшего жребия (!), хотя ещё в десятилетнем воз-

¹ Пользуясь этим, вскоре после окончания Второй мировой войны бизнесмен и по любопытному совпадению буддийский священник из Нагои по имени Кумадзава Хиромити объявляет себя 19-м прямым потомком императора Го-Камэяма, а значит — более законным претендентом на императорский престол, нежели правивший тогда Хирохито. Впрочем, в период американской оккупации страны японцам явно было не до восстановления исторической справедливости многовековой давности, и попытка Кумадзавы стать императором провалилась.

расте постригся в монахи. Власть в итоге не пошла ему на пользу: он вошёл в историю как «лихой сёгун» — деспот и тиран, а в 1441 году был убит на представлении театра Но. Его сын Ёсикацу стал сёгуном в восемь лет, но через два года умер при падении с лошади. С такими верховными правителями процесс скатывания страны в политический хаос становился необратимым.

В 1467 году в предместьях Киото вспыхивает гражданская война Онин. Хотя официальной причиной был спор относительно фигуры следующего сёгуна, было понятно, что его личность всё равно уже давно ничего не решала, просто два могущественных рода — Ямана и Хосокава — решили выяснить, кто из них сильнее. Страшное зрелище представляла тогда «столица мира и спокойствия»: на улицах ставят баррикады, дома предаются огню, за схватками следуют грабежи, люди спасаются бегством, северная часть города постепенно превращается в руины. Война Онин не закончилась в столице: перекинувшись в провинции, она длилась около десяти лет и ознаменовала начало нового периода японской истории.

Теперь главными в стране становятся *даймё* (大名, буквально «большое имя»), которые благодаря выстроенной политической системе получили столько власти, что уже не могли остановиться. Они между собой вели споры о том, кто главнее в стране, совершенно не считаясь с тем, что об этом думает сёгун. Он однозначно главным больше не был.

Сам сёгун был такого же мнения, понимая, что противопоставить военной силе ему по большому счёту было нечего. Власть бакуфу теперь стала такой же формальной, как в своё время власть императора, когда всем правили Фудзивара: находясь в Киото, они предавались искусству, поскольку к политике их всё равно не подпускали.

Удивительным образом многие из сёгунов Асикага оказались в значительно большей степени людьми искусства, чем государственными деятелями. Они строили храмы, которые сегодня являются архитектурными жемчужинами Киото, поддерживали культурные связи с Китаем, покровительствовали живописи и изящным искусствам. Именно в то время растёт влияние дзэн-буддизма, заложившего основы многих искусств — от икэбаны и разбивки садов до чайной церемонии. Период междоусобных войн, который должен был сопровождаться упадком культуры, парадоксальным образом оказался связан с её возрождением.

А вот императорский двор находился в плачевном состоянии. Постоянные войны лишили его источников дохода, и по-

томки Солнечной богини еле сводили концы с концами. Когда император Го-Цучимикадо скончался в 1500 году, его тело больше месяца лежало в дворцовой кладовке: денег на похороны не было, пока монахи не сделали подношение. Когда его внук, император Го-Нара восходил на престол, церемония тоже проводилась за счёт пожертвований: казна была пуста. Сам он вынужден был продавать свою каллиграфию и автографы, чтобы заработать себе на жизнь.

Примерно с середины XV и по XVII век Япония была далеко не самым спокойным местом для жизни, и если выпадало там родиться, то даже в глухой провинции у моря нельзя было быть спокойным за свою жизнь: она могла оборваться в любой момент. Жестокие кровопролитные войны велись без перерыва, и вероятность погибнуть, не достигнув зрелых лет, была у большинства мужчин, да и женщинам едва ли жилось спокойнее. Историки называют этот период *Сэнгоку дзидай* — «Эпоха воюющих провинций».

Идея верности верховному лидеру, которую пытался выстроить Ёритомо, сменилась верностью главе своего клана. Однако за счёт этого феодализм стал куда прочнее — местные лидеры могли управлять своими самураями эффективнее, чем далёкий сёгунат. Княжества теперь стали и автономными, и хорошо организованными: военное время требовало создания новых условий.

Изменения происходят и среди самураев — на смену отдельным бесстрашным воинам, бросающимся на укрепления врага, приходит безликая масса пехотинцев *асигару*. Поскольку воинствующим кланам требовалось много солдат, самураями становятся почти все, кто сколь-нибудь был для этого пригоден. Крестьяне и лесорубы берут оружие в руки и идут воевать за своих господ.

Суровое время «воюющих провинций» насыщено предательствами и кознями, наполнено событиями, сложными как для запоминания, так и для изложения, поэтому подробное их описание с перечислением имён и географических названий могло бы несколько утомить читателя. Однако отдельные истории заслуживают того, чтобы быть рассказанными, во-первых, потому что помогают передать характер и нерв того времени, во-вторых — потому что во многом за них мы и любим самураев.

К ним относится, например, знаменитая «История о соли», связанная с двумя выдающимися военачальниками того времени — Такэда Сингэном и Уэсути Кэнсином.

Они были врагами и неоднократно сходились в бою — причем всегда в одном и том же месте, на равнине Каванакадзи-

ма. Их сражения можно было уподобить партиям в японские шахматы — *сёги*, в которых вместо фигур на поле встречались громадные армии. Ни один из них так и не мог одержать окончательную победу, и с каждой новой битвой их уважение друг к другу лишь усиливалось.

Это уважение проявилось в непростое для Сингэна время, когда в результате конфликта с домом Имагава к нему в замок прекратились поставки соли. Казалось бы: соль и соль, можно и потерпеть, но не стоит недооценивать важность этого микроэлемента для нашего организма. В стане Сингэна начало расти недовольство, боевой дух падал. Что делать, было совершенно непонятно.

Именно в этот момент растерянности к северным воротам замка (тем, что со стороны Уэсуги) прибыл необычный груз — пять обозов, доверху набитых мешками с солью. К одному из них мечом была приколота записка, и в ней — всего одно предложение: «Я воюю не солью, а мечом».

Впрочем, таких историй было подавляющее меньшинство. Про мифический «кодекс чести самурая» никто не был в курсе, а кровавые войны за власть с тысячами погибших воинов стали суровой новой реальностью. Потребовалось не одно столетие, чтобы вновь воцарился мир, и процесс объединения страны связан с тремя великими именами: Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. Эти воины родились с разницей в несколько лет, сражались как на одной стороне, так и друг против друга, но в итоге смогли объединить множество самостоятельных гордых провинций в единый государственный организм.

Первый из этой тройки — Ода Нобунага — в семнадцатилетнем возрасте унаследовал владения отца и сделал всё, чтобы этот капитал приумножить. Для этого он не гнушался ничем: плёл заговоры и строил козни, чтобы убирать мешавших ему людей, выдал дочь и младшую сестру замуж за своих противников ради нужных военных альянсов, жестоко убивал врагов и сжигал буддийские храмы, за что и получил среди монахов прозвание *Дайроку-Тэммао*: («Демон-повелитель Шестого Неба»). Впрочем, с буддизмом он боролся не потому, что не разделял догмы этой религии, а потому, что буддийские монастыри тогда обладали огромной военной и политической мощью, а следовательно, мешали захвату власти.

Также в то время к неконтролируемым монахам-воинам прибавилась ещё одна проблема — религиозные восстания *икко-икки*. Икко-икки — народное движение, появившееся на основе

буддийской школы *дзёдо-сю* («Школа Чистой Земли»), но превратившее веру в агрессивные протесты против существовавшей системы власти. Восстания, организованные различными *икки* (объединения бедных самураев, монахов и крестьян) периодически вспыхивали по всей стране, раскачивая и без того крайне шаткое положение сёгуната Асикага, но самое масштабное случилось в 1488 году в провинции Кага.

Тогда военный губернатор этой провинции заключил договор с буддийским патриархом по имени Рэннё: сектанты, представляющие собой мощную военную силу, помогают ему в борьбе против его младшего брата, а за это он им дарует привилегии и официальное разрешение на миссионерскую деятельность. Вполне деловое и разумное предложение: монахи включаются в борьбу и успешно одерживают победу, но вот губернатор своё обещание решил не исполнять и вместо привилегий начал репрессии. Тогда обиженные буддисты свержают его и устанавливают в провинции свою власть — первую в японской истории народную республику.

В общем, проблем много, порядка в стране нет; зато на стороне Нобунаги, помимо неоспоримых военных талантов, было ещё одно преимущество — важный аргумент во всех войнах: его пехотинцы используют огнестрельное оружие.

Маленький остров Танэгасима в 35 километрах к югу от Кюсю по форме похож на рисовое зёрнышко и находился бы в неизвестности на обочине японской истории, если бы не одно событие, случившееся в 1543 году. Тогда у его берегов потерпела крушение китайская джонка, на которой плыли португальские моряки. Волею судеб и стихии они стали первыми европейцами, попавшими в Японию.

Когда местные жители вышли к берегу посмотреть, что случилось, они увидели существ, сталкиваясь с которыми им ещё никогда не доводилось. Они выглядели очень странно: их рельефные лица и вытянутые носы делали их похожими на чертей *они* из детских сказок, поэтому японцы вначале подумали, что к ним из-за моря приплыли черти. К тому же чужаки довольно вызывающе пахли: благодаря рациону, включавшему молочные и мясные продукты, вырабатывался особый запах, непривычный для японцев (впоследствии это будут называть *бата-кусай* — «воняющие маслом»), да и недели, проведённые в море, придавали пикантности аромату.

Зато у этих неприятно пахнущих чертей было множество самых разных необычных предметов. В том числе и это:

«В руках они держали нечто в два или три сяку¹ длиной, снаружи прямое, с отверстием внутри, сделанное из тяжёлого материала. Сквозь него проходит отверстие, которое, однако, с одного конца закрыто. А сбоку есть другое отверстие, которое служит для прохождения огня. Его форму нельзя сравнить ни с чем, что я знаю. Чтобы использовать это, наполните его порохом и маленькими свинцовыми шариками, установите маленькую белую мишень на берегу, возьмите эту вещь в руки, примите стойку и, закрыв один глаз, поднесите огонь к отверстию. Шарик попадёт прямо в цель. Взрыв напоминает вспышку молнии, а грохот выстрела подобен грому».

Безусловно, японцы знали о существовании изобретённого в Китае пороха, но аркебузы стали первым настоящим огнестрельным оружием, попавшим в Японию. И, как можно догадаться, в век непрерывных междоусобных войн это было настоящим даром небес.

Японцы обладают одним важным качеством, определяющим их отношение ко всему новому: если это им нравится и они чувствуют его пользу, то более прилежных учеников не найти. Уже через три года на Танэгасиме построили маленький заводик, который изготавливал те же аркебузы, даже с некоторыми японскими нововведениями, такими как, например, водонепроницаемый щиток для запального отверстия, или футляры, чтобы ружья не отсырели во время дождя. Новое оружие так и называли: танэгасима.

Описания необычной страны заинтересовали любознательных европейцев, и вскоре в Японию стали приезжать не только купцы, но и христианские миссионеры: обращение чужаков в свою веру было традиционным и проверенным способом наладить взаимодействие, а потом подчинить. Однако сложно в одном предложении описать всю сложность судьбы христианства в Японии, она заслуживает более детального рассказа. История христианства в Японии — сложная, трагичная и поучительная история — не только о том, как политика определила взаимоотношение двух столь разных религий, но и шире — о знакомстве японцев с внешним миром, таким большим и таким непохожим на их.

Но Нобунага не дожил до тех времён, когда отношения испортились, а на европейцев обрушатся суровые казни. Он к ним благоволил (и это взаимно: те видят, как он старательно бо-

¹ Три сяку составляют около метра в длину.

рется с буддийскими монастырями и не могут нарадоваться на это), приобретает у них мушкеты и аркебузы и с помощью этих приобретений одерживает одну победу за другой.

В 1568 году Нобунага помогает прийти к власти сёгуну Асикага Ёсиаки, но отказывается принимать от него какие-либо должности: этот ход был нужен ему для того, чтобы триумфально войти со своей армией в Киото. Отношения между ними были весьма натянутыми, и через пять лет Нобунага прогоняет его из столицы, тем самым свергнув сёгунат Асикага, так и не сумевший достойно распорядиться верховной властью.

А Нобунага продолжает триумфально продвигаться по всей стране, одерживая победу за победой. В 1579 году заканчивается трёхлетнее строительство главной его цитадели, свидетельства неоспоримого могущества — замка Адзучи. Это было огромное семиэтажное строение, гордо возвышавшееся над озером Бива, каждый из этажей которого был отделан и украшен великим придворным художником Кано Эйтоку. Несмотря на название «замок», он был не столько военным сооружением, сколько роскошным дворцом, украшенным снаружи фигурами тигров и драконов, с просторными залами для официальных приёмов и поражающей воображение сокровищницей.

Нобунага находился в зените могущества, и теперь у этого было наглядное подтверждение — величественный замок, которого был достоин самый главный и влиятельный человек в стране. Однако этот зенит не был долгим: жить ему оставалось всего несколько лет.

В июне 1582 года Ода Нобунага отправлялся с войсками на помощь Хидэёси, осаждавшему в то время замок Такамацу на юго-западе страны. Это обещало быть серьёзной военной операцией, поэтому, отправив впереди себя войска, сам он решил немного передохнуть и остановился на ночлег в храме Хоннодзи в Киото. Покой великого военачальника охраняли лишь несколько самураев, остальные силы были брошены на фронт.

Ночью к храму Хоннодзи приблизилось войско, которое вёл верный сподвижник Нобунаги — Акэчи Мицухидэ. В это время он должен был, следуя приказу Нобунаги, двигаться на помощь Хидэёси, но для неожиданного нападения момента лучше было не представлять, — и его войска вдруг поменяли направление и двинулись к столице. Акэчи с десятками яростных воинов врывается в Хоннодзи, перебивает немногочисленную охрану, и у Нобунаги остаётся совсем немного времени — лишь на то, что-

бы совершить сэппуку и перед смертью попросить своего слугу поджечь храм, чтобы никто не смог завладеть его головой.

В качестве возможных причин этого демарша приводятся разные версии, среди которых одна кажется наиболее вероятной. Якобы Ода Нобунага, захватив замок, в котором находилась в заложницах мать Акэчи Мицухидэ, отдал приказ убивать всех, никого не жалея, — и пожилая женщина тоже оказалась убита разъярёнными воинами. Наверное, были и другие причины — и зависть, и личная неприязнь, есть даже история о том, как Нобунага, напившись, однажды стучал по лысой голове Акэчи своим веером и хохотал, что нашел себе новый барабан. Правду мы едва ли узнаем, но Хоннодзи навсегда остался связан в японской истории с великим предательством — столько же коварным, сколь и непродуманным.

Захватив замок и уничтожив своего господина, Акэчи отправляет императору весьма амбициозное и самонадеянное послание, в котором просит назначить его сёгуном, а сам тем временем готовится держать оборону, понимая, что месть за содеянное должна непременно воспоследовать. Так и случилось: прибывшая вскоре огромная армия под предводительством Тоётоми Хидэёси положила конец и его надеждам править страной, и его жизни.

Пик славы и карьеры Акэчи Мицухидэ, которого он достиг благодаря предательству, продолжался всего тринадцать дней. После его смерти народная молва сократила это время поговоркой *Акэчи-но тэнка микка* — буквально «царствование Акэчи — три дня».

После смерти Нобунаги дело всей его жизни не закончилось. Прибывший отомстить за своего господина Тоётоми Хидэёси только того и ждал: теперь именно он мог взять на себя эту почётную обязанность — покорять врагов и объединять страну.

Для него это был шанс один из миллиона: сын лесоруба, выходец из самых низов японской социальной лестницы, сперва он был простым пехотинцем *асигару* в армии Оды Нобунаги, но его выдающиеся воинские качества помогли ему сделать головокружительную карьеру. Нобунага умел замечать таланты и возвысил Хидэёси, даже не подозревая, как далеко тот пойдёт.

Когда-то самураями становились представители знатных родов, возводившие своё происхождение к императорам древности: эта должность предполагала помимо военной доблести ещё и аристократические корни. Но теперь, когда страна всё глубже погружалась в пекло междоусобных войн, ситуация поменя-

лась. Стать самураем означало увеличить свои шансы выжить, поскольку простые безоружные крестьяне чаще всех остальных становились жертвами грабежей и разбоев. Более того, благодаря своей отчаянной борьбе за жизнь самураи нередко добивались значительных военных успехов, и поэтому всё больше людей выбирало этот путь. Так социальный состав военного сословия Японии претерпевал серьёзные изменения.

Этот феномен в японской истории носит название *гэкокудзё*, буквально — «низы побеждают верхи». Тоётоми Хидэёси — возможно, наиболее яркое его проявление: это единственный представитель «низов», сделавший настолько головокружительную карьеру.

Будучи жестоким и отчаянным воином, но при этом небольшого роста и с лицом немного похожим на обезьяну, он как будто слегка стыдился своего простого происхождения, поэтому сделал своим советником чайного мастера Сэн-но Рикю и вообще увлекался чайной церемонией — не в последнюю очередь мы обязаны её развитию в Японии именно Хидэёси.

После смерти Нобунаги он немедленно взялся за дело: успешно провёл несколько военных кампаний на юге страны — на Кюсю и Сикоку, взял замок Одавара, уничтожив род Ходзё, покорили Малинового демона войны — Санаду Юкимуру, известного своими тесными связями с ниндзя. В 1586 году он получил от императора должность «великого министра» (*дадзё дайджин*) и закончил строительство своей резиденции — замка Осака.

Последним покорившимся объединению даймё был Одноглазый дракон Датэ Масамунэ на севере страны. Глаз у него действительно был только один, но это не помешало ему стать величайшим самураем и политиком своего времени. Масамунэ сегодня известен всей Японии своим стильным шлемом с элегантным лунным полумесяцем, а также тем, что основал город Сэндай, ныне — центр всего северо-восточного региона Тохокку. Он был мудрым и дальновидным правителем: покровительствовал христианам и даже направил первую дипломатическую миссию в Европу задолго до того, как это сделал сёгунат. Говорят, родился он лет на десять пораньше, всё могло бы сложиться по-другому — вплоть до того, что Сэндай мог бы оказаться столицей Японии. Но сложилось как сложилось: Одноглазый дракон покорился, и Хидэёси фактически завладел всей страной.

В историю Тоётоми Хидэёси вошёл не только благодаря одержанным военным победам, но и благодаря жестоким и импульсивным решениям, суровой политике и весьма эксцентричному

нраву. Именно он взял курс на ужесточение отношения к европейцам и миссионерам: если Нобунага видел в них потенциал для развития и стремился использовать его, то его преемник — опасность и риск с учётом очевидной военной мощи, которую при желании можно было использовать и против Японии.

Ближе к смерти он становился всё менее адекватен: строил огромные и ненужные крепости, параноидально подозревал всех в заговорах, собрал гарем из нескольких сотен двенадцатилетних наложниц, вызывал к себе в замок даймё из разных провинций для того, чтобы играть с ними любительские пьесы, и однажды даже приказал своему советнику, великому чайному мастеру Сэн-но Рикю, совершить сэппуку за то, что тот ему поддал чашу не того цвета¹.

В придачу к этому он затеял первую внешнеполитическую кампанию в истории Японии: разработал план, приказал южным даймё мобилизовать войска, собрал 300 тысяч человек и в 1592 году напал на Корею.

Главной целью амбициозного Хидэёси была даже не она: военачальник лелеял планы захватить Китай. Однако война не стала успешной: сперва корейцы переиграли японцев на море, пока неуклюжий флот пытался перебросить могучее войско на материк, да и дальше не стало легче. Продвигаясь в глубь материка, японцы были вынуждены воевать в незнакомых условиях, а корейцы оказались неожиданно сильны в партизанской войне. Потерь становилось всё больше, боевой дух падал.

После смерти Хидэёси войну пришлось свернуть, и японские солдаты радостно вернулись домой. И с этим связана ещё одна любопытная история, показывающая японцев с такой стороны, с какой мы, возможно, предпочли бы их не знать.

Их корабли возвращаются набитые доверху отрезанными ушами и носами убитых корейских солдат. Изначально намеревались везти с собой по японской традиции головы поверженных врагов, но такой груз оказался слишком большим и неудобным для транспортировки. Уши же стали отличным компромиссом: с одной стороны, не занимают много места, с другой — дают представление о том, сколько человек убил тот или иной самурай.

¹ Говорят, впрочем, что противоречия между ними имели более глубокие корни, и чаша стала лишь поводом. Сложным отношениям Хидэёси и его чайного мастера посвящено несколько фильмов, в том числе «Рикю» Хироси Тэсигахары (1989) и «Смерть мастера чайной церемонии» (1989) Кэя Кумаи, где Сэн-но Рикю сыграл Мифунэ Тосиро.

Мимидзука. Киото, преф. Киото, Япония

Проблема была в том, что головы можно было красиво насадить на колья и выставить, чтобы они внушали ужас, а уши и носы, как ни старайся, ужаса не внушают. Поэтому их просто пришлось аккуратно сложить в одном месте, и в итоге там образовался небольшой холмик. Он находится там и поныне — в предместьях Киото, покрытый землёй, заросший травой, — называется Мимидзука («холм из ушей»). Так и не скажешь, что это не обычный холм, а странный памятник японской жестокости.

Таким было окончание той войны, бессмысленной и беспощадной. Пожалуй, единственным хорошим её итогом для Японии стало то, что удалось пленить и привезти в Японию корейских мастеров по керамике: японской чайной утвари высокого качества мы в некоторой степени обязаны амбициозным геополитическим планам Хидзёси.

Но пока шла эта утомительная война, он всё отчётливее понимал, что не вечен. Незадолго до своей смерти Хидзёси собрал совет из пяти преданных ему людей и поручил им помогать его сыну, малолетнему Хидзёри, править страной, пока тот не достигнет совершеннолетия. Умирая, он, вероятно, пребывал в уверенности, что обеспечил своему роду господство над страной на долгие годы вперёд.

Но едва ли кто-то из его охочих до власти соратников всерьёз собирался ждать больше десяти лет, чтобы в итоге передать правление его сыну. Хидзёри после смерти великого отца оказался никому не интересен, и военные разборки за господство над страной продолжились без его участия.

Промозглым октябрьским утром 1600 года на огромной равнине Сэкигахара встречаются две огромные армии: прежние 260 раздробленных княжеств поделились теперь на две коалиции, и в этой битве им предстояло выяснить, кому достанется власть. Это значит, что объединение страны почти произошло: оставалось лишь последнее сражение. И ещё характерно, что обеими этими армиями командовали воины, которым Хидэёси доверил будущее своего сына, — его самые доверенные люди. Во главе Западной коалиции стоял Исида Мицунари, во главе Восточной — Токугава Иэясу.

Несмотря на численное преимущество Запада, не все самураи оказались на деле столь верными, как должны были: один из соратников Мицунари, двадцатишестилетний Кобаякава Хидэаки со своими войсками, остававшийся сперва нейтральным, решает по ходу боя присоединиться к армии Токугавы и атакует своих бывших союзников с тыла. Пока большие силы брошены на борьбу с предателем, войска Токугавы прорывают центр Западной армии, и вскоре становится понятно, кто выйдет победителем из этого сражения. И вот уже пятидесятивосьмилетний Иэясу устало и довольно садится на низкий походный стул, наблюдая, как его воины отрубают головы противникам.

Токугава Иэясу, в своё время воевавший бок о бок с Одой Нобунагой, был типичным представителем своего времени — бесстрашным воином в юности, грозным и опытным полководцем в зрелости; ему приходилось и проявлять верность, и нарушать договорённости ради собственной выгоды. Не менее важным оказались умение дожидаться и удача, — несмотря на бесстрашие, не погибнуть в бою до этого момента. Ему принадлежат мудрые слова: «Жизнь человека можно уподобить долгой дороге, по которой шагаешь с тяжёлой ношей; однако не следует торопиться».

После победы в этой битве он стал почти полноправным правителем Японии. Почти — потому что оставалось последнее препятствие его безраздельной власти: Тоётоми Хидэёри — мальчик, о котором все забыли, вырос и хотел вернуть себе законную власть.

Ни на какие уступки он идти не собиравшись, поэтому Иэясу принял решение идти войной на непокорного юношу. Враг был непрост: на его стороне было немало воинов, недовольных итогами битвы при Сэкигахара, и каждый из них понимал: если и есть шанс сокрушить Токугаву и отомстить за поражение многолетней давности, то это он — и второго уже не будет.

Историки часто называют последним масштабным самурайским сражением битву при Сэкигахара, но это не совсем кор-

ректно. На самом деле, таковым правильнее считать Осацкие кампании Токугавы. Выбрав не самый серьёзный повод (формально им стала отливка по приказу Хидэёри 72-тонного колокола с иероглифами, которые разозлили Иэясу), он бросает клич преданным даймё и собирает силы для осады замка Осака. Это случилось холодной зимой 1614 года.

На стороне Иэясу были голландские пушки и огромная численность войск, но на стороне его противника — неприступный замок и запасы пороха и еды для долгого сопротивления. Первые недели осада была безрезультатной, и Иэясу начинал нервничать: победа при Сэкигахара далась ему куда проще. Впрочем, замок был повреждён, и в итоге после шести недель военного противостояния стороны сели за стол переговоров. Договор был закреплён каплей крови из пальца Иэясу, и мир был заключён.

Однако клятва на крови ничего не стоила. Спустя полгода, летом 1615 года, Иэясу собирает ещё большую военную силу и снова направляется в Осаку, сжигая всё на подступах к ней. Есть основания полагать, что в этой армии было около четверти миллиона самураев: он решил биться до последнего и не уходить без победы.

Первая битва состоялась на подступах к замку, но воины Хидэёри были оттеснены к его стенам, и Иэясу начинает методичный обстрел, который продолжается всю ночь, до полного уничтожения. В нескольких местах начинает подниматься пламя, и вскоре пожар охватывает замок. Хидэёри и его мать оказались вынуждены покончить жизнь самоубийством посреди пылающей фамильной цитадели.

Теперь, когда величественный замок Осака был сожжён дотла, а весь род Тоётоми казнён, Токугава теперь мог наконец безоговорочно считаться правителем всей страны, получив от императора столь желанный и долгожданный титул — сёгун¹. Впервые спустя тридцать лет после того, как Ода Нобунага сверг последнего сёгуна Асикага, правительство страны вновь стало военным. Сёгунат Токугава (1603–1868) становится третьим — и последним в японской истории.

Этот период также называют эпохой Эдо — по названию новой столицы. Впервые за почти тысячу лет Иэясу переносит политический центр страны из аристократического Киото на

¹ Основная причина, по которой его предшественники Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси не могли претендовать на титул сёгуна, — их незнатное происхождение. Токугава же восходил родословной к Минамото Ёсииз.

равнину Канто, где он и находится до сих пор под известным всему миру названием «Токио»¹.

Причин для этого решения было несколько. Во-первых, географическое положение. В отличие от Киото, не имевшего выхода к морю, Эдо находился на берегу океана, и климат там несколько мягче и благоприятнее. Кроме того, это большая равнина, удобная для освоения, в то время как Киото окружён горами. Во-вторых, подобным переносом власти Иэясу как бы хотел начать строить новую историю страны, символически распрощавшись с прошлым. Также нужно помнить, что территория Японии к тому моменту расширилась на север и стала захватывать современный регион Тохоку; таким образом, новая столица оказывалась ближе к географическому центру страны, чем старая, и осуществлять контроль было куда удобнее.

Ещё одним важным политическим решением Токугавы была система заложничества *санкин котай*, согласно которой все даймё должны были проводить один год в столице, под присмотром сёгуна, а в то время, которое они находились у себя в провинциях, в Эдо обязаны были жить их семьи. Разумеется, это давало возможность полностью контролировать власть на местах и исключало возникновение каких-либо восстаний или бунтов. Это мудрое политическое решение позволило осуществить то, к чему и стремился Иэясу: установить в стране мир и покой, которых там так долго не было.

Эпоха Эдо и правда характеризуется отсутствием серьёзных восстаний (за исключением того случая, когда в 1837 году полицейский чиновник Осиро Хэйхачиро из Осаки продал свою библиотеку, купил на эти деньги оружие, раздал его крестьянам и поднял бунт; но закончилось всё провалом).

Помимо ожидаемого эффекта — установления мира внутри страны, — система *санкин котай* привела ещё к двум важным последствиям для Японии. Во-первых, развиваются дороги и вся транспортная инфраструктура, которая должна была сделать частые путешествия по всей стране вдоль и поперёк не слишком утомительными. Во-вторых, стремительно развивается и растёт сам город Эдо: ведь теперь там должно единовре-

¹ Само слово То:кё: (東京) переводится как «Восточная столица». По аналогии с этим было время, когда Киото называли Сайкё: (西京) — «Западной столицей». Перенос столицы с аристократического запада на самурайский восток был не только географической, но и идеологической переменой в жизни страны.

менно жить очень много людей — самураев, женщин, детей, их многочисленных слуг, а также ремесленников и торговцев, обеспечивающих всем им комфортное существование в столице. Неслучайно и сегодня Токио занимает первое место среди мегаполисов мира по числу ресторанов и забегаловок на душу населения: это всё наследие того времени, когда нужно было вкусно кормить огромную ораву людей.

Эпоха Эдо — время развития городской культуры. Если в эпоху Хэйан главным представителем общества и культуры был напoмаженный аристократ, сочиняющий изящные стихи про кукушку и сосну, а позднее им стал самурай с остро наточенным мечом, то теперь на первый план выходит простой горожанин — ремесленник, торговец, человек среднего класса, не слишком стремящийся к утончённости, но зато любящий простые радости жизни.

Не случайно именно в это время в столице открывается весёлый квартал Ёсивара с гейшами и куртизанками, на смену строгому ритуальному театру *нō* приходит разнузданный и весёлый *кабуки*, а вместо великолепных свитков и ширм, существовавших в единственном экземпляре, начинается массовая печать гравюр, чтобы каждый горожанин мог удовлетворить свою тягу к прекрасному.

Эти гравюры, о которых мы впоследствии поговорим подробнее, носят красивое и поэтичное название — *укиё-э*, дословно — «картины плавающего мира». Само слово «укиё» означает мир удовольствий, которыми нужно наслаждаться посреди быстротечности этой жизни. Японцам во все времена было свойственно стремление к гедонизму, но эпоха Эдо выводит его на новый уровень.

Мирному времени и политической стабильности способствует ещё одно обстоятельство: в 1637 году Япония разрывает все связи с зарубежными странами и закрывается от мира. Теперь японским кораблям запрещается покидать страну, а заграничным судам запрещено приближаться к Японии. Подобное резкое решение было неслучайно: хотя предпосылки к ужесточению политики по отношению к европейцам были и раньше (так, Тоётоми Хидэёси в 1597 году публично казнил в Нагасаки 26 христиан, двое из которых были японцами), чаша относительного терпения японских властей в определённый момент переполнилась. И этим моментом стало знаменитое восстание в Симабара, когда 40 тысяч вооружённых крестьян поднимают бунт под предводительством шестнадцатилетнего паренька по имени Амакуса Сиро.

Сам этот паренёк, судя по всему, был непростой: говорят, когда он поднимал руку, на неё садились голуби, и вообще он был как будто воплощением Иисуса Христа на японской земле. Разумеется, остаётся вопрос, почему за воплощением Иисуса Христа в теле хрупкого японского юноши пошли тысячи вооружённых и злых крестьян; и ответ, вероятнее всего, лежит больше в области социально-экономической, чем в религиозной.

Дело в том, что даймё, правивший в Симабара, искренне полагал, что крестьяне — как кунжутные зёрна: чем сильнее на них давишь, тем больше можешь получить. Условия труда были нечеловеческими, а весь урожай до последней рисинки отбирали, многие работали из последних сил и умирали от голода. Если же кто-то вдруг высказывал недовольство, его подвергали казни под названием «Пляска мино». *Мино* — это традиционная соломенная накидка, в неё заворачивали недовольного и поджигали, а пока он, сгорая, прыгал и извивался, даймё любил сидеть на низенькой табуретке и наблюдать за этим. Подобные развлечения едва ли могли снискать любовь крестьян, и однажды всеобщее негодование достигло предела. Так началось одно из крупнейших восстаний в японской истории.

Восставшие захватили замок Хара и держали оборону на протяжении несколько месяцев, пока присланные сёгуном войска безуспешно пытались его осаждать. От отчаяния сёгун даже обратился за помощью к европейским державам — попросил их атаковать замок с моря. Просьба была несколько специфической — учитывая, что восстание было поднято под христианскими знамёнами, им предлагалось атаковать своих же единоверцев. Для того чтобы просьба звучала более убедительно, сёгунат подкрепляет её ультиматумом: если европейские коллеги откажутся содействовать, все торговые отношения будут немедленно прекращены. Выбор был непростым, но, как и следовало ожидать, когда в дело вступает экономическая выгода, религиозные принципы отходят на задний план.

Голландские корабли начали обстреливать замок с моря, но тогда из замка вылетают стрелы с посланиями, высмеивающими неспособность осаждающих справиться своими силами. Интересно, что этот ход оказался эффективным: японские власти были задеты этим укором, и сёгун забирает свою просьбу назад.

Впрочем, как бы храбры ни были взбунтовавшиеся крестьяне и как бы ни был отчаян их порыв, противостоять вооружённой силе всей страны им было всё же не под силу: замок неизбежно пал, все бунтовщики были убиты, а их головы — отрублены. За-

тем в замок пригласили мать Амакусы Сиро и стали показывать ей эти тысячи отрубленных голов, пока при взгляде на одну из них она не залилась слезами. Так удалось опознать главного зачинщика, и эту голову торжественно повезли сёгуну в качестве свидетельства, что восстание благополучно подавлено.

Правивший тогда третий сёгун Токугава — Иэмицу — был довольно замкнутым человеком, предпочитавшим жёсткое управление страной¹. К тому моменту он уже прекрасно понял: от этих европейцев — одни лишь смуты, волнения и неприятности. То есть экономическая выгода, конечно, тоже есть, но ею можно пожертвовать. Именно тогда и был издан указ о закрытии страны, *сакоку*, во избежание дальнейших проблем. Вряд ли сам Иэмицу тогда понимал, сколь масштабное решение принимает: Японии суждено было находиться в режиме изоляции больше двух столетий, и мир за это время поменяется до неузнаваемости.

Закрытие страны, впрочем, было неполным: существовала одна маленькая щёлочка для сообщения с внешним миром — насыпной остров Дэдзима в Нагасаки. Дэдзима — это голландская фактория, небольшая территория размером 75 на 125 метров, на которой жили голландцы, торговавшие с японцами. Туда время от времени приходили корабли с товарами и книгами, которые, разумеется, тщательно досматривались. За Библию можно было лишиться жизни, а вот практические науки — анатомия, биология, медицина — японцев очень интересовали. Тогда и появляется термин *рангаку* — «голландские науки», который подразумевает эти естественно-научные дисциплины.

За исключением этого тоненького ручейка, связывавшего Японию и остальной мир, не было ничего нарушавшего гармонию японского одиночества и погружения внутрь себя, поэтому эпоху Эдо можно считать периодом, когда японской культуре удаётся развиваться самостоятельно, без оглядки на зарубежные каноны. Впервые после эпохи Хэйан наступило мирное время, когда можно было наконец отвлечься от войн и заняться творчеством и стремлением к прекрасному.

Меньше всего с наступлением этого нового мирного времени повезло самураям. Когда-то они были прославленными воинами, основой японского государства, их умение ловко орудовать мечом

¹ Тот факт, что в 16 лет Иэмицу зарезал своего 21-летнего любовника, когда они вместе принимали ванну, также что-то может сказать о характере и личности третьего сёгуна Токугава.

помогало им строить карьеру, добиваться почестей и славы, наслаждаться вниманием женщин и чувствовать себя главными. Теперь же их главное умение вдруг оказалось никому не нужным: приходилось переучиваться, превращаться в простых чиновников, сидеть, зарывшись в документы, и за чаркой саке ругать мягкотелую власть.

С формальной точки зрения их высокий статус никуда не делся: во введённой системе четырёх сословий *си-но-ко-сё* (士農工商: самураи — крестьяне — ремесленники — купцы) они по-прежнему оставались главными, но это было сделано скорее формально, чтобы не обидеть уважаемых представителей воинского сословия. На самом же деле всё получалось наоборот. С постепенным и неизбежным переходом к рыночной экономике в самом лучшем положении оказались не крестьяне и не ремесленники, а купцы, чего самураи никак не могли понять: ладно бы ты что-то обрабатывал или производил, но тут же просто купля-продажа — никаких особых умений не надо. Но новое время диктовало новые социальные и экономические условия.

Символично и то, что знаменитый кодекс чести самураев «Хагакурэ» («Сокрытое в листе») был написан в то самое время, когда от былой доблести этого сословия остались лишь красивые воспоминания. Там — всё то, за что мы любим слово «бусидо»: много красивых строк, повествующих о великих воинах, и строгих наставлений, как нужно вести себя в жизни и в бою.

«Хагакурэ» — очень любопытная книга, в которой встречаются самые разные пассажи: от рассказов о великих деяниях прошлого до житейских рекомендаций. В частности, автор советует:

«Если спрятать на своём теле несколько мешочков с сухой гвоздикой, ты можешь не бояться ни ненастья, ни стужи. Несколько лет назад в самый разгар зимы Накано Кадзума возвращался домой верхом на лошади и, несмотря на то что был уже стариком, перенёс путешествие совершенно безболезненно. Говорят, что это из-за того, что он использовал мешочки с гвоздикой. Кроме того, если выпить отвар, приготовленный из навоза пятнистой лошади, то можно остановить кровотечение из раны, полученной при падении с лошади».

Или:

«Зевать в присутствии других людей — признак плохого тона. Если неожиданно ты почувствовал желание зевнуть, это ощущение прекратится, если провести ладонью по лбу сни-

зу вверх. Если это не помогает, оближи себе губы, не открывая рта, или просто закройся рукой или рукавом, чтобы никто не видел, что ты делаешь. То же относится и к чиханию. Чихая при людях, ты можешь показаться глупым».

Там же встречаются и куда более философские сентенции, которыми и прославилось это произведение:

«Среди свитков, висящих на стене у господина Наосигэ, был свиток со словами: "К важным делам следует относиться легко". Увидев этот свиток, мастер Иттэй добавил: "К несущественным делам следует относиться серьезно"».

«Воистину, жизнь человека длится одно мгновение, поэтому живи и делай, что хочешь. Глупо жить в этом мире, подобном сновидению, каждый день встречаться с неприятностями и делать только то, что тебе не нравится».

«Не похожи ли человек на искусно сделанную куклу-марионетку? Человека смастерили на славу, потому что он может бегать, прыгать и даже разговаривать, хотя за ниточки его никто не дёргает. Но не суждено ли нам рано или поздно быть гостями на празднике о-Бон¹? Воистину, всё в этом мире — суета. Люди часто забывают об этом».

Между строк этой книги можно также увидеть растерянность и непонимание, что делать дальше и куда приведёт это странное время, ностальгию по ушедшим временам, когда верность своему господину и острый меч действительно чего-то стоили, и желание восстановить историческую справедливость и повернуть время вспять: ах, если бы те славные времена вернулись, мы бы показали тогда, как надо сражаться.

Но те славные времена никогда больше не вернулись.

Пожалуй, единственным громким случаем, связанным с самураями за всю эпоху Эдо, стал инцидент, вошедший в японскую историю как «Мечь Акого»: когда сорок семь самураев уби-

¹ О-Бон — буддийский праздник поминовения умерших, традиционно отмечаемый в Японии в середине августа на протяжении нескольких дней. Считается, что в эти дни грань между миром живых и потусторонним миром становится особенно тонка.

ли влиятельного чиновника, ворвавшись к нему в поместье и вырезав всех его людей. Таким образом они отомстили за своего господина и с чистой совестью после этого совершили сэппуку и последовали за ним.

Началась эта кровавая история довольно обыденно: знатный церемониймейстер Кира Ёсинака прибыл к князю Асано, чтобы преподать ему урок изящных манер накануне важного сёгунского визита. Установленной цены за эти важные знания назначено не было, но предполагалось, что какое-то вознаграждение непременно воспоследует. Однако Асано урок прослушал и ни иены не заплатил: то ли не сообразил, то ли просто не слишком захотел.

Ёсинака, впрочем, возмущаться не стал, но на официальном приёме ненароком оскорбил Асано, да так сильно, что тот схватился за меч и обнажил его, чего категорически было нельзя делать в присутствии сёгуна. Асано тогда приговорили к сэппуку, а служившие ему самураи стали *ронинами*: так называли самураев, оставшихся без хозяина.

Ёсинака сообразил, что несколько перегнул палку, и решил скрыться на время у себя в поместье, усилив охрану. Увидев, какой оборот приняли события, он был встревожен, прекрасно понимая: если вдруг самураи решат отомстить, нужно быть готовым.

Но удивительное дело: он ждал уже много месяцев, а месть всё не приходила. Взволнованный, он даже отправил своих людей проследить и доложить ему, где те воины, что должны желать его смерти. Люди вернулись и доложили: воины запили и забыли. Один валялся пьяный в канаве, другой шептал сальности на ухо нетрезвой куртизанке, вываливаясь из весёлого квартала. Опасность миновала.

На самом деле, разумеется, опасность была всегда рядом. Пока одни ронины изображали пьяниц, другие днём и ночью зорко следили за всеми входами и выходами из поместья, раздобыли подробный его чертёж, подготовили детально продуманный план нападения. На это у них ушло около пары лет, но оно того в итоге стоило.

Ранним и зябким январским утром 1703 года они ворвались в поместье, перерезали всех самураев и слуг и прошли в спальню к Ёсинаке, но в итоге обнаружили его скрывающимся в одном из тайников. Ему подали меч и предложили совершить сэппуку самому, но он в ответ лишь умолял о пощаде. Тогда несколько человек взяли его за руки и за ноги, а один перерезал горло. Окровавленную голову чиновника самураи пронесли по

улицам утреннего Эдо, омыли в колодце у храма, где был захоронен их господин, и водрузили рядом с его могилой. Так обряд возмездия был закончен.

Разумеется, за такое жестокое убийство их могла ждать только смерть — и ничего более. Чтобы не тратить время на ожидание официального приговора, самураи решили сразу покончить с собой в том же храме. Перед этим каждый написал прощальное стихотворение, одно из которых приведено в качестве эпиграфа к этой главе.

Историки справедливо отмечают, что политику Токугава на протяжении всего правления характеризует стремление любой ценой сохранить этот прекрасный установившийся порядок, когда бунты подавлены, никаких опасных контактов с внешним миром нет, воинственные самураи стали мирными чиновниками, рис растёт, а солнце всё так же восходит и греет. Они будто не желали замечать, что мир неизбежно меняется, и жили в наивной уверенности, что созданная ими стабильная система так и пребудет в сохранности до скончания веков.

Однако проблемы у этого общества были. Плачевным было положение крестьян, которые после уплаты налогов оставались фактически ни с чем. Кроме того, время от времени бушевали эпидемии, случался голод, с 1780 по 1786 годы население уменьшилось на миллион человек: для аграрной страны, которой в то время была Япония, это было серьёзным испытанием. Это приводило к падению уровня производства, к тому, что крестьяне массово бежали в города в поисках лучшей доли.

В городах, впрочем, были свои проблемы, связанные с переходом к денежной экономике. Почти всё время до этого в Японии основой экономических отношений был рис, но теперь ему на смену приходят монеты, и эти системы не очень вяжутся между собой. Получалась странная ситуация: доходы даймё исчислялись количеством риса, но обменять его на деньги они могли по ценам, установленным купцами, — и обычно оказывались в проигрыше.

Самураи нищали и влезали в долги; их престиж и гордость сменялись разочарованием и обидой. Князья отказывались от вассалов, которых не могли больше кормить. Некоторые даже давали звание самурая зажиточным горожанам, если те могли предложить за него солидную сумму. Происходило смешение классов, перераспределение богатства и власти.

Правительство пыталось регулировать цены, но контролировать экономические процессы не могло, а высокие цены на рис,

выгодные самураям, приводили к обнищанию крестьян, восстанию и голодным бунтам. Подобные экономические и социальные условия едва ли лестным образом характеризуют внутреннюю политику сёгуната Токугава, и совсем неудивительно, что уже к середине XIX столетия страна устала и требовала перемен.

Они не заставили себя долго ждать: в 1853 году у берегов Японии появились огромные черные паровые корабли, прибывшие из Америки с важной миссией — открыть Японию мировому сообществу.

Во главе миссии приплыл коммодор Мэттью Перри с посланием Императору Японии от Президента США, причём он прибыл не в Нагасаки, как было положено, а прямо в столицу. Японцы хотели было выразить возмущение, но их лодки даже не могли угнаться за огромными чёрными кораблями, а американские пушки явно превосходили их береговую готовность к обороне. Всего за несколько часов стало понятно, что, пока Япония была уютно закрыта от мира, мир успел поменяться так сильно, что даже не очень хотелось верить в это.

Перри не был в курсе, что император находится в Киото, и передал все подарки сёгуну (впрочем, даже с ним он лично не встретился: сёгун оказался больным). Впрочем, при таком эффектном появлении и без подарков стало понятно, что Япония имеет дело с мощной и превосходящей её силой и надо как-то думать над дальнейшей политикой.

Император, узнав о случившемся, был категоричен: иностранцев нужно прогонять со священной японской земли, на то, в конце концов, сёгун и был «покорителем варваров» по своему полному титулу. Но нужно учитывать, что эти огромные страшные чёрные корабли он своими глазами не видел, и это наверняка придавало ему уверенности. Самураи же оказались в значительно более сложной ситуации: все понимали, что земля священная и варваров надо бы прогнать, но было очевидно, что варвары технически сильнее и более готовы к боевым действиям, если таковые случатся. Начиналось сложное время необратимых перемен.

Пятнадцатилетний период с 1853 по 1868 годы называется *бакумацу* (幕末, «конец бакуфу»), и он наполнен важными и поворотными событиями куда плотнее, чем предшествующая ему пара столетий. Медленно и постепенно Япония начинает открываться под натиском европейских держав.

С июля по октябрь 1858 года была подписана серия Ансэй-ских договоров — о торговых отношениях с пятью западными

ми державами: США, Голландией, Россией, Великобританией и Францией. Глава сёгунского правительства Ии Наосукэ, подписывавший эти договоры от лица Японии, наверняка понимал всю серьёзность ситуации и то, что он идёт наперекор мнению императорского двора, но капитулировал перед настойчивостью европейских дипломатов. Когда двор узнал об этом, там были в шоке и ярости: это было явным пренебрежением их мнением. Когда-то в былые времена сёгунат проводил свою политику, не слишком оглядываясь на императора, но теперь подобное поведение было чревато.

3 марта 1860 года, когда Ии направлялся на торжественную церемонию в императорский дворец в честь Хина-мацури¹, восемнадцать самураев напали на его процессию, убили охранников, а затем вытащили его самого из носилок и отрубили голову. Впрочем, каким бы суровым ни было это наказание, договоры были подписаны и иностранные суда уже начали прибывать в Японию. Пути назад не было.

Постепенно сёгунат начинает всё отчётливее понимать серьёзность сложившейся ситуации и отсутствие перспектив. Как объяснили американцы представителям бакуфу на переговорах, Япония всё равно будет открыта, поскольку с учётом военной мощи Запада шансов на сопротивление особо нет. Вопрос лишь в том, как это открытие страны войдёт в историю: либо как добровольное решение о вступлении в мировое сообщество на правах полноценного участника, либо в результате кровопролитных сражений, под натиском пушек и ружей, ценой немалых человеческих жертв.

Как ни обдумывай эту ситуацию, первый вариант казался намного более приемлемым и гуманным. Император ещё не знал всей правды, но сёгунат уже понимал, что открытие страны неизбежно.

Путь Японии в мировое сообщество, разумеется, не был простым, и, если власть уже постепенно смирялась с тем, что отношения с Западом — это часть новой реальности, народ в это верить не хотел. Было немало инцидентов, когда местное население реагировало на приезжих не самым миролюбивым образом, и на волне этого появляется движение *сонно дзёи* — «Почитай Императора, прогони варваров».

Одним из самых важных инцидентов стало убийство в 1862 году английского купца Ричардсона и его спутников, ког-

¹ Так в Японии называют День девочек — один из важнейших государственных праздников страны.

да они, уступив дорогу процессии даймё княжества Сацума, не спешились. Несколько самураев отделились от процессии уважаемого даймё и хладнокровно убили иностранцев, после чего процессия спокойно продолжила путь.

Когда в Великобритании узнают о случившемся, намечается дипломатический скандал. От Японии ждут как извинений, так и денежной компенсации, и сёгунат охотно соглашается, лишь бы не эскалировать сложившийся конфликт. Оставалось только получить извинения и денежную контрибуцию от дерзкого княжества Сацума, из-за которого эта история и завершилась. Но князь Симадзу наотрез отказывается: дескать, его самураи действовали абсолютно в рамках закона, а англичане этот закон попросту не знали, но это ни в коей мере не освобождало их от ответственности.

Уж чего Великобритания совсем не могла ожидать, так это того, что проблема появится в лице крошечного гордого княжества на юге Кюсю. В следующем году начинается так называемая Англо-Сацумская война, в которой Англия воюет не с Японией, а с одной небольшой японской провинцией. У Сацумы, разумеется, не было шансов, и это было скорее противостоянием престижа, нежели попыткой победить одну из сильнейших европейских держав. Тем не менее, эта война имела большие последствия для обеих сторон: англичане начали строить дружеские отношения с Сацумой, заужав самурайский дух, которого не хватало центральной власти страны. Сацумцы же начали отправлять молодёжь на стажировку в Англию и постепенно перенимать передовые европейские технологии, вовремя сообразив, что за ними будущее.

В том же году княжество Чёсю, находившееся на самом юге Хонсю, под предлогом выполнения императорского рескрипта об изгнании варваров в течение нескольких месяцев расстреливает проходившие в проливе Симоносэки корабли четырёх европейских держав, имевших торговые и дипломатические отношения с Японией.

В ответ на это французская эскадра через месяц атакует с моря порт Симоносэки, давая понять, что такое поведение не будет прощено и забыто, за что даже удостоивается благодарности от сёгуна.

Но это был лишь первый ответный шаг, и на этом история не закончилась. На переговорах, состоявшихся в 1864 году, члены японского правительства попытались убедить представителей европейских держав не предпринимать дальнейших мер, но те жаж-

дали мести. В сентябре того же года международная эскадра в составе кораблей из Англии, Франции и Голландии атакует Чёсю и за два дня разносит город, уничтожая корабли, здания, людей и лишая провинцию каких-либо возможностей сопротивления.

Японию обязали выплатить 3 миллиона долларов в качестве контрибуции и открыть для торговли порт Хёго на внутреннем японском море. Движение по изгнанию варваров оказалось не слишком результативным. А княжества Сацума и Чёсю стали главной военной поддержкой императора и всеми силами боролись с ненавистным сёгуном. Когда-то в битве при Сэкигахара они сражались в Западной коалиции, против Токугавы Иэясу, теперь пришло их время расквитаться с властью его потомков.

Сёгун с каждым днём чувствовал себя всё менее уверенно и защищённо. Было ясно, что конфликт неминуем, и противостояние между ним и императорским двором становилось всё более серьёзным. Была даже предпринята попытка сгладить этот конфликт старым и проверенным веками японской истории методом — бракосочетанием: принцессу Кадзуномия выдали замуж за сёгуна Токугава Иэмоchi в надежде, что это поможет нормализовать отношения между двумя ветвями власти. Но мера себя не оправдала; возможно, ещё и потому, что сёгун умирает через четыре года после бракосочетания, в возрасте двадцати лет.

Пятнадцатым и последним сёгуном Токугава (а вместе с тем и последним сёгуном Японии) стал двадцатидевятилетний Токугава Ёсинобу. Он начал было преобразования, которые должны были как-то сдержать неумолимый ход истории и помочь бакуфу, но тогда уже было, очевидно, поздно.

В народе всё сильнее нарастало недовольство излишне мягкой и не соответствующей тяжёлому времени политикой бакуфу: вроде как страной на протяжении многих веков управляли военные, и те самые самураи, которые всегда были оплотом мужества и гарантией безопасности, и сейчас должны были жёстко расправиться с чужеземцами раз и навсегда; но вместо этого они спокойно сидели на службе и перекладывали бумажки, а сёгун не предпринимал никаких шагов по изменению ситуации.

Разумеется, и на стороне сёгуна имелись военные силы, которые были в состоянии дать отпор врагу, но их деятельность была больше направлена на подавление антисёгунских выступлений, нежели на борьбу с иностранцами. Речь идёт в первую очередь о знаменитом отряде Синсэнгуми («Новое ополчение»), увековеченном в легендах, книгах и аниме в качестве последних настоящих самураев, преданных истинной Японии.

Хотя изначально они были скорее полицейским подразделением с охранными функциями, следившим за порядком в Киото, но за верность сёгунскому правительству их наградили этим гордым названием, которое они и вписали в историю.

Бойцы Синсэнгуми раскрыли заговор против сёгуна (заговорщики хотели поджечь Киото, во время паники убить ключевых людей из сёгунского правительства, а императора заставить подписать указ об отставке сёгуна), успешно противостояли войску княжества Чёсю у ворот Хамагури, отбив атаку на императорский дворец, и сыграли большую роль в заключительной войне между бакуфу и императором.

Но как бы храбро ни сражались самураи, защищая сёгунат и своё место в жизни страны, невозможно было сопротивляться неизбежному: их время утекало сквозь пальцы, их мир рушился на глазах, и сделать было ничего уже нельзя. Можно быть сколь угодно отчаянным воином и отрубить голову десятку или сотне врагов, но, если ты сражаешься с ходом истории, ты — всего лишь песчинка, и ветер снесёт тебя на обочину, даже не заметив этого.

Император Комэй, находившийся тогда у власти, не был ярким противником сёгуната и не разделял твёрдости своих соратников в отношении военного правительства: по его мнению, союз аристократов и самураев (*Ко:бу гаттай*) мог бы стать гораздо более действенной мерой, нежели открытое противостояние.

Однако в начале 1867 года, вскоре после назначения сёгуном Ёсинобу, он неожиданно умирает. По официальной версии — от оспы. Но существует и неофициальная, согласно которой он был препятствием для окончательного свержения сёгуната и восстановления императорской власти.

Его пятнадцатилетний сын Муцухито казался более удобной фигурой для свершения от его имени давно назревавших преобразований: он и стал следующим, 122-м, императором Японии, которому суждено было править более сорока лет и освящать своим именем важнейшие перемены в истории страны.

Сегодня он известен всему миру как император Мэйдзи. С этого имени начинается новая история Японии, которая принесёт этой стране и яркие взлёты, и трагические крушения. Когда-то никому не известная небольшая азиатская страна теперь является частью большого мира, и эти перемены не могут пройти бесследно.

Первое время у консерваторов и сторонников власти сёгуна ещё оставались какие-то надежды, что всё образуется, мир наладится и вернётся к привычной гармонии. Но в 1868 году всё поменялось безвозвратно.

Глава 3

Из тени в свет

Стойкая сосна —
держит снег,
что падает на неё,
и цвета не меняет.
Пусть люди такими же будут.
Император Хирохито

Чем ближе повествование подходит к нашему времени, тем сильнее увеличивается историческая резкость, позволяя разглядеть множество различных деталей, тем большее нужно принимать во внимание при рассказе и тем сложнее становится быть объективным и справедливым в оценках. В двадцатом столетии, о котором пойдёт речь ниже, судьба Японии настолько тесно переплетается с глобальными мировыми процессами, что для понимания её истории нужно учитывать события, параллельно происходившие в других далёких странах: мир меняется так сильно, что лишь в совокупности этих изменений можно увидеть их истинную природу.

Прошли те прекрасные времена, когда Япония жила в прекрасной изоляции от мирового сообщества и существовала в своеобразном вакууме, иногда нарушаемом внешней политикой, но в основном гарантировавшем ей спокойствие и гармонию. Новое время требует включения в исторический процесс всех потенциальных участников и диктует простое правило: чем активнее ты в него включаешься, тем большую выгоду сможешь извлечь.

Как мы увидим, японцы хорошо усвоят этот принцип. Время, описываемое в начале этой главы, отстоит от того, которым она закончится, чуть больше чем на столетие (что совсем мало по любым историческим меркам), но за это время Япония пройдёт небывалый путь: от аграрной феодальной страны с крестьянами и самураями до великой экономической держа-

вы с передовыми технологиями. Сделает ли это счастливее её жителей — вопрос сложный, но следует отдать должное тем их качествам, благодаря которым эта удивительная трансформация стала возможной.

Не факт, что у какой-нибудь другой страны получилось бы совершить нечто подобное, поэтому можно лишь удивляться тому, как это делали японцы и какие жертвы они принесли, чтобы достичь этих успехов. А пока — давайте вернёмся в самый конец сёгуната Токугава, где привычный мир трещит по швам, а за ним уже проглядывает новый мир, таящий в себе не меньше сложностей и сюрпризов.

Итак, в 1868 году всё поменялось безвозвратно.

3 января император Мэйдзи (не столько по своей воле, сколько под влиянием заинтересованных лиц из Сацума и Чёсю) подписывает Указ о реставрации императорского правления. Эту дату принято считать официальным концом правления самурайского сословия в Японии и началом так называемой Реставрации Мэйдзи.

Её справедливо называют поворотной точкой в японской истории, поскольку она положила начало модернизации страны, политическому переустройству, переходу к новому образу жизни — в общем, полностью изменила весь предыдущий уклад. Это в итоге привело Японию к совершенно невероятным последствиям, включая экономический подъём и военные победы над двумя мировыми державами, и предопределило её современную историю — не случайно императора Мэйдзи увековечили в святилище в центре столицы.

Самурайское правление, как мы могли убедиться, показало себя к тому времени абсолютно неэффективным и неожиданно слабохарактерным — как раз в тот момент, когда требовалось показать всему миру силу японского духа. Поэтому такое развитие событий можно считать вполне закономерным. Спустя семь с лишним столетий военного правления вся полнота власти снова возвращается к императору.

Хотя не совсем. Ещё оставались в Японии силы, которые не могли смириться с происходящим и пытались предотвратить конец сёгуната. И в первую очередь это, конечно, был сам сёгун.

15-й сёгун Токугава, Токугава Ёсинобу, до последнего хотел верить в возможность мирного разрешения конфликта. Когда стало понятно, что мирного разрешения не случится, он хотел

верить хотя бы в то, что после неизбежных перемен роду Токугава по крайней мере достанется солидное положение (что-то типа должности премьер-министра, если мыслить современными терминами). Его можно по-человечески понять: в должности сёгуна он успел пробыть не так долго — всего лишь около года, а затем его уже стали уговаривать не противиться истории и сложить свои полномочия.

В 1867 году он решил пойти навстречу неизбежному и добровольно отречься от власти ради последующего сохранения своих позиций. Но планам его было не суждено сбыться. 3 января 1868 года был подписан императорский указ о лишении Токугава всех титулов и земель, и вместе с этим Ёсинобу лишился последних надежд на политическое будущее, что было для него уже куда страшнее.

Тогда он попытался восстановить справедливость: собрал войска и пошёл к столице. События 1868–1869 годов называются войной Босин: это было заключительное противостояние сёгуната и императорских войск, подводившее итог более чем семисотлетнему правлению самураев.

Началось всё битвой Тоба-Фусими близ Киото, в которой Ёсинобу потерпел сокрушительное поражение, после чего вынужден был бежать обратно в Эдо. Он обратился было к западным державам, но европейцы объявили о своём нейтралитете — до разрешения конфликта они предпочли оставаться в стороне. Когда мощные императорские войска подошли к столице, последний сёгун в японской истории вынужден был сдаться и был посажен под домашний арест. Верные ему люди ещё оставались, но их становилось всё меньше. Ход истории им было сломить не под силу.

До последнего сопротивлялся Отряд Белого тигра («Бяккотай») на севере страны. Это название наиболее известно в связи с трагической историей, когда его участники — молодые самураи 16–17 лет — совершили сэппуку, увидев дым над своим замком с соседней горы: они подумали, что замок захвачен и война проиграна. На самом деле замок был цел, а горели городские постройки за ним, но разглядеть это издали не удалось. Впрочем, не прошло и месяца, как замок Аидзу действительно пал.

Заключительное сражение войны Босин произошло на самом юге острова Хоккайдо (тогда он назывался Эдзо и не принадлежал Японии), в городе Хакодате. Туда с верными людьми бежал мятежник по имени Энмото Такэаки и основал там республику, добиваясь признания независимости. Но это были

лишь красивые планы, которым не суждено было сбыться: в мае 1868 года туда пришли внушительные правительственные войска, и в результате кровопролитной битвы последний оплот повстанцев пал. Так Япония оказалась наконец объединена под властью императора Мэйдзи.

Интересна судьба самого Эномото: его сперва осудили и посадили в тюрьму, но спустя какое-то время, признав знания и способности, выпустили и направили послом в Россию, где он от лица Японии в 1875 году подписал Санкт-Петербургский договор (по которому Россия отдавала Японии Курилы, а Япония России — Сахалин). Затем он побывал министром флота, министром связи, министром иностранных дел и скончался в 72 года в статусе *сисяку* (один из титулов аристократической системы *кадзоку* — «цветы народа»). Далеко не всем оппозиционерам последней японской гражданской войны была уготована такая участь.

А император Мэйдзи после установления долгожданного мира в стране переходит к активным преобразованиям. Конечно, это была не его инициатива; несмотря на то что этот период назван его именем, мы должны помнить, что роль императора в японской политической системе не предполагала особой активности и все важные решения принимались скорее его ближним кругом, чем им самим. Так и в событиях реставрации Мэйдзи роль самого Муцухито (это его прижизненное имя, Мэйдзи стало посмертным) куда меньше роли его окружения. Это они решали, какой будет новая Япония, и надо признать, что перед ними стояла очень непростая задача.

Учитывая то, что на протяжении двух с лишним столетий Япония изо всех сил пыталась сопротивляться мировым веяниям и обособляться от наступающей глобализации («глобализацией» это назовут потом, но японцы словно уже тогда понимали, к чему всё в итоге идёт, и хотели этого максимально избежать), подобный политический разворот был очень смелым решением и требовал слаженных действий. Теперь, когда Япония официально согласилась играть по правилам, навязанным ей всем миром, и выйти из самоизоляции, став частью мирового сообщества, нужно было сделать невиданный рывок. И надо отдать должное японцам — они его сделали.

Едва ли будет преувеличением сказать, что за несколько десятилетий в конце XIX века Япония прошла в своём развитии тот путь, который у западных держав занял несколько веков. Даже простое перечисление событий и изменений, креп-

ко спрессованных в несколько лет, может дать представление о том, с какой силой и энергией японцы взялись за обновление страны и превращение её в полноценную мировую державу.

В 1870 году принят в качестве официального флага страны знаменитый *хиномару* («Солнечный круг»), происходит переход на европейскую систему мер и весов, начинает выходить первая ежедневная газета «Ёкохама майнити». В 1871 году введена в обращение общая денежная единица под названием «иена» (до этого княжества печатали свои собственные монеты), а японцы начинают отказываться от кимоно в пользу европейских костюмов. На столах появляются мясо и молоко — последнее было особенно невиданным для японского рациона. В 1872 году происходит переход на григорианский календарь и вводится единое общее время по всей стране. Вместе с этим начинают пользоваться большим спросом часы — новый для японцев аксессуар.

В этом же году было пущено железнодорожное сообщение между Токио и Иокогамой, и важности этого события не упустил даже забавный казус, связанный с тем, что проверяющие чиновники сняли на токийской платформе обувь, садясь в поезд, а по прибытии в Иокогаму, разумеется, её на платформе не обнаружили. В следующем году в стране появляется телеграфное сообщение — скорость жизни и передачи информации стремительно увеличиваются.

В 1871 году правительственная миссия отправилась с визитом в Европу и Америку, и впервые члены правительства смогли посмотреть, как живут на Западе. Да, им, безусловно, многое показалось странным: рукопожатия и телесные контакты, ковры на полах, диких танцев на приёмах, нож и вилка (холодное оружие!) у каждого во время совместной трапезы — перечислять можно долго. Но это был не вопрос вкусов, все понимали, что эта культура, какой бы странной она ни была, — более сильная, а значит, даже то, что кажется непонятным, нужно тоже на всякий случай перенимать.

Для того чтобы стать нормальной современной державой, пришлось даже пойти на невиданный шаг: устроить фотосессию императору Мэйдзи (который, чтобы быть по-европейски стильным, даже отрастил усы и бородку). Если все обмениваются фотографическими изображениями своих монархов, Япония не могла оставаться в стороне. Хотя с точки зрения традиционного синто это было определённо нарушением незыблемых традиций, поскольку божество (каковым является император, будучи потомком Солнечной богини) изображать нельзя. Оста-

вался ненарушенным ещё один запрет: нельзя слышать голос божества. Впрочем, не успеет закончиться эта глава, и он тоже будет нарушен.

В том же году прежнее административное деление на княжества, которыми правили даймё, традиционно передававшие свою власть по наследству, также окончательно уходит в прошлое. На смену ему приходит современное деление на префектуры (правда, тогда их было 72, а сейчас стало 47), и центральная власть теперь сама стала назначать местных руководителей. Хотя существует мнение, что отмена феодальной системы была не самым обязательным политическим шагом, но всё же феодализм был в тот момент определённо приветом из прошлого, от которого стремились избавиться — он не соответствовал образу новой страны, которую хотели построить.

И наконец всё в том же 1871 году выходит правительственный указ, согласно которому самураям запрещалось носить мечи в общественных местах. тем самым им дают понять, что их время прошло, а их сословие больше не актуально. По мнению автора идеи, министра финансов Окубо Тосимичи, это должно было способствовать воцарению мира и гармонии в стране, но на самом деле неизбежно привело к восстанию. Оно случилось через шесть лет, и, что самое неожиданное, было поднято его другом детства — сацумским самураем по имени Сайго Такамори.

Памятник великому Сайго поставлен у входа в токийский парк Уэно; правда, проходя мимо, не все могут разглядеть в этом упитанном добродушном мужичке с собачкой знаменитого самурая — верховного главнокомандующего японской армией, ставшего затем великим мятежником.

«Великий Сайго», во многом благодаря которому бескровно закончилась война Босин, родился в уже неоднократно упо-

Муцухито, Император Мэйдзи (1852–1912). Фото Учиды Куичи. 1873 г. Метрополитен-музей, Нью-Йорк, США

Сайго Такамори (1828–1877)

минавшемся южном княжестве Сацума и благодаря верному служению своему прогрессивному князю Симадзу Нариакира (тому самому, что бесстрашно воевал с Англией), продвинулся по службе и включился в политику. Благодаря той роли, которую Сацума сыграло в реставрации Мэйдзи, он даже вошёл в состав первого правительства, хоть и расходился во взглядах со многими коллегами. Сам он при этом совершенно не был похож на политика: носил простую одежду (один раз его даже задержала охрана на выходе из дворца, приняв за бродягу), ел вместе с простыми солдатами и неоднократно уговаривал своих коллег отказываться от дорогих подарков — дескать, они компрометируют власть предрежущих.

Кроме того, будучи военным по духу, он придерживался довольно жёстких политических взглядов: в частности, предлагал аннексировать Корею, пока западные державы не проявят к ней интерес. Пока члены правительства были в Европе во время миссии Ивакура, Сайго оставили фактически во главе Японии, и тогда он вообще едва не объявил Корею войну. Такое вызывающее поведение не очень было понято коллегами по политическому цеху, и, окончательно рассорившись со своими бывшими товарищами, Сайго вернулся к себе на юг, в княжество Сацума, где читал книги, учил молодёжь, гулял с собакой и вёл размеренный образ жизни.

Однако даже во время своей добровольной ссылки Сайго Такамори оставался тем самым харизматичным лидером, за которым хотели идти недовольные молодые люди. В связи с непопулярными реформами в разных краях страны начали вспыхивать бунты и восстания, и Сайго не мог оставаться в стороне.

В 1877 году он, скорее в результате провокации своих политических оппонентов, нежели по велению сердца, отправился войной на правительство — своих бывших друзей и коллег. Это восстание называют Сацумским, поскольку сильно дальше

Сацумы весьма малочисленное войско Сайго не прошло. После неудачного штурма замка Кумамото в соседней провинции они вынуждены были вернуться назад, разбитые и почти поверженные, скрываясь в пещерах от правительственных войск. Сам великий Сайго встретил свою смерть от меткой пули, перебегая из одного укрытия в другое.

С подавлением этого восстания препятствий на пути Японии к яркому европейскому будущему больше не оставалось; жаль лишь, что это будущее оказалось не таким сияющим, как казалось всем тогда. А самураи как военное сословие ушли в прошлое вместе с Сайго Такамори. В общем, для кого-то «последний самурай» — это Том Круз под сакурой в голливудском фильме, но на самом деле, как ни странно, это упитанный мужичок с собакой у входа в парк Уэно, печально глядящий на неоновые вывески и железнодорожные пути.

Есть, впрочем, один любопытный момент. Первыми словами вдовы Сайго на торжественном открытии памятника был удивленный вопрос «Кто это?» Дело в том, что ни фотографий, ни портрета Сэгодона (как его с любовью называют на родине) не сохранилось и скульптор был вынужден обращаться к портрету его племянника. Поэтому нам так и не суждено узнать, как выглядел последний самурай Японии, возможно даже, что он и не уступал в красоте и обаянии голливудскому киноактёру.

А изменения в Японии продолжали идти полным ходом.

В 1889 году была официально принята новая Конституция Японии, правда, не слишком отличавшаяся самобытностью. В ней было 76 статей, и только три были оригинально японскими, а все остальные были взяты из конституций Германии, Пруссии и других европейских государств. Всё-таки в том, что касается заимствования чужого опыта, японцы всегда были на высоте.

Эта конституция устанавливала создание японского парламента, как и сегодня, состоявшего из двух палат. Появился также кабинет министров, во главе которого стоял премьер-министр. Первым премьером стал либеральный и прогрессивный сорокачетырехлетний Ито Хиробуми. Самурай из княжества Чёсю, в двадцать два года он съездил на стажировку в Англию (поскольку официально страна была ещё закрыта, поездка была тайной: пятерых молодых людей переодели в моряков и вывезли через Шанхай в Лондон) и вернулся оттуда убеждённым сторонником модернизации. Сложно переоценить его роль в политическом развитии Японии, как и сложно переоце-

нить значение его гибели (в 1909 году его застрелил на вокзале корейский террорист) в том, что Япония с тех пор стала проводить более жёсткую политику.

Однако был и оригинальный японский политический институт — *гэнро* («старейшины»): так назывались девять политических тяжеловесов, дававших советы императору и обладавших очень серьёзными полномочиями. Их можно справедливо называть «отцами-основателями» современной Японии, поскольку многие важнейшие решения, включая назначения премьер-министров, были приняты по их рекомендациям. Впрочем, влияние гэнро со временем уменьшалось, и этот институт прекратил своё существование в 1940 году со смертью последнего из этой девятки.

Значительные изменения происходят и в экономике. В то время начинает формироваться новая мощная сила, которая будет определять экономику Японии вплоть до сегодняшнего дня: *дзайбацу*. Этим словом называли «денежные кланы» — могучие финансовые конгломераты, контролирующие банки, заводы и производства, во главе которых стояли конкретные семьи. Как можно заметить, идея кланового правления, сформировавшаяся ещё в древности, была любима японцами на протяжении всей их истории.

К четвёрке крупных *дзайбацу*, появившихся ещё в первые годы Мэйдзи, принято относить Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда, три из этих компаний процветают и сегодня. *Дзайбацу* пользовались режимом благоприятствования со стороны правительства, что позволило им вначале сильно укрепнуть, а потом оказывать большое влияние как на финансовую, так и политическую ситуацию.

Была у нового этапа развития Японии в то время и ещё одна немаловажная сторона: военная. Согласно знаменитому лозунгу *фукоку кэхэй* (富国強兵 — «богатая страна, сильная армия»), помимо поддержки финансовых конгломератов, надлежало думать и о реформировании военных сил.

Большую роль в этом процессе сыграл Ямагата Аритомо, в отличие от либерального Ито Хиробуми настроенный куда более радикально. В 1882 году он написал и вручил императору на подпись «Императорский рескрипт солдатам и матросам», который впоследствии должны были знать наизусть все военнослужащие Японии. В нём, помимо общих предписаний относительно верности императору, беспрекословному подчи-

нению начальству и стремлению к простоте, были знаменитые слова «Долг тяжелее горы, смерть легче пуха».

Но одними словами армию не реформировать, нужны были реальные действия и эффективная модель для подражания. И наиболее надёжной моделью в то время была Германия.

Германская империя внушала Японии уважение созданием государства на основе патриотического воспитания, немецкие специалисты активно помогали японцам при составлении конституции (в частности, предупреждали об опасности излишнего либерализма и советовали его не допускать), политика Отто фон Бисмарка была примером для подражания, поэтому переустройство армии также было решено осуществлять по германскому образцу.

Была введена обязательная воинская повинность, распространившаяся на всех мужчин старше 20 лет. Это была бессословная массовая армия, и каждый член японского общества обязан был с оружием в руках воевать во благо своей страны. Срок службы мог достигать 12 лет; впрочем, можно было откупиться за значительную денежную сумму (что приносило деньги в бюджет страны). Помимо увеличения численности регулярной армии, были проведены реформы и в её управлении. В итоге за несколько лет на смену неорганизованному войску из крестьян пришла профессиональная армия по европейскому образцу, с такой можно было готовиться к великим свершениям.

В 1894 году, будучи во всех отношениях обновлённой страной, Япония решает на смелый шаг, идеи которого восходят куда-то к смелым мечтам Тоётоми Хидэёси: объявляет войну Китаю.

Официальным поводом было восстание тонхаков в Корее, которое японские войска якобы помогали подавить, но было очевидно, что это не более чем предлог. На Корею японцы засматривались давно, и теперь, будучи уверены в собственных силах, для её подчинения они готовы были сражаться даже с великим Китаем (который, впрочем, в то время был не в лучшей форме; момент был выбран верно).

История повернулась удивительным образом: когда-то японцы почтительно отправляли в Китай дипломатические миссии, чтобы получить мандат на правление, и с благоговением перенимали все культурные достижения этой древней цивилизации. Теперь они стали такими сильными, что пошли на Китай войной. Европа с удивлением наблюдает за битвой двух «азиатских тигров».

После успешного захвата Кореи боевые действия переходят на территорию Китая, чего власти Поднебесной никак не могли ожидать. В спешке мобилизуются дополнительные войска, жаркие бои продолжаются несколько месяцев, но в конце марта китайские силы оказываются разбиты, в столице начинается паника, и династия Цин вынуждена капитулировать, согласившись подписать мирный договор на японских условиях. Он был подписан в том самом городе Симоносэки, который несколько десятилетий назад обстреливали с моря европейские державы. Как сильно изменилась с тех пор Япония!

По условиям этого договора Япония получала Ляодунский полуостров и контроль над Тайванем: островная страна теперь немного приросла материком, — и это было только начало. Тогда европейские державы впервые обратили на Японию серьёзное внимание: ещё недавно эта страна только открылась миру, а теперь у неё была модернизированная и эффективная армия, и она начинает менять установленный мировой порядок в Азии. Именно тогда по отношению к японцам впервые стал применяться термин «жёлтая опасность», хотя масштаб этой опасности было ещё очень тяжело предугадать.

В процессе — а возможно, в результате этой победоносной войны — в Японии появляются настроения, которые и раньше, вероятно, существовали в коллективном подсознании, но не были чётко сформулированы. Теперь же становится всё очевиднее: японцы — это особая нация, уникальная и много-го заслуживающая. Во-первых, её создали и ей помогают боги; а во-вторых, можно убедиться самим: по уровню развития она успешно сравнялась с Западом, в то время как все остальные азиаты так и остались там, где были. Японцы почувствовали и стали всё чаще изображать себя наиболее благородной нацией, достойной того, чтобы править всей Азией.

Европейские державы такую позицию не разделяли. Более того, даже стремились подавить растущие амбиции Японии и показать ей, что не стоит так активно воевать и делить сферы мирового влияния. Подобное геополитическое поведение было уделом европейских держав, лишние игроки, тем более потенциально мощные и опасные, им были совершенно не нужны. В следующем году после японского триумфа Франция, Германия и Россия (поистине удивительный альянс с точки зрения истории XX столетия) публично высказывают свои претензии и фактически заставляют Японию отказаться от недавно завоёванных территорий. Это принято называть «Демаршем трёх

держав»; японцы были в ярости, но ничего поделать не могли, поскольку ссориться с Европой явно не входило в их планы. Так Запад поставил Японию на место, не подозревая, что Япония это запомнит и при удобном случае отомстит.

Ещё больший шок японцы испытали, когда узнали, что Россия строит железную дорогу прямо по территории Китая — Ляодунскому полуострову, тому самому, который отобрали у японцев, оправдываясь красивыми словами о суверенитете Китая. Как же это так: японцам нельзя, а русским, значит, можно? В этот момент в японском обществе начинается зарождение тех антироссийских настроений, которые приведут Японию к ещё одной победоносной войне — и на этот раз уже над европейской державой.

Русско-японская война — тема крайне сложная с учётом большой важности этого события для обеих стран-участниц. Для России предполагавшаяся «маленькая победоносная война» окончилась поражением и послужила одной из причин революции; для Японии победа над европейским гигантом стала поводом для головокружения от военных успехов и ускорила переход к отчаянной войне со всем миром.

Причин войны, по большому счёту, было две. Первая — общие территориальные интересы: тот самый Ляодунский полуостров. Вторая — не то чтобы прямо желание, но скорее общее непротивление. Обе страны полагали, что победа вероятна, и обеим странам она была очень нужна.

Россия, надо признать, подошла к этому противостоянию не слишком серьёзно: в конце концов, это маленькая островная Япония, которую, по меткому оптимистичному выражению, можно было при желании и «шапками закидать». Однако Тихоокеанский флот не был сильной стороной российских вооружённых сил, и боевую готовность японцев Россия в тот момент недооценила. Даже не могла предположить, что она будет настолько серьёзной.

Япония же готовилась всерьёз. Если первое время она чувствовала себя слегка неуютно в тени европейских гигантов, то затем постепенно начала приобретать союзников. В 1902 году Япония заключает военный альянс с Англией: две островные страны соглашаются помогать друг другу в боевых действиях, и это придаёт японцам уверенности. Теперь они были не одни.

6 февраля Япония заявила о разрыве дипломатических отношений с Россией, а через три дня японцы без предупреждения

атаковали российские суда у корейского города Инчхон; именно тогда пошёл ко дну, не сдавшись японским врагам, «наш гордый Варяг»¹, и началась война. Адмирал Макаров, как супергерой, призванный спасти ситуацию, был отправлен на тихоокеанский фланг, чтобы разбить врага, но его корабль был потоплен японцами через два месяца после его прибытия на фронт.

Самым серьёзным и определяющим поражением для России была сдача Порт-Артура, после неё исход войны был фактически предопределён. Причём, когда японцы заняли город, они не очень поняли, что произошло и почему русские отступили: там были запасы и продовольствия, и боеприпасов — можно было воевать и воевать. Японцы с такими раскладами явно не оставили бы город врагу. Но что сделано — то сделано. Генерал Куропаткин, отдавший приказ о сдаче города, рассудил тогда по-другому.

Японскими войсками командовал генерал-майор Ноги Марэсукэ; несмотря на то что осада города закончилась победой, из-за больших потерь, которые понесла японская армия (в числе прочих погиб и сын Ноги), он считал это сражение своим позором. Когда он докладывал императору Мэйдзи о сражении, он осёкся, не смог сдержать слёз и попросил разрешения совершить сэппуку, чтобы искупить свою вину. Император не разрешил. Точнее, не разрешил это сделать до тех пор, пока он жив.

Спустя семь лет, узнав о смерти Мэйдзи, генерал Ноги совершит самоубийство вместе с женой.

На помощь русским войскам из Петербурга была направлена Вторая Тихоокеанская эскадра, но её история одновременно и странна, и печальна. Молодые моряки, не имеющие боевого опыта, только закончившие училище, сели на боевые корабли, названные в честь прославленных русских героев, и поплыли через полмира: огибая Африку, по Индийскому океану, к далёким японским берегам. Их путь занял около года. В районе Мадагаскара они узнали о революции на родине, а когда подплывали, было уже понятно, что Порт-Артур сдан и война проиграна.

После того как выяснилось, что эскадра опоздала, ей был отдан приказ дойти до Владивостока. Для этого существовало несколько возможных маршрутов, и моряками был выбран самый неудачный из всех — через Цусимский пролив.

¹ Говорят, японцы поднимали со дна утонувшие в сражении корабли, и затопленный «Варяг» потом воевал на стороне японцев. Что-то есть в этой детали жутковатое — из фильмов про зомби и оживших мертвецов.

Поражение в Цусиме стало символом русского поражения Японии, но там было без вариантов: японские корабли, выстроившись в боевом порядке, методично расстреливали русскую эскадру, заходящую в узкий пролив. Это была такая странная ситуация, когда понятно, что это ловушка и надо уходить, — но уже поздно. Вместе с «Князем Суворовым», «Дмитрием Донским» и «Владимиром Мономахом» как будто шла на дно славная русская история. Так маленькая островная Япония победила могучую Российскую империю.

Однако радоваться японцам довелось недолго. Они возлагали большие надежды на результаты победы — требовали отдать им Сахалин и выплатить 1,2 миллиарда иен в качестве контрибуции, однако их смелым планам было не суждено сбыться. Непреклонность российской позиции и дипломатические способности графа Сергея Витте были подкреплены поддержкой США: президент Рузвельт мягко, но настоятельно рекомендовал японцам во избежание дальнейших конфликтов принять условия, предложенные Россией. В итоге по Портсмутскому мирному договору японцам отошли Ляодунский полуостров и юг Сахалина, а о контрибуции пришлось забыть.

В Токио начались беспорядки и погромы: народ был в бешенстве. Могущественные западные державы снова показали Японии её место и дали понять, что ей не стоит лезть в мировую политику. Но ничего, японцы ещё припомнят им всем. На отвоеванной у России территории в 1919 году Япония создаст Квантунскую армию, которая до разгрома в 1945 году будет стоять за всеми её материковыми приобретениями.

Главное, что получила Япония по итогам двух войн с великими державами, — это возможность на правах победителя проводить свою политику в Корее. Ещё в конце 1905 года был подписан договор, который фактически превращал Корею в японский протекторат, и японцы не собирались на этом останавливаться. Впрочем, премьер-министром тогда был либеральный Ито Хиробуми, который был против войн и радикальной захватнической политики. Однако в 1909 году он был застрелен на вокзале корейским националистом, который, по всей видимости, считал, что это поможет Корее стать независимой. Последними словами Ито были «Он застрелил меня. Какой же дурак».

Это и правда было не самым продуманным шагом: после этого убийства радикалы во власти стали сильнее и наконец сумели претворить в жизнь давнюю идею Сайго Такамо-

ри: в 1910 году Япония присоединяет к себе Корею и начинает осваивать новый регион.

Оценка управления японцами своими новыми колониями — противоречивый вопрос, вызывающий споры. С одной стороны, очевидны были перегибы: традиционная культура подавлялась, взамен её насаждалась японская, всё славное историческое прошлое должно было забыться, чтобы на его месте постепенно возникало новое светлое будущее под эгидой японцев. Подобное уничтожение национальной самобытности тяжело простить, и недовольные азиатские народы можно понять.

С другой стороны, надо отдать японцам должное: взамен традиционных ценностей они принесли то, что едва ли могло бы тут появиться без их трудолюбивого влияния: повышение уровня образования и грамотности, развитие промышленности, экономические успехи. Молодых людей, учившихся в то время в вузах, они воспитывали по-японски, и, возможно, многие будущие успешные азиатские политики не стали бы такими без того эффективного японского образования.

В 1912 году умирает император Мэйдзи. Учитывая, какую роль он сыграл в истории страны и каких успехов при нем добилась Япония, это событие стало общенациональным трауром. Святилище Мэйдзи Дзингу, возведённое почти в центре столицы, — лишь одно из проявлений всенародной любви японцев к этому человеку.

На трон восходит его сын — император Ёсихито (посмертное имя — Тайсё), но тягаться в популярности со своим отцом ему было не под силу. Да и вообще новый император был несколько слаб рассудком: например, во время совещаний он брал какой-нибудь важный документ, сворачивал его в трубочку и, словно через подзорную трубу, смотрел на своих министров. Но каким бы странным это ни казалось подчинённым — всё-таки потомок Солнечной богини, ничего не поделать.

Не самый долгий период его правления — всего 13 лет — вошел в историю под названием «Демократия Тайсё». И по сравнению с тем, в какую бездну милитаризма, национализма и боевых действий скатится Япония после его смерти, это было действительно время демократическое и относительно либеральное.

Впрочем, даже в этот период демократии и под руководством немного потерянного императора Япония успела не только вступить в Первую мировую войну, но и выйти из неё победи-

телем — по крайней мере, сильнее, чем на момент вступления. Геополитические амбиции японцев не стали меньше, даже наоборот: две победы и фрустрации после них настроили их на то, что нужно сражаться и дальше. Если мир, похоже, понимает только силу, что ж — тогда Япония покажет им силу.

В Первой мировой войне главной целью японцев стали владения Германии на Шаньдунском полуострове. Нельзя забывать, что это было время империализма, когда у западных держав были свои колонии в Азии, а у Японии их не было, но ей тоже очень хотелось.

И когда японцы поняли, что война разгорелась и уже пора участвовать, приободрённые военным союзом с Англией, они объявляют Германии войну, атакуют Циндао, а затем захватывают Германскую Микронезию — колонии Германии в Тихом океане.

Кроме того, воспользовавшись сложной геополитической ситуацией в мире, Япония снова обращает внимание на ослабевший и не представляющий особой угрозы Китай и предъявляет тому список, который вошёл в историю под названием «21 требование». Этот документ предполагал чуть ли не полное политическое и экономическое подчинение Китая: не только передачу прав на ряд территорий, железные дороги и предприятия, но и приглашение японских советников по финансовым, политическим и военным вопросам. Документ был передан китайскому правительству по секрету, но китайцы, разумеется, его сразу же обнаружили.

Когда западные державы узнали об этом, они были возмущены, и японцам снова пришлось подчиниться. В итоге список был сильно сокращён — до 13 требований — и принят в урезанном виде, что в результате принесло японцам скорее недовольство Запада, нежели политическую выгоду, но всё же позволило ещё чуть больше закрепиться в Китае.

На этом война Японии не закончилась: она успела также принять участие в Сибирской интервенции стран Антанты, введя войска на Дальний Восток новообразованной Советской России. Хотя первоначально США обратились к Японии с просьбой предоставить 7 тысяч человек в состав международного контингента, японцы выделяют 12 тысяч с условием, что у них будет своё собственное японское командование, а к осени 1918 года это число увеличивается до 70 тысяч. Бои были суровыми, и, очевидно, первоначальным планом Японии был колониальный

захват Дальнего Востока и Сибири. Однако после окончания гражданской войны в СССР стало понятно, что этим надеждам сбыться не суждено, и японцам пришлось в итоге уйти ни с чем. Впоследствии эти действия были раскритикованы в правительстве, поскольку огромные ресурсы были потрачены впустую.

В любом случае, по итогам Первой мировой войны, Япония не могла считать себя обиженной. Во-первых, по условиям Парижского мирного договора 1919 года, она получила Шаньдунский полуостров, принадлежавший до этого Германии, то есть её территория снова увеличилась.

Во-вторых, это участие привело к экономическому росту: Япония во время войны активно строила и поставляла суда союзникам — Англии, Франции и России, получая за это немалые деньги.

В-третьих, это был и политический прорыв: Япония в итоге вступила в Лигу Наций, став первой азиатской страной в этой организации. Окрылённая таким успехом, она вносит удивительное по тем временам предложение — об отмене расовой дискриминации, но так далеко европейские страны пойти уже не могли¹.

Японцы могли совершенно заслуженно гордиться своими геополитическими успехами: ещё недавно их, как и всю остальную Азию, пренебрежительно считали варварами, а теперь они смогли доказать Западу, что Азию нужно воспринимать всерьёз, и (что не менее важно) они — самая продвинутая страна из всей Азии, которая отныне представляет интересы других стран. Миссия одновременно и почётная, и приятная, правда мнение других азиатских стран при этом не спрашивали.

Можно вспомнить важное японское выражение, во многом определявшее политику того времени: *хакко: ичцу*. Буквально — «восемь углов под одной крышей». Как можно догадаться, под «крышей» имеется в виду Япония, а «углы» — это те страны, которые должны признать её главенство в азиатском регионе. Тем самым Япония на правах «крыши» брала на себя почётную обязанность представлять интересы Азии на мировой арене.

¹ Сейчас, по прошествии ста лет с момента этих событий, кажется даже слегка странным, что это предложение было отклонено, тем более во многом по инициативе США, однако тогда мировой порядок был совсем другим и подобная инициатива казалась вызывающей и неприемлемой. Всё помечается в 1945 году: принцип расового равенства будет включён в устав ООН как основополагающий принцип международного права.

Эта смелая концепция на современном языке называется «пан-азиатизм», и тогда она рисовалась торжественно и красиво: в ответ на европейский колониализм, который всем в Азии уже порядком поднадоел, азиаты объединяются в единое и мощное целое, а затем захватывают мировое господство. Во главе этого стоят, конечно, японцы, которые военными победами уже показали свою состоятельность и готовность к изменению мирового порядка.

Эта концепция была не новой, а вынашивалась японцами несколько десятилетий, просто сейчас она заиграла новыми красками и показалась реальной как никогда. Но на самом деле ещё до русско-японской войны появлялись радикальные общества с говорящими мрачными названиями: «Гэнъёся» («Общество Чёрного Океана»), «Кокурюкай» («Общество Чёрного Дракона»), которые обрастали связями среди высокопоставленных политиков и преступных синдикатов, посылали за рубеж своих разведчиков и готовили Японию к тому, чтобы возглавить всех остальных, менее образованных и менее амбициозных азиатов, объединив их под своей крышей.

Краеугольным камнем, на котором держалась эта утопическая идея, была доктрина *кокутай* (сочетание иероглифов — 国 («государство») и 体 («тело») обычно переводят как «тело нации»). И поиск корней этой доктрины приводит нас в эпоху Эдо, где неоконфуцианский учёный Аидзава Сэйсисай в своей книге «Новые тезисы» (1825) впервые употребил этот термин, говоря об уникальности Японии.

Идея была совершенно не нова, зато она опиралась на мифологию, а значит, не могла быть оспорена вообще никем. Впрочем, чем объяснять своими словами, — дадим слово автору:

«Наша божественная страна — это место, где восходит солнце, откуда исходит изначальная энергия, где извечно наследники небесного солнца из поколения в поколение занимали императорский престол. Япония изначальна занимает на Земле положение головы и служит образцом для десяти тысяч стран. Она воистину благосклонно освещает вселенную, а культурность императора достигает любых пределов. А сегодня варвары с Запада, ничтожного подножья этого мира, плавают по морям, топчут другие страны и осмеливаются превосходить более благородные нации. Что за высокомерие!»

Возмущение Аидзавы пролетело сквозь десятилетия японской истории и нашло благодатную почву в начале XX столетия. Идея о том, что японцы — самая благородная и лучшая нация

в мире, начинает теперь звучать всё отчётливее. После победы в Первой мировой, с ростом территориальных приобретений, она кажется всё более убедительной. Но в том, что у этой идеи появилось в то время и чёткое теоретическое обоснование, и серьёзное влияние на умы, есть большая заслуга двух человек.

Одного звали Окава Сюмэй. В 1919 году он основал «Юдзон-ся» («Общество несогласных») и вызвал из Шанхая пламенного революционера по имени Кита Икки. Тот написал книгу «План реорганизации государства», увидевшую свет в 1923 году. Учитывая то, что Кита называют чуть ли не идеологическим отцом японского фашизма, это программное произведение вполне можно уподобить знаменитой гитлеровской «Моей борьбе»: и там, и там звучат идеи о том, что нужно свергнуть имеющуюся систему и построить новую. Благодаря их пламенным воззваниям и описаниям светлого будущего японская общественность загорается милитаристскими идеалами¹.

Мировая арена, надо признать, отнеслась к стремительному росту японских геополитических амбиций довольно скептически. С одной стороны, европейские державы формально признали право маленькой, но гордой азиатской страны участвовать в важных вопросах, с другой — были не очень рады тому, что в цивилизованный мир, где испокон веков правят белые, вдруг врываются воинственные и самостоятельные азиаты. Последующие события были во многом направлены на то, чтобы аккуратно и дипломатично удержать Японию от потенциального влияния и развития.

Например, Вашингтонская конференция, созванная по инициативе США в 1921 году с громкими словами о необходимости демократии, на самом деле скорее ставила целью сдерживание нового порядка в Азии. На ней был подписан «Договор четырёх держав» (США, Великобритания, Франция, Япония), пришедший на смену существовавшему около двадцати лет англо-японскому союзу. Хотя англичане говорили о том, что этот союз, включив новые страны, обрёл благодаря этому новые возможности, представитель японской делегации назвал его «пышными похоронами» существовавшего сотрудничества.

¹ Самого Кита арестовали и казнили в 1937-м: он не дожил до войны с Америкой и так и не увидел, чем кончилось дело его жизни. Его соратнику повезло немногим больше. Окава Сюмэй был обвиняемым класса «А» на Токийском трибунале, но появился там босиком, в пижаме и выкрикивал немецкие слова. Его признали невменяемым и направили в психбольницу.

Токио после великого землетрясения Канто. Автор фото неизвестен. 1923 г.

Вашингтонское Морское соглашение 1922 года предусматривало ограничение морских вооружений: теперь японцы не могли строить столько кораблей, сколько захотят, им было установлено разрешённое количество — чуть ли не в два раза меньше, чем у Англии и США. Кроме того, вместе со словами о важности суверенитета и «политики открытых дверей и равных возможностей» в Китае, японцев обязали вывести оттуда войска и отдать захваченные железные дороги. В общем, вроде бы демократия, но при этом японцы снова почувствовали, что их переиграли.

А ещё вдобавок ко всему в следующем году в районе Канто произошло сильнейшее землетрясение — самое разрушительное в японской истории.

Около полудня 1 сентября 1923 года мощные подземные толчки в районе залива Сагами к юго-западу от Токио приводят к образованию гигантских двенадцатиметровых волн, обрушивающихся на берег. Но это было только начало. Землетрясение затронуло Токио, Йокогаму и другие близлежащие города, привело к огромному разрушительному пожару. 370 тысяч домов были смыты или сожжены, более 105 тысяч человек погибли или пропали без вести, около половины Токио было разрушено. По сравнению с успехами и победами предыдущих лет, 20-е годы начинались для японцев не слишком удачно.

Император Ёсихито скончался от инфаркта на сорок восьмом году жизни в конце декабря 1925 года, и «демократия Тайсё» закончилась вместе с ним. На время правления его сына придётся расцвет японского милитаризма, пятнадцатилетняя война против всего мира и поражение в ней, атомные бомбардировки, капитуляция, восстановление экономики и её резкий рост, — в общем, целая маленькая жизнь, совсем непохожая на ту, что была до этого. Нового императора звали Хирохито, а его посмертным именем назовут эту долгую и насыщенную событиями эпоху — Сёва (1925–1989).

Началось всё сразу же довольно бескомпромиссно. В мае 1925 года был принят «Закон о Поддержании Мира», призванный бороться с противниками императора и доктрины кокутай, а также подавлять инакомыслие в любых его проявлениях. За двадцать лет существования этого закона по нему были осуждены около 70 тысяч человек, включая легендарного советского разведчика Рихарда Зорге.

А потом всё завертелось так быстро, что и не передохнуть.

В 1929 году случилась Великая Депрессия: она ударила по всему миру, и Япония не могла остаться в стороне от экономических потрясений — ещё и потому, что природных ресурсов там нет, а потому существует большая зависимость от торговли с другими странами. Уровень жизни и зарплат резко снизился, аграрный сектор оказался в кризисе, упали объёмы производства и экспорта. Число недовольных, как можно ожидать, росло в обратной прогрессии: их становилось всё больше и больше.

В следующем году собирается Лондонская конференция по морским вооружениям — по меткому выражению одного из журналистов, «скучнейшая конференция столетия». Те ограничения, что были установлены восемью годами ранее, ещё больше ужесточились. Произошло сокращение в рядах армии и флота, многие моряки и солдаты остались без работы, и число недовольных снова увеличилось.

Учитывая предыдущее долгое накопление воинственной энергии и запроса в обществе на перемены, переход к решительным действиям неизбежно должен был случиться рано или поздно — и случится в 1931 году.

В 10 часов вечера 18 сентября группа японских солдат взрывает участок принадлежавшей Японии Южно-Маньчжурской железной дороги рядом с китайским городом Мукден на Ляодунском полуострове. Взрыв был несильным, но это позволило японцам обвинить Китай в теракте и перейти в наступление.

Через несколько месяцев после Мукденского инцидента японцы успешно завоёвывают Маньчжурию.

В этот момент Япония, пока ещё этого не осознавая, вступает в долгую и тяжёлую войну со всем миром, которую ей суждено будет в итоге проиграть. Но пока до этого ещё очень далеко, предыдущие победы не дают возможности сомневаться в благоприятном исходе, народ требует перемен, и японцы рассчитывают на ещё одно небольшое территориальное приобретение на материке.

Надо сказать несколько слов про Маньчжурию, которая сыграла огромную роль во всей этой истории. Это область на северо-востоке Китая, где традиционно жили маньчжуры — племена южно-тунгусского происхождения. В XVII столетии сила их оказалась настолько велика, что они перешли Великую китайскую стену и, захватив Китай, присоединили его к своему государству Цин.

То, что это эта территория не являлась исконно китайской, служило своего рода моральным оправданием интервенции: японцы могли с чистой совестью нести свет и цивилизацию азиатским народам, освобождая их от китайского влияния. Начали они с того, что создали на завоёванной территории новое государство — Маньчжоу-го, которое принято называть «марионеточным», поскольку оно было полностью зависимым от Японии. Главой этого государства стал последний китайский император Пу И¹. Свою новую колонию японцы стараются делать плацдармом для дальнейшего укрепления на материке: поднимают промышленность, строят заводы, фабрики и банки. При этом они наделяют её важными формальными признаками независимого государства, налаживая выпуск собственных банкнот и даже почтовых марок.

Когда европейские державы узнают о происшедшем, они выражают своё недовольство, Лига Наций заявляет о недопустимости такого демарша и отказывается признавать новое государство. Но на их протесты японцы уже не реагировали:

¹ Пу И был взят в плен советскими войсками в 1945 году и содержался под Хабаровском в лагере для военнопленных. После возвращения в Китай он был направлен в тюрьму, в которой находился девять лет — до того, как был освобождён по распоряжению Мао Цзедунa. Затем поселился в Пекине, где работал в ботаническом саду и в библиотеке. Более подробно его жизнь показана в фильме Бернардо Бертолуччи «Последний император» (1987).

в 1933 году японская делегация в полном составе демонстративно покинула заседание Лиги Наций, а Япония вышла из состава этой организации. Теперь она вольна поступать, как ей вздумается, и с этого начинается (или продолжается) её путь к мировой изоляции.

30-е годы в Японии — время нарастания милитаристских настроений. Идёт освоение колоний, Квантунская армия планирует новые наступления, в школе детям с младых ногтей прививают доктрину кокутай и объясняют, почему японцы — самая великая нация в Азии и в мире. При этом нельзя забывать, что в стране с конца 20-х годов царит серьёзный экономический кризис, население бедствует, и, как часто бывает в таких случаях, многие винят в этом руководство страны.

В руководстве тем временем появляются новые, радикально настроенные фигуры — например, военный министр Араки Садао. Генерал Араки до Первой мировой служил несколько лет в Петербурге (и даже был арестован в Чите по подозрению в шпионской деятельности), считался специалистом по СССР и ненавидел коммунистов всей душой. Столь же сильно он любил императора Японии и искренне полагал, что японцы — избранный народ. Впоследствии он станет министром образования (и это несколько объясняет образовательную политику Японии предвоенных лет), а пока возглавляет вооружённые силы. Армия и флот, которые формально должны подчиняться императору, становятся в этот период настолько сильны, что чуть ли не независимы, а военные устраивают мятежи, убивая неугодных политиков.

Первый путч случился 15 мая 1932 года. Шестеро офицеров Императорского флота ворвались в резиденцию премьер-министра Инукаи Цуёси и застрелили его, даже не дав возможности заговорить. Первоначально план включал в себя ещё убийство Чарли Чаплина, который в то время был с гастрольями в Японии, но он с сыном премьер-министра в тот день был на матче сумо, что, видимо, спасло обоих. Кроме того, заговорщики совершили нападение на несколько резиденций членов правительства и бросили гранаты в электрические подстанции. Однако их смелый порыв не нашёл общественной поддержки, и, поняв это, молодые офицеры сами вызвали такси к штабу полиции и добровольно сдались.

Второй путч случился через четыре года, 26 февраля 1936 года, и был масштабнее первой попытки. Мятежники на-

писали манифест, который должен был быть передан непосредственно императору; в нём они обвиняли бюрократов, финансовых воротил из дзайбацу и мягкотелых политиков за жадность и неуважение к кокутай и говорили, что их долг — уничтожить несправедливых министров ради процветания нации. Когда Хирохито зачитали манифест, он приказал подавить восстание, но мятежники уже начали действовать — убили нескольких влиятельных политиков и только по случайности не убили премьер-министра: вместо него по ошибке застрелили его зятя. Премьер три дня сидел в чулане, а потом бежал.

Путч привёл всех в растерянность. В Токио был срочно введён военный режим, а заговорщикам приказали немедленно сдаться, но это их не остановило. Лишь когда им объявили обращение императора, в котором он употреблял слово «мятежники», они поняли, что что-то пошло не так. Слабые духом начали сдаваться, более сильные — совершили сэппуку; 17 офицеров и двое гражданских лиц, включая главного идеолога японского фашизма Киту Икки, были приговорены к смертной казни¹.

Но удивительное дело: зачинщики были казнены, а их дело не только продолжило жить, но как будто бы даже стало ещё сильнее. Выяснилось, что японский народ симпатизирует этим молодым ребятам, пострадавшим за преданность императору, и тоже требует не останавливаться на достигнутом, а показать всему миру, на что способна Япония. В общем, это было вполне объяснимо: армию обычно любят и поддерживают, если (или — до тех пор, пока) она приносит победы. В то время военные победы были поводом для всеобщей гордости, а осознание величия собственной нации — чуть ли не единственной отдушиной в бедной и невесёлой жизни. Миллионы японцев уже поверили, что их дело правое, а значит, войну надо было продолжать.

На юго-западе Пекина есть красивый длинный мост, известный старинными изваяниями львов, расставленными по всей его длине. Китайцы называют его Лугоу, ещё он известен как мост Марко Поло: говорят, знаменитый путешественник был под большим впечатлением, когда впервые его увидел.

В 1937 году в китайский гарнизон у этого моста приходит телефонограмма: японцы пишут, что у них пропал солдат, и требу-

¹ Самоубийство одного из молодых офицеров после восстания описывает Юкио Мисима в рассказе «Патриотизм»: захватывающее, филигранно изложенное и очень подробное описание ритуала сэппуку.

ют разрешения обыскать крепость, поскольку, по их мнению, он захвачен в плен китайцами. После ожидаемого отказа японские войска переходят в наступление, и «инцидентом у моста Марко Поло» в июле 1937 года начинается вторая Японо-Китайская война, которая обошлась Японии куда дороже первой.

Есть основания полагать, что сами японцы в то время не понимали, что это начало полномасштабной войны, которая будет им стоить миллионы жизней: для них это был очередной инцидент в Китае с целью ещё немного продвинуться и захватить новую территорию. Однако именно 1937 год принято считать поворотной точкой в истории Японии в XX столетии, после которой противостояние со всем миром стало почти неизбежным.

Одна из самых печально известных историй этой войны — Нанкинская резня в декабре 1937 года. Историки до сих пор спорят относительно количества жертв — по разным оценкам, их от 40 до более 500 тысяч, хотя нельзя забывать о том, что информация, известная миру, получена из китайских источников и абсолютной объективности ждать не приходится. В любом случае, есть все основания полагать, что эта резня на самом деле была весьма кровавой.

Нанкин был тогда столицей Китая, но Чан Кайши и члены правительства оттуда бежали, вовремя поняв, что в противном случае шансов выжить у них нет. Солдаты, которым было поручено охранять город, понимали, чем всё закончится: японская армия двигалась уверенно и за месяц до этого уже захватила Шанхай. Население тоже в панике спасалось бегством.

Японские войска вошли в город 13 декабря. Во главе стоял принц Асака Ясухико, представитель императорского рода, которому часто приписывают приказ «Убивайте всех пленных». Впрочем, искать виноватых в этой истории довольно бессмысленно: японские солдаты никогда не отличались мягкостью и добросердечностью к пленным.

Пожалуй, наиболее известным примером японской жестокости в Нанкине является газетная статья о соревновании, которое устроили между собой два офицера: они якобы поспорили, кто быстрее зарубит мечом сто человек. Но и остальные от них тоже не отставали — казни китайцев были массовыми и жестокими. Сказывались годы трудолюбивой пропаганды, сказывалась усталость и озлобленность (война затягивалась и оказалась не такой лёгкой, как все вначале думали), сказывались какие-то глубинные причины, о которых ближе к концу этой книги мы ещё поговорим.

После резни, учинённой в Нанкине, японцы продолжали дальше вгрызаться вглубь континента, завоёвывать новые территории — и всё глубже погружаться в военную трясиину, из которой было уже не выбраться. Параллельно с продвижением в глубь Китая японцы испытывали на прочность границу с ещё одним давним врагом — Советским Союзом.

Начиная с 1936 года японские войска время от времени нарушали границу между СССР и Маньчжоу-го, а летом 1938 года это противостояние обрело уже серьёзную форму. Напряжённый военный конфликт у озера Хасан, длившийся пару недель, показал, что Дальневосточный фронт оказался в целом не готов к сражению, а маршала Блюхера отстранили от командования и обвинили в шпионаже в пользу Японии. Однако границу успешно отстояли, японцы, понеся значительные потери, подписали перемирие и на время затаились.

Но в 1939 году, когда Япония почти завершила оккупацию центрального Китая, стали вспыхивать военные конфликты на границе Маньчжоу-го и Монгольской Народной Республики, в которой по договору 1936 года находились советские войска. В январе японские солдаты начали неприкрыто атаковать пограничников МНР, а в мае-июне у реки Халхин-Гол развернулась полномасштабная война с использованием авиации, танковых войск и кавалерийских дивизий.

Перед Японией стояла задача форсировать Халхин-Гол и прорвать оборону Красной Армии, но на противоположный берег уже прибыл советский главнокомандующий Г.К. Жуков. Всё лето шли масштабные сражения, японские войска атаковали с разных флангов, и Жуков в мемуарах отмечал, что японцы сражались крайне ожесточённо и упорно. Но в итоге советско-монгольские войска перешли в наступление и, вынуждая японцев вести оборонительные бои, оттесняли их всё дальше от границы. К концу августа война была закончена, и на территории МНР японских войск не осталось.

Впрочем, помимо непосредственных военных вторжений на территорию Китая и СССР, японское командование планировало и разрабатывало гораздо более причудливые и потенциально эффективные способы завоевания вражеских территорий. В частности, были планы развязать бактериологическую войну; для этих целей в двадцати километрах к югу от Харбина был создан специальный отряд, который в официальных до-

кументах назывался «Главным управлением по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии», но более известен под кодовым названием из трёх цифр — 731.

Даже поверхностное знакомство с тем, чем занимались микробиологи в «Отряде 731», способно шокировать и вселять трепет. С поистине японским любопытством и хладнокровием они проводили опыты над военнопленными, которых называли *марута* — «брёвнами», и изучали пределы человеческого организма в самых разных условиях. Они помещали людей в барокамеры и откачивали воздух, вырезали под наркозом внутренние органы, отрезали и пришивали заново, меняя местами, руки и ноги, делали переливание крови лошадей и обезьян, ошпаривали кипятком, заживо превращали людей в мумии — список бесчеловечных экспериментов довольно внушителен. И во всех случаях учёные внимательно и беспристрастно фиксировали происходящие изменения.

Одной из важнейших целей «Отряда 731» была разработка бактериологического оружия с целью последующего нанесения удара по территориям противника: в лабораториях проходили исследования самых разных смертельно опасных бактерий. Некоторые военные операции кажутся поистине странными, как, например, попытка выпустить заражённых чумой блох с самолётов, низко летевших над северными провинциями Китая. К счастью, ни один из этих страшных замыслов не достиг намеченных целей.

Примерно в это время в Японии было принято очень важное стратегическое решение относительно дальнейшего направления военной политики. Существовало, по большому счёту, два варианта: либо двигаться в глубь материка, захватывая Китай и проверяя на прочность Советский Союз, либо пойти в другую сторону — расширять присутствие на Тихом океане, среди бесчисленных островов, которые были в то время европейскими колониями. Воевать на оба фронта было бессмысленно, требовалось выбрать что-то одно.

Для того чтобы понять логику японского командования, нужно учитывать очень важный фактор. Хотя может казаться, что вооружённые силы Японии представляли собой единую крепко спаянную структуру, на самом деле ещё с конца XIX столетия существовало разделение — и даже в значительной степени противостояние — между армией и флотом. Они управлялись разными министерствами, которые соперничали за влияние и благосклонность императора, и их успехи были тоже весьма различны.

Императорский флот на тот момент явно смотрелся куда выигрышнее. Это он выковал блестящую победу в русско-японской войне, победив один две русские эскадры, это он принёс Японии важнейшие территориальные приобретения, включая Корею и Тайвань. Армия же поглотила большое количество ресурсов в безрезультатной попытке интервенции на Дальнем Востоке, а потом погрязла в Китае, который по изначальному плану предполагалось завоевать легко и без особых усилий.

Преимущество флота в данном случае могло быть вполне объяснимо и с точки зрения человеческих ресурсов. Флот — это всё-таки сила и мощь военной техники, тут куда важнее не сложно прогнозируемый человеческий фактор, а технические характеристики и производственные мощности. Единожды произведённые на совесть корабли могут бесперебойно приносить военные победы. Армия же опирается исключительно на людей: они должны обладать крепким иммунитетом, быть сыты и довольны, чтобы не дезертировать, и одновременно достаточно злы, чтобы храбро воевать. А затяжные военные кампании неизбежно ослабляют здоровье и боевой дух солдат, нехватка продовольствия ударяет по их иммунитету; в общем, не самый надёжный ресурс, чтобы делать на него ставку.

Взвесив все эти факторы, японское верховное командование принимает решение вести войну на суше скорее по остаточному принципу, а все основные силы сосредоточить на тихоокеанском фронте. Завоевание многочисленных островов и укрепление за счёт этого себя в статусе морской державы видится более перспективным военным планом. О том, чтобы боевые действия закончить, никто даже не задумывается: посреди того экономического и социального кризиса, в котором находится Япония, война кажется единственным по-настоящему важным и надёжным государственным проектом, и поэтому все силы должны быть брошены на будущую победу.

Однако непрерывная, изматывающая война, которую Япония вела на несколько фронтов, начинает неизбежно сказываться и на жизни простых людей. Если до этого они поддерживали войну, потому что она была где-то далеко, а до них долетали лишь новости о блестящих победах, пока они наслаждались красивой жизнью, то теперь всё поменялось. То, что Япония воюет, почувствовали все. Клубы и театры закрывались, неоновые вывески были запрещены в целях экономии электричества, металлические предметы, включая храмовые гонги и колокола, переплавлялись в оружие, была введена продовольственная норма

на рис, мужчины и женщины начали носить грубую рабочую одежду *момпэ*, поскольку кимоно оказались запрещены за недопустимую роскошь.

Все хоть сколько-нибудь пригодные к военной службе, включая старшекласников, были направлены на фронт: уклониться от «священной войны» значило покрыть себя позором на всю жизнь. Мальчики рыли траншеи и возводили фортификационные сооружения, девочки лечили больных и раненых. И чем глубже Япония погрязала в войне со всем миром, тем страшнее и неуютнее становилась жизнь простых людей.

Но это было только начало.

В 1940 году Япония наконец нашла союзников в своём нелёгком противостоянии со всем миром. Был подписан тройственный пакт между Японией, Германией и Италией. Первые две статьи этого документа могут дать исчерпывающее представление о его содержании:

«Статья 1. Япония признаёт и уважает руководящее положение Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии».

Однако несмотря на красивые слова в официальном документе, это сотрудничество нельзя было назвать крепким. Ещё в 20-е годы немецкие власти не знали, на кого из двух «азиатских тигров» им делать ставку — на Японию или Китай, и их выбор пал на Японию не так давно. Со стороны японцев также были сомнения, насколько целесообразно делать ставку на Германию — они исторически крайне уважали эту страну, но фигура фюрера казалась им несколько эксцентричной. И если с Германией у них ещё были давние дипломатические отношения, то Японию с Италией ни раньше, ни на протяжении всей войны фактически ничего не связывало. Таким образом, несмотря на формальное подписание, этот союз скорее характеризовался не партнёрством и дружбой, а взаимным недоверием и осторожностью.

Тем не менее с формальной точки зрения это был важный документ, гарантирующий в случае чего поддержку союзников. С японской стороны его подписывал Мацуока Ёсукэ — человек, семь лет назад выводивший японскую делегацию из зала Лиги

Наций. Далеко не все политические старожилы поддерживали этот альянс, считая Гитлера не самым надёжным и лучшим соратником в борьбе, но курс был принят.

В числе убеждённых сторонников военного партнёрства с Германией и Италией был Тодзё Хидэки — премьер-министр страны с 1941 по 1944 годы, принимавший все главные политические решения и ставший одним из главных обвиняемых на Токийском процессе. Будучи искренне преданным императору и великой Японской империи, он был уверен, что в противостоянии со всем миром любые средства хороши.

В следующем же году у Японии появился ещё один союзник — по крайней мере, на бумаге. И союзник, с учётом сложной истории отношений между двумя странами, весьма неожиданный: Советский Союз. 13 апреля 1941 года всё тот же неутомимый Мацуока подписал с Молотовым пакт о нейтралитете между СССР и Японией.

Обе стороны можно понять. Советскому Союзу в условиях надвигающейся войны с Германией хотелось хоть какого-то спокойствия на Дальневосточном фронте. Японцы же планировали дальнейшее продвижение на Тихоокеанские острова и хотели обезопасить северный участок своей империи. Самым невероятным геополитическим проектом, обсуждаемым в то время в высших эшелонах японской власти, было создание союза четырёх держав: члены Тройственного пакта и СССР. Тогда бы Япония чувствовала себя в полной безопасности. Но 22 июня 1941 года вместе с нападением Гитлера на Советский Союз все утопические идеи японцев рухнули.

Тем не менее военное сотрудничество приносило свои плоды. В 1940 году Франция терпит поражение от Германии и выходит из гонки за победу в войне, а её колонии в Азии остаются в неопределённом состоянии. В подобной ситуации во время Первой мировой японцы уже захватили Шаньдунский полуостров, теперь судьба посылала им ещё один шанс. Грех был им не воспользоваться, так что японские войска вторгаются на территорию Индокитая и захватывают Сайгон. В мире, конечно, обратили на это внимание, но на тот момент там хватало своих забот, и на подобный шаг со стороны японцев посмотрели сквозь пальцы. А значит, Великая Восточная Азия могла и дальше расширяться, не стоило останавливаться на достигнутом. Начало было вполне успешным.

Следующей на очереди была Индонезия, на тот момент принадлежавшая Голландии. Поскольку Голландия не имела войск в своей азиатской колонии, а местное население сперва приветствовало японцев как освободителей от европейского ига, то и эта операция не вызвала особых сложностей. Но если захват Индокитая ещё мог быть хоть как-то объясним дипломатически с точки зрения военных союзов, захват Индонезии был уже довольно наглым и демонстративным пренебрежением международного права.

США в знак неодобрения подобного милитаризма вводят против Японии санкции и прекращают поставки самолётов, станков и бензина — для страны, лишённой своих ресурсов, это должно было послужить уроком, что агрессивную политику следует прекращать. Но если это к чему-то и подтолкнуло настроенных на войну японцев, так это к мысли, что можно воевать и с Америкой. К тому моменту чувство реальности и здравый смысл, по-видимому, начали постепенно покидать военное командование Японии: все соперники казались одолимыми, всё казалось по плечу.

США предъявляют Японии требование: вывод войск с завоёванных территорий в обмен на отмену введённых против Японии санкций. Начинаются переговоры, которые должны были бы разрешить возникшее напряжение, но компромисса достичь не получается (в первую очередь потому, что японцы в нём были не слишком заинтересованы). В ноябре японскому правительству была передана нота Халла, которая в ультимативной форме требовала выведения войск из Китая и выхода из Тройственного союза, в противном случае США будут вынуждены применить военную силу¹. На это Япония, разумеется, пойти не могла, и Тодзё Хидэки отдает приказ готовить превентивную военную операцию.

Идея воевать с США, особенно из сегодняшнего дня, видится настолько безрассудной и самонадеянной, что непонятно, поче-

¹ Хотя в оригинальной версии ноты был пункт о том, что в случае выполнения Японией требований США отменят введённые санкции, в последний момент его почему-то убрали. Впрочем, неизвестно, насколько этот пункт помог бы избежать противостояния, поскольку японцы едва ли пошли бы на предложенные условия. Как сказал британский посол в Японии Роберт Крейги, как только он ознакомился с содержанием документа, стало ясно, что война неизбежна.

му японцы при всём своём военном задоре вообще на это пошли. Но нужно помнить: к тому времени Япония ещё ни одной войны не проиграла, а потому никому даже в голову не могло прийти, что поражение возможно. Да, это решение кажется несколько оторванным от адекватного восприятия мировой ситуации, но на протяжении последних лет Япония настолько сильно изолировалась от мира, погружаясь в грёзы о собственном величии, что даже если и были мнения о том, что воевать с США не следует, их явно никто не хотел слышать.

Однако не стоит считать японское командование совсем наивным и витающим в облаках. План был не так примитивен и, разумеется, не предполагал захвата и покорения США, разве что в мечтах какого-нибудь особо романтического вояки. Идея заключалась в следующем: нанести мощный и неожиданный военный удар, а потом, пока американцы будут приходить в себя и восстанавливать потери, беспрепятственно захватывать тихоокеанские острова и изо всех сил окапываться там, готовясь к последующей обороне. При благоприятном развитии ситуации и эффективном первом ударе времени на свободные манёвры у японцев должно было быть от шести до двенадцати месяцев. А потом, когда американцы перейдут в наступление, предполагалось уйти в глухую оборону: вгрызаться в землю зубами и защищаться до последнего солдата, не отдавая ни пяди земли.

Расчёт был на то, что в итоге США надоест терять силы и людей, «выковыривая» из этих бесчисленных островов японских солдат, и они подпишут перемирие, оставив японцам хоть что-то из завоёванного. Было понятно, что всё удержать не получится, но сохранить хоть что-то было бы уже победой. Для Европы и США эти маленькие острова не имели решающего значения, а для японцев даже они были очень ценны.

Расчёт в итоге отчасти удался: «выковыривать» отчаянно сопротивляющихся японцев из бункеров показалось всем невозможной задачей. И для того чтобы поставить в войне точку, решено было использовать атомные бомбы. Но тогда эту вероятность никто, разумеется, не мог ни представить, ни принять в расчёт, и поэтому сформулированный план казался вполне реальным и эффективным. Теперь дело было за главным: нанести мощный первый удар.

План предстоящей операции разрабатывал главнокомандующий флотом адмирал Ямамото Исороку. Несмотря на то что Ямамото всегда выступал против захватнической политики

*Американский линкор тонет во время атаки на Пёрл-Харбор.
Национальный архив, Вашингтон, США*

Японии и решительно возражал против развязывания войны с Европой и США, в его компетентности и военной мудрости никто не сомневался.

Хотя высказываются версии о том, что США хотели спровоцировать Японию, позволив ей напасть первой, это не отменяет того факта, что к воздушной атаке на военные базы в гавани Пёрл-Харбор на Гавайях они готовы не были. Для мощного и стремительного авианалёта (в операции было использовано 6 авианосцев и более 400 самолётов) было выбрано утро воскресенья, 7 декабря. Береговая оборона не успела среагировать, и японский налёт застал американцев врасплох.

Надо отдать должное стратегическому таланту адмирала Ямамото — операция прошла успешно. Хотя потопили не так много кораблей, пострадали в той или иной степени почти все. США были вынуждены немедленно приступить к ремонту, а японцы получили то, на что рассчитывали: возможность беспрепятственно и свободно плавать по Тихому океану и завоёвывать себе территории.

Начинают они с Филиппин, тихоокеанской колонии США. 8 декабря 1941 года, на следующий день после атаки на Пёрл Харбор, японские войска высаживаются на остров Батан и начинают оттуда вторжение. Обороной командовал Дуглас Макартур, который ещё появится в нашей истории, но даже Неукротимый

Даг ничего не мог сделать: США были, очевидно, не готовы к такому резкому повороту событий, и вынуждены оставить Филиппинские острова.

Подобная захватническая политика Японии в целом явилась для европейских держав неожиданностью и обнажила странные особенности существовавшего миропорядка. До этого завоеванные колонии, конечно, использовали в различных политических и торговых целях, но никому и в голову не приходило содержать там войска и всерьёз их оборонять. Все вопросы решались в войнах на континенте, а эти небольшие экзотические территории в Азии служили своего рода призом за успешную военную деятельность. Теперь же оказалось, что маленькая и независимая Япония, не особенно прислушиваясь к нормам международного права, плавает по морям и без особых проблем захватывает эти владения одно за другим. При этом сразу же начинает там окапываться, строить бункеры и подземные коммуникации, вгрызаться в захваченные острова, готовясь к безжалостной обороне.

Кроме того, местные жители им зачастую на первых порах помогают, поскольку азиатские колонизаторы, тем более красиво говорящие о совместном процветании, выглядят куда милее белых колонизаторов. Это потом Япония покажет на захваченных территориях всю ту звериную жестокость, на которую способна, а пока она выглядит меньшим из зол, которое многим хотелось выбрать. Таким образом, Азия, всегда представлявшаяся европейским державам второстепенной и несерьёзной, внезапно оказывается проблемным регионом, в который надо вкладывать ресурсы, а их во время Второй мировой войны ни у кого особо не было.

Первоначальный расчёт японского командования был на шесть-восемь месяцев, отведённых на беспрепятственное завоевание новых территорий, и отчасти он оправдался. Но был один важный момент, предопределивший и ускоривший поражение Японии в войне. Американские криптографы сумели взломать японский военно-морской код, и благодаря этому США могли определять направление следующего удара. Когда в июне 1942 года японские войска направились к атоллу Мидуэй, их там уже ждали американские авианосцы с истребителями.

Разгромное поражение Японии у Мидуэй стало поворотной точкой в Тихоокеанской войне. Они, конечно, ещё будут предпринимать новые попытки захвата территорий, но, когда противник знает наперёд все твои передвижения, это напоминает

игру в кошки-мышки и обречено на провал. В апреле 1943 года самолёт адмирала Ямамото был атакован бомбардировщиками США и рухнул в джунгли Соломоновых островов. Его смерть нанесла огромный удар по морали японских войск. Первоначальная уверенность в победе начинала сменяться тревогой, что не всё получится, как было рассчитано.

Удивительно, что, даже несмотря на очевидный перелом в ходе войны, Япония продолжает лелеять мечты о Великой Азии, объединённой под её началом: в декабре 1943 года в Токио открывается первая (и последняя) Великая Восточноазиатская конференция, в которой участвовали главы государств и коллаборационистских режимов, сотрудничавших с Японией. Это был поистине звёздный час для Тодзё Хидэки: будучи председателем собрания, он провозгласил «уничтожение зла и восстановление правосудия», обозначив конец эпохи западного колониализма. По его словам, не оставалось никаких сомнений, что западные державы будут разгромлены, а Великая Восточная Азия восторжествует.

Реальность, впрочем, резко контрастировала с пафосными словами Хидэки: едва ли в тот момент Японская империя была в состоянии противостоять западным державам. В 1943 году японские войска уже не захватывали новых территорий, а американские вооружённые силы перешли в наступление, вытесняя японцев с уже завоёванных. Настало время переходить ко второй стадии — глухой обороне в бункерах на небольших тропических островах.

Впрочем, оставался ещё один шанс.

Даже на чертежах это выглядело странным: подводная торпеда длиной меньше 15 метров, в тесной кабине управления которой сидел пилот. Глубина погружения — до 100 метров. Скорость — 35 узлов. В зарядном отделении — 1550 кг взрывчатого вещества, «чтобы переломить пополам любой линкор». Подрыв производился водителем из кабины, разумеется, без возможности катапультирования и шансов выжить.

Эта конструкция называлась *кайтэн* — «поворот судьбы». Япония начинает использование подводных торпед-самоубийц летом 1944 года, и уже в этом можно уловить скорее суеверный акт отчаяния, нежели практический военный смысл. Самоубийственные жертвенные атаки должны были переломить неблагоприятный ход войны, поскольку ничего, кроме этого, его

переломить не могло. Мнения о неэффективности этой меры высказывались, но не были услышаны.

Похожая тактика пришла в то время в голову адмиралу Такидзиро Ониси. Что если, подумал он, использовать не подводное нападение, а воздушное? На совещании 19 октября 1944 года он озвучивает эту идею: «По моему мнению, есть лишь один способ стать уверенными, что наши недостаточные силы будут эффективными в максимальной степени. Это — образовать боевые подразделения из истребителей «Зеро», оснащенных 250-килограммовыми бомбами, каждый из которых должен врезаться во вражеский авианосец».

Это звучало шокирующе даже для выдавших виды офицеров, но Ониси был убеждён: это единственный шанс Японии не проиграть войну. Его уверенность передалась остальным: в конце концов, в тот момент терять было нечего.

Приказ был подписан в ночь на 20 октября 1944 года, тогда же был сформирован первый отряд «Симпу» («Божественный ветер») из 26 истребителей, разделённых на 4 звена. Их названия были взяты из классической танки Мотоори Норинага:

<i>Сикисима но</i>	Если спросят:
<i>Ямато гокоро во</i>	«Что есть дух Ямато
<i>Хито товаба</i>	На четырех островах?»
<i>Асахи ни ниоу</i>	Отвечу: «Цветы дикой вишни,
<i>Ямадзакура бана.</i>	Благоухающие под утренним солнцем».

Перед вылетом первого отряда камикадзэ Ониси обратился к лётчикам с речью, в словах которой можно услышать его искреннюю веру в важный духовный смысл этой стратегии: «Даже если мы будем побеждены, благородный дух атакующих групп симпу убережёт нашу страну от разрушения. Без такого духовного настроя за поражением непременно последует разрушение»¹.

¹ Адмирал Ониси, узнав о капитуляции Японии, утром 15 августа берёт короткий меч и взрезает себе живот традиционным крестообразным способом *дзюмондзи*, а затем вонзает меч в горло и грудь. Однако он умер не сразу, а мучился, умирая до шести часов вечера. Когда его обнаружили, он отверг предложение об «ударе милосердия», лишь попросил передать жене прощальную записку. Там были его последние распоряжения, а в конце слова:

Теперь всё сделано,
И я могу уснуть
На миллионы лет.

25 октября была совершена первая самоубийственная атака, в результате которой японцам удалось потопить один и вывести из строя шесть американских авианосцев. Так начинается история того, что носило официальное название *токубэцу ко-гэкитай* — «специальные ударные отряды», но весь мир узнал под словом «камикадзе». За небольшой период — меньше чем за год — около 5 тысяч молодых ребят стали пилотами-самоубийцами, но к успеху самой первой операции так и не удалось приблизиться.

В целом, нужно отметить: психологический эффект этой тактики был куда больше военного. Молодые ребята, пусть и готовые отдать жизнь за Японию и императора, не успевали получить соответствующий уровень подготовки, и в результате их самолёты падали в океан, промахиваясь и не достигая целей, а жертвы оказывались бесполезны. Официальные пропагандисты, впрочем, представляли совсем другую версию событий, приукрашивая реальные цифры, завышая их вдвое или ещё сильнее. Император Хирохито до последнего был уверен, что эта стратегия приносит стабильные военные успехи.

Однако к лету 1945 года уже всем, кроме самых ослеплённых милитаризмом военных, было понятно, что Япония обречена. После поражения в битве за Окинаву в июне 1945 года (в японской историографии она ещё носит название «Стальной дождь» как самое кровопролитное сражение за всю историю Тихоокеанской войны) стало очевидно, что американские войска подобрались к территории самой Японии настолько близко, насколько вообще возможно. Кольцо сузилось, успеха было ждать неоткуда.

В феврале 1945 года американцы опробовали новую тактику, которая показала себя весьма успешной. Она заключалась в ночных бомбардировках крупных японских городов специально разработанным напалмом и зажигательными бомбами с низкой высоты. Самолёты, плотно набитые взрывчатыми веществами, летели тремя линиями и сбрасывали бомбы через каждые 15 метров, превращая жизни мирно спящих людей в крошечный огненный ад.

Тесно прижавшиеся друг к другу деревянные дома старой Японии сгорали как спички, и людские потери были огромными. В марте 1945 года 334 бомбардировщика два часа летали над Токио, непрерывно сбрасывая бомбы; в городе образовался огненный смерч, в котором сгорело 330 тысяч домов и погибли сотни тысяч людей. Всего в ходе таких ави-

аналётов пострадало 66 японских городов. Генерал Кертис Лемэй, стоявший у итогов этой тактики, позже скажет: «Думаю, если бы мы проиграли войну, меня бы судили как военного преступника».

Однако в то же время изначальный план японцев, предполагавший бескомпромиссное партизанское сопротивление на захваченных островах, продолжал работать. Война была фактически проиграна, но японцы продолжали сражаться с невероятным, звериным упорством: сдаваться они не умели, и единственным достойным способом встретить смерть был яростный бой, в котором нужно забрать с собой на тот свет как можно больше вражеских солдат. Такого яростного сопротивления американцы не ожидали, становилось понятно, что так просто японцы не сдадутся. Кроме того, условия этих операций в тропических островах были невыносимы.

Желая покончить с этой затянувшейся войной как можно быстрее, американцы решаются на беспрецедентный шаг.

Президенту США Трумэну доложили об успехе испытаний атомного оружия накануне Потсдамской конференции, начавшейся 17 июля 1945 года, после окончательной победы над Германией. На ней среди прочих вопросов, связанных с устройством послевоенного мира, обсуждалось и то, что следует делать с непокорной и несдающейся Японией. Но на самом деле ответ уже был найден. 26 июля лидерами США, Великобританией и Китая была подписана Потсдамская декларация, требовавшая безоговорочной капитуляции Японии, а в случае отказа ей было обещано «быстрое и полное уничтожение».

На пресс-конференции, состоявшейся через два дня, премьер-министр Судзуки Кантаро, объясняя позицию Японии, использовал слово мокусацу (буквально «убить молчанием»): Япония решила проигнорировать этот ультиматум. Для японского руководства было важно то, что под этим документом не подписался Советский Союз: это давало надежду на то, что у Японии ещё есть в этом мире союзники, хотя на самом деле Сталин просто занимал выжидательную позицию. Для США же японское мокусацу означало, что переход к крайним мерам ради окончания войны вполне оправдан.

На огромной карте Японии, разложенной на столе, были отмечены потенциальные мишени атомных бомбардировок. С самого начала было решено сбросить две бомбы с разни-

цей в несколько дней, чтобы убедить японцев в том, что, если они не капитулируют, эти чудовищные бомбы будут падать снова и снова.

В числе основных кандидатов был и Киото. Очевидно, атомная бомба, сброшенная на древнюю столицу, была бы самым эффективным способом сломить японцев навсегда. Киото спасло лишь вмешательство пожилого госсекретаря США Генри Стимсона, который сказал, что когда-то давно, на медовый месяц, они с женой ездили в Киото, и это удивительно красивый город: «Если мы это сделаем, человечество нам этого никогда не простит».

Так были выбраны два других города, находящихся на юге страны.

Около 8 утра 6 августа 1945 года радары в Хиросиме зафиксировали приближение американских самолётов, но воздушную тревогу решили не объявлять: небольшие группы обычно не перехватывали в целях экономии горючего. В начале девятого полковник Пол Тиббетс, пролетая над городом, сбросил на него атомную бомбу «Малыш», которая разрывается в воздухе на высоте около 500 метров над землёй.

Огромная, нечеловеческая взрывная волна сносит дома, превращая людей в уголь и оставляя силуэты людей на почерневших стенах. Пожары, возникшие в городе, становятся огромным огненным смерчем, сжигающим всё на своём пути. От взрыва погибло около 80 тысяч человек (а всего в результате этой трагедии — 140 тысяч), но тогда японцы не сразу поняли, что произошло, и даже появившейся у людей лучевой болезни не придали особого значения. Привыкшие к ударам судьбы, прилетающим с неба, они покорно и трудолюбиво взялись за восстановление города. Но уже через три дня Японии ждал следующий удар.

Основной целью второй атомной бомбардировки был город Кокура на острове Кюсю, запасной — Нагасаки, но из-за высокой облачности в тот день было принято решение переиграть изначальный план и поразить запасную цель. Около 11 утра 9 августа, разглядев в просвете облаков городские очертания, 25-летний майор Чарльз Суини сбросил на Нагасаки бомбу с названием «Толстяк».

Хотя мощность взрыва была больше, чем в Хиросиме, разрушительный эффект, в силу ряда географических факторов, оказался меньше. Но даже его тяжело себе представить. Люди

© US Army/Hiroshima Peace Memorial
Museum/AP

Грибовидное облако над Хиросимой примерно через час после взрыва. Мемориальный музей мира в Хиросиме, Япония

и животные погибли мгновенно, а дома были сметены огромной взрывной волной.

Буквально через несколько часов после этого японцы узнают ещё одну страшную новость, к которой они не были готовы: Советский Союз, фактически нарушая пакт о нейтралитете, который должен был формально действовать ещё год, объявляет войну Японии. Помощи ждать было больше неоткуда, последние союзники стали врагами.

Подобное поведение советского руководства можно объяснить в первую очередь тем, что для него это был последний шанс присоединиться к числу победителей, имевших право претендовать на территориальные приобретения после капитуляции Японии. Говорят, Сталин был уверен, что атомные бомбы, сброшенные на Японию, были посланием именно ему.

9 августа совместные советско-монгольские войска переходят границу и наносят удар по ничего не подозревающим японцам. При этом Квантунская армия, которая могла бы дать хоть какой-либо отпор, к тому времени уже была отозвана на Японские острова, и полнейший разгром на суше, скорее всего, был делом нескольких месяцев.

Тяжело судить, что именно послужило основной причиной решения о капитуляции — атомные бомбардировки или вступление в войну СССР, но, скорее всего, эти два фактора сработа-

ли в комплексе. Следующие несколько суток стали очень долгими, насыщенными событиями и одними из самых важных в истории страны.

В полночь 10 августа Хирохито собирает у себя всё руководство страны, чтобы обсудить дальнейшие действия. Идеи о необходимости капитуляции звучат всё отчётливее, весь вопрос в том, на каких условиях она может быть возможна. Министры боятся, что в результате этого будет уничтожена вся старая Япония, включая систему императорского правления, а на это они были пойти не готовы. Кроме того, напомним: ещё ни одной войны Япония не проигрывала, и представить захват своей земли чужими войсками было просто невозможно: такого бесчестья страна не знала. Споры продолжаются, консенсус найти не удаётся.

Через пару часов Хирохито наконец озвучивает своё резюме: «Планы армии и флота привели к постоянным ошибкам и упущенным возможностям. Звучат мнения о решающей битве на наших островах, но мне сообщили, что укрепления в районе Кудзюкури (тихоокеанское побережье префектуры Чиба. — *А.Р.*) не будут закончены до конца августа. И что дополнительные подразделения ещё не укомплектованы. Как мы собираемся сражаться с войсками США в таком состоянии?»

Рано утром, когда начало светать, участники совещания соглашаются принять условия Потсдамской декларации с единственным условием: в действиях Союзных войск не должно быть мер, ущемляющих верховную роль императора в управлении страной. В 4 утра официальный ответ Японии начинают переводить на английский язык. С момента бомбардировки Нагасаки прошло 17 часов.

Ответ США, полученный японцами телеграммой в 2 часа ночи 13 августа, был весьма уклончив: его суть сводилась к тому, что все эти вопросы будет решать Главнокомандующий Союзными войсками. Вечером этого дня над Токио начали летать американские самолёты и разбрасывать листовки, призывающие сдаваться. На следующее утро Хирохито, прочитав листовку и опасаясь возможного восстания и народного недовольства, собирает ещё одно экстренное заседание.

По воспоминаниям, в какой-то момент он произносит со слезами на глазах: «Говорят, что оккупация — это опасно, но я не вижу злого умысла в сообщении противника. И в то же вре-

мя я боюсь, что если война продолжится, то вся страна, народ и национальная политика будут полностью уничтожены и всё закончится аннигиляцией (*гёкусай*) — и больше ничем». Так Япония принимает решение о капитуляции в надежде, что «безоговорочная капитуляция» оставит шанс хоть на какие-то условия с их стороны.

14 августа генеральный штаб Японии выпустил приказ всем войскам немедленно прекратить боевые действия, сложить оружие и сдаться. Нельзя сказать, что все армейские чины встретили этот приказ с одобрением: как и опасался Хирохито, некоторые расценили его как предательство национального духа.

Около часа ночи майор Хатанака Кэндзи и верные ему люди окружают императорский дворец, разоружают охрану, блокируют вход, а затем начинают искать запись капитуляционной речи императора, чтобы уничтожить её до выхода в эфир, но безуспешно. Около пяти утра, пока его люди занимались поисками, сам майор отправился на радио NHK и, угрожая пистолетом, требовал выделить ему эфирное время для объяснений. В итоге он покинул студию ни с чем, а тем временем его люди, получив приказ руководства армии, разошлись по домам. К утру неудавшееся восстание было подавлено.

Примерно за час до того, как голос императора Хирохито зазвучал из всех радиоприёмников Японии, около 11 утра, Хатанака выстрелил себе в висок.

Тяжело представить себе то изумление, с которым люди услышали голос своего императора. На протяжении всех столетий японской истории его никто никогда не слышал, даже невозможно было поверить, что потомок богини Аматаэрасу говорит, как и все остальные. Но шоком оказался не только этот факт. Ещё более невероятным было то, что потомок Солнца говорит, что война проиграна, Япония капитулирует, и призывает всех «перенести непереносимое». Так закончилась самая жестокая военная кампания в истории Японии, и самым горьким было осознание, что это она проиграла в войне. Не западные державы, не маленькие азиатские колонии — именно Япония в итоге понесла самый тяжёлый удар.

Страх перед непредсказуемым будущим в статусе побеждённой страны, сдавшейся на милость победителя — западных варваров, смешивался с облегчением от того, что, по всей вероятности, кошмары и тяготы военного времени остались в прошлом и можно будет жить, не опасаясь ежедневных авиа-

налётов и бомбардировок. Да, жертвы оказались напрасны, да, Япония оказалась слабее, чем все думали, но зато теперь можно наконец пожить в мире и безопасности, от чего все успели порядком отвыкнуть.

2 сентября 1945 года на борту линкора «Миссури» был подписан акт о капитуляции Японии, начавший в истории страны новую эпоху — американской оккупации.

Япония, которая никогда до этого не оказывалась побеждённой страной, готовилась к худшему: японцы ожидали, что оккупанты окажутся грубыми, наглыми, бесцеремонными и в итоге уничтожат всю их прекрасную культуру. Да и американцы тоже были настроены по отношению к японцам не слишком позитивно: опыт вооружённых столкновений на тихоокеанских островах не сулил им ничего хорошего.

Взаимная неприязнь, впрочем, рассеялась довольно быстро. Американцы оказались добрыми, улыбчивыми и предлагали ряд конструктивных мер, которые были восприняты населением, уставшим от безумной военщины, крайне позитивно: все понимали, что война завела их куда-то не туда, и надежды на восстановление страны теперь были связаны с переориентацией на мирные рельсы. Поэтому вместо озверелых военных фанатиков американцы, к своему немалому удивлению, увидели японцев послушными и готовыми к сотрудничеству.

В итоге послевоенный период в истории страны был ознаменован возрождением и небывалым экономическим ростом. Этот успех правильнее было бы считать не заслугой какой-то одной страны, а результатом сотрудничества двух стран: тот случай, когда оккупация, нанеся так и не зажившую психологическую травму, открыла и новые возможности.

Нужно сразу оговориться, что, скорее всего, на момент начала оккупации таких высоких целей перед Америкой не стояло; изначальная задача была полностью Японию демилитаризировать, лишить всех военных сил, превратить в несамостоятельную и слабую страну, которая никогда и ни для кого не могла бы представлять отныне опасности. Но мировая политическая ситуация во второй половине 40-х годов внесла свои коррективы.

Корея разделилась на Северную и Южную, Китай стал «красным», коммунизм уверенно шагал по планете. В этой ситуации слабая Япония была для США отнюдь не так выгодна, как силь-

ная и экономически развитая. Перед Дугласом Макартуром, который был назначен главой оккупационного штаба Союзных войск¹, стояла сложная задача — аккуратно и бережно, не портя отношения с местным населением и не злоупотребляя властью, провести такие демократические преобразования, которые могли бы сделать Японию надёжным плацдармом для США в Тихом океане.

Однако следует отметить, что, какими бы ни были задуманные преобразования, почти ничего не удалось осуществить в той мере, как было запланировано.

Даже демилитаризация, стоявшая в качестве первоочередных задач, оказалась далеко не такой легко выполнимой. Япония, конечно, официально капитулировала, но японские партизанские отряды, скрывавшиеся в подземных бункерах и прятавшиеся в джунглях на крошечных островах, об этом могли не знать. Наиболее известен пример солдата по имени Хироо Онода, около двадцати лет скрывавшегося в джунглях на филиппинском острове Лубанг и отчаянно отстреливавшегося от любых попыток приблизиться: он не мог поверить, что Япония капитулировала и война закончилась². Есть также сведения и о том, что, когда Америка воевала с Вьетнамом, на стороне вьетконговцев сражались и «мимикрировавшие» под них японские солдаты; таким образом, бороться с США они продолжали и после поражения Японии.

Военное правосудие, которого так ждали все пострадавшие от японской агрессии страны, тоже удалось осуществить далеко не в полной мере.

Больше всего вопросов у мирового сообщества вызывала фигура императора Хирохито, которого считали наиболее ответственным за всё произошедшее. Но американцы с самого начала решили сохранить неприкосновенность императора — чтобы не навлекать на себя гнев японцев, с которыми им ещё предсто-

¹ Хотя в мировой истории они остались Союзными войсками (символизируя, что все страны-победительницы участвуют в процессе), на самом деле подавляющую часть военного контингента составляли американцы.

² В 1974 году на Филиппины прибыл его командир и лично отдал приказание сдаться и сложить оружие, зачитав официальный приказ. Тогда Онода вышел из укрытия, сдался филиппинским военным, отдал винтовку в идеальном состоянии и заплакал. За преступления ему грозила смертная казнь, но МИД Японии вмешался и вернул Оноду в Японию, где его чествовали как героя.

яло очень тесно работать¹. Вместе с самим потомком Солнечной богини статус неприкосновенности получили заодно и все члены императорской семьи, многие из которых сыграли важную роль в милитаристской политике Японии, и в их числе — и принц Ясухико, которого называют одним из наиболее ответственных за кровавую Нанкинскую резню.

Таким образом, часть потенциальных обвиняемых получила иммунитет, и осуждёнными за военные преступления оказалось не так много человек, как этого ожидало мировое сообщество: всего двадцать девять.

Судьба их сложилась по-разному. Радикальный философ Окава Сюмэй был признан невменяемым и отправлен в психбольницу; Мацуока Ёсукэ, подписывавший пакты с Германией и СССР, скончался в тюрьме, не дождавшись дня суда; бывший премьер-министр Коноэ Фумимаро принял яд. Микробиолог Исии Сиро, глава «Отряда 731», получил иммунитет по ходатайству Макартура: его знания в области бактериологического оружия были слишком ценны, чтобы их терять.

Семь человек были приговорены к смертной казни через повешение. А большинство обвиняемых, хотя и оказались в тюрьме, в итоге были помилованы. Основной причиной явилось то, что эти люди, опытные в политике и пользующиеся авторитетом у народа, могли быть куда более полезны оккупационным властям для последующей совместной работы над восстановлением Японии, нежели мёртвыми в качестве напоминания о недопустимости военной агрессии.

В наибольшей степени американцам удался, пожалуй, проект демократизации страны. Парламент был преобразован по британскому образцу (теперь премьер-министр избирался из партии, получившей парламентское большинство), появился Верховный суд; многопартийность и либеральность — черты «демократии Тайсё» 20-х годов — снова вернулись в политическую жизнь Японии. В апреле 1946 года состоялись первые парламентские выборы, и победу на них одержала Либеральная партия Японии. Пост премьер-министра занял один из самых главных политиков в послевоенной истории страны Ёсида Сигэру.

¹ Хотя такие проекты первоначально рассматривались в качестве возможных, штаб оккупационных сил во главе с Макартуром счёл, что эта мера будет чрезмерной и настроит агрессивно всё население страны.

Ёсида, до войны служивший на дипломатических должностях во Франции, Италии и Китае, ещё во время войны противился чрезмерно агрессивной политике своей страны, а после поражения Японии попал «под горячую руку» и провёл несколько месяцев в тюрьме. Однако его проамериканские взгляды, стремление к сотрудничеству с Западом и опыт работы дипломатом сделали его совершенно незаменимым человеком для оккупационных властей. Во многом именно благодаря Ёсиде, служившему медиатором между властями США и народом Японии, удалось нащупать ту тонкую гармонию, позволившую американским оккупантам и японским жителям эффективно работать вместе.

В мае 1947 года вступает в силу новая Конституция страны, которая остаётся неизменной и по сей день. Особое место в ней уделяется статусу императора: чёрным по белому написано, что он является «символом государства и единства народа» и в то же время «не наделён полномочиями, связанными с осуществлением государственной власти». То есть, как мы знаем из истории Японии, императоры почти никогда особо не занимались политикой, но теперь им ещё и законодательно запретили это делать.

Наибольшее число споров и по сей день вызывает 9-я статья этой конституции, которая звучит так:

— Японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооружённой силы как средства разрешения международных споров.

— Никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признаётся.

С тех самых пор японские войска называются «Силы Самообороны» и должны в случае чего защищать страну от внешних посягательств, но не имеют права вести боевые действия за её пределами. Это, пожалуй, в наибольшей степени удавшаяся часть американского проекта по демилитаризации Японии, и она до сих пор вызывает разногласия в японском обществе.

В послевоенной истории Японии особого внимания заслуживают экономические преобразования, проведённые настолько эффективно, что японцы совершают так называемое «экономическое чудо».

ческое чудо» и за несколько десятилетий превращаются из разбитой и покалеченной войной страны в мирового лидера, скупающего недвижимость в Америке.

Как же это произошло?

Во-первых, крупные семейные конгломераты *дзайбацу* были американцами расформированы, поскольку считалось, что это они во многом виновны в развитии японского милитаризма, оказывая ему ощутимую финансовую поддержку. Им на смену пришли не менее крупные конгломераты *кэйрэцу* — с той лишь разницей, что теперь они не принадлежали отдельной семье, однако при этом их структура в основном сохранялась. Это были всё те же крупные концерны, объединявшие ряд самых разных предприятий: и производства, и торговые компании, и банки.

Государство давало этим *кэйрэцу* большие кредиты и огромные возможности: экономический маховик был запущен на производство самых разных товаров, желательно высокотехнологичных (было понятно, что сельским хозяйством вложения не «отбить» и ставку нужно делать на технологии). И неважно, что на первых порах эти товары были очень низкого качества, это искупалось низкой экспортной ценой благодаря низкому курсу иены. Кроме того, японское правительство зачастую вкладывало собственные деньги, возмещая компаниям затраты на производство, лишь бы за рубежом могли покупать японские товары за бесценок. Пока японцы не могли брать качеством (этому они, впрочем, быстро научатся), приходилось завоёвывать лояльность покупателей низкими ценами.

Все свои вложения государство впоследствии компенсировало высокими налогами, но на этапе производства и экспорта поддерживало *кэйрэцу*, предоставляя им необходимые средства и обучая необходимые кадры. Так формировалось доверие между бизнесом и государством — один из ключевых факторов успеха японской экономики.

Во-вторых, первые крупные успехи японской экономики были связаны с геополитической ситуацией в мире и крупным заказом со стороны США. Дело в том, что в начале 50-х случилась Корейская война, которую Ёсида Сигэру впоследствии называл «подарком небес», и американцы активно использовали и зарождающийся производственный потенциал Японии, и её географическую близость к Корее. Это дало японской экономике мощный первоначальный стимул, настроивший все механизмы на правильную эффективную работу. Так было положено начало японскому «экономическому чуду», удивившему впоследствии весь мир.

Одновременно с развитием производства выросли важность и уровень образования: высокие технологии требовали высококлассных специалистов. Образование не было бесплатным, но было доступным, — чтобы дать возможность пробиться наиболее способным. Именно тогда появляется система, существующая в Японии до сих пор: хорошая работа гарантирована только тем, кто закончил престижный университет, поступить в престижный университет возможно только, если ты закончил престижную старшую школу — и так далее, к самой нисходящей ступени. Иными словами, восхождение по карьерной лестнице начинается с самого детства, и расслабляться никогда не следует: неудача на любом этапе может стать фатальной.

Можно только представить себе, как нервничали школьники и студенты на экзаменах, поскольку именно результаты экзаменов в конечном счёте определяли успешность обучения. Экзамены становились причиной стрессов, нервных истощений, трагедий и сломанных судеб, но высокие цели требовали жертв. Зато теперь самые изысканные технологические нужды в производстве могли быть удовлетворены: если вдруг компании «Тойота» нужны были, например, вакуумные клапаны, то регулярно выпускались кадры, готовые их сделать наилучшим образом. Да и студенты были замотивированы, понимая, что их успехи в учёбе помогут им занять хорошее место в крупной компании. Вся система работала как единый организм и для достижения общей цели.

И если вначале Япония покоряла зарубежные рынки низкими ценами, то со временем качество их товаров тоже выросло. На первых порах большую роль в реализации японской продукции играли США, заставлявшие и уговаривавшие своих союзников покупать японские товары и тем самым поддерживать их маленького, но амбициозного азиатского партнёра, но вскоре делать это уже было необязательно. Мир начал узнавать японское качество.

Именно тогда появляются те корпорации, названия которых сегодня известны всему миру: «Панасоник», «Тойота», «Сони». В этих компаниях усердно трудятся тысячи людей, и всем находится место в зависимости от уровня образования: профессионалы моделируют сложные макеты, их менее успешные коллеги закручивают винтики и собирают детали. Однако все работают в едином порыве, воспринимая своего работодателя с той же непоколебимой верностью, с какой в былые времена самураи относились к своему клану.

Ещё один важный японский секрет «экономического чуда» — пожизненный наём: всем работникам гарантирована работа до конца их трудоспособности. И поскольку стране требуются все возможные человеческие ресурсы, сам собой решился и вопрос безработицы. Трудоустроены в стране оказались почти все.

Так формируется ещё один важный уровень доверия: не только между государством и бизнесом, но и между бизнесом и людьми. Вообще доверие на всех экономических уровнях — тот уникально японский фактор успеха, который тяжело воспроизвести за её пределами. Во многом по этой причине столь же яркое «экономическое чудо» ни у кого, кроме японцев, так и не получилось.

В 1951 году был подписан Сан-Францисский мирный договор, прекращавший состояние войны между подписавшими странами и Японией. Хотя американцы анонсировали, что это итоговый документ долгой войны, многие страны его проигнорировали. Советский союз отказался подписывать, его представитель назвал документ «сепаратным мирным договором». У него были причины так говорить: на конференцию не были приглашены оба Китая (КНДР и Тайвань), обе Кореи и Италия, а Индия и Югославия просто не направили послов. Иными словами, это, без сомнения, был важный документ для США, но даже японцам он ничего не гарантировал: самые важные азиатские игроки, включая СССР, оказались вне его договорённостей.

В том же году был подписан Японо-американский договор о безопасности, дававший США право размещать в Японии свои военные базы, и на этом американцы начали наконец сворачивать свою оккупационную политику. Они многое сделали за шесть лет, но постепенно становилось понятно, что всему есть свой предел и пора отправлять Японию в свободное плавание.

Об особенностях и результатах оккупационного периода в японской истории можно говорить долго, и тема эта весьма противоречивая. Американцы устроили Японии самую страшную трагедию в её истории, подвергли гибели и страданиям миллионы её жителей; достаточно посмотреть на «Гэмбаку доум»¹

¹ До атомной бомбардировки в этом здании располагался выставочный центр торгово-промышленной палаты Хиросимы, и оно чудом уцелело несмотря на то, что находилось недалеко от эпицентра взрыва, не обрушился даже купол. Его решили оставить в том самом виде, сохранив на века как память о страшной трагедии. В 1996 году оно было внесено в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Гэмбаку доум («Атомный купол»). Хиросима, преф. Хиросима, Япония

в Хиросиме, чтобы представить себе масштабы трагедии. Однако они же вложили огромные средства в её восстановление, помогли заложить политическую и экономическую основу современной страны.

Не следует полагать, что мотивация была сугубо гуманистической. Скорее всего, американцы преследовали политические интересы, сводившиеся к тому, чтобы Японию ослабить, сделать бесхребетной и послушной, безропотно и качественно производящей товары по заказу США. Им нужен был надёжный плацдарм на Дальнем Востоке, и Япония для этих целей подходила идеально. В итоге же их старания и финансовые вложения позволили японцам окрепнуть и развиваться до такой степени, о которой американцы не могли и подумать. Скорее всего, благодаря упорному труду они смогли бы добиться экономических успехов и без американской помощи, но этот процесс занял бы гораздо больше времени.

Американцы, вероятно, переоценили свою роль в восстановлении Японии и не до конца осознали, что этот невероятный успех — следствие не столько их мудрой политики, сколь-

ко удивительного японского трудолюбия и сплочённости. Этот период можно в определённом смысле сравнить с реставрацией Мэйдзи почти столетней давности: весь японский народ в едином порыве, понимая, что самое важное — это менять весь предыдущий уклад и трудиться не покладая рук, включился в работу по созданию улучшенной версии своей страны. Американские власти же приписали все заслуги себе, и дальнейшая их мировая политика — отчасти результат этой веры в свою способность нести другим народам свет и прогресс.

Генерал Макартур, сыгравший очень важную роль в этой истории и отстаивавший в своё время необходимость сохранения императора как символа японской власти, по всей видимости, также считал себя спасителем японского народа и относился к нему с покровительственной добротой. Позже в одном из интервью он, оценивая удивительную способность японцев меняться и усваивать новое, сравнил эту нацию со способным двенадцатилетним подростком, открытым всему новому. Наверняка ничего обидного он в виду не имел, но японцы, узнав об этих словах, расстроились: это сравнение показалось им не слишком лестным.

Так или иначе, в 50-е годы Япония пускается в свободное плавание, одновременно закладывая основу будущего «экономического чуда» и политической стабильности. В 1955 году создаётся Либерально-демократическая партия (Дзиминто), которая будет безраздельно господствовать в японской политике до 1993 года (впоследствии эта монополия на власть получит название «Система 55 года»), впрочем, как вновь господствует и сегодня.

Ёсиду Сигэру на посту премьер-министра сменяет Хатояма Ичиро, который в 1956 году подписывает Советско-японскую декларацию о дружбе. После войны вплоть до сегодняшнего дня этот документ — единственная договорённость о мире между нашими странами. Там же оговаривается пункт, на который часто ссылаются японцы в знаменитом споре о северных территориях: «Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией». Мирный договор пока так и не заключён, два острова остаются русскими, а Курильской гряде с тех пор суждено было стать яблоком раздора на много поколений вперёд.

Хатояма, Ёсида и другие политики, которые управляли тогда Японией, представляли собой так называемые «правые» силы, выступавшие за фигуру императора, монархизм и сотрудничество с США. Левые социалистические силы тоже существовали, но были в явном меньшинстве, а в какой-то момент и вовсе оказалось, что это может быть опасным. В 1960 году глава Социально-демократической партии Асанума Инэдзиро участвовал в политических дебатах, когда на его выступлении из толпы выбежал семнадцатилетний паренёк с коротким самурайским мечом и заколол политика на глазах у зрителей и телекамер. Сцена убийства была показана по телевизору и стала впоследствии очень известной, а фотография получила Пулитцеровскую премию. Паренёк хотел заколоть себя сразу после убийства, но его успели остановить и разоружить. Это был Ямагучи Отоя, член ультраправой политической партии «Великая Япония», исповедовавшей самурайские традиции и святость императора, а также выступавшей за запрет всех левых сил. Ямагучи повесился у себя в камере через три недели. Перед смертью он смешал зубную пасту с водой и написал на стене выражение, приписываемое Кусуноки Масасигэ: «Семь жизней за страну».

Во главе «Великой Японии» стоял Акао Сатоси — фигура достаточно противоречивая. В молодости убеждённый коммунист, после ареста за открытую критику императорской системы власти пришедший к ультранационализму. После войны он попал на скамью подсудимых, но впоследствии был реабилитирован и убеждённым антикоммунистом вернулся в политику, в которой оставался аж до 1990 года.

Насколько Акао в действительности был заказчиком и вдохновителем этого громкого убийства — не ясно, но известно, что многие его друзья и коллеги такими методами совершенно не гнушались. А его друзьями в числе прочих были могущественные Кодاما Ёсио и Сасакава Рёичи, и это уже не совсем политики, японцам они известны как одни из самых влиятельных якудза в истории.

Слово «якудза», обозначающее представителей японских мафиозных группировок, происходит от карточной игры, главная цель которой — набрать 21 очко (в разных вариациях она существует во многих странах мира и едва ли нуждается в представлении). «Я-ку-дза» изначально записывалось иероглифами 八九三 и означало «восемь-девять-три»: сумма этих чисел дава-

ла победу в игре. Первые японские криминальные элементы, ставшие впоследствии влиятельной силой в японском обществе, были сперва грабителями на дорогах и карточными шулерами с краплёнными колодами, а уже потом сформировали могущественные кланы, влезли в политику и экономику.

Шанс на успех им выпал в послевоенные годы: восстановление японской экономики в сотрудничестве с американскими властями давало особо предприимчивым авантюристам возможность и разбогатеть на финансовых махинациях в экспорте-импорте, и обзавестись важными связями в политической среде, и укрепить свои позиции, превратившись из маргинальных элементов японского общества в его серых кардиналов.

Среди них был и Кодама Ёсио, один из самых известных влиятельных японских преступников. В молодости он занимался контрабандой, поставляя в Японию оружие и наркотики, и на этом заработал не только значительное денежное состояние, но и крепкие связи в преступных кругах. Будучи военным преступником класса А, он был вскоре оправдан по ходатайству разведки США: такой человек, как Кодама, был гораздо нужнее на свободе. После выхода из тюрьмы он помог Хатояме занять кресло премьер-министра, а за это получил солидное политическое и финансовое влияние.

Кодама владел империей ночных клубов Гиндзы, бейсбольным клубом, судоходной линией — и это лишь малый список того, куда дотягивались его амбиции и интересы. Став самым влиятельным *куромаку* («серым кардиналом») японской послевоенной политики, он был тепло принимаем в самых разных кругах и легко находил общий язык со всеми нужными ему влиятельными людьми — политиками, бизнесменами, якудза, националистами и шпионами.

Его сокамерником в тюрьме Сугамо был Сасакава Рёичи — ещё один *куромаку*, без каких-либо зазрений совести называвший себя «самым богатым фашистом в мире». Сасакава, сдружившись после выхода из тюрьмы в 1948 году и с правыми радикалами, и с американцами, построил своё состояние на гонках моторных лодок: эти спортивные состязания заменяли в Японии азартные игры и приносили создателю миллиарды иен. Будучи хорошим другом главы влиятельной якудза-группировки *Ямагучи-гуми*, Таоки Кадзуо по кличке «Медведь», он помогал решать конфликты враждующим группировкам якудза, за что приобрёл влияние и уважение как среди политиков, так и среди головорезов.

Все эти люди прошли примерно одинаковый путь — через тюремный срок после окончания войны к многомиллиардному состоянию в послевоенной Японии. Тюремная скамья стала для них школой жизни, научила держаться вместе и помогать друг другу, а также пользоваться каждым выпадающим шансом. Сегодня их называют «троицей из Сугамо»: Кодама, Сасакава и их третий товарищ — Киси Нобусукэ, менее чем через десять лет после выхода из тюрьмы ставший премьер-министром Японии.

У Киси — удивительная биография. В 30-е его называли «Маньчжурским монстром» за те зверства, которые происходили при его попустительстве в Маньчжоу-го. Позже он стал министром торговли в кабинете Тодзё Хидэки и занимал важные посты вплоть до капитуляции страны, когда почти все японские политики оказались на скамье подсудимых. Однако в итоге он не только избежал наказания, но и снова построил головокружительную карьеру.

Выйдя из тюрьмы, он первое время занимался бизнесом, затем вступил в Либеральную партию Японии, через какое-то время стал министром иностранных дел и в итоге был избран премьер-министром. Этот удивительный жизненный путь говорит как о личных выдающихся политических качествах Киси, так и о том, что попадание на скамью подсудимых в Токийском процессе вовсе не ставило крест на карьере и жизни политиков того времени.

Киси стал одним из самых проамериканских премьер-министров в истории страны. При нём был подписан Договор о взаимодействии и безопасности с США, согласно которому на территории страны размещаются американские военные базы, которые японцы были (и до сих пор остаются) вынуждены содержать. Сегодня большая их часть располагается на Окинаве, находившейся в ведении американской администрации до 1972 года, когда её наконец передали Японии. А присутствие американских войск на территории страны и поведение американских военных до сих пор остаются предметом серьёзных общественных дискуссий в Японии. В связи с народным недовольством и протестными демонстрациями вскоре после подписания этого документа Киси был вынужден уйти в отставку.

Однако в целом 60-е годы в Японии — время счастливое и полное надежд: экономические успехи уже отчётливо видны, ужасы войны успели подзабыться, а впереди всё заметнее

проступает светлое будущее — учитывая феноменальный рост японского ВВП в 60-е и 70-е годы (10% в год). В 1964 году в Токио прошли летние Олимпийские игры, к этому событию был приурочен запуск между Токио и Осакой первого скоростного поезда *синкансэн*, ставшего сегодня ещё одним узнаваемым японским символом. Японская техника триумфально покоряет мир и успешно вытесняет с рынков западную и американскую продукцию.

Впрочем, у экономического роста и технологического успеха была и обратная сторона. В погоне за ростом ВВП японцы не слишком думают о тех природных ресурсах, которыми они ради этого жертвуют. Рано или поздно это должно было привести к неизбежной экологической катастрофе, первые признаки которой уже начали постепенно проявляться. Так, в 60-х годах у жителей прибрежного города Ёккаичи начались проблемы с дыханием, появлялись респираторные заболевания, и расследование показало, что это из-за выброса в воздух оксида серы построенным вблизи нефтеперерабатывающим заводом. Эта болезнь получила знаменитое в Японии название «астма Ёккаичи».

Не менее печально известен случай, когда в городе Минамата на острове Кюсю у многих людей появились странные симптомы: затруднённые движения, ослабление зрения и потеря слуха, вялая речь, онемение конечностей. Даже кошки начали сходить с ума, бились в конвульсиях и умирали от необъяснимых причин. Птицы падали с неба, рыбы плавали кверху брюхом. Оказалось, химический завод сбрасывал отходы производства прямо в море, и люди, питавшиеся рыбой, получали отравление метилртутью¹.

Это наиболее известные, но не единственные примеры того, что японцы сделали с экологией своей страны в 60-е и 70-е годы ради успеха на мировой арене. После этого, разумеется, были предприняты необходимые меры, заводы закрыты, а воды очищены, но в общем и целом курс Японии на высокие производственные темпы нанёс стране урон и сказался на сознании жителей. Сегодняшнее трепетное отношение японцев к разделению и переработке мусора, развивающаяся концепция *мот-*

¹ Существует знаменитая фотография, которую называют «Томоко в ванне», сделанная американским журналистом в 1971 году. На ней наглядно для будущих поколений изображены тяжёлые последствия «болезни Минамата» и безответственного отношения к экологии.

таинной, призывающая повторно использовать и ничего не выбрасывать понапрасну — тоже отголоски той катастрофы полувековой давности.

В любом случае, несмотря на все побочные эффекты стремительного экономического роста, результат, безусловно, был значительным: теперь в мире всё произведённое в Японии считалось самым лучшим и качественным, а товары, сделанные в Америке и Европе, с трудом могли конкурировать с японскими. Благополучие жителей неуклонно растёт, японское «экономическое чудо» удивляет весь мир, а также заставляет мировые державы задуматься о том, что нужно сделать, чтобы сдержать этот рост. Ближе к началу 80-х годов Япония стала такой мощной, что термин «жёлтая опасность», употреблённый впервые в конце XIX столетия, становится вновь как нельзя более актуальным.

Первые признаки начала конца могли быть заметны в 1973 году вместе с «нефтяным кризисом», когда поставки нефти в мире сократились, а цены на неё выросли. Для лишённой своих ресурсов Японии удар был серьёзным, но тогда в этой ситуации оказались многие страны.

Гораздо большим ударом по японской экономике стало подписанное 22 сентября 1985 года в нью-йоркском отеле «Плаза» соглашение, направленное на регулирование валютных рынков. Оно было инициировано США, и в числе его участников были пять стран: Франция, Германия, Великобритания, США и Япония. Замысел американских экономистов удался: курс доллара упал, а курс иены круто вырос: с 240 до 120 иен за 1 доллар. В то время ещё не было понятно, к чему это приведёт, и повышение курса иены воспринималось в Японии как безусловный успех и показатель финансовой мощи.

Главная цель, которую преследовали США, была достигнута: из-за высокого курса иены японские товары стали сразу менее востребованы за рубежом, и уровень японского экспорта понизился. Это, в свою очередь, привело к тому, что деньги резко начали накапливаться внутри страны, и их вдруг стало очень много.

Японские банки, чтобы стимулировать рост экономики в отсутствие экспорта, переходят на очень низкие ставки по кредиту; теперь можно взять огромные деньги за невероятно низкие проценты, кредитование стало как никогда доступным. На какое-то время проблема была решена, и поток денег восстано-

вился. Люди кредитуются, перекредитовываются, берут всё новые деньги на сверхвыгодных условиях — знаменитый «мыльный пузырь» начинает постепенно надуваться.

В какой-то момент становится уже невыгодно вкладывать деньги в производство: гораздо выгоднее вложить их в тот ресурс, который нельзя произвести и который в Японии всегда был самым ценным: в землю. Японская экономика начинает работать по очень простому принципу: человек берёт деньги в банке, покупает на них землю и продаёт её дороже — тому, кто тоже, разумеется, взял деньги займы и тоже эту землю продаст, — разумеется, дороже.

Иными словами, начинается обычная спекуляция, но в масштабах всей страны, и речь идёт о космических суммах денег, которые, по сути, теперь ничего не стоят. Вся экономика работает «вхолостую», но недвижимость всё равно продолжает неуклонно расти в стоимости, а с ней как на дрожжах растут состояния людей. К началу 90-х уже почти все сообразили, что можно фактически не работать, а жить в богатстве просто по схеме «купи дешевле — продай дороже», тем более на деньги, взятые займы. Это был короткий период невероятного счастья, когда денежный дождь проливается на всех причастных: бизнесмены и якудза покупают машины, предметы искусства, яхты и дома, и даже простые сотрудники компаний могут позволить себе то, о чём раньше не смели мечтать.

В какой-то момент всё становится совсем невероятно: цена недвижимости в центре Токио равняется цене на недвижимость во всей Канаде. Японские богачи покупают «Рокфеллер-центр» и «Коламбию пикчерз» — самые главные символы могущества Америки. Мыльный пузырь надувается до таких размеров, что дальше расти просто нельзя.

Он и не стал расти. Всё невероятное счастье закончилось, когда в один прекрасный момент кредитная ставка чуть выросла — всего лишь до 4% в год. Казалось бы, ерунда. Но когда вся страна фактически друг у друга в долгах, а эти фантастические суммы ничем не подкреплены, а просто взяты в кредит, и теперь их надо как-то отдавать, — ситуация катастрофическая. Мало того, что эти деньги было взять совершенно неоткуда, так ещё в этой пирамиде все были друг другу должны, и эти суммы составляли триллионы иен. Несуществующие триллионы иен.

Первое время все бизнесмены и якудза, владевшие космическими деньгами, не предпринимали никаких действий, наде-

ясь, что всё наладится, но всё становилось лишь хуже. Страна проваливалась в самый страшный финансовый кризис в своей истории. И в тот момент, когда все смотрели друг на друга в поисках решения и выхода из этой странной ситуации, достаточно было одной компании признаться, разведя руками, что денег расплатиться у неё нет, и объявить себя банкротом, — и так же стали поступать все остальные.

Одна за другой богатейшие японские компании начинают объявлять о своём банкротстве, и это уже похоже на настоящий коллапс. Как будто кто-то подрубил ноги огромному глиняному колоссу японской экономики: она с грохотом рушится, поднимая столбы пыли и погребая всех тех, кто считал себя на недосягаемой вершине финансового благополучия.

Бизнес обращается за поддержкой к правительству, но оно лишь разводит руками: в этой ситуации японское государство бессильно. Правящая Либерально-демократическая партия, столкнувшись с народным недовольством, впервые за почти пятьдесят лет уступает место социалистам, но и те не справляются с регулированием этой сложной ситуации. Тогда компании в целях экономии начинают увольнять сотрудников и сокращать штат, и многие из тех, кто всю жизнь преданно и старательно трудился на благо своей фирмы, оказываются на улице без средств к существованию.

Пожизненный наём — главная гордость и сильная сторона японской экономики — стал неактуален и отправился на свалку истории. Да и вообще строившийся на взаимном доверии на всех уровнях социальный капитал, благодаря которому весь экономический рост и оказался возможен, в один момент закончился: теперь выяснилось, что каждый сам за себя и рассчитывать ни на кого не следует.

И это ещё не говоря о многомиллиардных потерях, банкротствах и финансовых трудностях, которые пришли в Японию — и остались надолго. Хотя «потерянным десятилетием» японской экономики принято называть 90-е годы, даже глядя на её современное состояние, можно заметить, что этот кризис так до сих пор не преодолён до конца.

У этого кризиса было и ещё одно влияние на современную Японию. Многие молодые люди, которые до этого мечтали о работе в солидных компаниях, понимают, что это далеко не идеальный вариант. Вместо этого их начинает привлекать более творческая работа, открываются небольшие студии, в которых создаются мультфильмы и видеоигры, эта сфера кажется более

спокойной и не такой зависимой от колебаний мировых рынков. О том, к чему приведёт перенаправление интереса японцев с производства техники на производство аниме, все мы прекрасно знаем.

В изложении исторических событий, вплотную примыкающих к современности, есть ещё один сложный момент: не очень понятно, где заканчивать повествование. Поскольку мы не так далеко отстоим от событий начала нового столетия, чтобы оценивать их достаточно объективно и беспристрастно, возможно, примерно на этом есть смысл остановиться. В конце концов, внимательный читатель может наблюдать продолжение этой истории своими глазами, черпая информацию из новостей, а не из книг.

ЧАСТЬ 2

СОВРЕМЕННОСТЬ

У географического положения Японии есть одна важная особенность: удалённость от всех западных стран — что через бескрайнюю Евразию, что через Атлантический океан. Путешествие в Японию — это всегда настоящее путешествие; поскольку за три или четыре часа не добраться (исключением являются, конечно, жители Дальнего Востока России): нужно настраиваться на долгий перелёт и внушительную разницу во времени.

Эта физическая далёкость делает Японию ещё более экзотической в нашем восприятии; а экзотичность лишь усиливается от того, что тут можно увидеть и встретить на каждом шагу. Любой впервые попадающий сюда будет очень сильно удивлён тем, что увидит вокруг: всё по-другому, и люди ни на кого не похожие — вроде азиаты, но ведут себя как-то не по-азиатски. Больше даже по-европейски, но на самом деле, одинаково далеко и от того, и от другого. Не говоря уже о странной письменности, фантастически вкусной еде, визуальным проявлениям японской фантазии, которая может удивить и издавших виды.

«Другая планета» — такую характеристику можно встретить по отношению к Японии, возможно, чаще, чем про любую другую страну. И в этом можно услышать и удивление, и уважение, и тщетность попыток как-то объяснить себе причины этих фундаментальных отличий.

Путешествие в Японию даёт отличную возможность увидеть, как мир может быть устроен совсем по-другому, чем где бы то ни было; и при этом всё окружающее не выглядит диким и не является неудоб-

ным — даже наоборот. Есть вещи, которые поначалу смутят и удивят; есть то, что покажется очень нелогичным; от чего-то бессознательно, сам не понимая причины, загрустишь; где-то улыбнёшься странности происходящего. В любом случае, это будет не только знакомство с совершенно самобытной культурой, но и важное эмоциональное переживание, которое хочется посоветовать и пожелать всем читателям этой книги.

Но, для того чтобы сделать неизбежный культурный шок от попадания в совершенно странную среду немного более мягким, можно надлежащим образом подготовиться; и задача второй части этой книги — как раз в этом. Строгая классическая Япония в её ретроспективе была рассмотрена выше в самых разных аспектах; теперь пришло время обратить внимание на те аспекты жизни японцев, которые являются частью современной реальности, пусть и остаются неразрывно связаны с историей.

Манга и аниме, суси и сасими — всё то, чем Япония известна в мире, и то, без чего не мыслят жизни сами японцы, — речь пойдёт и об этих аспектах современной культуры, и — раз уж мы говорим о современности — о вещах более серьёзных и не лежащих на поверхности. Вторая часть данной книги ставит задачу амбициозную в той же степени, что и невыполнимую — познакомить читателя и с тем, как устроено японское общество, и как устроена японская голова; описать те понятия и категории бытия, которые определяют жизнь среднестатистического жителя архипелага.

Впрочем, обо всём — по порядку.

Глава 4

Внутри Годзиллы

Снова весна.
Приходит новая глупость
Старой на смену.
Исса

Достаточно хоть раз побывать на крупном косплей-фестивале (а их проводится немало по всему миру), чтобы воочию убедиться: японская культура не превратилась сегодня во что-то классически строгое, высокоинтеллектуальное и понятное лишь избранным, а, наоборот, является известной и любимой миллионами людей по всему миру — благодаря ярким аниме-персонажам, комиксам, видеоиграм, мультфильмам Миядзаки, Годзилле и Наруто. Каким-то образом, совмещая визуальные приёмы и интеллектуальный посыл, японцы нашли ключ к сердцам молодых людей и создали массовую культуру, без особого труда покорившую современный мир.

Многие важные жизненные принципы и понятия — добро и зло, дружбу и ненависть, верность и коварство, любовь и войну — подростки в современном мире зачастую черпают именно из аниме, поэтому сложно отрицать влияние этого жанра на мир, в котором мы живём. Статистика подтверждает: согласно недавним данным, чуть больше 60% мультфильмов, которые выходят за год во всём мире, делают именно в Японии.

При этом классическое японское искусство — икэбана, суми-э, чайная церемония — никуда не делось, пусть даже число его ценителей едва ли может тягаться с толпами любителей аниме. Но японцы уже давно поняли, и этот принцип тут является одним из базовых: никогда не надо ничего выкидывать, а надо на всякий случай сохранять и стараться использовать. Поэтому сегодня до сих пор проводятся представления театра *но*, хотя подавляющее большинство современных японцев не могут ни понять древний язык, на котором говорят со

сцены, ни расшифровать все символы, которые там содержатся. Но если что-то существовало столетия подряд, то пусть будет и сегодня.

Древние храмы и смешные покемоны, как показывает практика, могут прекрасно сосуществовать в рамках одной культуры.

Эти две стороны Японии — изящная классическая и сумасшедшая современная — сочетаются друг с другом, вызывая интерес к этой стране даже у людей, которые слышали о ней лишь обрывочно. Но если классическая японская культура в лице хайку Басё, гравюр Хокусая, изящных пагод и рогатых самурайских шлемов уже зарекомендовала себя как признанное мировое достояние, её современная часть вызывает больше споров и противоречий. Вроде как все признают её влияние на массовую культуру и общество, но зачастую не соглашаются с интеллектуальной или художественной ценностью произведений: всё же в людях западной культуры очень глубоко живёт убеждение, что комиксы и мультки — это что-то для детей, и нужно делать на это скидку, не рассматривая наряду с «настоящим» искусством (согласно этой довольно распространённой логике, более простое для нашего восприятия априори не может быть столь же содержательно, как более сложное, однако японцы в своей культуре этот тезис всегда стремились опровергать).

Отчасти носителей этой логики можно понять: в массовом общественном сознании всё же существует устойчивая ассоциация современной японской культуры с покемонами, большеглазыми школьницами и мультфильмами *хэнтай*. Где-то в стороне отдельное почётное место занимает добрый седой волшебник Миядзаки Хаяо, но он является уже скорее представителем мирового культурного достояния, нежели чисто японского. При этом более серьёзные и сложные произведения, истоки этого жанра (точнее — многих жанров), важные черты, неразрывно связанные с историей и культурой, остаются за пределами внимания и интереса многих взрослых европейцев.

Как писал поэт, «большое видится на расстоянии», и с ним можно согласиться: тяжело объективно оценивать искусство, которое не отстоит от нашего времени хотя бы на несколько столетий. Мы не видим всей картины и не воспринимаем масштаб явления, поэтому сложно определить, что останется в истории на века, а что канет в лету. Японские комиксы и мультфильмы по большому счёту наши современники, поэтому в них тяжелее увидеть настоящие произведения искусства, чем в свитках XIII столетия. Но можно попробовать по крайней мере более

Клод Моне. Японка (Камилла Моне в японском костюме). 1876 г. Музей изящных искусств, Бостон, США

внимательно рассмотреть этот феномен, объяснить какие-то важные особенности, попытаться увидеть глубину в чём-то внешне не самом серьёзном. Быть может, даже ответить (хотя бы частично) на сложный вопрос, который и лежит в основе этой главы: как японцам удалось создать такое влиятельное в XX веке искусство?

Справедливости ради: всплеск мирового интереса к японской культуре, который мы наблюдаем сегодня, происходит не впервые, история знает ещё один период, когда искусство этой островной страны вызвало всеобщий интерес и приобрело большое культурное влияние. Речь о «японизме» — течении в европейском искусстве XIX столетия, когда французские художники

открыли для себя гравюры *укиё-э* и удивились тому, как можно по-другому видеть и изображать привычный окружающий мир. Подражание японским авторам можно найти в творчестве Мане, Моне, Ван Гога, Гогена и многих других. В моду входят японские предметы интерьера и быта, кимоно, веера, ширмы и фарфор. Япония вдруг приобретает статус загадочной притягательной страны, хотя за несколько лет до этого никто даже особо о ней не знал.

Похожее случилось и в XX столетии, с той лишь разницей, что Японию хорошо знали в мире как страну агрессивных милитаристов и военных фанатиков, а потом она проиграла войну и на некоторое время пропала из внимания мировой общестственности. Но затем триумфально вернулась — уже как страна передовых технологий, совершившая «экономическое чудо». А ещё чуть позже — как производитель большого количества развлекательного контента, который оказался очень востребован в мире. Сегодня мы и вовсе забыли о том, что когда-то Япония была страной милитаристов, и связываем её образ скорее с Годзиллой, покемонами и сакурой, куда хватает глаз.

И это — тот «япони́зм», который в век массовых цифровых технологий смог стать куда более глобальным, чем тот, что случился в Европе в XIX веке.

Сегодня, оглянувшись чуть назад, интересно посмотреть, каким же был путь Японии к этому триумфу. А начинался он ещё до того, как Япония вступила в войну, с выпуска в печать историй в черно-белых картинках. Сегодня этот жанр не нуждается в представлении: эти комиксы издаются многомиллионными тиражами, экранизируются и известны во всём мире под названием *манга*.

Корни японской манги — это знакомая нам всем карикатура. Смешные картинки на актуальные и злободневные темы — жанр известный и кажущийся довольно очевидным, однако, несмотря на большую популярность в Европе и Америке, в Японии его до поры до времени не было. Появляется он там благодаря европейцам, которые начали активно приезжать после реставрации Мэйдзи 1868 года и привозить самые разные культурные феномены и достижения западной цивилизации, знакомя с ними любознательных японцев. В их числе приезжают и художники-карикатуристы, которые основывают свои собственные печатные издания и регулярно выпускают журналы с шаржами и забавными картинками, высмеивающими японскую действительность. Первым был англичанин Чарльз Виргман: он издавал журнал «The Japan Punch», названный в честь одного из персонажей английского кукольного театра. Вскоре после него появился француз Жорж Биго, который назвал свой журнал «Тоба-е».

Это название не случайно, оно является отсылкой к классическим свиткам *эмакимоно* XII века, принадлежащим кисти монаха Тоба. Полное название этой серии, состоящей из четырёх монохромных свитков, — *Чёдзю дзимбуцу гига*, буквально «смешные картинки животных и людей». Наиболее известный свиток — самый первый: на его 11 метрах изображены зайцы, лягушки и обезьяны, занимающиеся совершенно человеческими занятиями: они бегают друг за другом, стреляют из лука, устраивают состязания сумо. Как такового сюжета, в отличие от многих других *эмакимоно* того времени, там нет, зато есть другая неотъемлемая часть феномена манги: юмор.

В отличие от строгих буддийских свитков, вселявших ужас изображениями голодных демонов, поедающих людей, лягушки-сумоисты — это настоящее отдохновение для души, возмож-

*Тоба Содзё. Чёдзю дзимбуцу гига, свиток 1. XII в.
Токийский национальный музей, Токио, Япония*

ность разглядывать свиток и радоваться, а не бояться. Спустя много столетий Уолт Дисней использовал тот же эффектный приём — наделял животных человеческими чертами. Эта «фишка», совершившая путь от средневековых японских свитков до современной американской анимации, до сих пор горячо любима зрителями от мала до велика.

Хотя свитки эмакимоно не являются комиксами в нашем понимании этого слова, упомянуть о них необходимо, поскольку трудно переоценить их значение для развития жанра. Так, знаменитый мультипликатор и сооснователь студии «Гибли»

*Неизвестный автор. Двенадцать небесных генералов. XIII в.
Токийский национальный музей, Токио, Япония*

Такахата Исао утверждал, что в основе японской манги лежит традиция классических свитков: ещё в X столетии японские художники научились с помощью последовательности картинок передавать динамичность повествования, а в некоторых случаях даже дополняли иллюстрации текстом. Сюжеты этих свитков были самыми разными, но важнее не столько сюжетные перипетии, сколько сам изобразительный принцип, оказавший большое влияние на японскую современную культуру.

Впрочем, истоки манги можно увидеть не только в свитках, но и — что может показаться уже более странным — в буддийской скульптуре. Достаточно взглянуть на фигуры «Двенадцати Небесных Генералов», датируемые XIII веком, — и в этих позах, и в этих выражениях лиц мы увидим те элементы, которые после переключают в мангу.

Ещё один важный предшественник манги, гораздо ближе к ней в визуальном плане, — это *кибёси*: книжки с картинками эпохи Эдо. В них активно используется характерный для комиксов приём — совмещение картинки и текста в одном изображении. Хотя персонажи там не говорят, а текст просто описывает происходящее на рисунке, это всё равно ещё на один шаг ближе к той настоящей японской манге, которая появится чуть позже. Кибёси связаны с мангой и ещё по одной причине: эти книжки, написанные азбукой (чтоб прочитать мог и не особо грамотный человек) и иллюстрированные картинками, — продукт городской культуры Эдо, созданный для массового читателя. Именно на такого читателя будет ориентироваться и манга после Второй мировой войны.

Само слово «манга», кстати, тоже довольно классическое и тоже из эпохи Эдо. Его впервые использовал Хокусай в назва-

нии своей серии этюдов и эскизов, которые были предназначены для использования его учениками в ходе изучения живописи. Дословно его перевести тяжело, но примерное значение — «незамысловатые картинки». Самим названием мастер давал понять: относиться всерьёз к этим его наброскам не стоит. Их основная задача — просто немного развлечь и заставить улыбнуться.

Сегодня «Хокусай манга» занимает почётное место в собрании работ классика, а само слово стало обозначать популярный жанр незатейливых картинок. Первые манга, появляющиеся в эпоху Эдо — это смешные укиё-э; но не те классические гравюры, где изображены красоты природы, а гораздо более легкомысленные и маргинальные: на них появляются тануки (енотовидные собаки) с огромными тестикулами, коты, пьющие сакэ, всевозможные смешные существа и не менее забавные люди — карикатуры и пародии, призванные вызвать улыбку или искренний смех.

Когда в Японию приезжают карикатуристы и художники из Европы, их идеи падают на благодатную почву: смешные картинки тут были всегда любимы простым народом; просто теперь на смену пьяным черепахам, пугающим людям и другим бесхитростным образам позднего средневековья приходят изображения с более социальным и политическим подтекстом. «Незамысловатые картинки» постепенно становятся всё более затейливыми, но по-прежнему не теряют самого важного: своей юмористической основы.

Со временем от отдельных изображений японские художники переходят к созданию раскадрованных историй, когда сюжет рассказывается с помощью последовательности картинок: такие истории назывались *ёнкама* (четыре кадра) или *роккома* (шесть кадров). Примерно в то же время появились особая профессия и слово, которым теперь называют авторов комиксов: *мангака*.

Имя первого мангаки хорошо известно: это Китадзава Ракутэн (1876–1955), художник, создавший в 1902 году под влиянием американских комиксов первый японский манга-сериал «Тагосаку и Мокубэ осматривают Токио» про двух сельских жителей, попадающих в нелепые и смешные ситуации, оказавшись в столице. Впрочем, одной важной детали манги как комиксов там пока не было: персонажи были немыми, и слова в облачках над их головами ещё не появились.

Становление современного стиля манги относится к 20-м годам прошлого столетия: с 1924 года в газете Асахи печатается комикс «Приключения малыша Сё» (*Сё-чян-но бо:кэн*). Первое время каждая серия включала в себя 4 кадра (ёнкама), но со временем каждый эпизод вырос до 8–13 страниц. Кадры были снабжены

Китадзава Ракутэн.
Тагосаку и Мокубэ
осматривают
Токио. 1902 г.
Международный
музей манги, Киото,
Япония

комментариями на полях, а реплики персонажей оформлялись в выпуклые «пузыри», без которых сейчас невозможно представить ни одну мангу. Сё-чян стал настоящим любимцем публики, в 1924 году по этому комиксу ставят пьесу в популярном театре «Такарадзука», а в 1925 году выходит немой черно-белый мультфильм. О популярности этого произведения говорит и то, что в детскую моду по всей стране тогда вошли шляпы, как у Сё-чяна.

Этот комикс — классическая акахон-манга (так называемая «манга с красной обложкой»). Впрочем, с реальным цветом обложки это не было связано, это была отсылка к жанру массовой литературы эпохи Эдо, когда в красных книжках издавали популярные рассказы для развлечения публики. В XX веке роль такого всенародно любимого жанра стали играть комиксы: они продавались повсюду, включая магазины с игрушками и сладостями, а также уличные развалы.

С развитием милитаризма и приближением Японии к войне со всем миром жанр историй в картинках начинают всё чаще использовать как средство пропаганды; так появляются такие ге-

рои, как пёс-солдат Нора Куро, сражающийся со свиньями, или мишка-моряк Сирочиби Суйпэй. Даже первый японский анимационный фильм — «Божественные моряки Момотаро» (1944) — был создан для того, чтобы агитировать зрителей идти на фронт и не бояться отдавать жизнь за страну и за императора.

Однако если отвлечься от идей, которые стояли за этими произведениями, и обратиться к тому, как они были нарисованы, можно обнаружить, что художественный аспект всё же уступал нравственно-патриотическому. Достаточно одного взгляда на эти комиксы, чтобы заметить отсутствие прорисовки деталей и фона, однообразие ракурсов. Иными словами, эти книжки могли оправдывать своё предназначение и быть вполне актуальны в то время, однако едва ли являлись произведениями, способными запустить волну популярности этого жанра в целом, и современных читателей могут заинтересовать разве что с этнографической точки зрения.

Для того чтобы книжки в комиксах стали настоящей, всеми любимой мангой, оставалось сделать ещё один небольшой шаг. И он был сделан уже после окончания Второй мировой войны — в 1947 году, когда на книжных прилавках появляется новый приключенческий комикс про пиратов, под названием «Новый остров сокровищ» (*Син-Такарадзима*).

Такая манга удивляла читателей с первого же разворота. Раскадровка была настолько живой, как будто это кино, а не книжка, а история была рассказана так динамично и увлекательно, что проглатывалась очень быстро и хотелось читать и читать ещё. Кроме того, нужно помнить: это был 1947 год, и никому не пожелаешь того, что испытывали и чувствовали тогда японцы после полнейшего разгрома во Второй мировой. Вторая половина 40-х годов в Японии — очень суровое и бедное время, когда люди жили впроголодь и работали до седьмого пота, закладывая основу будущего успеха. Вокруг себя всё это время они видели только разрушенные города, выжженные поля, бедность и терпение.

И вдруг — комиксы про пиратов: отважные и смешные герои, необитаемый остров, сундуки с сокровищами, бескрайние моря и захватывающие дух сражения на кораблях. В такой мир хотелось уйти целиком, чтоб больше не видеть того, что происходит вокруг, причём этого одинаково сильно хотелось и детям, и взрослым. Так в Японии начинается настоящая манга-мания.

Художника, подарившего японцам это произведение, звали Тэдзука Осаму. Сегодня его называют *манга-но камисама* («бог манги»), и это совершенно не преувеличение: благодаря Оса-

му этот жанр развился, получил огромную читательскую аудиторию и в итоге вышел за пределы Японии. Созданные им герои и сюжеты встречаются и используются даже сегодня, правда мы не всегда об этом можем догадаться.

В детстве будущий художник увлекался приключенческими романами и мультфильмами Уолта Диснея, у которого в итоге скопировал многие приёмы. Родители, хоть и поддерживали его интерес к рисованию, всё же надеялись, что он станет врачом, однако юный Тэдзука выбрал другой путь и стал мангакой (впрочем, в 1961 году он получает и докторскую степень в медицине). Что интересно, будущий «бог манги»

начинал с рисования фривольных картинок на туалетной бумаге для своих друзей (о, эта изящная связь со свитками эмаки-моно!) во время пребывания в военном тренировочном лагере в 1944 году. Поняв, что эти рисунки умеют успех, он ещё больше укрепился в выборе будущей профессии.

За свою жизнь он нарисовал около 500 комиксов, иллюстрируя художественную литературу и создавая собственные сюжеты, и успел проявить себя в самых разных жанрах, от развлекательных до серьёзных. При этом он отличался невероятным трудолюбием: работал почти постоянно и крайне мало спал. По собственному признанию, он нарисовал за свою жизнь 150 тысяч страниц.

Во многом популярность его комиксов была связана с выбором сюжетов — уход от опостылевшей его современникам реальности и обращение к фантастическим мирам, далёким странам и историческим событиям. Это и Петербург XIX века («Преступление и наказание»), и арабский восток («Сказки 1001 ночи»), и древняя Япония («Хи-но-тори»), и далёкое будущее, где роботы сосуществуют с людьми («Астробой», «Метрополис»). При этом с возрастом темы, интересующие Тэдзуку, меняются: в начале 80-х он выпускает гораздо более реалистичную, чем его прежние работы, мангу с названием «Адольф, прислушайся», в которой делится своими мыслями по поводу нацизма и его роли в истории.

Осаму Тэдзука (1928–1989)

Но не менее веская причина популярности его манги — в неподражаемом стиле, удивительной лёгкости рисовки, симпатичных и запоминающихся героях. Интересной новаторской особенностью манги Тэдзуки Осаму является его так называемая «звёздная система», когда одни и те же образы и персонажи кочуют из комикса в комикс, подобно актёрам, которые снимаются в разных фильмах в разных ролях. Некоторые образы были им подсмотрены среди друзей и знакомых, некоторые — полностью придуманы, в каких-то комиксах в качестве cameo появлялся и сам автор в узнаваемом образе — в очках и берете, который он стал носить, когда начал лысеть. Этот приём стал его визитной карточкой: согласитесь, приятно видеть в новом комиксе уже хорошо знакомого героя в новой ипостаси?

Кроме того, именно Тэдзука был родоначальником приёма, который сегодня является без преувеличения визитной карточкой японской анимации: непропорционально большие глаза у героев. Принято считать, что эта особенность была на самом деле им подсмотрена у Уолта Диснея, можно вспомнить, к примеру, Бемби или Белоснежку и увидеть там тот же приём. Сам Тэдзука говорил, что большие глаза помогают легче передавать эмоции героев: страх, радость, удивление и гнев — всё это лучше считывается на больших глазах, чем на маленьких.

Есть также основания предполагать, что этому можно найти объяснения из области психологии восприятия. Известно, что большие глаза по отношению к общему размеру лица — особенность детских лиц, с возрастом это соотношение меняется. А у младенцев мы можем видеть огромные, широко распахнутые глаза, и во многом именно это вызывает наше умиление. Так, чем больше глаза героя — тем сильнее эффект *каваи*, когда он нас умиляет и хочется ему сопереживать. А учитывая тяготение японской культуры ко всему маленькому и незрелому, можно заключить: большие глаза в японских мультфильмах совершенно не случайны.

Ещё одна версия связывает это с комплексом японцев по поводу размера их глаз: широкие глаза европейцев считаются тут более красивыми. Некоторые молодые японки даже делают операции по увеличению глаз, чтобы выглядеть более по-европейски, а среди тех, кому эта мера кажется слишком кардинальной, популярны фильтры, которые визуально увеличивают глаза на фотографии, делая их иногда чрезмерно и даже пугающе большими.

Пожалуй, один из самых известных «большеглазых» героев Тэдзуки — мальчик-робот «Атом железные руки», получивший

мировую известность под американским именем «Астробой». Это история про робота, которого учёный, доктор Тэмма, создаёт, чтобы тот заменил ему погибшего сына, однако вскоре понимает, что робот его заменить не может, — и отдаёт Атома в цирк. Там на одном из представлений его замечает профессор Очяномидзу, глава Министерства Науки, и берёт мальчика-робота под свою опеку. Так начинается настоящая история Атома, который становится своего рода японским супергероем: наделённый огромной силой, а кроме того, испытывающий сострадание (что в принципе является для робота немыслимым), он защищает людей, борется со злыми роботами и захватчиками из космоса.

Это не первое обращение Тэдзуки Осаму к теме роботов (первое было в манге «Метрополис» 1949 года), но очень характерное. В Европе первой половины XX столетия мы можем наблюдать кардинально другое восприятие этого феномена. Немецкий фильм «Метрополис» (режиссер Фриц Ланг, 1927), вдохновивший Осаму на создание своей истории, описывает восстание роботов против людей, и это далеко не единичный пример. Айзек Азимов в 1942 году формулирует знаменитые «Три закона робототехники» — правила поведения для роботов, в которых отчётливо звучит боязнь того, что они могут нанести человеку вред.

Это по большому счёту вполне объяснимо: новые технологии, неизвестные возможности, неодушевлённая, но мощная сила, которую человек создаёт своими руками. На заре робототехники мысли о потенциальной опасности вполне могли приходить в голову. Однако совершенно другое отношение мы видим в Японии.

Главный герой «Метрополиса» Тэдзуки Осаму — робот Мику, который спасает людей и при этом не может разобраться с тем, кто же он: мальчик или девочка, — вызывает искреннее сострадание читателей. Столь же положительными качествами наделяется Атом, в одном из своих приключений даже спасающий жителей вьетнамской деревушки. Иными словами, роботы в японской культуре 40-х — 50-х годов — не бездушные машины, грозящие людям уничтожением, а добрые существа, живущие в гармонии с людьми и помогающие им¹. Более того, можно даже заметить, что первые супергерои в Японии — это не люди, а именно роботы.

¹ Высказываются версии о том, что в этом, возможно, есть влияние синто, поскольку эта религия учит видеть неживые природные объекты живыми и наделять их одушевлёнными свойствами. Возможно, в том числе и по этой причине и японские роботы оказываются в этом восприятии гораздо ближе к людям, чем их европейские коллеги.

Вообще супергерои в японских комиксах — любопытный феномен. Американские супергерои, несмотря на значительную степень влияния американской культуры на японскую, в Японии так и не прижились. Пробные версии классических американских комиксов («Bat-manga!», «J-Spiderman») какое-то время издавались, но особого успеха не имели и вскоре заглохли. Впрочем, даже у этих комиксов были чисто японские особенности: супергерои тут оказывались людьми, испытывающими нравственные страдания, на первый план выходят их сложные отношения с родственниками, затмевая подвиги по спасению мира. Кроме того, по сравнению со своими американскими коллегами они мало времени приводили в костюме супергероев и гораздо больше — как обычные люди.

Возможно, дело в социальной психологии японцев. Как известно, выделяться в этом обществе — неправильно и не принято, об этом нам говорит знаменитая поговорка «Торчащий кол получает по башке»; а нельзя не признать, что, надевая супергеройский костюм, человек становится тем самым «торчащим колом», очень заметным и выделяющимся из общей массы. В общем, спасать людей — это вроде приветствуется, но вот надевать для этого яркий костюм, непременный атрибут супергероя, — уже лишнее и как бы немного стыдное.

Тем интереснее анализировать феномен такого японского супергероя, как Атом. Во-первых, как мы упоминали, он не человек, а робот. Во-вторых, — и об этом говорит даже беглый анализ имён (**Batman**, **Superman**, **Spiderman** против **Astroboy** — в отличие от своих американских коллег, он не взрослый мужчина, а ребёнок.

Это важно и в связи с упомянутым выше культом всего детского и умильного в Японии, которое принято называть словом *каваи*. Наиболее красивым/сильным/важным считается не то, что в самом расцвете сил, а то, что ещё его не достигло. Настоящая сила не там, где она очевидна, а там, где она угадывается. Там, где силы взрослого человека не хватит, может помочь только одно — скрытая сила, которая есть в ребёнке, поэтому не надо удивляться тому, что главные герои большинства японских комиксов — дети и подростки.

В японском литературоведении существует теория под названием *о:до:рон* (翁童論, «теория деда и малыша»), согласно которой наиболее сильными существами в японском фольклоре традиционно оказываются не мужчина или женщина в расцвете сил и лет, а ребёнок или старенький дедушка. За примерами далеко ходить не нужно: на одном конце этой теории — дети и подростки в аниме, на другой — старики из японских сказок; и те, и другие попа-

дают в ситуации, куда европейская культура их едва ли поместит.

Ещё один культовый японский робот — кот Дораэмон, прилетевший на Землю из XXII века и живущий в Японии, в семье мальчика по имени Нобита. У Нобиты — обычная школьная жизнь японского пятиклассника с кучей уроков и разных заданий, двумя пацанами, которые его обижают, и одноклассницей Сидзукой, которая ему, конечно, ужасно нравится. И когда Нобите трудно (а это бывает довольно часто), ему на помощь приходит Дораэмон.

Дело в том, что у этого котаробота на животе есть волшебный кармашек, из которого он может доставать самые разные предметы из других измерений. Как правило, всё происходит примерно по одному сценарию: Дораэмон вытаскивает какую-нибудь волшебную штуку, Нобита счастлив, вначале всё хорошо, но потом что-то идёт не так, и Дораэмон в итоге вынужден спасать своего друга от последствий использования этой самой волшебной штуки. История незатейливая, но сам главный персонаж — улыбчивый и приходящий на помощь кот Дораэмон — легко покорила сердца японских школьников.

Дружба Нобиты и Дораэмона стала основой для манги, выходившей с 1969 по 1996 год. А сам персонаж перешагнул рамки комиксов и остаётся по сей день одним из самых ярких и любимых японцами образов: до сих пор выходят аниме про него (хотя в одном из последних речь идёт про свадьбу Нобиты и Сидзуки, в подавляющем большинстве время остановилось, и главный герой с конца 60-х годов так и остаётся пятиклассником), а в 2008 году по инициативе Министерства иностранных дел Японии Дораэмона официально назначают «послом аниме в мире». «Мы надеемся, что благодаря этому назначению люди в других странах начнут лучше понимать японское аниме и сильнее интересоваться японской культурой», — говорилось в заявлении Министерства.

Создатели этого культового героя — двое мангак, творивших под псевдонимом Фудзико Ф. Фудзио, познакомились ещё в младшей школе в префектуре Тояма и работали вместе с 1951 года до

© catwalker / Shutterstock.com

Кот Дораэмон из одноимённой манги Фудзико Ф. Фудзио

смерти одного из них в 1996 году. Решив посвятить свою жизнь рисованию комиксов, они переехали в Токио, где снимали комнату и рисовали с утра до ночи. Первые их произведения оставались неизвестными, но постепенно они находят свою аудиторию и даже открывают свою аниме-студию (которая в том числе делала мультфильм Тэдзуки Осаму про Атома). Но настоящий успех пришёл к ним после того, как в конце 60-х они придумали Дораэмона, и с тех пор ни одно их произведение не приблизилось по популярности к коту-роботу из будущего.

Дом, в котором они жили в своё время в Токио, под названием Токива-со¹, сегодня называют «местом рождения манги», потому что там в разное время жило несколько художников, заложивших основу этого жанра. Первым в этом старом доме, чудом выжившем в ковровых бомбардировках Токио, поселился юный Тэдзука Осаму, с которого всё и началось. Жизнь там нельзя было назвать удобной (в частности, там не было горячей воды, и нужно было ходить мыться в районные *сэнто*²), но, когда речь идет о творении истории, кто вообще говорит об удобствах?

Одновременно с этими молодыми мужчинами, приносящими уют в жертву творчеству и известности, творила Хасэгава Мачико — первая женщина, ставшая профессиональным мангакой. Её манга про домохозяйку Садзаэ-сан, выходявшая с 1946 по 1974 годы, была хитом продаж и заслуженно входит сегодня в золотой фонд жанра. Визуальное исполнение — почти классическое: это четырёхкадровые истории ёнкама, стоявшие у самых истоков японских комиксов. Жанр — отчётливо юмористический. То есть, разумеется, комические элементы были во многих мангах того времени, но тут они являлись главной движущей силой истории, её корнями и основой. Позже такой жанр назовут *гягу-манга* (от английского слова gag — «шутка»), но, даже когда такого слова не существовало, это не мешало читателям искренне хохотать над дурацкими ситуациями, в которые попадала Садзаэ-сан и члены её семьи.

И вот тут мы переходим к одной из самых важных особенностей этой манги: его главный герой, точнее — героиня, Садзаэ-сан —

¹ Ещё одна удивительная особенность Японии, которая не часто становится объектом внимания: у большинства домов тут есть имена. Совершенно необязательный элемент, который тоже делает неодушевлённый объект более одушевлённым, ведь имена, как правило, дают живым существам (или тем, кого *хотят сделать* более живыми, как, например, любимым игрушкам).

² Общественные купальни в Японии, где жители мылись до того, как в квартирах появились ванны комнаты с *о-фуро*.

молодая домохозяйка с сильным характером, по сути являющаяся главой своей семьи, поскольку её робкий и нерасторопный муж явно на эту роль не годится. Именно Садзаэ помогает родственникам решать их многочисленные проблемы и тянет на себе всю семью. В общем, сильная и почти независимая женщина — персонаж, каких фактически не было до этого в японской литературе.

По этой причине Садзаэ-сан можно считать предвестником такого жанра, как *сёдзё-манга* (少女漫画), то есть «манга для девочек», названного так в противоположность *сёнэн-манга* (少年漫画) — «манге для мальчиков». Сегодня эти два жанра являются одними из самых востребованных и популярных в японских комиксах. То есть, разумеется, существует и манга для подростков, и манга для взрослых, и «Библия», и мировая художественная классика, и учебники по физике и биологии, и история Японии и всего мира — всё это в виде манги, и много чего ещё, но главными жанрами всё равно продолжают оставаться *сёнэн* и *сёдзё*.

Сёнэн — это манга про приключения, путешествия и поиски сокровищ: классический набор юношеской романтической литературы. Три ключевых слова, которые считаются её основными элементами, — это *юдзё*, *дорёку*, *сёри* (дружба, старания, победа), а основной принцип этих историй понятен без дополнительных объяснений. Такие комиксы строятся на захватывающем сюжете, где события динамично сменяют друг друга, ярких запоминающихся героях, их злых и опасных антагонистах. Знаменитые сегодня во всём мире Dragonball, Naruto или One Piece — классические примеры жанра.

Сёдзё — это про школьные романы, любовь, дружбу, предательство, красивых девочек и зачастую женоподобных мальчиков. Если в сёнэн-манге ключевым оказывается действие, то тут всё строится на переживаниях и чувствах — внутреннем мире героев. Да и в визуальном плане эти жанры тоже отличаются довольно сильно: в манге для девочек более свободное деление страницы на *кома* (кадры), что как бы символизирует не чёткую последовательность событий, а скорее перетекающие друг в друга мысли без начала и конца. Кроме того, там, кажется, доведён до крайней степени классический японский приём — аномально большие глаза героев.

Первой сёдзё-мангой принято считать «Рыцаря ленточки» (*Рибон-но кису*) Тэдзуки Осаму, и вообще первое время комиксы для девочек рисовали мужчины, однако постепенно ситуация начинает меняться. Одна из родоначальниц женской сёдзё-манги Сатонака Мачико вспоминает: «Я подумала, что сама могу сделать не хуже и что вообще женщины гораздо лучше мужчин представляют, чего хотят девочки. Рисование комиксов

было также способом получить свободу и независимость... это было что-то, что я могла делать сама, и это был тот тип работы, который позволял женщинам сравняться с мужчинами».

Как можно заметить, появление сёдзё-манги значительно связано с социальной историей Японии. Если до XX столетия в традиционном японском обществе женщина оставалась тенью мужчины и существовала где-то на заднем плане (отчасти исключением была эпоха Хэйан, когда женщины по сути создали всю литературу того времени, но и там их положение в обществе было незавидным), то новое время вносит изменения и в гендерные роли. Эпоха консюмеризма повлекла за собой выход женщин на авансцену: теперь они активные участницы экономических и социальных процессов. Девушки начали рисовать мангу, девушки же становились и её главными героинями.

В 60-х годах вместе с ростом популярности манги в обществе появляется ещё один стиль рисования комиксов под названием *гэкига* («драматическое изображение»), использующий более реалистичные техники. Комиксы, которые рисовал Тэдзука Осаму в 40-х и 50-х годах, были всё-таки обращены в первую очередь к детям, поэтому и стиль рисовки был нарочито детским — с неправдоподобной геометрией и смешными формами лиц персонажей. Долгое время этого было достаточно, но времена меняются, читательская аудитория расширяется, и нужно предлагать что-то ещё.

Кроме того, нужно помнить: 60-е годы в Японии — время социальных протестов и студенческих волнений, когда страна меняется, и молодёжь не может оставаться в стороне. На фоне мятежных общественных настроений смешные персонажи в детских комиксах выглядят вызывающе неактуально, а значит — приходит время менять технику рисунка и немного перепридумывать знакомый жанр.

Новым авторам уже не хочется ограничивать себя смешными рисунками и детскими сюжетами, им интереснее показывать реальную жизнь, изображать повседневность, вводить элементы экшена и насилия — в общем, делать мангу для взрослых. Старые приёмы для этого не годятся, и поэтому нужно придумать новые: подобно тому как в 60-е и 70-е появляется «новая волна» в японском кино, те же тенденции происходят и в манге. Характерной чертой *гэкига* является реалистичность происходящего — начиная с внешности персонажей (больше никаких гигантских детских глаз) и заканчивая сюжетами, словно взятymi из боевиков и криминальных хроник.

Один из комиксов-родоначальников этого жанра — эпопея Golgo-13; начав выходить в далёком 1968 году, она продолжает издаваться до сих пор и является одной из старейших манга-серий на сегодняшний день. Главный герой — профессиональный убийца, не расстающийся с винтовкой; он мало говорит, зато метко стреляет. На протяжении более чем полувековой истории его пытались убить бессчётное число раз — от криминальных боссов до американских секретных служб, но никому он не был по зубам. Автор этой саги Сайто Такао в 2013 году, когда его спросили, будет ли он заканчивать эту историю, сказал, что не чувствует себя вправе: «После того как манга выходит так долго, она начинает принадлежать не автору, а читателям».

Сайто умер в 2021 году, но мангу про наёмного убийцу было решено продолжать — силами его ассистентов и сотрудников студии.

Изобразительные принципы гэкига со временем приобрели большую популярность среди японских художников, да и читателям полюбили не меньше. Приёмы великого Тэдзуки остаются до сих пор актуальны в жанрах сёнэн и сёдзё; но на смену им приходит жанр, ориентированный на более взрослых читателей — сэйнэн («подростки»). А то, что когда-то японцы называли словом гэкига, сегодня в мире принято называть «графическими романами»: это тот случай, когда комикс становится ближе к серьёзной литературе, чем к развлекательному чтivu.

Один из лучших примеров — самурайский эпос «Странник» (*Bagabondo*) про знаменитого мастера меча XVII века Миямото Мусаси, выходивший с 1998 по 2015 год (официально манга не закончена, и автор просто взял перерыв, но продолжение так и не выходит). Миямото Мусаси — легенда, непобедимый воин, не проигравший ни одного боя, гений фехтования, придумавший технику использования двух мечей — катаны и короткого вакидзаси, философ и автор переведённого на многие мировые языки трактата о боевых искусствах «Книга пяти колец» (*Горинно сё*). Иноуэ Такэхико, автор «Странника», был не первым, кто обратился к образу этого героя, но одним из первых, кто решил показать его путь к славе с самых юношеских лет.

Даже если бы Иноуэ выпустил одно только это произведение, он бы уже удостоился почётногo места в мире манги, но до того, как обратиться к созданию *дзидай-гэки* про самураев, он уже успел прославиться сохраняющей до сих пор культовый статус мангой про баскетбол — «Slam Dunk» (1990–1996). Благодаря этой манге тысячи японских подростков полюбили эту игру, как когда-то

в детстве ей увлёкся Иноуэ; за свой вклад в популяризацию спорта он удостоился благодарности от японской Ассоциации баскетбола, не говоря уже о многочисленных литературных премиях.

Спортивная манга в целом очень популярный жанр: тут можно встретить комиксы про футболистов, волейболистов, жокеев, борцов сумо, велогонщиков и представителей других самых разных спортивных дисциплин. Впрочем, спортом дело не ограничивается. Профессиональные манги посвящены самым разным специальностям: от врачей и поваров до барменов и музыкантов. В этом важная социальная роль японских комиксов: молодым людям, которые не определились с выбором будущей профессии, подобные комиксы помогают лучше представить, что их ждёт, или позволяют выбрать хобби по душе.

Отдельно следует упомянуть мангу, изображающую любовь во всей красоте её физических проявлений (пусть иногда и таких, что повергают в шок добропорядочных европейцев) — ту, что известна в мире под словом *хэнтай*. Поскольку японцы никогда не стеснялись изображать половые акты (о чём говорит такой жанр, как *сюнга*¹), манга в своё время открыла перед ними новые возможности — на радость читателям всех возрастов, лишь бы они были старше 18 лет. Толстые журналы с этими комиксами продаются во всех круглосуточных магазинах *комбини* рядом с носками и косметикой; нарисованные красотки с детскими личиками и аппетитными формами манят с обложек трудлюбивых одиноких японцев, которые, согласно статистике, всё реже и реже занимаются реальным сексом.

Особо любопытный поджанр этой манги известен миру как *яой* и изображает однополую любовь. Удивительная её особенность: все мужские персонажи невероятно женоподобны и внешне почти не отличаются от девушек. Существует версия о том, что это во многом связано с патриархальностью японского общества: женоподобные мальчики выступают для читательниц в роли героинь, с которыми легче себя ассоциировать, поскольку в отличие от женских персонажей они не так связаны с представлениями и стереотипами о том, как надо себя вести.

На самом деле этот непривычный для нас стандарт мужской красоты (по-японски это называется *бисёнэн* — «краси-

¹ Сюнга (春画, буквально «весенние картинки») — эротические (а зачастую и откровенно порнографические) гравюры, популярные в средневековой Японии.

вый мальчик») берёт своё начало ещё в эпоху Хэйан, когда аристократы румянили лица, выщипывали брови и становились похожими на женщин больше, чем на мужчин. Сегодня женоподобные мальчики смотрят на нас с афиш ночных клубов, журналов и книг, рекламных грузовиков, колесящих по Токио, — в общем, в этом отношении аристократическая эпоха Хэйан значительно ближе к нам, чем кажется.

Не нужно забывать и о юмористических манга, восходящих своими корнями к тем карикатурным изображениям эпохи Эдо, о которых шла речь выше. Огромное количество гягу-манга поражает японской неудержимой фантазией, сюжетами и героями, выходящими за пределы здравого смысла и воображения.

Один из самых известных героев гягу-манга — пятилетний мальчик Син-чян, который в обычной жизни живёт с мамой, папой, грудной сестрой и собакой в пригороде Токио, ходит в детский сад и пристаёт к окружающим со своими задорными и не всегда приличными шутками. Но иногда обычная жизнь летит в тартарары, появляются пришельцы из других миров, волшебный свин по имени Бури-бури-дзаэмон, и семейству Нохара приходится забывать о повседневности и изо всех сил бороться со злом. Манга «Курээн син-чян» («Kureyon Shin-chan») выходила с 1990 до 2009 год, пока её автор не погиб во время прогулки в горах.

Вообще японская манга изобилует сюжетами, описания которых могут звучать абсурдно и порой совершенно дико. В манге «Сержант Ква-ква» («Кэроро гунсо:», выходит с 1999 года) лягушкоподобные инопланетные захватчики прибывают на Землю с целью её порабощения, но что-то идёт не так: они попадают в одну семью Хината и в итоге начинают целыми днями смотреть телевизор и собирать «гандамов» (см. стр. 227). В «Бобобобо-бобобо» (2001–2007) одноимённый главный герой использует своё главное оружие — волосы в носу, чтобы сражаться с тираническим правительством Цуру Цурулины, возглавляющего Империю Лысых. Его отряды занимаются тем, что насильно бреют людей, и отважный герой со своими помощниками бросает ему вызов. В «Классе убийц» (*Ансацу кё-сицу*, 2012–2016) жёлтый осьминогоподобный Коро-сэнсэй не только преподаёт в школе математику и родной язык, но и учит ребят становиться профессиональными убийцами. Это секретный проект Министерства обороны: Коро-сэнсэй — неубиваемое и сверхбыстрое существо, которое нельзя убить из обычного оружия; но, может, это получится у его учеников?

Хонъями Козэцу, Таварая Сотацу. Антология с журавлями.
1602–1620 гг. Национальный музей Японии, Киото, Япония

Пересказывать сюжеты японской манги, которая насчитывает уже почти сто лет истории, можно до бесконечности, и это не входит в нашу задачу, иначе одна эта глава могла бы превратиться в отдельную книгу. Гораздо важнее в рамках этой главы попытаться ответить на вопрос о том, почему этот жанр оказался столь популярным в Японии, а вслед за тем и во всём мире. У этого феномена есть ряд причин, и, рассуждая о них, мы можем узнать о японцах больше, чем кажется на первый взгляд.

Начнём с того, что манга, как и любые комиксы, — это в первую очередь картинки, а с ними у японцев особые отношения, уходящие в глубь веков. Заимствованная из Китая много столетий назад иероглифическая письменность представляет собой пиктограммы и идеограммы — по сути, те же самые картинки. Таким образом, привычка воспринимать и передавать информацию не через буквенные символы, а именно через изображения предметов в Японии укоренена значительно сильнее, чем в европейской культуре¹. Обе японские слоговые азбуки — *хирагана* и *катакана* — это тоже видоизменённые иероглифы, которые, однако, в итоге стали использоваться в качестве именно букв. Таким образом, в японской системе письменности мы видим то же сочетание букв и изображений, какое существует и в комиксах.

¹ Маскоты и запоминающиеся персонажи у всего — от картофельных чипсов до городов и префектур, учебники по физике и химии в комиксах, несравнимо большее, чем на Западе, количество иллюстраций и визуализаций в научной и другой серьёзной литературе — все эти проявления культуры говорят о том, что японцы получают в повседневной жизни через картинки больше информации, чем мы.

От этого можно пойти в рассуждениях ещё дальше и вспомнить о теориях, связанных с работой мозга: традиционно считается, что за обработку букв, логически последовательной, линейной информации, отвечает левое полушарие, а за обработку зрительных, целостных изображений — правое. А значит, можно предполагать, что японцы даже при чтении обычного текста задействуют другие зоны мозга, нежели представители западной цивилизации. На эту тему есть специальные работы, и это направление исследований, в данном случае на стыке страноведения, этнологии и психофизиологии, возможно, имеет интересные научные перспективы.

Буквы и картинки, традиционно разделяемые в нашей культуре, в Японии воспринимаются зачастую как одно и то же. Обращение к классическому искусству может помочь это проиллюстрировать. Давайте вспомним ширму двух художников эпохи Эдо — Хонъами Козцу и Таварая Сотацу. Они использовали приём *гасан* — «наложение», когда стихотворный текст, записанный иероглифами, наложен поверх изображения¹. Нам это может показаться странным, однако авторы как будто говорят, что и то и другое — суть рисунки, так почему обязательно их разносить в разные части картины?

Ещё один любопытный пример — одно из писем поэта и художника Бусона своему другу, в котором он вместо того, чтобы пи-

¹ Характерно, что и в современной повседневной жизни японцев мы также можем увидеть *гасан*, достаточно включить телевизор. Обращает на себя внимание обилие субтитров, которыми подписаны все реплики в самых разных передачах: таким образом, «буквы поверх картинок» являются для японцев крайне привычным паттерном. На эту возможную культурную связь мне в беседе указали коллеги из университета Тохоку, за что я им крайне признателен: любовь японцев к субтитрам самых разных цветов и шрифтов не перестаёт меня удивлять.

сать слово «зонтик», просто рисует зонтик. По сути, Бусон использовал *экодзи* ещё задолго до того, как это стало мейнстримом. Так мы можем ответить на вопрос, почему эти значки, популярные во всём мире сегодня, появились именно в Японии: заменять буквы картинками и наоборот было здесь всегда в порядке вещей.

Ещё одна причина популярности манги связана с социальной психологией. Следует помнить, что японец очень сильно зависит от общества, которое его окружает, и неизбежно от этого устаёт. Манга дала человеку не занимающую много места возможность в любой момент уйти от реальности, не причиняя окружающим неудобства. Неслучайно именно в Японии были придуманы наушники — чтобы можно было слушать музыку в одиночестве, даже находясь в толпе.

Здесь — примерно то же самое: открывая книгу, ты легко переносишься в несуществующий мир и выпадаешь из окружающего пространства, просто пробегая глазами по строчкам. И пусть в этом сером и скучном мире ты всего лишь менеджер среднего звена / обычный школьник / продавец в круглосуточном магазине; открывая томик манги, ты вдруг попадаешь в мир, полный приключений, борешься со злом и покоряешь большеглазых и большегрудых красоток.

Одна из важных отличительных особенностей манги — чёрно-белая цветовая гамма — тоже не случайна: это сильно удешевляет печать и упрощает производство. Манга была призвана стать главным, дешёвым и доступным развлечением, зоной психологического комфорта для всех от мала до велика. Это мы можем наблюдать и сегодня: поскольку в японском обществе нет странного стереотипа, что комиксы — это литература для детей, в метро часто встречаются японцы почтенного возраста, с удовольствием листавшие книжки с картинками.

Нельзя забывать и о том, что производство дешёвого и доступного развлечения требует от создателей определённой сноровки и умений. Процесс создания манги, её путь от идей автора к глазам читателей сложен и обладает рядом особенностей, которые были бы совершенно невозможны в других литературных жанрах, ведь одну и ту же историю нужно рассказывать с определённой периодичностью, на протяжении многих лет, так чтобы она не наскучивала читателям, которые все эти годы растут и меняются.

Предположим, некий Накамура начал читать какой-нибудь комикс в пятнадцать лет; не факт, что ему в двадцать пять будет интересно читать то же самое, а таких как Накамура — многие тысячи. Поэтому мангаке нужно создавать свою историю, понимая, как

взрослеют и меняются его читатели, и меняя вместе с ними своё произведение. Но ведь автор тоже растёт, и ему неинтересно рисовать всё время одно и то же, хочется придумывать что-то новое, увеличивать масштабность истории, расширять её горизонты. Так манга взрослеет вместе с читателем и меняется со временем, что делает её куда более живой, чем традиционная литература.

Бродский говорил, что поэзия — мощный ускоритель сознания, что поэт, когда пишет первую строчку, даже не может себе представить, куда его в итоге заведёт стихотворение и какой будет последняя строка. Мангака в этом отношении — точно такой же поэт: начиная своё произведение, он не может угадать читательскую реакцию и предсказать, будет его комикс успешным и востребованным многие годы подряд, или же придётся по-быстрому закончить историю, если читателям станет скучно. То есть начало истории придумать можно, но вот дальше она будет развиваться в соответствии с законами и интересами рынка, а не с желанием автора.

Принцип выхода манги на рынок выглядит следующим образом. Существует ряд огромных, толстых и многостраничных журналов, в которых новые манги представлены в виде нескольких разворотов. Журналы выходят регулярно, и мангаки свои новые проекты отдают в печать туда, а дальше ждут реакции читательской аудитории, которая исправно голосует за понравившиеся истории. Если читателям нравится, издательство предлагает автору выпускать свой комикс в виде *танкобона* — маленькой карманной книжки, которая и является основным форматом манги. Если читателям не нравится, издательство предлагает автору потихоньку историю закруглять и работать над чем-нибудь другим.

Одним из интересных примеров того, как менялась история вместе с читательским интересом, — легендарная манга «Dragonball» от Ториямы Акиры, вышедшая на протяжении одиннадцати лет, с 1984 по 1995 год, и насчитывающая 42 тома. Начиналась эта масштабная сага с приключений маленького обезьяноподобного мальчика Сон Гоку с планеты Сайян, собирающего семь драконьих кристаллов, которые могут исполнить загаданное желание. Заканчивается она через одиннадцать лет борьбой его сына со страшным и почти неуязвимым монстром, который способен одним огненным ударом разнести всю планету на мелкие кусочки. Увеличение масштаба повествования — очень наглядно. Думал ли Торияма Акира, начиная рисовать свою историю, что она продлится одиннадцать лет, превратится в сагу и закончится именно так? Маловероятно.

Более того, к 25 тому ему уже несколько надоела история про Сон Гоку, ему хотелось рисовать что-то новое, и он решил

убить своего героя, в предисловии извинившись перед читателями и объяснив своё трагическое решение. Но тут происходит неожиданный поворот событий.

Оказывается, «Dragonball» был настолько любим читателями, что издательство забрасывают тысячами писем с просьбами вернуть любимую мангу, а продажи остальных серий стремительно падают (примерно такая же реакция у читателей была, когда Конан Дойль решил убить Шерлока Холмса).

Издательство, увидев такой поворот, обращается к Торияме и просит его поменять своё импульсивное решение и воскресить героя. Тот тяжело вздыхает, но из любви и уважения к читателям соглашается. С 25 по 42 том со злом сражается уже сын Сон Гоку, а сам он помогает в качестве мощной силы, вмешивающейся из другого измерения. Да и поиски драконьих шариков и исполнение желаний к тому времени остались где-то совсем в другой истории, совершенно непохожей на эту.

Одиннадцать лет, которые Торияма рисовал эту мангу перед тем, как вообще уйти из индустрии комиксов и заняться видеоиграми¹, — далеко не предел. Манга «Это полицейский участок Кацусика-ку, Камэари коэн-маэ» («Kochira Katsushika-ku Kameari Kōen Mae Hashutsujo») про незадачливых полисменов, охраняющих общественный порядок, выходила сорок лет, с 1976 по 2016. Манга «Вкусняшка» («Oishimbo») про разные вкусные блюда Японии, иллюстрированная наглядными рецептами, — около тридцать лет. Пираты из знаменитой сегодня манги «One Piece» начали плавание за сокровищами в 1997 году — и на сегодняшний день, спустя четверть века, преодолели лишь около половины затейного маршрута. Манга «Берсерк» про богатыря с огромным мечом и протезом в виде арбалета вместо руки выходит с 1989 года и оборвалась в 2021 году вместе со смертью автора. Таких историй в манга-индустрии в Японии множество, поскольку для многих мангак — это главное дело жизни, и можно понять их неготовность ставить точку и заканчивать произведение: часто создание манги и даёт этим пожилым художникам силы жить.

Кроме того, это, разумеется, огромная индустрия, популярные персонажи которой могут приносить своим создателям и правообладателям огромные деньги: манга часто превращается в аниме, а любимые герои становятся фигурками и мягкими игрушками, появляются на значках, брелоках, сумках, посуде и одежде;

¹ Сегодня он занимается отрисовкой персонажей знаменитой в Японии серии игр Dragon Quest.

и в итоге продажа этих товаров приносит многомиллионную прибыль, обеспечивающую художникам безбедную старость.

В целом, в силу огромной популярности манги и изобилия на рынке большого количества весьма средних художников, избитых сюжетов, насилия и эротики в разных, даже детских комиксах, этот жанр направлен на развлечение, а для этого все средства хороши. Поэтому, разумеется, не следует думать, что это сплошь и рядом великие вещи, мусора тоже хватает. Но стоит открыть любой из этих комиксов на любом развороте, чтобы увидеть значительные визуальные отличия от их европейских и американских аналогов. Не в последнюю очередь благодаря именно им японская манга обрела столько поклонников по всему миру.

И дело даже не в обратном порядке перелистывания страниц (как и любую традиционную японскую книгу, мы читаем мангу справа налево) и лаконичном черно-белом исполнении. Внимательный взгляд позволяет обнаружить и другие, гораздо более важные различия.

Во-первых, очень заметно, что мангаки в Японии значительно меньше стеснены рамками раскадровки и строгого деления страницы на последовательные картинки: тут границы между кадрами на одном развороте очень условны, а картинки перетекают друг в друга, что делает движение взгляда более плавным в сравнении с чтением американских комиксов. Создаётся впечатление, что порой важна не сама по себе история, рассказанная на развороте, а скорее те эмоции, которые мы испытываем, когда смотрим на неё¹.

Интересные цифры приводит Ф. Шодт (The World of Japanese comics, 1997), ссылаясь на издательство «Коданся»: обычный 320-

¹ Это перекликается с любопытным кросскультурным экспериментом, связанным с психологией восприятия (Masuda & Nisbett, 2003), описанным в статье Culture and Point of view. В эксперименте учёные просили американских и японских участников посмотреть короткое 20-секундное видео, где был запечатлён обычный подводный пейзаж: с водорослями, ракушками и рыбами, плавающими на первом плане. После этого они просили участников рассказать, что те видели, и по этим ответам делали суждения о том, на что было направлено их внимание. Результаты показали: американцы значительно чаще обращали внимание на рыб и не замечали фона; японцы, наоборот, вдвое чаще американцев описывали фон в разных его подробностях. Из этого учёные сделали вывод о двух видах восприятия: холистическом (когда видишь всю картину целиком) и аналитическом (когда концентрируешься на отдельных деталях). Многочисленные эксперименты позволяют констатировать, что японцам более свойственен первый вид визуального восприятия, представителям западной культуры — второй.

страничный журнал с мангой читатель может прочесть в среднем за 20 (!) минут. Это, в свою очередь, означает 16 страниц в минуту, или 3,75 секунды на одну страницу. Подобные совершенно невероятные цифры как раз объясняются тем, что повествование строится там по особым законам. Это могут быть картинки совершенно без диалогов, развороты с одним рисунком, или долгие сцены сражения, где одни и те же движения показаны с разных ракурсов и «замедлены» до нескольких страниц для достижения наибольшего психологического эффекта. Большое количество страниц и объем повествования позволяет мангаке экспериментировать и не ограничивать себя в фантазии.

Во-вторых, обращает на себя внимание большое количество звукоподражаний, записанных азбукой и встроенных в общую канву рисунка. Все японские комиксы буквально кишат звуками, зачастую непередаваемыми на другие языки. Все эти ДОКИ-ДОКИ (стук сердца), ПИКА-ПИКА (яркий свет), ХИРА-ХИРА (падающие лепестки), ПОЦУН (ломающаяся ветка), ГАТАН-ГОТОН (едет поезд), КОРО-КОРО (маленький предмет быстро катится), СУРОН (молоко добавляют в чай), САКУ-САКУ (хрустит печенье) и сотни других слов, передающих всё — от голосов животных до сердечных состояний, — вообще отличительная черта японского языка, и манга использует её в полной мере. Звучит тут абсолютно всё, и эти звуки, написанные азбукой вне облачков *фукидаси* с репликами персонажей, как будто создают отдельную аудиодорожку, которую могут слышать лишь носители японского языка. В качестве важного дополнения нужно сказать только одно: в японском языке есть даже звук СИИИИИИИ — это когда вообще никакого звука нет.

Сегодня манга превратилась в огромную и крайне прибыльную индустрию, в которую вовлечено большое число людей. Хотя в качестве автора той или иной манги фигурирует, как правило, кто-то один¹, на самом деле за созданием произведения стоит труд огромного коллектива — одному человеку с таким колоссальным объёмом работы просто не справиться. Так, автор «One Piece» Ода Эйичиро создаёт лишь черновые наброски, обозначая раскадровку и положение персонажей, и прорисовывает главных героев. Всех второстепенных персонажей, пейзажи, фон создают уже его ассистенты.

Это и неудивительно: если комикс выходит в еженедельном журнале, автор должен выдавать 19 страниц согласованного с редакцией и прорисованного сюжета в неделю, а если в ежемесячном —

¹ Одним из известных исключений является тандем авторов «Тетради смерти» («Death Note») — Оба Цугуми и Обата Такэси.

около 40 страниц каждый месяц. Читательский интерес нельзя недооценивать, Опе рёсе занимает первое место среди японской манги по количеству проданных танкобонов, по данным за июль 2021 года, в мире было продано более 490 миллионов томов.

Однако, говоря о японской культуре XX столетия, не следует ограничиваться одними лишь комиксами, поскольку кинематограф и анимация оказали не меньшее культурное влияние на весь мир. А начинать рассказ об истории японского кино следует с театра кабуки и с того момента, как театральное представление решили вдруг записать на камеру.

Великому Ичикаве Дандзюро IX было около шестидесяти лет, когда в 1899 году ему предложили принять участие в необычном и весьма новаторском проекте: сыграть знаменитую пьесу «Момидзигари» перед объективом кинокамеры, которая позволила бы сохранить представление на века и показывать его потомкам даже спустя много десятилетий. Никто в то время толком не понимал особенностей кинопроизводства; когда пожилой актёр уронил веер, никому в голову не пришло переснять эту сцену, и этот казус остался в веках. «Момидзигари», хотя и является по сути записью театральной постановки, считается сегодня первым фильмом в истории японского кино, с которого и начинается его развитие.

Первые японские фильмы, разумеется, были немymi, и это едва ли кого-то удивит; интереснее то, что переход к звуковым фильмам происходил очень неохотно и гораздо медленнее, чем в Европе, — по причине такого японского нововведения, как *бэнси*.

Как известно, в странах Европы и в Америке немые фильмы сопровождались фортепианной музыкой в исполнении тапёра. Чарли Чаплин и Бастер Китон развлекали публику под бодрые клавишные звуки. В Японии же не было ни фортепиано,

Ичикава Дандзюро IX
(1838–1903). Национальная
парламентская библиотека,
Япония

ни вообще какого бы то ни было музыкального аккомпанемент, вместо них были эти самые бэнси — рассказчики, комментировавшие и объяснявшие зрителям происходящее на экране в своём ярком и неповторимом стиле.

Эта традиция тесно связана с театральным исполнительским жанром *ракуго*, когда один человек, сидя на сцене, и рассказывал историю, и озвучивал в ней разных персонажей. Теперь зрители могли не только смотреть и слушать рассказ, но и наблюдать занимательный видеоряд, но всё равно рассказчики им были зачастую куда интереснее, чем происходящее на экране. Бэнси становились самыми настоящими звёздами: их мнение учитывалось при съёмках фильма, а люди часто шли в кино для того, чтобы послушать любимого рассказчика.

Одним из самых известных режиссеров начала XX столетия в Японии был Макино Сёдзо, снявший за свою карьеру больше трёхсот (!) короткометражных фильмов. В основном он работал в любимом всеми японцами жанре дзидай-гэки — исторических фильмов — и обращался к знаменитым японским преданиям и сюжетам, включая рассказы про ниндзя или историю про месть 47 ронинов. Благодаря фильмам Макино прославился Оноэ Мацуносукэ, начинавший бродячим актёром в труппе кабуки, а в итоге ставший первой настоящей суперзвездой японского кино. Он снялся в сотнях короткометражных фильмов и был любим как детьми, так и взрослыми за свою запоминающуюся внешность и большие выпученные глаза. В общем, молодая японская киноиндустрия активно развивается и довольно быстро становится модной и популярной, привлекая людей в кинозалы, а деньги — в кошельки кинопроизводителей.

Любопытная деталь: в 20-е годы Япония выпускает ежегодно около 700 фильмов, это больше, чем во всём остальном мире. Появляются крупные кинокомпании, такие как «Сёчику» (которая изначально владела театром кабуки, а потом перепрофилировалась в масштабную кинокорпорацию) и «Никкацу» (славу которой принёс как раз Макино Сёдзо); вместе эти два киногогиганта владели в то время более чем двумя третями всех кинотеатров страны и крутили в них наряду с голливудскими фильмами (которые, к слову сказать, далеко не всегда были японцам понятны в силу культурных различий) снятые ими самими. А «Сёчику» и вовсе шокировал зрителей, введя в кинематограф актрис: до этого на протяжении долгого вре-

мени, в силу значительного влияния театра кабуки, в кино играли только мужчины, просто некоторые были *оннагата* — то есть играли женские роли.

Первый японский звуковой фильм выходит на экраны в 1931 году, он назывался «Жёны соседская и моя», а снял его Госё Хэйносукэ, один из великих японских режиссёров, удостоившийся за свои заслуги ордена Восходящего солнца, крупнейшей императорской награды Японии. Сын гейши и торговца табаком, он сперва работал в «Сёчику» ассистентом режиссёра (из-за чего отец, разгневавшись на недостойное занятие сына, лишил его прав наследования табачного бизнеса), а затем получил возможность создавать свои собственные произведения. Госё считается одним из родоначальников жанра *сёмин-гэки* — фильмов про жизнь и быт простых людей; так японский кинематограф постепенно начинает отходить от самурайских баталий и обращается к повседневной жизни современников. Человеческие драмы и страсти, запечатлённые в знакомых декорациях, привычные и узнаваемые персонажи и истории оказались любимы зрителями не меньше, чем истории из героического прошлого их страны.

Один из самых великих *сёмин-гэки* в истории японского кинематографа — фильм «Токийская повесть» («Токуо Моногатари», реж. Одзу Ясудзиро), снятый в 1953 году. Совершенно заслуженно этот фильм привлёк внимание европейских кинокритиков и сегодня входит в различные версии списка самых лучших фильмов всех времён и народов.

В нём рассказана история двоих пожилых родителей, которые приезжают из далёкой деревни в столицу навестить своих взрослых детей и узнать, как те живут. Однако у детей свои семьи и свои проблемы, приезд родителей с трудом вписывается в их ритм столичной жизни, хотя, разумеется, они об этом сказать не могут и поэтому вынуждены нейтрально-вежливо принимать этот визит, которому не слишком рады. Старики это, конечно, чувствуют, но никаких претензий не высказывают, так как грустно понимают: у детей своя жизнь, и той тесной связи, которая была между ними раньше, уже нет и никогда больше не будет. Это жизнь, и это неизбежно. Действие происходит в Токио, старики-родители чувствуют себя чужими в этом огромном городе и трогательно поддерживают друг друга. Смотреть на это без сердечного волнения тяжело.

Кадр из фильма «Токийская повесть», реж. Одзу Ясудзиро. 1953 г.

Это совершенно классическая японская картина — в том смысле, что все очень вежливы, учтивы, улыбаются и кланяются. Никто не ругается, никто не кричит, и внешне не происходит вообще никакого конфликта. Но этот внутренний конфликт — трагедию ломающегося старого мира, обрванных семейных связей — не скрыть ни за какими поклонами и вежливыми улыбками: он читается в учтивых фразах, он звучит в шаблонных диалогах, он виден

в медленных печальных движениях двух пожилых людей, растерянно принимающих новую реальность.

Жизнь Одзу была непроста и далека от идеальных стандартов счастья. Он участвовал во Второй мировой войне, провёл полгода в британском плену, до своей смерти так и не был женат — жил в доме матери, любил играть в карты и выпивать с друзьями, часто посещал весёлые кварталы, проводя вечера с проститутками. Такая не самая правильная с точки зрения общественной морали жизнь сочеталась в нём с удивительной работоспособностью (Одзу снял более пятидесяти фильмов) и мастерством. В своих фильмах он использовал новаторские изобразительные и технические приёмы, которые стали частью его узнаваемого режиссёрского стиля.

Одним из таких приёмов является особый ракурс съёмки, когда мы видим происходящее на экране глядя снизу вверх, как будто сидим на циновке. Собственно говоря, это и было связано как раз с традиционным сидением на полу в японском доме. Кроме того, камера часто оказывается неподвижной, что создаёт эффект присутствия зрителя в той же комнате, где находятся герои фильма. Происходящее на экране зачастую очень лаконично: вместо важных церемоний и событий Одзу предпочитает показывать простые и механические действия, но они в его фильмах оказываются наделены каким-то особым важным смыслом. Так, в фильме «Поздняя весна» (1949) пожилой профессор на протяжении пяти минут медленно чистит яблоко, но это выглядит так захватывающе и значительно, что оторваться невозможно.

Современником Одзу был ещё один великий режиссер и классик японского кино — Мидзогучи Кэндзи (1898–1956). Наибо-

лее известными его произведениями являются «Сказки туманной луны после дождя» (1953) и «Управляющий Сансё» (1954), снятые по классическим произведениям эпохи Эдо и принёвшие режиссеру двух Серебряных львов на Венецианском кинофестивале. Европейские зрители и кинокритики в начале 50-х годов оказались сражены наповал эстетикой японского средневековья с экзотическими нарядами и причёсками, самурайской жестокостью и лаконичными выразительными средствами, показывающими этот незнакомый мир.

Впрочем, сам Мидзогучи называл своим любимым фильмом не эти полюбившиеся западному зрителю картины, а «Женщину Сайкаку» (1952) — медленную и печальную историю жизни девушки из знатной семьи, которая в результате череды случайных и трагичных происшествий становится куртизанкой. Это не единственное обращение режиссера к *карюкай* — «миру ив и цветов», этим эвфемизмом японцы называли гейш и куртизанок. Во многих других своих фильмах («Гионские сёстры» 1936, «Музыка Гиона» 1953, «Район красных фонарей» 1956) Мидзогучи делает этих девушек главными героинями, показывает окружающую реальность их глазами, заставляет зрителя под другим углом увидеть эту древнюю профессию.

Однако в отличие от гравюр Хиросигэ и Утамаро, где эти красавицы были изображены счастливыми и воздушными, в роскошных нарядах и в объятиях любовников, Мидзогучи в чёрно-белых тонах классического нуара показывает неприглядную жизнь кварталов красных фонарей, поломанные жизни куртизанок, обманутые надежды гейш — невидимую людям жестокую сторону мира ив и цветов.

Это во многом связано с его личными переживаниями. В детстве его семья, оказавшись без денег, отдала его старшую сестру в чужую семью, а новые приёмные родители позже продали её в гейши. Это, по-видимому, оставило большой след в сердце маленького Мидзогучи, и тема женских страданий в жестоком и равнодушном мире проходит красной нитью через большинство его произведений.

Его излюбленным режиссёрским приёмом являются длинные кадры без единой монтажной склейки — когда камера плавно перемещается, вовлекая зрителя в свой полёт; их сравнивают со свитками эмакимоно, которые столь же плавно и постепенно разворачиваются, показывая сцену за сценой. Хотя Мидзогучи был очень продуктивен и снимал некоторые фильмы за несколько недель, к сожалению, из тех 75 картин, кото-

рые он сделал за свою жизнь, до нас дошли далеко не все. Умер он в пятьдесят восемь лет от лейкемии, в процессе работы над очередным фильмом.

Ясудзиро Одзу и Кэндзи Мидзогути — два классика японского кино, предопределившие важные тенденции его развития и хорошо известные сегодня на Западе. Но 50-е годы не зря называют «золотым веком» японского кино: многие их современники, возможно, не так известны в мире, но отнюдь не менее талантливы.

Один из таких режиссёров, оставшихся «в тени» гигантов, — Кавасима Юдзо, выпустивший в 1957 году вызывающе странную и неожиданную комедию «Легенда о солнце в последние дни сёгуната» о весёлом и находчивом пройдохе, вынужденном работать в публичном доме в Синагаве, чтобы погасить свой долг этому месту. На фоне жизни обитателей борделя показаны гораздо более важные исторические события: дело происходит в 1862 году за несколько лет до того, как произойдет реставрация Мэйдзи и самурайский режим канет в небытие.

Эта была не первая картина тридцатидевятилетнего режиссёра, но именно она получила наибольший зрительский успех, что позволило Кавасиме экспериментировать дальше. Он пробовал себя в разных жанрах — от сатирической комедии про злоключения семьи отставного военного («Эlegantное животное», 1962) до мрачной драмы про продажного священника и его любовь к красивой наложнице («Храм диких гусей», 1962), и можно только представить, как мог бы развиваться его талант и какие фильмы могли бы быть сняты. Но в 1963 году, в сорок пять лет, Кавасима умирает от редкой болезни — лёгочного сердца, — оставив после себя около пятидесяти фильмов, снятых им за девятнадцать лет творчества.

Первая встреча европейского зрителя с японским кинематографом произошла в 1951 году на кинофестивале в Венеции. Тогда зрители и критики широко открытыми от удивления глазами наблюдали за странным детективом, где монах и дровосек рассказывали историю убийства самурая и изнасилования его жены совершенно по-разному, и невозможно было понять, кто из них прав. Поражали их и декорации — густая чаща, развалины древних ворот, и внешний вид героев — странные причёски самураев, удивительные наряды женщин и мужчин, и минимализм выразительных средств, и операторские приёмы со светом и тенью. Такого европейские зрители прежде никогда не видели — и «Золотой лев» в 1951 году впервые в своей истории поки-

Кадр из фильма «Расёмон», реж. Куросава Акира. 1950 г.

нул пределы Европы и отправился в Японию. Этим сломавшим стереотипы фильмом был «Расёмон» Куросавы Акиры, снятый им по мотивам рассказа Акутагавы Рюноскэ «В чаше».

Куросаве суждено было стать одним из самых прославленных японских режиссеров в мире, удостоиться многих наград, включая «Оскар», и уважения и дружбы многих мастеров, включая Лукаса, Феллини и Тарковского. В тот момент ему было сорок, но свои самые известные картины он ещё пока даже не снял.

Начало 50-х годов было поистине золотым временем японского кино, когда были созданы его главные шедевры. В 1951 году Куросава снимает «Идиота», отдав дань столь любимому японцами Достоевскому, а ещё через три года — «Семь самураев», один из самых известных дзидай-гэки в истории кино. В этом произведении, породившем множество ремейков (в частности, знаменитую американскую «Великолепную семёрку», 1960), действие происходит в XVI веке, в эпоху междоусобных войн *Сэнгоку дзидай*, а сюжет построен на том, что крестьяне, отчаявшись от разбойных налётов и грабежей, нанимают семерых самураев для защиты своей деревни и своего урожая.

Фильм длится около трёх часов и, как и многие другие фильмы Куросавы, поделён на две части. Хлюпающая грязь под ногами лошадей, проткнутые мечами люди, хаос сражения — в «Семи

Мифунэ Тосиро (1920–1997)

самураях» с хладнокровным реализмом показана повседневная жестокость средневековой Японии. Но многим зрителям фильм запомнился ещё и благодаря бордатовому статному Кикучиё, убившему последнего злодея перед тем, как умереть самому. Так восходит звезда главного красавца японского кинематографа — Мифунэ Тосиро.

Мифунэ (1920–1997) родился в семье японцев в оккупированном японцами Китае, после службы в армии и демобилизации служил помощником оператора в компании «Тохо», где на него и обратил внимание Куросава, когда искал актёра на роль

якудзы в фильме «Пьяный ангел». Для обоих эта картина стала началом восхождения к мировой славе, и она же положила начало дружбе и сотрудничеству, которое продлилось много лет и подарило миру немало выдающихся фильмов.

Куросава говорил про своего друга так:

«Мир японского кино ещё не видел такого таланта, как Мифунэ. Прежде всего поражала скорость, с которой он был способен выразить суть образа. Если обычному актёру требовалось десять футов пленки, чтобы достичь выразительности, то Мифунэ требовалось всего три. Он двигался так быстро, что исполнял нужное действие за одно движение, тогда как обычно актёру потребовались бы все три».

Мифунэ сыграл у него самурая-самозванца в «Семи самураях» (1954), Рогожина в экранизации «Идиота» (1951), обезумевшего даймё в «Троне в крови» (1957), владельца обувной фабрики в детективном триллере «Рай и Ад» (1963) и ещё немало самых разных ролей, — но любой из шестнадцати фильмов их сотрудничества можно смело включать, если хочется вечером посмотреть хорошее кино. Последней их совместной работой стал фильм «Красная борода» (1965), снятый по мотивам романа Достоевского «Униженные и оскорблённые». Там Ми-

фунэ сыграл сурового бородатого врача в маленькой провинциальной больнице; и после этой роли он у Куросавы больше никогда не снимался.

Причиной резкого окончания плодотворного сотрудничества стали, как это принято говорить, творческие разногласия (усугубившиеся ещё и обидой Мифунэ на то, что для роли Красной Бороды он целых два года отращивал бороду и потому не мог сниматься ни в каких других фильмах, теряя деньги). В целом ему больше нравилось играть бесстрашных самураев, именно этот образ он стал впоследствии эксплуатировать и на Западе, например, в фильме «Красное солнце» (1971), где он сыграл вместе с Чарльзом Бронсоном и Аленом Делоном, или в сериале «Сёгун» (1980)¹. Куросава же несколько устал от дзидай-гэки и хотел снимать другое кино; посмотрев «Сёгуна», он отозвался о нём весьма скептически.

Сам режиссёр, впрочем, тоже обратил тогда свой взор к Голливуду и предложил американцам два сценария, но оба оказались забракованы и отвергнуты². Вернувшись в Японию после безуспешных попыток работы за границей, он снял там свой первый цветной фильм «Под стук трамвайных колёс» («Додэ-скадэн», 1970) про обитателей токийских трущоб, — но тот неожиданно для него провалился в прокате. После этого Куросава впал в депрессию и даже предпринял попытку самоубийства, будучи в отчаянии от творческого бессилия и уверенности, что больше не сумеет снять ничего хорошего.

Однако жизнь вскоре подкинула ему сюрприз: в начале 70-х годов он получает предложение от кинокомпании «Мосфильм» о создании совместного советско-японского фильма по мотивам повестей русского путешественника В.К. Арсеньева про его дружбу с таёжным охотником по имени Дерсу Узала. Долгая работа в тайге с советскими актёрами возвращает режиссёра к жизни и приводит к созданию его первого и единственного фильма не на японском языке («Дерсу Узала», 1975), получившего «Оскар» как лучший иностранный фильм 1976 года.

¹ По словам его дочери, ему даже предлагали роль Оби Ван Кеноби в 4-м эпизоде «Звездных войн» (1977), но он отказался, опасаясь, что участие в этом эксцентричном проекте уронит образ непоколебимого самурая, которым он так дорожил.

² В итоге фильмы по этим сценариям были сняты без участия Куросавы и в сильно переделанном виде: «Поезд-беглец» снял в 1985 году Андрей Кончаловский, а «Тора! Тора! Тора!» про атаку японцев на Пёрл-Харбор — Ричард Флейшер и Киндзи Фукасаку в 1970 году.

До своей смерти Куросава снял ещё пять фильмов, включая масштабную самурайскую сагу по мотивам «Короля Лира» («Ран», 1985) и философский набор короткометражек под названием «Сны» (там мальчик видит свадьбу лис, показана авария АЭС около Фудзи, а Мартин Скорсезе играет Ван Гога) — в 1990 году. «Сны» были задуманы режиссером как его итоговая работа, но смерть пришла к нему позже, чем он думал. После «Снов» он успел снять ещё два фильма.

А со своим старинным товарищем Мифунэ они в итоге встретились — за несколько лет до смерти режиссера, и произошло это скорее случайно, на похоронах их общего друга и коллеги Хонды Исиро. В тот день в начале марта 1993 года два старика — восьмидесятидвухлетний Куросава и семидесятидвухлетний Мифунэ — расплакались и крепко обнялись, вероятно, ощущая, что это их последняя встреча. Так оно и было. Мифунэ скончался в 1997 году, Куросава — на следующий год после него.

И хотя большинству читателей имя человека, помирившего после своей смерти двух легенд японского кино, может показаться не обязательным, на самом деле этот человек, безусловно заслуживает того, чтобы его знали. Хонда Исиро — режиссер целого ряда странных фильмов: про нашествие инопланетян, грибы-убийцы и прочее трэшовое безумие. Но славу ему принесли не они, а фильмы про гигантского ящера, столетиями дремавшего на дне океана, а затем восставшего, чтобы уничтожить Японию, — знаменитую во всём мире Годзиллу.

Слово *Gozilla* является англоязычной интерпретацией японского слова *Gojira*, и в самом названии содержатся указания на двух животных, гибридом которых является этот монстр: *гори-ра* (горилла) и *кудзира* (кит). Впервые огромное океанское чудовище появилось на экранах в 1954 году и с тех пор получило мировую известность, став героем более чем тридцати фильмов и сериалов. Компания «Тохо», запуская этот проект в спешке и с минимальным бюджетом, не могла даже надеяться на такой нечеловеческий триумф: великий образ, ставший одной из эмблем современной Японии в массовом сознании, появился на свет случайно как реакция на злободневные события того времени.

Принято считать, что Годзилла была навеяна атомными бомбами, сброшенными на Хиросиму и Нагасаки в 1945 году, словно кинометафора невообразимой и гигантской опасности, которую невозможно даже осознать и представить себе, не то, что противо-

Кадр из фильма
«Годзилла»,
реж. Хонда
Исиро. 1954 г.

стоять ей; она просто появляется из ниоткуда и разрушает до основания привычную жизнь. Это отчасти правда, но надлежит помнить, что фильм и эти трагичные события отстоят друг от друга почти на десятилетие. На самом деле в 1954 году происходит ещё одно событие, которое и заставило японцев вспомнить весь этот ужас: инцидент с рыболовецким судном «Фукурю мару» («Счастливого дракона»), которое случайно оказалось тогда в районе испытаний американской водородной бомбы на атолле Бикини.

Рыбаки, которых после яркой вспышки в небе покрыло радиоактивным пеплом (разумеется, они не понимали, что это, и один из них даже лизнул эту странную пыль, чтобы проверить на вкус), вернулись домой с симптомами лучевой болезни: тошнота, головокружение и невыносимая резь в глазах. Власти США в ответ на официальный запрос со стороны Японии предпочли откупиться деньгами, предоставив значительную финансовую помощь семьям пострадавших и компенсацию правительству страны, но отказались разглашать химический состав вещества. Их можно понять: в холодную войну подобную информацию лучше хранить в секрете.

Эти события не только вызвали антиядерное движение в Японии, но и вдохновили компанию «Тохо» на создание злободнев-

ного фильма в надежде окупить провал их предыдущей картины. Продюсер Томоюки Танака вспомнил врезавшуюся ему в память обугленную и облезшую, похожую на чешую кожу пострадавших моряков: так у него в голове появился образ ящерицы. Он срочно связался с Хондой — мастером по фильмам со странными тварями, изложил идею и велел немедленно приступать к работе. Работа и правда была стремительной. События с «Фукуру мару» случились в марте, а фильм «Годзилла» выходит осенью того же года, и начинается он с плавания рыболовной шхуны, которая и обнаруживает этого глубоководного ящера.

С тех пор было множество продолжений и ремейков, сама Годзилла со временем менялась в размерах и меняла способности, даже сами жанры этих фильмов претерпевали изменения. Фильмы про этого ящера принято делить на три этапа — в соответствии с периодизацией японской истории: Сёва, Хэйсэй и Миллениум. За свою историю Годзилла вырастает на несколько десятков метров и увеличивается в весе на 10 тысяч тонн. Меняются очертания её головы, форма глаз и шипов, появляются и исчезают различные сверхспособности. И это только в самых первых фильмах вся ярость огромного ящера направлена против людей, затем его врагами становятся такие же огромные и мощные создания.

Дело в том, что со временем неудержимая японская фантазия стала концентрироваться уже не на пацифистском и антиядерном посыле, а скорее на придумывании самых разных огромных монструозных тварей, в чём и преуспела. «Годзилла» положила начало такому эксцентричному, странному и недооценённому миром жанру, как *кайдзю* — фильмы про огромных разрушительных существ. Нельзя утверждать, что этот жанр уникально японский: у истоков кайдзю-фильмов всё же стоит фигура огромной человекоподобной обезьяны по имени Кинг-Конг, первый фильм про которого вышел в США в 1933 году; но японцам эта идея приходится по душе, и их фантазия порождает самых разных гигантских созданий. В некоторых фильмах появляется и сам Кинг-Конг — будто в качестве приглашённой заморской звезды.

Многих из них придумал сам Хонда, других создали его последователи. Их список огромен, и достаточно даже краткого описания этих существ, чтобы очертить масштабы этого невообразимого жанра. Там и огромная черепаха Гамэра, умеющая летать и дышать огнём, и гигантская моль Мотра, опутывающая струями шёлка здания в кокон, и могучий птерозавр Ра-

дон, уничтожающий города воздушной струёй от размаха крыльев, и рептилия-киборг Гиган с крюками вместо рук (один из самых суровых врагов Годзиллы), и летающий динозавр по имени Баран, и трёхголовый космический дракон Кинг-Гидра, извергающий молнии, и Меха-Годзилла — гигантский киборг, созданный по образу и подобию Годзиллы, и грязевой монстр Хэдора, питающийся отходами, и странный Кинг Сизар, похожий не то на собаку, не то на льва, с большими ушами, хвостом и золотистой чешуёй, и даже гигантский богомол Камакирасу, — причём это далеко не полный список всех творений кайдзю-индустрии. Все эти монстры воюют с инопланетянами и с жителями Земли, сражаются и с друг с другом, и друг против друга в самых разных сочетаниях: названия типа «Годзилла против Хэдоры» (1971), «Гамэра против Барагона» (1966), «Годзилла против Меха-Годзиллы» (1993) и десятки подобных позволяют проводить аналогию с чемпионатом, в котором разные кайдзю регулярно выясняют, кто же из них сильнее. При этом в какой-то момент эти образы перестают быть пугающими и становятся скорее смешными.

Если Годзилла 50-х годов — это тревожный и мрачный нуар в чёрно-белых тонах, то в 60-х эта история вместе с цветной киноплёнкой приобретает всё более отчетливые комедийные черты. Теперь мы видим не страшных монстров, а актёров, надевших ростовые куклы этих монстров и забавно дерущихся в них; ничего, кроме улыбки и смеха, это вызывать не может. Собственно, по этой причине фильмы вызывают непонимание у многих западных зрителей: ощущение того, что ты видишь не Годзиллу, а просто человека в костюме Годзиллы, немного мешает искренне погрузиться в происходящее на экране.

У многих, кто впервые смотрит фильмы про кайдзю, вероятно, первой реакцией будет отнестись к ним полуиронично, полублагосклонно, удивиться тому, какие эти японцы всё-таки сумасшедшие, и обратиться к убедительной классике типа Куросавы. Но есть несколько причин, по которым имеет смысл не отмахиваться от этих фильмов, а, напротив, увидеть в этом проявление японского национального гения, вырастающее из традиционной культуры этой страны и неразрывно связанное с её современной историей.

Актёры в ростовых куклах ящеров могут развеселить западного зрителя, избалованного компьютерной графикой и не привыкшего видеть изнанку фильма. Но мы, посмотрев более внимательно, можем увидеть в этом тесную связь этого жанра

с традиционным японским театром, в особенности — с кукольным театром *бунраку*. Как известно, там зрители прекрасно видят кукловодов, но это совершенно не мешает им наслаждаться кукольным представлением. В театре *но* по ходу пьесы появляются работники сцены в чёрном, убирающие реквизит, а иногда и поправляющие актёрам маски, но они остаются вне зрительского внимания, поскольку никому не интересны. В фильмах про Годзиллу и сотоварищей работает тот же принцип: в движениях ящеров мы можем увидеть реальных людей, но японские зрители так настраивают своё зрение, что могут их не замечать.

Во-вторых, необходимо учитывать важный аспект этого жанра в его развитии: большинство этих фильмов было сделано не для взрослых, а для детей. В Советском Союзе экранизировали народные сказки и погружали детей в выдуманную реальность с лешими, царевичами и тридевятью царствами. В Японии детские сказки, как ни странно, редко привлекали внимание режиссёров, зато вместо них тут в изобилии были огромные монстры, киборги и мутанты.

Дело в том, что после двух бурных и продуктивных десятилетий японской киноиндустрии, когда были созданы её главные шедевры, в конце 60-х годов она приходит в упадок в связи с технологическим развитием и появлением на японском рынке телевизоров. Наличие экрана в каждом доме и возможность собираться у него по вечерам всей семьёй меняют привычки японцев и вместе с тем ставят киностудии в очень сложное положение. Люди перестают ходить в кино, предпочитая проводить время перед экраном дома. У киностудий стремительно становится меньше денег, режиссёры теряют работу¹, и нужно как-то возвращать зрителей в кинотеатры. Но как?

И тут стало понятно, что можно сделать ставку на детей: очевидно, родители не смогут отказать ребёнку, мечтающему пойти в кино, и пойдут с ним вместе. Так все усилия японской киноиндустрии оказались брошены на производство детских фильмов.

¹ Интересным последствием этой тенденции стал уход большого числа талантливых режиссёров в ещё одну вечно востребованную нишу — производство эротических фильмов. Благодаря этому появился и расцвел жанр *пинку эйга* — «розовые фильмы», которые сняты с несвойственными таким фильмам сложными художественными приёмами, хорошей музыкой, сюжетными поворотами и эстетикой: японские режиссеры проявляли все свои творческие желания там, где им было позволено это делать.

Очевидно, что детям не так интересно смотреть драмы про сложные человеческие судьбы — их даже не брали в расчёт. Даже кино про самураев может поначалу вызвать интерес, но через какое-то время после начала двух- или трёхчасового чёрно-белого фильма слишком юный зритель, вполне возможно, начнет зевать и утерять нить повествования. Но совершенно точно: ни один ребёнок не устоит перед возможностью увидеть на большом экране схватку двух огромных монстров. И чем комичнее эти монстры будут выглядеть и сражаться, тем лучше.

Фильмы про кайдзю составляют часть целого направления в японской киноиндустрии под названием *токусацу* — «особые съёмки», что подразумевает использование большого количества спецэффектов. Все эти фильмы странно смотрятся сегодня вне того исторического контекста, в котором были созданы, но в 70-е годы они были очень любимы японскими детьми, которые уже давно выросли и сейчас управляют страной и её крупнейшими компаниями.

К токусацу также относится серия фильмов про Ультрамэнов («Ultraman») — гуманоидов в серебряно-красных костюмах; её создателем был Цубурая Эйдзи, один из соавторов первой «Годзиллы». Ультрамэны — технологически развитая цивилизация антропоморфных существ со сверхспособностями: они умеют летать и стрелять огненными лучами из рук. Появившись впервые на экранах во второй половине 60-х, они завоевали детские сердца, воплотившись в огромном количестве игрушек и миллиардах иен, заработанных их создателями за десятилетия творческой работы.

Ещё один культовый токусацу-сериал 70-х годов — «Наездник в маске» («Kamen Rider»), созданный Исиномори Сётаро, ещё одним обитателем культового манга-дома Токива-со. Этот наездник выглядит очень странно, в первую очередь из-за своего костюма и шлема с огромными глазами, придающими ему сходство с кузнечиком. В сериале он ездит на мотоцикле и сражается со злодейской нацистской организацией «Шокер». Со временем этих насекомоподобных наездников становится двое, а фильмы про их подвиги продолжают выходить с 70-х годов по наше время.

Но индустрия кино для детей не ограничивается фильмами про огромных монстров и сериалами про киборгов. Раз уж мы заговорили о детском кино в Японии, следует вернуться немного назад, к тому самому золотому времени, в 50-е годы прошлого века. Тэдзука Осаму тогда вовсе создает одну за одной

свои великие манга-вселенные, — а в это время кинокомпания «Тоёи» решает попробовать себя в мультипликации и выпускает в 1958 году первый цветной полнометражный мультфильм «Легенда о белой змее» («Хакудзядэн») по мотивам старинной китайской сказки. Над ним работали около 14 тысяч человек около восьми месяцев, но результат того стоил: мультфильм получил восторженные отзывы и даже был показан в США.

В следующей своей работе они обратились к японской истории и выпустили аниме «Сёнэн Сарутоби Сасукэ» (1959), историю про мальчика-ниндзя Сарутоби Сасукэ — известного персонажа из японского средневекового фольклора. Там была использована классическая «диснеевская» формула успеха: милый персонаж, много животных и победа добра над злом. В Америке мультфильм вышел под названием «Magic Boy» — прокатчики решили уйти от никому не известного японского имени, а главного героя и вовсе представили как самурая, чтоб зрителям, не отягощённым знанием японской истории, было понятнее. Но даже несмотря на то, что оригинальный замысел остался не понят за рубежом, это всё равно можно справедливо считать победой японской анимации и её выходом на мировой рынок.

В начале 60-х годов Тэдзука Осаму решает составить конкуренцию огромному киномагнату и создает свою собственную студию — «Mushi Production»¹, в рамках которой начинает работу над созданием анимированных версий своих комиксов. Так, в 1963 году выходит мультфильм про могучего робота Атома, в 1965 году — «Император джунглей» (по мотивам которого «Дисней» в 1998 году выпускает «Короля Льва», даже не указав автора изначальной идеи), а потом и остальные его манги постепенно превращаются в аниме.

Подобная практика оказалась тепло принята зрителями и стала очень востребованной: с тех пор самые популярные серии комиксов стали получать анимированные экранизации. Несмотря на то что манга как жанр значительно старше аниме, яркие и динамичные мультфильмы со временем завоёвывают всё большую популярность и постепенно приобретают независимость от первоисточника. Так появляются аниме-сериалы, созданные уже не

¹ Слово *муси* (虫) по-японски означает «насекомое», и это второй иероглиф фамилии Осаму. По этой причине на страницах его комиксов так часто встречаются бабочки, жуки, пауки и другие представители мира насекомых: можно считать это своеобразным автографом Тэдзуки Осаму.

по комиксам, а сами по себе: индустрия, почувствовав интерес и распробовав прибыль, работает бесперебойно, продолжая выпускать всё новые истории для своих поклонников.

Поскольку японцы издавна славятся своей предрасположенностью к массовым увлечениям, эти семена падают на крайне благодатную почву. И хотя знаменитое сегодня во всём мире слово *отаку* впервые стало использоваться по отношению к ярым поклонникам манги и аниме лишь в начале 80-х годов, сам этот класс сформировался в среде молодых японцев ещё в 70-е годы. У этого феномена есть и социологическое объяснение: в то время Япония уже прошла период болезненного и сурового восстановления экономики, идёт очевидный экономический рост, и молодые люди могут больше не думать о подъёме страны с колен, а наслаждаться происходящим. Но существующая вокруг довольно скучная реальность с призывами старшего поколения работать изо всех сил удовольствия не приносит, и, подобно тому как их родители в 50-х вздохнули от мангу, новое поколение японцев тоже начинает уходить от реальности, просто теперь с развитием технологий к комиксам добавляются мультфильмы.

Разумеется, в аниме никто не стремится достоверно изображать повседневную жизнь, как это делали кинорежиссёры в жанре сёмин-гэки. Трагедии реальных людей интересуют исключительно взрослых людей, детям же хочется погружаться в другие миры и вселенные, уноситься в своей фантазии куда-то совсем далеко и смотреть на то, что никогда в жизни просто так не увидишь. Совершенно не случайно, согласно проведённому в начале нашего столетия опросу, в списке аниме, подтолкнувших людей к тому, чтобы стать отаку, почётное первое место занимает сага про боевых человекоподобных роботов *Гандам* – родоначальник такого влиятельного направления японской современной культуры, как «меха» (от слова «механический»). Характерно, что на почётном втором месте — хрупкие красотки и огромные человекоподобные роботы из культового аниме «Евангелион».

Впервые к идее гигантских роботов обратился Ёкояма Мицутэру в манге «Железный человек-28» («Tetsujin-28»), увидевшей свет в 1963 году. Это был кардинально новый взгляд на робототехнику. Если Тэдзука Осаму изображал роботов юными и улыбчивыми созданиями, приходящими людям на помощь, Ёкояма рисует огромного гиганта (Тэцудзин был высотой с трёхэтажный дом) с возможностью дистанционного управления. Управ-

ляет им девятилетний мальчик — сын профессора, создавшего этого исполина. Исполин тоже борется со злом, но теперь уже размер имеет значение.

Важнейшую роль в развитии и становлении жанра сыграл Нагаи Го, создатель «Mazinger-Z» (1972–1974) — пожалуй, наиболее архетипичного образа гигантского человекоподобного робота. Благодаря ему появилось не только то самое слово «меха», но и сама идея управления роботом изнутри, как будто сидишь в нём как в машине. После успеха «Мазингера» Нагаи выпустил ещё одно хитовое аниме — про робота по имени Грендайзер (1975–1977) — в нём принц Дюк Флид, бежавший с другой планеты, в теле робота сражается с летающими тарелками и гигантскими монстрами из другой галактики.

Однако истинную популярность в Японии феномену огромных боевых роботов принесли создатели космической саги «Гандам»: её влияние на японскую культуру некоторые сравнивают с влиянием «Звёздных войн» на американскую. Теперь в исполинских роботах сидят подростки и воюют друг с другом жестоко и безжалостно — как порой умеют воевать только подростки.

Действие саги происходит в том далёком будущем, где Земля оказывается перенаселена настолько, что люди осваивают другие планеты, и одна из таких планет — Зион — провозглашает себя независимой и объявляет Земле войну. Военные технологии уже шагнули к тому моменту настолько вперёд, что самым эффективным средством вооружения оказываются исполинские роботы, но для управления ими не находят ничего лучше, чем набирать в пилоты молодых мальчиков и девочек. «Гандамы», первой базовой моделью которых в сериале стал RX-78, пилотируемый пятнадцатилетним пареньком механиком Амуро Рэем, — это роботы, созданные землянами для защиты своей планеты. Впоследствии их число растёт, в последующие десятилетия появляется огромное количество новых моделей роботов с усовершенствованными функциями. Им противостоят модели под названием «Заку»: это роботы-повстанцы с Зиона.

Хотя эта аниме-франшиза успешно притворяется космической сагой про сражения роботов, глубоко внутри запрятана всё та же японская боль от жестокости бессмысленных войн, в которых впустую улетают человеческие жизни, от того, что молодые ребята оказываются заперты в своих «мобильных доспехах» и обречены на гибель. Сам создатель франшизы, Томино Ёсиюки, признавался, что хотел сделать историю о войне и о людях на войне, а огромные роботы оказались лишь наибо-

Сборная модель «Гандам»

лее подходящим для этого антуражем. Однако гимн пацифизму в этой аниме-саге разглядели немногие, её поклонники в большинстве своем оказались заморожены детально прорисованными роботами, их техническим оснащением и оружием.

Значительная часть успеха этой мега-франшизы связана не столько с самим аниме, сколько с выпуском сопутствующей продукции — сборных моделей *пурамодэру*, представляющих собой уменьшенные в несколько десятков раз копии роботов из сериала. Десятки тысяч подростков по всей стране теперь не просто смотрят на «Гандамов» и «Заку», но и могут собрать их своими руками, прочувствовав каждую деталь, как настоящие инженеры-конструкторы.

Идея сборных кукол и фигурок не являлась в Японии чем-то новым: популярные ещё в эпоху Эдо механические куклы *каракури-нингё* и сегодня поражают своей инженерной точностью и технологическими решениями. Сбор-

Каракури-нингё, подающие чай. XIX в. Национальный музей природы и науки, Токио, Япония

ные модели из пластика появляются в Японии в конце 50-х и, как правило, представляют собой копии авиационной и военной техники, но идея собирать не однотипные самолёты и подводные лодки, а красочных роботов из аниме-сериала дала этой индустрии второе дыхание.

Присущие японцам кропотливость и внимание к деталям проявились тут во всей красе: маленькие фигурки (самый классический размер: 1:144) с руками и ногами, движущимися во всех сочленениях, собираются из сотен мельчайших элементов без клея и ножниц по подробным наглядным инструкциям, понятным даже без знания языка. Существуют тысячи видов боевых роботов со всеми соблюденными ТТХ — сегодня индустрия сборных моделей занимает этажи в магазинах хобби и электроники и не ограничивается Gundam, но всё равно именно эта серия остаётся самой любимой среди колоссальной армии поклонников по всему миру.

Пока японские мультипликаторы с головой ударяются в механику и проектирование роботов, кинематограф тоже не стоит на месте. Кроме фильмов для детей про огромных ящеров и других фантастических тварей, появляется ещё один жанр, передающий дух времени, — но уже для взрослых. Это фильмы про суровых, но благородных преступников, истории без жалости и сантиментов, настоящее жестокое гангстерское кино для тонко чувствующих романтиков — *якудза-эйга*.

Студия «Никкацу» в поисках сюжетов для новых фильмов обратилась к преступной тематике ещё в конце 50-х. Чтобы пощекотать нервы зрителей, они решили показать им изнанку и без того не самого красивого мира. Воистину, бандитская романтика не знает национальных границ. Фильмы с многообещающими названиями типа «Ржавый нож» (реж. Масуда Тосио, 1958), «Мой паспорт — кольт» (реж. Номура Такаси, 1967), «Молодость зверя», «Рождённый убивать» (реж. Судзуки Сэйдзюн, 1963 и 1967) и многие другие, пользуясь завидной популярностью и привлекая в кино изголодавшихся по романтике зрителей, выводят на экраны новый тип главного героя, которому хочется сопереживать. Теперь это благородный бандит, якудза с крепкой рукой и твёрдыми жизненными принципами, благодаря своей чести и доблести возвышающийся среди преступных разборок и других участников криминального мира.

Приведённые выше и говорящие сами за себя названия фильмов — примеры фирменного жанра студии «Никкацу» под

названием *муккокусэки акусён* («безграничное действие»), многие элементы которого были заимствованы из голливудских фильмов про гангстеров. Однако их главный конкурент — компания «Тоэй», разумеется, не могла оставаться в стороне и создает альтернативный жанр — *нинкё-эйга*.

Название едва ли в достаточной степени переводимо на русский язык, но всё же требует пояснения. Слово *нинкё* (任侠), появившееся в Древнем Китае, не только означает чувство долга и готовность помогать слабым ценой собственной жизни, но и является важным в кодексе якудза и в контексте этой культуры. В этих человеческих драмах якудза представлены трагическими фигурами, подобно самураям древности, красиво и с честью принимающими смерть ради своего господина. А для того чтобы зрители ещё больше сопереживали киногероям, большая часть сюжетов была взята не из пугающей современности, а из давно ушедшего прошлого — по аналогии с классическими самурайскими дзидай-гэки.

Есть и ещё один важный исторический штрих, без которого не будет понятна ещё одна движущая сила, лежащая в основе этих фильмов. Тенденция романтизировать якудза в кино в 60-е — 70-е годы была связана ещё и с тем, что представители этой уважаемой, хоть и пребывавшей за пределами общественной морали, профессии в то время активно входили в кинематограф, вкладывали значительные средства в производство фильмов и в связи с этим — вольно и невольно — диктовали свои правила.

Так, глава Ямагучи-гуми, великий и ужасный Крёстный отец всея Японии, Таока Кадзуо, известный как «Медведь» (эту кличку он получил за свою фирменную атаку в молодости, когда он пальцами вцеплялся в глаза противника), близко дружил с актёром Цурутой Кодзи, воплотившим на экране образ якудзы более чем в двухстах фильмах. А Андо Нобору — глава группировки Андо-гуми, отсидевший шесть лет за вооружённое нападение, после выхода из тюрьмы стал актёром и звездой кинокомпании «Тоэй». Что характерно, продюсер, который к нему изначально обратился, тоже в прошлом был членом преступной группировки.

Но настоящим прорывом в этом жанре стала серия «Красный пион» («*Hibotan Bakuto*») (1968–1972), где главную роль сыграла Фудзи Дзюнко. В восьми фильмах серии она не только хладнокровно управляла влиятельной преступной группировкой, но и виртуозно владела коротким мечом вакидзаси. После того как Фудзи в 1972 году вышла замуж за актёра кабуки и на пару десятков лет

покинула киноэкраны, перестав сниматься, жанр нинкё-эйга начал постепенно приходить в упадок: с популярностью «Красного пиона» было невозможно тягаться. И тогда на смену ему приходят новые фильмы, где образ якудза вновь меняется: они сняты уже не про героическое прошлое, а про жестокое настоящее.

Если раньше якудза были показаны благородными разбойниками, чтящими кодекс чести и чувство долга, готовыми отдать жизнь за свои высокие идеалы, то теперь фокус изображения несколько сместился. В новых фильмах они предстают уже в более реальном свете, какими многие из них и были на самом деле: бандитами и порой жестокими убийцами, ставящими собственные желания куда выше кодексов чести и других гуманистических идеалов.

Этот жанр получил название *дзицуроку-эйга* (слово *дзицуроку* означает «истинное отображение вещей») и был создан с явными отличиями от классической традиции фильмов про якудза. Некоторые из них были сняты нарочито дрожащей камерой, в режиме «документари», тем самым создавая эффект реальности происходящего. Настоящим хитом стал пятисерийный фильм «Битвы без чести и жалости» («Дзингинаки татакаи», 1973) Фукасаку Киндзи, созданный по мотивам реальных воспоминаний бывшего якудзы. Дело происходит в послевоенной разрушенной Хиросиме, где начинается восхождение к успеху бывшего солдата Хироно Сёдзо; соперничество между ним и другими кланами было жестоким и бескомпромиссным, а показанные в фильме события занимают целых десять лет. Этот фильм, который иногда сравнивают с «Крёстным отцом», получил награды и зрительский успех, принеся заслуженную славу её создателю.

Фукасаку Киндзи с тех пор снял немало кинокартин (в том числе и «Тора! Тора! Тора!» по изменённому сценарию Куросавы), но современному зрителю он, вероятно, наиболее известен по фильму «Королевская битва» («Battle Royale», 2000), где главную роль исполнил знаменитый — в прошлом комик, а ныне актер и режиссер — Китано Такэси. Надо признать, Китано в своём творчестве тоже вдохновлялся традициями якудза-эйга, не случайно наибольшую славу ему в 90-е годы принесли фильмы про японских гангстеров, такие как «Сонатина» («Сонатинэ», 1993), «Ребята возвращаются» («Kids Return», 1996) и «Фейерверк» («Ханаби», 1997).

Но не одними фильмами про криминальные разборки преступных структур жил японский кинематограф в 60-е и 70-е годы. Это было время экспериментов, отказа от класси-

ческих традиций и поиска новых приёмов, время конкуренции с телевидением за внимание зрителя и благодаря этому — время начала «новой волны». Режиссеры, выпускавшие фильмы в тот период, своим творчеством как бы соединили классическое японское кино, у мастеров которого они учились и чьими работами вдохновлялись, и современное японское киноискусство, которое теперь стоит на их плечах.

В 60-е свои главные фильмы — «Женщина в песках» («Суна-но онна», 1962), «Чужое лицо» («Танин-но као», 1966), «Сожжённая карта» («Моэцукиита тидзу», 1968) — по романам Абэ Кобо создает авангардист Тэсигахара Хироси. Он был сыном основателя школы икэбаны Согэцу, знаменитого Тэсигахара Софу, и унаследовал любовь к этому виду искусства. В 70-е годы он отходит от кино и открывает свою гончарную студию, а после смерти отца становится изомото — главой школы Согэцу. Его работы выставляются в музеях всего мира, и второе признание он получает как мастер икэбаны и создатель нового стиля рэнка.

В последние годы жизни он ставит оперы, организует чайные церемонии, а к кино обращается всё реже: с начала 80-х до своей смерти в 2001 году он снял всего четыре фильма. Впрочем, в их числе тот, что считается одной из лучших его работ — «Рикю» (1989), про великого мастера чайной церемонии Сэн-но Рикю и его сложные отношения с правителем Японии, жестоким Тоётоми Хидэёси.

Также в конце 60-х годов начинает выходить долгая комедийная сага «Трудно быть мужчиной» («Отоко ва цурай ё»), снимавшаяся по 1995 год и ставшая по-настоящему культовой среди многих поколений японцев. Главный герой этой истории — невезучий в любви, но изо всех сил ищущий её добряк по имени Тора-сан — стал поистине народным любимцем, а сыгравший его Ацума Киёси стал ассоциироваться у большинства именно с этим персонажем. Актёр скончался в шестьдесят восемь лет, и история про Тору-сана оборвалась, не успев закончиться хэппи-эндом: свою счастливую любовь он так и не встретил.

В то же время начинается кинокарьера ещё одного известного японского режиссёра — Имамуры Сёхэя. Выпускник университета Васэда по специальности История Европы, он устроился ассистентом на киностудию, и в начале своей карьеры ему повезло участвовать в работе над великими картинами: в частности, он был ассистентом на съёмках «Токийской повести» Одзу Ясудзиро. Кроме того, они вдвоём с его другом Кавасимой Юдзо написали сценарий комедии «Легенда о солнце в последние дни сёгуната» и вообще много работали вместе.

У своего друга Имамура почерпнул нежелание вписываться в стандартные рамки классического кино, и его собственные картины были скорее вызывающими, нежели сделанными по правилам. Один из его дебютных фильмов «Свиньи и военные корабли» («Бута то гункан», 1962) показывает отношения между якудза и американскими военными на военной базе в Йокосуке с весьма неожиданными элементами: хрюкающее стадо свиней бежит по ночному портовому городу, а главный герой умирает от ножевого ранения в туалетной кабинке.

Последующие его фильмы продолжали шокировать зрителей. В «Японском насекомом» (1963) была показана жизнь крестьянки, ставшей проституткой и попавшей в тюрьму, в «Порнографах» (1966) — мир индустрии кино «для взрослых» в послевоенной Японии. Вдруг становится понятно, что век классического японского кино остался уже где-то в прошлом, а на смену ему приходит какое-то новое кино с другими правилами (то, что принято называть «Новой волной»). Примерно тогда Имамура перестает снимать игровые фильмы и уходит в документальное кино.

Его возвращение к художественным фильмам происходит в 80-е, когда японский кинематограф уже успел сильно поменяться, — и происходит весьма триумфально: в 1983 году его «Легенда о Нараяме» получает «Золотую Пальмовую ветвь» в Каннах. Возможно, на решение жюри повлияли те же причины, по которым привлёк внимание западной публики Куросава в начале 50-х: «шокирующая Япония». Средневековый японский обычай относить стариков в горы и хоронить их там не был в числе общеизвестных фактов об этой стране, а трагическая история про сына, который несёт под первым снегом хоронить свою мать, не могла не врезаться в память европейских зрителей. С тех пор фильмы Имамуры регулярно показывали в Каннах, включая его последнюю картину «Тёплая вода под красным мостом» (2001).

В том же 1983 году выходит на экраны ещё один интересный фильм, заслуживающий внимания: военная драма Осимы Нагисы «Счастливого рождества, мистер Лоуренс», где в главных ролях встретились две звезды — Дэвид Боуи и Китано Такэси. Боуи играл британского офицера, захваченного в плен японцами на острове Ява во время Тихоокеанской войны, а Китано — жестокого сержанта Хару, диктующего свои правила на острове. А музыку к фильму написал Сакамото Рюичи, также сыгравший там одну из главных ролей.

Осима стал известен в мире ещё в 70-е годы, когда на Каннском фестивале его фильм «Коррида любви» (в русском переводе «Империя страсти») стал сенсацией и был назван «первым великим эротическим фильмом», шокировав жюри и зрителей происходящим на экране. Сюжет своего фильма Осима построил на скандальном уголовном деле проститутки по имени Абэ Сада: в 1936 году она задушила своего любовника, отрезала ему гениталии и гуляла с ними по улицам Токио. Разумеется, не обошлось без откровенно порнографических элементов и сцен, показанных по-японски красиво и одновременно равнодушно к западным табу. Неудивительно, что «Коррида любви» оказалась во многих странах запрещена к широкому показу.

Но эти и другие произведения японских режиссёров в 80-е оставались, при всей их популярности в Японии, почти неизвестными за рубежом массовому зрителю. Настоящий прорыв в мировую культуру был совершён не благодаря фестивальному кино, а благодаря аниме про бесстрашную юную девушку в короткой юбке, летающую на глайдере и общающуюся с гигантскими насекомыми-мутантами в Лесу, в страшном постапокалиптическом мире.

У девушки было красивое греческое имя — Навсикая.

«Навсикая из долины ветров» была сперва мангой в семи томах, созданной художником Миядзаки Хаяо в начале 80-х; в ней поднимались проблемы отношения людей и природы, сквозила идея возможной экологической катастрофы, если развитие планеты будет идти такими же темпами. После успеха у читателей неизбежно возникли вопросы об экранизации, и Миядзаки вместе со своим другом Такахатой Исао начинают делать на основе комикса мультфильм. Содержание пришлось сократить, ряд героев и сцен выкинуть, но что поделать: адаптация манга-романа в полтора часа экранного времени требует лаконичности.

Мультфильм с одноимённым названием вышел в 1984 году, произвёл фурор в Японии, а потом и во всём мире, да и сегодня уверенно входит в самые разные списки лучших аниме всех времён и народов. Хотя бытует мнение, что оригинальная манга-история гораздо глубже и интереснее мультфильма на её основе, именно аниме помогло сделать «Навсикаю» всенародно любимой. Миядзаки было тогда сорок три года, его соавтору Такахате — сорок девять, за плечами каждого стояли и долгие годы работы, и очень крутые мультфильмы, но самые важные и известные произведения, которые помогут многим людям открыть для себя Японию, им ещё только предстояло сделать.

Двое великих мультипликаторов познакомились ещё в 60-х годах, когда работали в компании «Тоэй». Их первой совместной работой стал увидевший свет в 1968 году мультфильм «Приключения Хоруса, принца Солнца» про мальчика-викинга, дружившего с медвежонком, а за ним последовали и другие аниме, включая «Панду большую и маленькую» (1973) и сериал «Конан — мальчик из будущего» (1978), но лишь после выхода «Навсикаи» друзья проснулись по-настоящему известными. На волне этого успеха вскоре они открывают собственную аниме-студию — «Ghibli», название которой сегодня известно всему миру¹.

Останавливаться подробно на аниме от «Гибли» едва ли имеет смысл: именно они познакомили очень многих людей с японской культурой и дали возможность открыть для себя Японию. Однако есть ряд моментов, которые помогают сделать произведения этой студии более понятными. Так, во многих мультфильмах чувствуются любовь и интерес Миядзаки к полётам и авиации, которые передались ему от отца: тот был авиаконструктором и директором компании, производившей детали для самолётов Mitsubishi A6M, активно использовавшихся Японией во Второй мировой войне. Миядзаки Кацудзи строил самолёты из стали, его сын Хаяо — рисовал их на бумаге и отправлял в вечность.

Поэтому особое место среди аниме от «Гибли» занимает, возможно, не самый известный их мультфильм «Порко Россо» («Kurenai buta», 1992) про итальянского аса Первой мировой войны, сражающегося с воздушными пиратами. И всё бы ничего, но этот пилот превращён заклятием в свинью. Стильный свин в лёгком костюме и тёмных очках, непобедимый в воздухе на своём ярко-красном самолёте — самый надёжный персонаж в волнующемся мире между мировыми войнами, в котором к власти постепенно приходят нацисты. Потом Миядзаки справедливо признавал, что этот мультфильм получился совсем не детским. Но и кроме серьёзного «Порко Россо», тема полётов в аниме от «Гибли» появляется неоднократно, уже в более адаптированном для детей виде.

Не меньшую любовь Миядзаки явно испытывает к своей стране, её истории и природе. И тем явственнее ощущаются

¹ От своего отца Миядзаки унаследовал любовь к самолётам и авиации, эта тема неоднократно сквозит в его произведениях. Название студии было им взято у модели итальянского самолёта 30-х годов, разработанного специально для ведения боевых действий в пустынях Ливии. Собственно, само это слово — «гибли» — ливийское: оно означает сильный и жаркий юго-восточный ветер сирокко, дующий непрерывно несколько дней подряд.

Кадр из мультипликационного фильма «Мой сосед Тоторо»,
реж. Хаяо Миядзаки. 1988 г.

в его работах тревога и волнение за её будущее. Та прекрасная Япония прошлого, с дикой природой, глухими лесами, в которых живут добрые и злые духи, в 50-х годах пускается в отчаянную технологическую гонку; и теперь там, где были глухие леса, возводятся огромные заводы, а добрые и злые духи уходят, потому что в этом новом мире им больше нет места.

На логотипе студии «Гибли» изображён один из самых знаменитых её образов, огромный толстый Тоторо — доброе лесное существо, которое дружит с двумя девочками, переехавшими в дом по соседству с его лесом. Хотя это не так заметно при первом просмотре, «Мой сосед Тоторо» («Tonari no Totoro», 1988) на самом деле — настоящее введение в синто для маленьких зрителей. Начиная от идеи о добром духе, которого могут увидеть далеко не все, а лишь те, кто открыт сердцем, и заканчивая более скрытыми моментами: ритуальные танцы при посадке семян, даже имена двух главных героинь¹. Но это — син-

¹ Старшую девочку зовут Сацуки (сацуки (皐月) — это старинное название мая в Японии, младшую — Мэй (May означает «май» по-английски). То есть, обеих сестер зовут «Май», а это главный месяц сельскохозяйственных работ в Японии, когда сажают рис и проводят ритуальные праздники и церемонии, чтобы попросить богов об обильном урожае.

то для понимающих, а истинную любовь к различным духам и причудливым богам древней Японии Миядзаки сполна выражает в своих оscarоносных «Унесённых призраками» («Sen to Chihiro no Kamikakushi», 2001).

Столь же сильной любовью к природе пропитана «Принцесса Мононокэ» («Mononoke-hime») 1997 года — о противостоянии Железного города (разрушительной цивилизации) и древнего Леса, который охраняют огромные звери и принцесса, воспитанная волками. Торжественный драматический финал наглядно показывает главный посыл гуманиста Миядзаки: как бы мы ни разрушали природу, она всё равно сильнее и всё равно выживет и победит. Схожую идею передаёт его друг Такахата в «Войне тануки в эпоху Хэйсэй» («Heisei Tanuki Gassen Pomoko», 1994), правда он делает это не торжественно, а скорее комично: главные герои этого аниме — забавные оборотни тануки, пытающиеся помешать людям строить город на месте их леса.

Хотя аниме от студии «Гибли» ассоциируются в первую очередь с Миядзаки, его друг и коллега Такахата Исао заслуживает не меньшего внимания. Его дебютная работа в рамках студии «Могила светлячков» (1988) — мультфильм о брате и сестре, переживших напалмовые бомбардировки Кобэ — одно из самых пронзительных высказываний в аниме на тему войны и её жертв. И Такахата, и Миядзаки были маленькими мальчиками, когда произошла эта трагедия, и она не могла не оставить след в их жизни и творчестве.

Впервые к этой сложной теме обратился Накадзава Кэйдзи в своей манге «Босоногий Гэн» (1972–1974): это реалистичная и жестокая история, увиденная глазами маленького мальчика, про руины уничтоженного города, гибель близких, жертв лучевой болезни (по-японски они называются *хибакуся*) и Японию, оккупированную американскими солдатами. Холодок пробегает по коже при чтении, когда понимаешь, что эта манга во многом автобиографична: в страданиях маленького Гэна мы чувствуем боль самого Накадзавы. До сих пор «Босоногий Гэн» является классикой манги и важной памятью о недопустимости того, что случилось тогда в Японии. Такахата тоже, обращаясь к истории страшных последствий атомной бомбардировки, показывает её глазами маленьких детей, и этот мультфильм тяжело смотреть без слёз.

Характерно, что «Могила светлячков» выходит на экраны в один год с доброй сказкой про Тоторо: двумя столь непохо-

жими аниме студия «Гибли» заявила о себе на всю Японию и на весь мир. Дальнейшие успехи во многом объясняются ещё и соревновательным духом между двумя авторами. Они, разумеется, были близкими друзьями, но работали в разных жанрах и подсознательно стремились превзойти друг друга. С тех пор за пару десятилетий двое режиссёров создали немало добрых, грустных и философских сказок, известных всему миру. Последний мультфильм Такахаты называется «Сказание о принцессе Кагуя» (2013) и увидел свет за пять лет до смерти режиссёра.

90-е годы — время выхода японской анимации за пределы Японии. Слово *отаку* применимо теперь не только по отношению к японским любителям аниме и манги, но становится настоящим мировым феноменом.

Ещё одна франшиза, покорившая мир в 90-х, — это, разумеется, «Сэйлормун» — про прекрасную девушку в матроске, несшую «возмездие во имя Луны» и её подруг — простых школьниц, которые превращаются в эротично одетых воительниц и сражаются со злом. Этот жанр получил название *махо-сёдзё* (魔法少女, «магические девушки»). История, рассказанная в «Сэйлормун», довольно типична для этого жанра: главная героиня была обычной школьницей, потом встретила говорящую кошку Луну и научилась превращаться в воительницу, чтобы сражаться с силами Хаоса. С ней вместе сражаются ещё четыре девушки: так мы видим, что основные черты сёнэн-манги сочетаются с героинями-девушками и получается своеобразный микс этих двух изначально разных жанров.

В 1995 году появляется культовый сериал «Neon Genesis Evangelion», который многочисленные фанаты называют просто «Ева». В нём авторы возвращаются к классической истории про боевых человекоподобных роботов, управляемых подростками, но популярность «Евы» во многом связана не столько с роботами, сколько с двумя большеглазыми красотками в обтягивающих костюмах. Синеволосая Аянами Рэй и рыжеволосая Асука Лэнгли стали кумирами миллионов.

В 1997 году появилась ещё одна мегафраншиза, которая свела с ума весь мир, — знаменитые «Покемоны». Удивительный пример, когда основой для аниме стали не комиксы, а видеоигры: изначально *Pokemon* (от английского *pocket monsters*) была игрой, выпущенной для Game Boy. В игре сражались между собой разные выдуманные существа, а люди являлись их тренерами и должны были заботиться о своих бойцах. В аниме-

Pikachu Outbreak — в параде приняли участие более 1500 Пикачу. 2018 г. Йокогама, Япония

экранизации появляется главный герой — мальчик Сатоси и его покемон — жёлтый зверёк Пикачу, атакующий электричеством, которое он вырабатывает внутри себя. Впрочем, Пикачу, ставший сегодня вместе с Годзиллой одним из символов японской поп-культуры, — лишь первая эманация этого зверька: все покемоны могут эволюционировать, меняя и имя, и способности.

Одно из последних наиболее известных в мире японских аниме (и одноимённая манга, лежащая в его основе) — это «Атакующие гиганты» (оригинальное название *Сингэки но кёдзин* обычно переводят на русский язык как «Атака титанов»). В нём рассказывается история города, окружённого высокой стеной, из-за которой иногда на него нападают огромные и страшные плотоядные великаны. Тогда жители начинают создавать специальные военные подразделения для защиты; молодые ребята, члены этих отрядов, и становятся главными героями повествования. Несложно заметить, что автор Исаёма Хадзимэ обращается к двум классическим элементам успешных японских франшиз: подростки, сражающиеся со злом, и огромные монстры неведомого происхождения (в этом можно увидеть оммаж Годзилле и другим кайдзю полувековой давности).

Сегодня японская аниме-индустрия стала настолько глобальной и влиятельной в мире, что невольно задаёшься вопросом, насколько её до сих пор можно считать японским феноменом, имеющим ярко выраженные национальные корни, или же она стала частью мировой культуры, лишённой японских черт и особенностей? Разумеется, мы не должны забывать, сколь многое в аниме и манге изначально было связано с социальными и культурными особенностями Японии; эти жанры XX века были бы невозможны без столетий развития японской культуры до этого.

Часть японских современных кинокритиков высказывает мнение, что ряд черт современной японской мультипликации позволяет говорить о ней, как о «лишённой национальности» (*мукокусэки*), показывающей героев, выглядящих совершенно непохожими на японцев, как бы сознательно отстраняя себя от этих образов. Не случайно многие начинающие зрители аниме часто недоумевают, почему герои в этих мультфильмах выглядят как европейцы.

Аниме-режиссер Мамору Осии считает, что тем самым аниме предлагает японским зрителям альтернативную реальность, в которую так приятно уходить от привычного окружающего их мира, и, судя по бешеной популярности этих мультфильмов на внутреннем рынке, этот приём успешно работает. Однако некоторые современные японские кинокритики улавливают в этом и послание западному зрителю: выстраивание в его глазах образа новой Японии, лишённой привычных национальных стереотипов и даже физических черт жителей страны, яркой, виртуальной, «без национальности» и потому открытой для всех.

Конечно, это немного странно: выстраивать сложные философские концепции вокруг покемонов и девочек-волшебниц — причудливых воплощений на экране чьих-то фантазий и идей. Если для понимания синто, как говорил один синтоистский священник, нужно танцевать, то для понимания аниме едва ли нужно что-то другое, кроме как смотреть.

Но в вопросе, что смотреть и стоит ли смотреть, предстоит разобраться читателю. К сожалению, многие из упомянутых в этой главе произведений недоступны на русском языке; но остаётся надеяться, что если что-то из описанного вызовет настоящий интерес, то вместе с этим появятся и способы ознакомиться с этим поближе. Но если хоть частично эта глава смогла дать людям, считающим современную японскую культуру не заслуживающей внимания, возможность увидеть её другими глазами, значит, она была написана не зря.

Глава 5

Кулинария ВЫЧИТАНИЯ

(в соавторстве с Д. Булахом¹)

Суп из фугу
Вечером съел, но жив до сих пор —
Приятное пробуждение.
Бусон

Едва ли можно представить себе полноценное обсуждение культуры Японии и жизни её обитателей без освещения гастрономического аспекта: в этом случае рассказ получился бы неполным, а самое интересное осталось бы за пределами внимания. В культурном пласте, охватывающем историю, обряды, обычаи и привычки, связанные с едой, находят отражение все стороны жизнедеятельности социума; зная их, можно понять о стране гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд.

Географическое положение: климат, рельеф, флора и фауна, интенсивность контактов с представителями других обществ, особенности историко-культурного, религиозного, политического развития — эти и многие другие факторы на протяжении веков оказывают явное и скрытое влияние на формирование и развитие гастрономической культуры.

Будет ли одинаковым отношение к приёму пищи у язычника-гедониста и кальвиниста-аскета? Очевидно, что первый возведёт физиологический акт потребления питательных веществ в ранг

¹ Дмитрий Булах — востоковед и повар. После окончания ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова поступил в кулинарно-диетологический колледж Хаттори в Токио, получил диплом сакэ-сомелье. Работал в ресторанах Москвы и Токио, в настоящее время живёт в Японии. Профессионально занимается чайным делом, производством крафтовой водки и пивоварением.

ритуала и праздника, в то время как второй постарается минимизировать даже мысли о еде, сознательно редуцируя связанные с ней удовольствия. Несложно представить, как, передаваясь из поколения в поколение, такие разные подходы будут культивировать два разных ландшафта гастрономической культуры.

К счастью для нас и для всего цивилизованного человечества, язычники, населяющие Японские острова, издревле отличались не только гедонизмом, но и ярко выраженной любознательностью, умноженной на склонность возводить самые различные ремёсла в ранг искусства. Без этого невозможно представить наш мир, покоренный японской кухней от Лондона до Сан Паулу, от Копенгагена до Магадана.

Именно гастрономическая культура является сегодня одним из самых известных японских феноменов в мире: повсюду открываются рестораны, в которых лепят *суси*, крутят роллы, режут сырую рыбу и подают её в виде *сасими*, обжаривают в кляре *тэмпуру*, готовят на углях *якитори* и предлагают другие блюда японской кухни. Лапша *рамэн* становится центральной концепцией модных заведений, а доставка зародившихся в начале нового времени *суси* стала в последнее время таким обыденным делом, что невозможно даже представить себе, как когда-то человечество обходилось без этой прекрасной детали быта. Миллионы людей по всему земному шару привыкают есть сырую рыбу, обучаются еде палочками и старательно осваивают незнакомые названия блюд.

Признание ЮНЕСКО японской кухни нематериальным культурным наследием человечества в 2013 году стало закономерным итогом начавшегося в 1970-х годах победного шествия японской гастрономии по планете и вместе с тем поставило её в разряд величайших достижений творческой мысли человека.

Любопытно посмотреть на четыре пункта, которые выделили эксперты ЮНЕСКО для обоснования своего решения.

1. Большое разнообразие используемых в пищу продуктов и уважение к уникальности вкуса каждого из них.

2. Выражение через кулинарию красоты природы и динамики смены времён года.

3. Тесная связь гастрономии с традиционными обрядами и ритуалами.

4. Здоровый и диетически сбалансированный образ питания.

Все эти пункты совершенно справедливы, но для того, чтобы у читателя сложилось более полное представление о японской гастрономической культуре, кажется необходимым несколько дополнить этот список и более подробно остановиться на

этих особенностях, поскольку в них скрывается ответ на вопрос о том, как самобытной и экзотической японской кухне удалось покорить весь мир. В рассуждении об этом исторические предпосылки неизбежно сочетаются с биологическими факторами, и одни не могут обходиться без других, поскольку гастрономия, как известно, существует на тонкой грани между культурой и физиологией, сводя их воедино и позволяя получать одновременно и телесное, и духовное удовольствие.

Мы выделили восемь пунктов, которые кажутся нам важными для понимания японской кухни. Возможно, представление о них поможет сделать вкус знакомых японских блюд чуть богаче и интереснее.

1. Разнообразие продуктов

Даже первый и беглый взгляд позволяет удивиться большому количеству ингредиентов, которые тут встречаются и используются в пищу. Даже набор овощей на прилавках отличен от привычного нам (один только выбор клубнеподобных поражает воображение: не только всевозможные сорта картофеля, но ещё и сладкий батат, длинный горный батат, автохтонное сатоимо, которое было основой питания предков японцев задолго до начала возделывания риса, и многие другие виды), к тому же он меняется в зависимости от сезона. Кроме того, по весне появляются побеги и бутоны диких трав и деревьев, корни лопуха и лотоса. Десятки и сотни видов морепродуктов — рыб, крабов, креветок, кальмаров, моллюсков, водорослей — сменяют друг друга на прилавках параллельно с временами года, но гурманская мысль японцев на этом не останавливается.

В ход идут разные виды водорослей, овощей и трав, и бобовые, и зерновые, и побеги сурепки в кляре, и корень лотоса на пару, и сырые моллюски, и кальмары-светлячки, засоленные в собственных потрохах. Кажется, что любопытство японцев в плане того, что вообще можно использовать в пищу, а также их неутомимая изобретательность в деле приготовления всего этого изобилия поистине не знают границ. Китайское выражение «На этом свете можно есть всё, кроме отражения луны» прекрасно иллюстрирует японский подход к гастрономии.

Так, в регионе Тохоку очень распространён морепродукт под названием хоя, или «морской ананас», известный в научных кругах как *Halocynthia roretzi*. Хою едят сырой, маринуют, жарят в панировке, и она считается деликатесом, особенно хорошо сочетающимся с местным сакэ.

Хоя — в сыром и приготовленном виде

Однако этот представитель мировой морской фауны, когда видишь его в естественной среде обитания, совершенно не вызывает желания попробовать его на вкус: скорее хочется обойти стороной и не трогать. Непонятно, животное это или растение (на самом деле, это асцидия, то есть хордовое животное), и, самое главное, непонятно, ядовито оно или нет (судя по отталкивающему внешнему виду, — скорее да). Нужно обладать поистине невероятным любопытством и смелостью, чтобы решиться это разрезать, попробовать, а затем использовать разные варианты приготовления, чтобы приспособить в пищу.

В этом же ряду — окутанная таинственными легендами рыба фугу. По-русски зовущиеся иглобрюхами рыбы этого семейства накапливают в теле сильный нейropаралитический яд тетрагидротоксин, причём у разных представителей он содержится в разных органах и частях тела. Здесь за любопытством просматривается даже некая одержимость, поскольку даже высокая смертность после употребления этой рыбы в еду не останавливала людей от повторения опасного эксперимента, пока ядовитая рыба не стала дорогим деликатесом¹.

И сегодня в Японии существуют рестораны фугу «старой школы», где для постоянных гостей шеф устраивает дегустацию, к примеру, печени дикого иглобрюха, внимательно следя за дозировкой и симптомами. Съедающий сперва испытывает лёгкое онемение губ и кожи, а после него — необычные психофизиологические ощущения, которые принято называть «наркотическим опьянением»: не случайно тетродотоксин долгое время приме-

¹ Здесь же хочется отметить, что по своим вкусовым качествам фугу не является чем-то особенным: существует много видов рыбы гораздо вкуснее.

Фугу

нялся как обезболивающее средство для облегчения страданий тяжёлым онкобольным. Удовольствие балансирует на границе со смертью и от этого становится особенно изысканным.

Впрочем, погоня за подобными удовольствиями не всегда заканчивается благополучно: из года в год в Японии регистрируют несколько смертей от отравления ядом фугу (большинство жертв — неосторожные любители, чаще всего рыбаки).

Присущее испокон веков японцам любопытство — одна из главных причин, по которой в этой стране так много самых разных ингредиентов и блюд. Но у этого феномена есть и «тёмная сторона» — не такая очевидная, но не менее важная причина: суровая нищета подавляющего большинства населения страны вплоть до новейшего времени и необходимость прокормить себя любой ценой.

Рис был доступен далеко не всем, рыбы тоже на всех не хватало, ежегодные тропические циклоны делали земледелие довольно рискованным, а жаркий климат и гористая местность не располагали к активному и продуктивному животноводству. Иными словами, условия, в которых развивается японская цивилизация, отнюдь не способствуют формированию привередливости.

Для большинства жителей страны речь идёт уже не о том, как вкусно поесть и какие ещё причудливые деликатесы попробовать, а скорее о том, чтобы приготовить и поесть хоть *что-то*, чтобы не умереть от голода. Эта суровая необходимость и сформировала всеядность японского народа: в ход здесь идёт абсолютно всё, даже склизкие переброжённые бобы, один вид которых вызывает у большинства иностранцев скорее отвращение, нежели любопытство.

Удивительным образом сегодня эта всеядность, зародившаяся в японских бедных крестьянских хижинах, стала хитом

в кругах гурманов, охочих до гастрономических экспериментов, и более простой публики, тянущейся к экзотике. Удивительно также, что при всём этом изобилии в повседневной жизни японцы зачастую едят один и тот же набор из привычных блюд, и он им совершенно не надоедает.

2. Простота и лаконичность

К каждому продукту из этого огромного разнообразия японцы относятся с большим уважением, стремясь максимально раскрыть и подчеркнуть его вкус, а не утопить в море других вкусовых ощущений. Это может быть понятно после знакомства с японской культурой, поскольку вся она — об этом. Один цветок передаёт красоту цветов лучше, чем целый сад, отдельно звучащая нота красивее сложной мелодии, и гастрономия исповедует абсолютно те же принципы.

Это находит отражение в определении самими японцами своей методологии готовки как «кулинария вычитания». Если в других гастрономических традициях господствует скорее «методика прибавления» (берём рыбу, маринуем, фаршируем, заправляем соусом и пряностями и так далее), то при «вычитании» повар старается изолировать самую суть вкуса (или «вкусности») продукта, тщательно очищая и подготавливая его, но не смешивая с другими вкусами. Тем самым он как бы очищает этот вкус от всего, что может помешать пуристскому наслаждению рафинированной экспрессией вкуса.

Поскольку японцы издревле стремились существовать в гармонии с природой в самых разных гранях своей жизни, то и кухня не стала исключением. Испокон веков главное в японской кухне — это свежесть ингредиентов и натуральность продуктов: то, что даёт нам природа. А уже все дополнительные опции, требующие сноровки поваров, — скорее приятное дополнение, чем насущная необходимость.

Идея свежести и натуральности как главного достоинства блюда является ключевой в японской гастрономии: сырая рыба вкуснее и дороже, чем жареная, поскольку вкуснее, чем уже создала природа, сделать тяжело, какой бы ты ни был великий повар.

Само слово «повар» в русском языке уже предполагает, что этот человек будет варить, то есть подвергать продукт термической обработке, а в японском языке кулинаров самого высокого ранга почтительно называли *хочёси*, то есть «мастер ножа». Таким образом, задача повара — не столько изменить и улучшить натуральный вкус продукта, сколько приложить максимум не-

видимых гостю усилий, которые позволили бы ему целиком сконцентрироваться на вкусе, запахе и текстуре продукта.

В поэтической антологии «Манъёсю» (VIII век) есть стихотворение, которое описывает полноценный рецепт, включая приготовление блюда и его подачу:

Там, где горы в Касима,
Там, где остров Цукуэ,
Ракушки ситадами
Соберу и принесу.
В руки камень взяв,
Расколю я, разобью,
В быстрых струях рек
Перемою их в воде,
С горькой солью я
Хорошенько перемну,
В такадзуки положу,
На поднос поставлю я.

Можно заметить, что всё предельно просто: перемыть ракушки с солью в воде, красиво подать к столу — и готово. Этот лаконичный подход, сформулированный в древности, до сих пор отчётливо проявляется в японской гастрономической культуре.

С этой точки зрения логична традиционная программа высокой японской трапезы *кайсэки-рёри*. Длинная череда маленьких блюд, классифицированных по техникам приготовления, каждое из которых позволяет насладиться одним конкретным продуктом. Таким образом, повар становится своего рода театральным режиссёром, подбирающим «звёзд» на ежедневные представления, разыгрываемые на его кухне на глазах у публики. И эти представления, следует отметить, столь же совершенны визуально, сколь и вкусны.

3. Красота подачи

Среди важнейших элементов рецепта, описанного в стихотворении, — особая чашка на высокой ножке для подачи ракушек — *такадзуки* — и поднос; без них блюдо выглядело бы не так привлекательно. А если верить специалистам по психологии вкусовых ощущений, до 80% нашего осознания блюда как вкусного исходит от сигналов, получаемых зрением, а значит — речь идёт не только о внешней красоте, но и о вкусе.

Говоря о популярности японской кухни на мировой гастрономической арене, нужно отметить её эстетическую составляющую.

Кайсэки-рёри

Тут посуде уделяется не меньшее внимание, чем ингредиентам: тарелки, блюда, чашки, подставки для палочек — от изящных до нарочито простых предметов — всё от их форм до цветовой гаммы находится в удивительной гармонии с предложенными блюдами.

Упомянутый чуть выше жанр кайсэки-рёри, где за один приём пищи сменяются около десяти небольших и крайне изящных блюд, представляет наилучший пример той хрупкой гармонии между вкусом и внешним видом, между цветом и формой, которая, подобно покорившим Европу в конце XIX века гравюрам *укиё-э*, с 70-х годов прошлого века начинает захватывать умы лучших шефов на Западе. Это гастрономическое представление является одним из проявлений знаменитой японской синестезии — когда мы «едим глазами», и маленький ломтик осьминога становится стократ вкуснее за счёт цвета и формы блюда, на котором он преподнесён.

Поскольку японцы — скорее внимательные созерцатели, нежели рефлексирующие мыслители, визуальная красота всех рукотворных феноменов тут всегда была определяющим фактором на протяжении многих столетий. Разумеется, кухня Японии не могла остаться в стороне, и даже в повседневных приёмах пищи и в самых простых блюдах есть неброская, но скромная и простая красота: знаменитое *ваби-саби* в действии.

Кроме того, видение красоты в Японии не статично, а чутко реагирует на изменения, происходящие в природе. Краснеют ли клёны, выпадает ли снег, расцветает ли сакура — подача в ресторанах на это чутко реагирует: появляются сезонные мотивы, которые позволяют оценить вкус блюда в новом ракурсе, почувствовать течение времени и свою связь с ним.

И в первую очередь, конечно, меняется даже не подача, а сами продукты на кухнях и столах.

4. Сезонность

Одна из важных радостей в жизни японцев — это созерцание изменений в природе, связанных со сменой времён года¹. Каждый сезон приносит им свои маленькие удовольствия и наслаждения, и подчинение этому бесконечному циклу — источник счастливой жизни в гармонии с природой.

Это внимательное любование сменой сезонов проявляется во многих гранях японской культуры: и в живописи, и в поэзии. В определённом смысле трехстишие хайку столь же лаконичны и так же настраивают на созерцание калейдоскопа природы, как и блюда японской кухни. Гастрономическая культура оказывается подчинена сезонности, как и другие грани жизни в этой стране.

По-японски это называется коротким словом *сюн* (旬), что в зависимости от контекста можно перевести как «сезон», «момент», «тренд», «здесь и сейчас», но сама идея проста: на вытянутых с северо-востока на юго-запад вдоль разнородных морей Японских островов очень сильно выражена сезонность доступности продуктов — будь то дары моря, гор, полей или пастбищ.

Ростки бамбука всходят только один раз в год, полосатый тунец проплывает по течению Куроисио на Север только один раз

¹ В этом японцы невероятно точны: их год традиционно делился на 72 микросезона, каждый из которых длится всего пять дней, но и в эти дни природа тоже сильно меняется. «Восточные ветры растапливают лёд», «Сверчки приходят под дверь», «Начинают кричать фазаны» и другие названия позволяют сделать вывод о том, с каким вниманием местные жители испокон веков внимали природе.

Безусловно, мы не отказываем другим народам в чувстве прекрасного, просто японцам больше повезло с климатом — все четыре сезона тут представлены довольно ярко и равномерны по длине. Тяжело, к примеру, наслаждаться зимой, которая длится полгода. Бесконечное тропическое лето прекрасно, но, согласитесь, притупляет ощущения.

в год, молодая картошка бывает тоже только один раз в год; и если ты ценитель и гурман, ты обязан отведать все продукты в их сюн, когда они самые вкусные. Кроме того, в этот сезон они самые доступные, что делает знание календарей сюн в разных (и чуть сдвинутых относительно друг друга) частях Японии неотъемлемой частью не только гастрономических профессий, но и грамотного домоводства.

Весьма ёмко описал суть концепции сюн Ямагучи Содо — поэт эпохи Эдо и близкий друг Мацуо Басё:

Радует глаз молодая листва,
В горах поют соловьи,
Приплыл из южных морей полосатый тунец.

Автор восхищается порой синрёку (新緑, «молодая зелень») — сезоном молодой зелени, который начинается после цветения сакуры и сменяется сезоном дождей. Три лаконичные строчки пропитаны эйфорией от наслаждения этим временем года всеми органами чувств. Природа улаживает лирического героя и через зрение, и на слух, и пробирается самым коротким путём к его сердцу — сезонными деликатесами. *Dolce vita* в семнадцати слогах!

В календаре японцев также много связано с едой и вертится вокруг неё. Традиционный распорядок года включал в себя разные синтоистские праздники, многие из которых были привязаны к годовому циклу сельскохозяйственных работ. При этом большое число праздников предполагало специфические продукты, блюда и целые меню, которые надо было готовить в эти дни.

Нанакуса-гаю (рисовую кашу с семью травами) едят на седьмой день нового года с молитвами о том, чтобы прожить весь год без болезней (а с практической точки зрения — дать органам пищеварения отдохнуть от новогоднего изобилия); жареного угря особенно любят есть в августовскую жару; на праздник осени *Кику-но сэкку* (9 сентября) едят рис с каштанами *кури-гохан* и пьют сакэ с лепестками хризантем¹. Знание подобных хитростей позволяет прожить год, а за ним и жизнь здоровым и счастливым.

¹ По китайской традиции, 9 сентября («две девятки») — день с избыточной энергией Ян, и поэтому он считается неблагоприятным; в этот день следовало уйти на высокую гору, пить хризантемовое вино и носить веточки кизила, чтобы неприятности обошли стороной.

5. Сакральность

Мифы о священном происхождении еды можно встретить в разных частях света, и японцы в этом смысле не исключение. Более удивительно, что благоговейное отношение к еде они смогли пронести через столетия своей непростой истории — и даже сегодня, когда еда стала чем-то банальным и легко доступным, они продолжают воспринимать её как нечто священное, отводя ей важное место в обрядах и ритуалах. Неслучайно в главном святилище страны Исэ Дзингу наравне с верховной богиней Аматэрасу почитается богиня Тоёүкэ-но-химэ, покровительница еды и злаков, а народному покровителю земледелия Инари посвящено наибольшее количество алтарей по всей стране.

В японской мифологии можно встретить несколько вариантов не самого аппетитного мифа о том, откуда появляются основные продукты питания на японских столах. В одном из них рассказывается, как «бог Сусаноо попросил еды у Оогэцу-химэ-но-ками — Девы-Богини Великой Пищи. Тогда богиня Оогэцу-химэ достала у себя из носа, изо рта, а также из заднего места разные аппетитные яства и, когда, по-всякому их приготовив, поднесла, бог Сусаноо-но-микото, эти действия её узрев, подумал, что она, осквернив еду, ему подносит, и ту богиню убил.

И вот то, что в теле убитой богини родилось, — в голове шелковичные черви родились, в обоих глазах рис-рассада родился, в обоих ушах просо родилось, в носу фасоль родилась, в тайном месте пшеница родилась, в заднем месте соевые бобы родились».

В «Нихон сёки» встречается похожий миф: брат Сусаноо, Цукиёми-но Микото убивает богиню Укэмочи, и из её головы появляются коровы и лошади, изо лба — просо, из бровей — тутовый шелкопряд, из глаз — пшено, из живота — рис, а из «тайного места» — ячмень, соевые бобы и фасоль *адзуки*.

Рис, появившийся из глаз (или живота: и то, и другое крайне важно в японской культуре) богини, является наиболее священным продуктом. Именно рис и произведённое из него сакэ считаются лучшими дарами для подношения на алтари духам-ками. Поднесённые на алтарь дары, по представлениям японцев, сперва «едят» Kami, а потом священники (в храмах) или домохозяева (в случае с домашними алтарями), символизируя духовное единение людей и богов. С этим же связаны ряды огромных бочонков сакэ у входа в некоторые храмы.

Ещё один пример сакральности еды — обряд *окуидзомэ*, когда новорождённого ребёнка на сотый день жизни понарошку

кормят взрослой едой при собравшихся родственниках, которые молятся за то, чтобы ребёнок в будущем не испытывал проблем с едой и рос со здоровыми зубами.

Есть свой божественный покровитель и у приготовления пищи, то есть кулинарного искусства. В святилище Такабэ-дзиндзя в префектуре Чибо поклоняются духу Ивакамуцукари-но-микото, которого считают основателем японской кухни (и потомки которого испокон веков были поварами при императорском дворе). Три раза в год в этом дзиндзя проходят службы, в ходе которых демонстрируется обряд *хочё-сики* («церемония ножа») — ритуальная разделка рыбы (обычно — морского караса *тай*). Играет ритуальная музыка гагаку, огромная рыба лежит на очищенной жрецами широкой деревянной доске. Облачившись в белоснежный церемониальный костюм, держа поварской нож *хочё* в одной руке и длинные металлические палочки для готовки *сайбаси* в другой, служитель храма виртуозно разделывает рыбу на аккуратные куски и раскладывает по доске в строгом порядке, ни разу не коснувшись плоти руками.

Этому обряду больше тысячи лет, он зародился ещё при дворе императора Сэйва в 859 году, благодаря главному теоретику ранней японской кухни Фудзивара Ямакагэ — основателю старейшего стиля японского кулинарного искусства Сидзё-рю: так называется искусство приготовления и подачи еды императорам.

Символический функционал *хочё-сики* — церемониальное очищение продуктов от мирской скверны перед их приготовлением и подачей к столу императора, который считался божеством (богам ведь не пристало есть людскую пищу). Интересно, что при дворе для *хочё-сики* чаще всего использовали не рыбу, как сейчас, а птицу — журавля цуру и лебедя¹. Рыбу же использовали для потомков богов помельче — придворных аристократов. Чаще всего это был карп.

В 886 году Ямакагэ передаёт свои знания семье Такаха-си, легендарным предком которых был вышеупомянутый Ивакамуцукари-но-микото. К нашему времени клан разветвился, и существуют пять стилей проведения *хочё-сики*, причем каждый из них передаётся строго одному наследнику, и тайны мастерства хранятся в строжайшем секрете. Помимо хранения традиций церемониала, потомки семьи Такаха-си и их ученики обучают поваров традиционным приёмам японской кухни.

¹ Не можем не отметить любопытное совпадение — на Руси званые обеды при дворе тоже часто начинались с обильно декорированных блюд из лебедя.

6. Польза для здоровья

Ещё одна важная отличительная черта японцев, о которой известно всему миру, — это их долголетие: тут живёт немало людей, возраст которых превышает 100 лет, а старейшей жительницей Земли (по данным на 2021 год) является японка 118 лет. В основе этого лежит несколько факторов, одним из которых, вне всякого сомнения, является кухня — диетически сбалансированная, ценящая натуральные вкусы и полезная для здоровья.

Уже давно не секрет, что именно болезни образа жизни являются основными причинами смерти в развитых обществах. Гипергликемия, гипертония, инсульты, инфаркты — всех этих болезней в подавляющем большинстве случаев можно избежать: надо лишь придерживаться сбалансированного питания и не пренебрегать физической активностью. Американские сенаторы ещё в 1970-х годах пришли в ужас от стремительно растущих расходов бюджета на медицину и провели масштабное исследование на эту тему. Выяснилось, что корень зла — в чрезмерном потреблении жиров, животных белков и белого сахара. В огромном, на несколько сот страниц, сенатском докладе был приведён и пример идеальной рациона: им оказалось традиционное питание японцев.

Представим себе стандартное меню японца былых времён с точки зрения диетологии. 70–80% энергии он получает из углеводов (злаков, в первую очередь — риса, но чаще с примесью ячменя, батата, бобов и так далее), остальные 20–30% — примерно поровну из белков и жиров. Из источников белков преобладает мелкая рыба (скумбрия, ставрида, сардины и так далее), из растительных — соевые бобы. Из жиров — рисовое, рапсовое или соевое масло; а перечисленные выше рыбы содержат незаменимые жирные кислоты DHA и EPA, которые предотвращают загрязнение сосудов. Регулярное употребление водорослей — тоже особая примета японской кухни, а с ними человек получает коктейль из пищевых волокон и минералов. Круглый год на столе есть свежие овощи, почти каждый приём пищи включает в себя продукты натуральной ферментации (квашеные овощи, паста *мисо*).

Однако, как это ни грустно, в XX веке японцы тоже наступили на грабли не слишком здорового питания. Сперва под влиянием политики оккупационных властей США¹, затем —

¹ Американцы во время и после оккупации поставляли в Японию гуманитарную помощь, в первую очередь — огромные излишки сухого молока и муки. Так стандартным сопровождением школьных обедов во всей стране стали хлеб и молоко, во многом заменившие рис и суп *мисо*.

под влиянием моды, они постепенно начинают есть всё больше хлеба и выпечки и всё меньше традиционной еды. На это влияет и вопрос удобства: в бытовом плане съесть кусок хлеба удобнее, чем плошку риса.

В результате вслед за последовательной вестернизацией стола случилось неизбежное — стабильный рост болезней образа жизни. И хотя результаты изменения пищевых привычек станут видны лишь через несколько поколений, далеко не факт, что знаменитое японское долголетие не останется в прошлом вместе с традиционным образом питания.

7. Техники ферментации

Как известно, ферментация — это контролируемый процесс размножения бактерий на продукте для получения нового продукта или придания ему новых свойств. Поедая простые сахара, бактерии выделяют различные ферменты, органические кислоты, алкоголь, углекислый газ и так далее (у каждой культуры бактерий свой набор выделений). И хотя ферментацию нельзя считать мастерством, доступным только японцам, есть основания полагать, что и по разнообразию способов и техник, и по их важности в традиционной гастрономии японцы занимают ведущее место в мире.

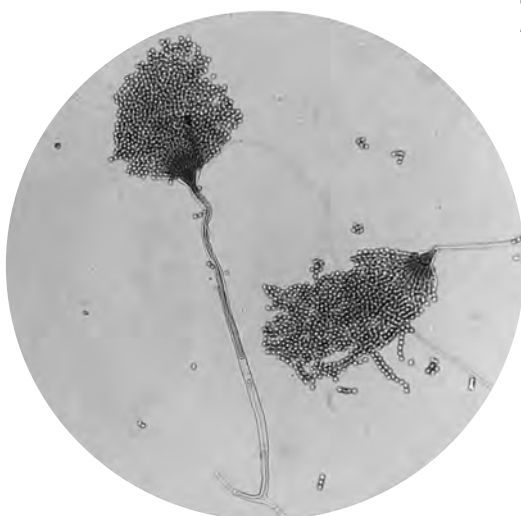
Механизм ферментации по сути аналогичен гниению, разница лишь в том, что результат ферментации благоприятен для человека, а результат гниения — нет. Как правило, граница очерчена довольно чётко (квашеную капусту мы едим, а гнилой хлеб — выбрасываем), однако иногда — как, например, в случае сыра с плесенью — возникают нюансы. Если плесень не токсична и придаёт сыру пикантность и дополнительное измерение вкуса, то она удостоивается титула благородной и становится важной частью гастрономической культуры. История японской кухни — это в том числе и рассказ о том, как плесень помогла японцам сделать еду вкуснее.

Ферментировать фрукты или ягоды, содержащие в избытке сахара и воду, — дело несложное и не требующее особых манипуляций (если не считать создание и поддержание чистоты): нужно выдавить сок и оставить его сбраживаться. Столь же несложно и квашение овощей: смешать их с солью, оставить в комнатной температуре, а дальше молочнокислые бактерии сделают своё дело.

А вот народам, которым нужно ферментировать рис, гречку, просо, бобы и прочие злаки, приходится быть изобретатель-

Кодзи под микроскопом

ными, мотивированными и трудолюбивыми, поскольку злакам требуется термическая обработка для растворения крахмала в воде и обработка крахмала энзимами (ферментами) для его расщепления на простые сахара.

Некоторые злаки можно прорастить, превратив их в солод, богатый амилазой — ферментом, расщепляющим крахмал на простые сахара, которые доступны бактериям для запуска процесса ферментации. Но, к сожалению, это работает далеко не со всеми зерновыми культурами, что делает их самостоятельную ферментацию затруднительной.

К счастью, японцам удалось на раннем этапе обнаружить «маленького помощника», ставшего незаменимой частью японской гастрономической культуры. Речь идёт о виде плесневых

грибов *Aspergillus oryzae*, который известен всем японцам под лаконичным именем *кодзи*.

Не случайно этот особый штамм рода аспергилл в 2006 году получил гордый титул «национальной бактерии»: очень многие напитки и продукты, без которых невозможно представить японскую кухню, появились на свет именно благодаря экспериментам японцев с этой плесенью. В других странах материковой Азии тоже издревле применяют аспергиллы для ферментации различного сырья, но нигде больше это не охватывает национальную гастрономию так всесторонне.

В диком виде грибок кодзи паразитирует на колосьях риса, и обнаружение его невероятных свойств в VIII столетии стало важнейшим шагом вперёд для японской гастрономической мысли. Издревле поражённый им рис посыпали золой из древесины камелии, поскольку зола — это щёлочь, и под ней выжидали только самые стойкие и безопасные¹ штаммы аспергилл. Тем самым был обеспечен нужный людям результат и максимальная эффективность ферментации.

Интересно также, что производители кодзи, известные как *мояси-я*, существовали в Японии с раннего средневековья. До изобретения микроскопа ещё оставались века, а японцы уже создали индустрию биотеха, всюду разводили и продавали микроорганизмы. Удивительный народ, что ни говори.

Применений кодзи в японской кухне — масса. Во-первых, это производство алкоголя (сакэ и сёчу), где благодаря ему развивается уникальная технология параллельной ферментации — трудозатратный, но эффективный метод, о котором мы расскажем подробнее чуть ниже. Во-вторых, это создание базовых приправ японской кухни, придающих ей неповторимую вкусовую гамму.

Ферментированные приправы — настолько важный элемент японской кухни, что в средние века при императорском дворе даже существовало отдельное ведомство *хисио-но-цукаса*, ответственное за сбраживание приправ — *хисио*. До того как рост производительности и объёма сельского хозяйства позволил использовать для этого злаки, хисио делались

¹ В начале XXI века японцы собрали консорциум из предприятий пищевой промышленности и научно-исследовательских учреждений для проведения анализа генома кодзи. Выяснилось, что в нём отсутствует ген, который в других видах плесени отвечает за формирование афлатоксинов — ядовитых веществ, которые делают плесень опасной для людей.

Кацуо-буси

из животных продуктов: с солью ферментировали фрукты и овощи, мясо и рыбу¹.

Со временем на смену мясу и рыбе приходят соевые бобы, а вместо хисио на японских столах появляются паста мисо и соевый соус сёю. Оба этих ключевых продукта японской кухни делаются по похожему принципу: варёные соевые бобы смешиваются с рисом, поражённым кодзи и солью в деревянном чане, и через пару лет выдерживания получается столь любимый японцами вкус умами (о котором — чуть ниже).

Но даже ферментацией злаков японцы не ограничиваются. Используя кодзи, они начинают ферментировать рыбу, и постепенно пытливый японский ум приходит к созданию вкуса, который лёг в основу многих блюд, волшебным образом делая их вкуснее: это стружка тунца *кацуо-буси*.

¹ Эта традиция дошла и до нашего времени, сохранившись в меню японских рюмочных и рыбацких деревень. Сиокара (дословно — «солёное с сильным вкусом») — ферментированные с солью и потрохами морепродукты. Чаще всего встречается сиокара из кальмаров — их нарезают, выдерживают в чанах с солью и потрохами до полугода, перемешивая каждый день, и раскладывают по банкам. Получившийся кальмар обладает концентрированным солёным вкусом, сравнимым с солёными анчоусами. Рыбные соусы народов стран Юго-Восточной Азии — другой пример квашения рыбы, дошедшего до наших дней.

Процесс приготовления даси

Техника её изготовления весьма затейлива. Сперва нужно сварить тунца, затем охладить его, подсушить, закоптить, дать покрыться кодзи, высушить на солнце, снова дать покрыться кодзи, снова высушить, проделать эти действия до четырёх раз и убрать высушенную до крайней степени рыбу в тёмное тёплое помещение. А через пару месяцев нужно взять рубанок и строгать получившийся твёрдый как камень брусок: стружка окажется неожиданно очень вкусной.

Ею можно посыпать разные блюда типа *окономияки*, придавая им внешнее изящество и вместе с этим усиливая вкус; можно кидать в кипящую воду и придавать этот сильный характерный вкус бульону. Кацу-буси занимает прочное место в японской кухне, а японцы экспериментальным путём выясняют, что грибок кодзи в сочетании с некоторыми продуктами создаёт особенно интенсивный вкус. Так был обнаружен знаменитый умами.

8. Умами

Один из ответов на вопрос, почему японская кухня так всем нравится, лежит в области биохимии и тесно связан с этим словом. Умами — так называемый «пятый элемент» вкуса, дополняющий классический набор из сладкого, кислого, горького и солёного, но при этом долгое время неизвестный миру.

Механизмы нашего восприятия четырёх классических вкусов давно биологически объяснены. Сладость — это в первую

очередь вкус энергии, то есть углеводов. Кислота и горечь — вкусы соответствующих органических кислот и полифенолов. Соль тоже физиологически необходима человеческому организму, поэтому неудивительно, что мы ощущаем её на вкус. А вот умами (что в переводе значит нескромно «вкусность») — понятие, требующее особого пояснения.

Ещё до развития биохимии в Японии существовало выражение «не хватает умами»: значит, этот особый ни с чем не сравнимый вкус японцы выделяли давно, за много столетий до того, как его обнаружит наука. Описать его сложно: он находится где-то на тонкой грани между солёным, сладким и кислым, создавая необъяснимо приятное вкусовое ощущение, которое хочется пробовать снова и снова. Можно было бы предположить, что это просто умелый повар так грамотно соединил ингредиенты, но на самом деле причина лежит глубже — японцы смогли дойти до первоисточника этого «вкусного» вкуса.

Во-первых, этот вкус давал отвар ламинариевых водорослей *комбу*, распространённой в местных водах (кроме *комбу* и грибов *сиитаке*, умами в чистом виде почти не встречается нигде в мире); во-вторых, он отчётливо чувствовался в упомянутой выше стружке тунца *кацуо-буси*. Комбинация этих двух элементов приводит японцев к созданию *даси*.

Даси можно считать квинтэссенцией умами и основой вкуса японской кухни, он есть у любой домохозяйки и везде, где вообще готовят японскую еду. По сути, это бульон, но этот бульон разительно отличается от всех остальных. В классическом виде его приготовление занимает не очень много времени и, поскольку ингредиенты можно при желании найти в японских магазинах в России, желающие могут поупражняться в создании секрета истинного японского вкуса у себя дома.

Для этого нужно налить в кастрюлю воды и кинуть туда лист *комбу*¹; сначала полчаса варить на медленном огне, затем прибавить огня, а перед закипанием вынуть *комбу* и кинуть в воду пару горстей *кацуо-буси*. Варить этот бульон ещё 3 минуты, а затем быстро отфильтровать стружку. Полученная жидкость янтарного цвета, с легким ароматом дымка и моря, без капли жира, с ярко выраженным сладковато-солонатово-неописуемым вкусом — и будет *даси*. Добавляя её в разные блюда, вы получите тот самый японский вкус, пленивший весь мир.

¹ Второй вариант — замочить *комбу* в кастрюле на ночь, а утром включить огонь и далее действовать по основному рецепту.

В 1908 году профессору Токийского Университета Икэда Кикунэ удалось определить, что источник умами в даси — это глутаминовая кислота (которую ещё в 1866 году обнаружил немецкий химик Рихтгаузен). Затем ему удалось установить, что наибольшей концентрацией умами обладает натриевая соль глутаминовой кислоты, и он начал разрабатывать методику её промышленного производства: так человечество получило доступ к знаменитому по сей день глутамату натрия. За глутаминовой кислотой следует идентификация источников умами и в других базовых ингредиентах даси: инозиновая кислота в стружке кацуо-буси и гуанозинмонофосфат в сушёных грибах сиитакэ.

Таким образом, с точки зрения биохимии умами можно назвать «вкусом аминокислот и нуклеиновых кислот», по сути — это вкус белка. Важно и то, что благодаря насыщенности этого вкуса японская кухня традиционно обходилась без использования жиров, что делало её полезнее для здоровья.

В западной гастрономии умами долгое время считали неким японским суеверием: дескать, японцы просто называют странными словами удачные комбинации соли, сладости и кислоты. Дело в том, что, как стало известно сравнительно недавно, глутаминовая кислота почти не экстрагируется в жёсткой (содержащей много ионов кальция и магния) воде большей части Европы.

Кроме того, кацуо-буси и комбу содержат умами в чистом виде, в то время как основные источники умами во французской и итальянской кухнях — сыр и томат — обладают комплексными кисло-сладкими нотами во вкусе, среди которых умами не так различим. Поэтому в чистом виде этот вкус был мало знаком европейским поварам. Однако в 2000 году учёные открывают рецепторы глутаматов во вкусовых сосочках людей, и с тех пор понятие «умами» прочно входит в международный гастрономический вокабуляр (и репертуар).

Сегодня для создания умами на японской кухне масса ингредиентов: соль, мисо, соевый соус, сакэ, *мирин*¹ — их сочетания в разных пропорциях позволяют делать вкуснейший маринад (то, что японцы называют *сита-адзи* — «нижний вкус»). Кроме того, их можно использовать для создания того неотчётливого

¹ Сладкое рисовое вино, креплёное рисовым же самогоном. До XVII века употреблялось как сакэ, позже — всё более в кулинарии. Богато аминокислотами и придаёт блюдам не только сладость, но и умами, а также привлекательный блеск.

вкуса, благодаря которому вроде бы простое блюдо хочется есть и есть (это японцы называют *какуси-адзи* — «скрытый вкус»).

Чистая биология — и почти никакого волшебства.

Теперь, когда все главные вводные принципы и правила японской кухни обозначены, можно переходить к основному рассказу. А для этого нужно мысленно воспарить высоко вверх и представить Японские острова с высоты птичьего полёта.

Мы увидим переходящие один в другой горные массивы, усеявшие гряды островов, вытянутых от Курил на севере почти до Формозы на юге. Горы в Японии занимают около 75% территории страны, а более 60% её поверхности покрыты густыми лесами. Пригодных для сельского хозяйства земель изначально было совсем мало, поэтому тысячелетиями японцы срезали горы, засыпали овраги, озёра и даже море, чтобы получить хоть немного больше благословенной ровной земли.

Гористые леса — не лучший рельеф для того, чтобы легко находить там пропитание. Местным жителям, не избалованным доступной едой, приходилось заниматься собирательством, ловить рыб и птиц, выращивать сою, гречиху и ямс — с трудом искать достаточное пропитание, чтобы не умереть с голоду. Наиболее доступным источником углеводов были жёлуди и каштаны, но они требовали длительной термической (и не только) обработки: их нужно было пропарить в большом количестве питьевой воды (накопить которую не так-то просто), затем вымачивать в чистой воде, постоянно её меняя, потом тщательно перетереть, а после еды — долго переваривать.

Можно представить себе, каким даром небес стало для жителей архипелага заливное рисосеяние, попавшее в Японию в конце II столетия: оно явилось для них настоящим спасением, идеально вписавшись в местные природные и климатические условия.

Рис — чрезвычайно плодовитое растение. Без преувеличения, одно посеянное зёрнышко приносит урожай в 1000 раз больше себя самого, ни одна другая злаковая культура не может похвастаться такой эффективностью. Именно эта черта, позволяющая людям извлечь максимум из тесных, ютящихся между скалами полей, сделала возможным быстрый рост населения на начальном этапе, что в итоге привело к современной высокой плотности населения.

Рис можно выращивать на суше или в воде, но в Японии издревле выделяли породы, подходящие для заливного рисосеяния, как более вкусные. Сперва засеивались естественные ни-

Террасные рисовые поля в Хасами, Нагасаки, Япония

зины, где во влажные месяцы скапливалась вода. Затем стали разрабатывать земли вокруг рек, копая каналы для их орошения. И чем сильнее росло население, тем более крупными и сложными становились ирригационные системы.

Иными словами, заливное рисосеяние, которое оказывается наиболее эффективным в этих условиях, требует от людей огромного объёма слаженной коллективной работы: нужно из диких горных лесов сделать ровные площадки, одинаково заполненные водой, построить целую ирригационную систему — фактически полностью изменить окружающий ландшафт. А поскольку количество водных ресурсов ограничено, их надо грамотно поделить между всеми поселениями, находящимися на разных участках водной системы, — значит, нужна кооперация на уровне регионов. Есть основания полагать, что эта титанически сложная и слаженная работа и привела к формированию такого базового японского качества, как коллективизм. На одиноких хуторах тут было просто не выжить, и роль социума в выживании индивида была значительно выше, чем на материке.

Кроме того, когда все земли вокруг рек освоены, для расширения полей не обойтись без создания новых масштабных систем орошения, а для их строительства требуются сложные математические расчёты и знание геометрии. Это создаёт условия для распространения научных знаний: в каждой деревне требуется человек, разбирающийся в гидроинженерных сооружениях, поскольку выход системы орошения из строя грозит потерей урожая. А если вспомнить про регулярные тайфуны и землетрясения, своей мощью порой меняющие ландшафт, то становится понятно, что риски были весьма высоки. Таким образом, можно увидеть, что несколько японских качеств, известных нам и по сей день, формируются именно благодаря выращиванию риса.

Японский рис принадлежит к категории *Japonica*. Характерную клейкость ему придаёт особый состав крахмала с большим количеством амилопектина: чем его больше, тем более клейким становится рис. Японцы выделяют два сорта — обычный *уручи-маи*, в котором 20% амилозы и 80% амилопектина, и клейкий *мочи-маи*, на 100% состоящий из амилопектина и использующийся для изготовления теста *мочи*.

Важно помнить и то, что хотя сегодня рис представляется нам белым, так было далеко не всегда: рис, который испокон веков ели в Японии, был серым и неочищенным. Белый рис на японских столах — примета сравнительно недавнего времени, он стал общедоступным лишь после Второй мировой войны. Изначально же традиция есть очищенный рис появляется в период Эдо, в среде столичных гурманов. Тогда же местные врачи начинают сталкиваться с проявлениями неизвестных ранее заболеваний. Дело в том, что неочищенный рис полезнее белого: в поверхностных слоях зерна, которые счищаются при помоле, содержится витамин B₁, который необходим организму для успешного переваривания углеводов и правильного обмена веществ. При его отсутствии в рационе человек становится слабым, легко утомляемым и раздражительным, что является симптомами такого заболевания, как бери-бери. Однако ещё врачи эпохи Эдо выяснили, что человека можно вылечить, переведя на более простой режим питания. В настоящее же время проблема решилась благодаря тому, что доля риса в общем объёме потребляемых калорий уменьшилась настолько, что уже не оказывает столь существенного влияния на здоровье.

Рис можно справедливо считать основой японского рациона сегодня, но полагать, что все японцы испокон веков регулярно его ели, в корне неверно. Несмотря на большие объёмы и значительные площади выращивания, он на протяжении большей части истории страны был элитарным продуктом, который могли себе позволить лишь наиболее состоятельные граждане.

Дело в том, что, как уже было сказано, в феодальный период развития Японии рис был одновременно и самым возделываемым злаком, и олицетворял при этом меновую стоимость денег, будучи экономической основой японского государства. Среди японских княжеств в средние века существовал даже своеобразный рейтинг, где критерием было количество выращиваемого риса. А непроизводительные сословия (включая огромное число самураев) получали в рисе свой ежегодный оклад. Это автоматически ставило его культивацию и дистрибуцию под жесточайший контроль государства.

Такая политика неизбежно приводила к тому, что подавляющая часть населения страны от зари до зари трудилась над выращиванием риса, но сама была лишена возможности употреблять в пищу результаты своих трудов. Крестьяне (а их было около 80% населения) облагались грабительским налогом *нэнгу* («ежегодная повинность»), составлявшим от 40 до 60% собранного урожая. И это только официально: на местах существовала неизбежная культура кормления локальных служащих, и де-факто крестьянам доставалась мизерная часть урожая риса, не способная обеспечить сытое существование. А спрятать урожай было невозможно — уже с раннего средневековья все рисовые поля были дотошно описаны и ранжированы по урожайности, а разработка новых полей — дело хлопотное и массовое. Так называемые «скрытые поля» *какуси-да* существовали, но, как правило, недолго оставались тайными. Принцип круговой поруки, когда за проступок одного жителя деревни расплачивались все, тоже играл свою роль. Оставалось есть более простые злаки (просо, могар), варить жёлуди и каштаны, выискивать пропитание в травах, пробовать на вкус всё, что только можно, — это во многом и легло в основу нынешнего пищевого разнообразия японцев.

Безусловно, к наиболее очевидным преимуществам географического положения Японии (коих, по большому счёту, не так много) относится то невероятное изобилие рыбы, морских гадов и моллюсков, которое можно выловить в прибрежных водах.

Японский архипелаг находится на стыке четырёх тектонических плит, на границе материка, океана и морей. Это географическое разнообразие рождает множество бурных течений, и два самых крупных из них оказывают поистине грандиозное влияние на морскую флору и фауну. Это Куроисио — «чёрное течение», которое течёт с Юга на Север, циркулируя по часовой стрелке, и Оясио — курильское течение, которое приносит холодные воды Северного Ледовитого океана через Охотское море в Тихий океан, далее закручиваясь против часовой стрелки и уходя от японских берегов. Так Япония оказывается на стыке тёплых вод, по которым приплывают тунцы и прочие крупные рыбы с юга, и холодных, богатых планктоном и минералами, северных вод, идеальных для прокорма мелких рыб. Это столкновение громадных масс тёплых и холодных вод в сочетании с сильно изрезанной береговой линией (подходящей для укрытий и жилья разной фауны вдоль берегов) и большого количества рек (которые приносят питательные вещества гор в море) создают у берегов Японии одни из самых богатых рыбных угодий в мире.

В быту и на прилавках японцы делят рыбу на 3 условных вида: белую (*сиродзакана*), красную (*акадзакана*) и синюю (*аодзакана*). Белая и красная едва ли кого-то удивят: это международное деление по содержанию пигментных белков в мясе (больше 10 г на 100 г — красная рыба, меньше — белая). А вот с синей рыбой едва ли многие из нас сталкивались.

В этом можно увидеть стремление японцев максимально точно классифицировать все феномены окружающего их мира. «Синими» тут называют тех красных рыб, которые обладают характерным синим окрасом на спине. Это рыбы отряда сельдеобразных (сельдь, сардины, макрель и так далее) и ещё двух семейств — ставридовых и скумбриевых (разные виды скумбрий, ставрид и мелких тунцов). Характерно, что именно синие рыбы составляли на длительном историческом отрезке основу рыбного рациона японцев. Они же заслуживают внимания и в наше время: содержащиеся в них жирные кислоты омега-3 позитивно влияют на здоровье сосудов и на когнитивные способности, нормализуют давление и в целом предотвращают развитие болезней образа жизни, от которых страдают жители всех развитых стран.

Кроме многочисленных морских гадов, под водой растёт множество водорослей, и они тоже идут японцам в пищу. Из их большого многообразия следует особенно выделить комбу — «святой грааль» концепции умами. Это тёмно-зелёная ла-

Комбу

минариевая водоросль, растущая в основном в северных морях¹, но совершенно незаменимая по всей стране. Выше уже упоминался бульон даси, но это не единственный способ употребления этой водоросли в пищу: её используют в *одэн*, маринуют, даже заваривают в горячей воде измельченный комбу (часто с сахаром или иным вкусовым дополнением), получая *комбу-ча* — чай из водорослей². На Окинаве комбу используют как овощ, часто подавая его со свиной.

Не менее (а возможно, и более) популярны *нори* — красные водоросли из рода Порфира, которые высушивают, делая из них подобие листов бумаги. Представлять их не нужно: хрустящие нори прекрасно знакомы всем любителям японской кухни, поскольку в них заворачивают *маки-дзуси*. Кроме этого, есть *вакамэ*, которую часто используют в салатах или су-

¹ Наиболее ценна ламинария с островов Рэйбун и Рисири, расположенных вблизи пролива Лаперуза, отделяющего Хоккайдо и Сахалин.

² Не следует путать этот чай с комбуча — ферментированным напитком на основе чайного гриба.

пах. Знаменитый сегодня во всём мире *мисо-сиру* (который мы называем мисо-супом) тоже невозможно представить без этой водоросли.

В общем, настоящее морское изобилие, окружающее горную гряду Японских островов со всех сторон.

Ещё один важнейший ингредиент японской кухни не лежит на поверхности и не слишком обращает на себя внимание, однако без него совершенно невозможно представить японский рацион — это бобы.

Сперва это может показаться странным; мы склонны ассоциировать японскую кухню скорее с рисом и рыбой, нежели с бобами. Но более внимательный взгляд на её составляющие даёт представление, что на самом деле бобовые культуры играют очень важную роль в создании того японского вкуса, который мы так любим.

В Японии встречается несколько разновидностей бобовых культур, но наиболее любима японцами соя (не случайно её иероглифическое написание 大豆 — «большие бобы»). Японская кухня изобилует продуктами, которые из них сделаны, и все они входят в часть ежедневного рациона жителей архипелага. Достаточно назвать лишь некоторые из них, чтобы дать представление о невероятном потенциале сои, не столь раскрытом в наших широтах.

Во-первых, *тофу*, который иногда называют «соевым творогом» — по принципу внешнего сходства: он такой же белый и мягкий. Тофу завоевал любовь японцев в том числе и за свои питательные свойства. Это идеальная еда для похудения, богатая протеином, с минимальным количеством калорий и полным отсутствием холестерина.

Чтобы сделать тофу, нужно замочить соевые бобы в воде, отварить и размять их до однородной массы. В получившееся соевое молоко добавляют коагулянт (сгущающее вещество), а затем затвердевшую массу охлаждают в воде. Появляющаяся при этом на молоке пенка *юба* также используется в разных блюдах (в этом есть и проявление японской философии *моттаинаи*: ничего не должно пропадать впустую, всё нужно по максимуму использовать).

Этот способ приготовления сои появился на территории современного Китая в начале нашей эры и был представлен японскому императорскому двору в VIII столетии. В Японии тофу стали делать более мягким, чем оригинальный продукт, и он быстро обрёл народную любовь благодаря многочисленным вариантам использования (и дешёвизне).

Его можно есть холодным, посыпав стружкой тунца (*хияякко*), можно обжарить во фритюре и подать с бульоном (*агэдасидофу*), можно дожарить до золотистой корочки (*ацу-агэ*), не говоря уже об использовании в салатах и многих других способах. В 1782 году вышла кулинарная книга со 100 рецептами из тофу — она имела такой успех, что во втором томе было собрано уже 138 рецептов.

Как мы говорили выше, если взять соевые бобы и ферментировать их в кадке вместе с рисом и кодзи, получится соевая паста мисо. Все знают знаменитый суп мисо (*мисо-сису*), но не все представляют, что лежит в его основе. В своём отношении к супу японская кухня оказывается неожиданно созвучна русской: без него тут не представляют ежедневную трапезу (при этом традиционно едят и на завтрак, и на ужин); и чаще всего в основе этого супа — и этого вкуса умами — соевые бобы.

Способы приготовления пасты мисо различаются от региона к региону: разнятся пропорции бобов и кодзи, а на юге туда часто добавляют ячмень. В зависимости от этого меняется цвет пасты: она может быть и бледно-желтой, и рыжей, и красной. Мисо — идеальный дрессинг, отличный соус к разным блюдам, прекрасная замена и тому, и другому. Известное в Японии блюдо *морокю* — это просто нарезанные огурцы с мисо (вместо огурцов можно использовать капусту и многие другие овощи).

Во время ферментации мисо на поверхности скапливалась насыщенная пряная жидкость, которая тоже не ускользнула от внимания японцев и получила свою собственную жизнь. Сначала они стали делать такой же замес, как для мисо, но добавлять в состав значительно больше воды, а по окончании ферментации тщательно выжимали получившуюся смесь, отделяя жидкость от жмыха. Со временем было обнаружено, что добавление небольшого количества пшеницы добавляет пикантности и аромата, а если в полученный соус добавить ещё свежего суслы (смеси из бобов, воды и кодзи), то получится ещё более насыщенный вкус. Так появляется знаменитый во всём мире соевый соус, который японцы называют *сёю*.

Со временем он неизбежно попадает в поле зрения европейцев. Голландская Ост-Индская компания начинает экспортировать его из Японии в середине XVII столетия, и он довольно быстро становится в Европе настоящим хитом. Сами европейцы готовить его не умели, но этот вкус (тогда ещё не существовало слово «умами»,

Натто

но это яркое вкусовое ощущение ни с чем не спутаешь) определённо пришелся им по душе. Говорят, французский монарх Людовик XIV даже называл его «чёрным золотом» — за столетия до того, как в мире появилось другое «чёрное золото».

Однако в ферментации соевых бобов японцы на этом не останавливаются и идут ещё дальше — за ту грань, где кончается комфортный для европейцев вкус. Один из популярных в Японии продуктов — переброженные соевые бобы *натто*, не самые приятные на вид, но очень, говорят, полезные для здоровья.

Существуют разные легенды о том, как японцам пришла в голову мысль есть эту остро пахнущую склизкую массу, которая незнающему человеку может напоминать внутренности инопланетянина, однако большинство сводится к тому, что подобный способ приготовления натто был результатом не продуманного рецепта, а случайности. Якобы соевые бобы пролежали так долго, что даже успели испортиться, но бесстрашные японцы попробовали — и им понравилось. В таком виде и пошло в народ.

Многие японцы любят есть натто на завтрак, размешивая бобы с рисом, иногда к этому добавляют яйцо. Также их часто

добавляют в роллы (маки-дзуси), но едва ли такая версия могла бы стать популярна в наших широтах.

В защиту натто надо сказать, что это очень полезный продукт. Легкоусвояемые белки и аминокислоты — раз; полезный особенно для дам изофлавон — два; особенный энзим наттокиназа, который растворяет бляшки в сосудах — три; обилие клетчатки — четыре; мощный антиоксидант соевый сапонин — пять; кальций с магнием, витамины B₂ и E₆. Ну что, ещё не захотелось попробовать?

Говоря об оригинальных японских продуктах, не слишком знакомых европейцам, нужно вспомнить и о *конняку* — желе из корня растения, которое за свой внешний вид, помимо строгого научного названия Аморфофаллус коньяк, получило ещё и «народные» прозвища — Дьявольский язык и Ладонь змеи.

Придумавших эти названия людей можно понять: одного взгляда на этот красный торчащий цветок, испускающий сильный и резкий запах гниения, достаточно, чтобы появились и не такие ассоциации. Но сам цветок не едят: в пищу идёт корень, представляющий собой большой клубень. Из него делают упругое желе сероватого цвета, которое считается полезным для здоровья и отличным средством для похудения.

Конняку

Как можно заметить, традиционный рацион японцев в силу природных факторов сильно отличается от нашего. А вот с мясом и молоком — ключевыми продуктами на европейских столах — в Японии исторически не сложилось.

Виной тому, в первую очередь, ландшафтная ситуация на архипелаге: просторных пастбищ для разведения животных попросту не существовало. Не случайно мясные и молочные продукты получают тут широкое распространение относительно поздно — лишь после реставрации Мэйдзи во второй половине XIX века, когда начинается активное освоение северного острова Хоккайдо, идеально подходящего для животноводства.

Кроме того, большое влияние на ограничение популярности мясных продуктов оказал буддизм, заботившийся обо всех живых существах и потому не приветствовавший употребление в пищу мяса животных. Так, в 675 году император Тэмму, заботясь о нравственности своих подданных, издал указ, запрещающий поедание мяса коров, лошадей, собак, обезьян и кур. Однако указ этот был не совсем категоричным: дичь в этот список не вошла, а также исключение было сделано для сушёного или вяленого мяса, часто использовавшегося в качестве подношения божествам.

Но буддийская философия, проникая в повседневную жизнь, оказывала влияние и на простых людей: мясо казалось им уже не таким аппетитным и привлекательным. Оно и понятно: если в каждом животном можно увидеть человека, который стал таковым из-за своих прегрешений в прошлой жизни, то зарезать это животное и съесть его мясо уже далеко не так психологически комфортно. Однако существует любопытный момент: хотя на мясо животных был наложен запрет, некоторое время их одомашнивали для получения молока.

Так, согласно историческим хроникам, в VIII веке японцы разводили коров, и на протяжении целого столетия ко двору императора поставляли молоко и сыр *дайго*, однако большого развития эта традиция не получила. Молочные продукты оставались элитарной кухней и привилегией власть предержащих, разведением коров занимались буддийские монастыри, а после перехода пастбищ в частную собственность выпас коров постепенно сошёл на нет.

Скотоводство и в самом деле давало большую нагрузку на окружающую среду, поэтому власти скорее поддерживали zalливное рисосеяние, нежели разведение животных. Выпас коров

закончился к XI столетию, лошади использовались в военных целях, но о добыче из них молока никто уже особо не задумывался.

Буддийский запрет на использование животных в пищу достиг своего апогея к 1052 году, когда был объявлен предстоящий конец света *ампо*. Перед этим событием люди стали настолько набожными и соблюдающими все предписания, насколько это вообще было возможно; разумеется, о поедании живых существ речи вообще не шло. Однако обещанного конца света, как известно, тогда не случилось, серьёзность религиозных страхов оказалась несколько преувеличенной.

Ну и к тому же, хотя существовал формальный запрет на мясоедение, сказать, что всё население страны поголовно его соблюдало, означало бы приукрасить ситуацию. Разумеется, простые крестьяне, жившие в труднодоступных горных регионах, куда с трудом доходила цивилизация в лице буддийских заповедей, не особо следили за тем, чтобы в их рацион не попадало ничего мясного. Дикие кабаны, олени и куропатки продолжали идти людям в пищу, а рецепты с использованием их мяса впоследствии попадали в поваренные книги.

Говоря о формировании японской гастрономии, нужно помнить: большое влияние на неё оказала материковая культура. Поскольку на заре своей цивилизации японцы черпали из Китая всё, что могли (и не всегда то, что им было по-настоящему нужно), не удивительно, что сфера питания не осталась в стороне от этого процесса. Рисосеяние, лапша, сладости, чай, основы ферментации и многое другое было заимствовано трудолюбивыми и любознательными японцами у своих материковых соседей. Кроме того, заимствовали и принципы сервировки стола.

Во-первых, именно из Китая пришла традиция есть палочками. Поскольку, как было сказано выше, повар в Японии — это в первую очередь мастер ножа, еда в момент подачи на стол уже нарезана до такой степени, что эти маленькие кусочки удобно класть в рот сами по себе, и никакой дополнительной нарезки не требуется. Можно представить удивление японских дипломатов, которые в XIX столетии во время официального визита в Европу попадают на торжественный приём пищи: каждый сидящий за столом вооружён ножом и вилкой — двумя остро наточенными предметами, крайне похожими на холодное оружие. Учитывая, что в Японии на время официальных трапез самураи оставляли мечи за пределами помещения

(гарантируя таким образом безопасность участникам застолья), такая традиция в цивилизованной Европе выглядела вызывающе опасной.

Во-вторых, в Китае эпохи Тан на торжественных приёмах существовала традиция подавать каждому участнику еду на отдельном столике, и японцам она тоже пришлась по вкусу. Так в хэйанской Японии тоже появляются низкие столики и подносы, на которых аристократам подавались блюда.

Индивидуальная подача, популярная среди хэйанской аристократии, сохранилась в Японии до сих пор: еду тут часто приносят на отдельных подносах, а более народная традиция есть из общей посуды отчётливее всего проявляется в *набэ* — традиционном зимнем блюде, где в большой кастрюле варятся овощи, грибы, мясо или различные сезонные продукты.

В эпоху Хэйан начинает формироваться принцип *ичидзюсансай*, который является одним из основополагающих в японской кухне до сих пор: рис, суп и три небольших блюда — главное (как правило, рыба) и две закуски. В течение дня было два основных приёма пищи: в 10 часов утра и в 4 часа дня. Есть в промежутках между ними было не очень принято. Это и неудивительно: привычка есть три раза в день появилась у человечества относительно недавно.

Названия блюд напрямую говорят о способе их приготовления: *химоно* (вяленое), *намамоно* (свежее), *якимоно* (жареное на огне), *мусимоно* (варёное на пару), *нимоно* (тушёное), *цукэмоно* (соленья) и так далее.

В конце трапезы подавали сакэ и воду. В обычной жизни, впрочем, тоже пили только эти два напитка, других не существовало. Известный сегодня всему миру японский зелёный чай тогда считался лекарством и не появлялся на столах во время трапез. До его перехода из медицины в японскую кухню оставалось ещё несколько столетий, и он случится уже во времена правления самураев.

Однажды февральским утром Минамото Ёритомо, основатель сёгуната Камакура, проснулся с сильным похмельем и ужасной головной болью: выпитое накануне сакэ давало о себе знать. В тот день он принимал у себя дзэнского настоятеля Эйсай, который напоил сёгуна горячим светло-зелёным горьковатым напитком и сказал, что должно помочь. И — о чудо — головная боль прошла, и Ёритомо заметно полегчало.

Тогда он начинает время от времени попивать этот чудодейственный напиток, заказывает его ко двору, угощает гостей, те

Чайная плантация в посёлке Вадзука,
преф. Киото, Япония

тоже хотят угостить своих друзей... Так самураи узнали о целебных свойствах зелёного чая, и началось его продвижение в японские массы, а затем и триумфальное шествие по миру.

Кто первым привёз в Японию семена чайного дерева, неясно до сих пор: одни говорят, что это был Кукай, другие приписывают заслугу его современнику Сайчё. Возможно, впрочем, ни тот ни другой; скорее всего, разные монахи привозили с собой семена и рассаду чайного дерева и сажали их в своих монастырях или в окрестных лесах.

В то время в Китае чай был относительно редким товаром: в основном он использовался в монастырях для поддержания ясности ума во время медитации и лишь иногда отправлялся ко двору как целительное средство. За пределами своего естественного произрастания этот напиток был доступен лишь очень состоятельным людям.

Японским монахам отвар пропаренных и высушенных побегов чая (*камелия синенсис*) пришёлся по вкусу, однако, как

и в Китае, на протяжении почти четырёх столетий чай редко употреблялся за пределами буддистских монастырей и некоторых аристократических домов, а постепенно эта традиция и вообще сходит на нет.

Второе дыхание японская чайная культура получает в XIII столетии. Одним из активных популяризаторов чая, активно ратующих за его употребление, был монах Эйсай, который и угостил Ёритомо этим напитком. В своём трактате «*Кисса ёдзёки*» («О питии чая и его пользе для здоровья») он сокрушался об утрате чайных традиций:

«Чай — лучшее средство для поддержания здоровья, он — путь к продлению жизни. Горы и доли, где рождается чай, населены мудрыми духами. И тот, кто знает об этом и собирает тот чай, проживёт долгие лета. Чай ценится высоко в святых землях Индии и Китая. И в нашей стране восходящего Солнца был он раньше любим. Так почему же больше не собираем эти листья?»

Эйсай был бы доволен, знай он, как японский зелёный чай популярен и любим не только внутри страны, но и по всему миру¹. Японцы начали не только собирать эти листья, но и обходиться с ними с умелой сноровкой, вниманием и бесценным опытом.

Собранные молодые листья как можно быстрее подвергают термической обработке, чтобы остановить действие фермента, который, как только лист срывают, начинает превращать содержащийся в чайном листе горький катехин в менее вяжущий теофлавин. Если этого вовремя не сделать, поменяется их цвет, и получится в итоге всем нам хорошо знакомый чёрный чай.

Затем листья в несколько этапов сушатся и формуются в форму иголок. Так получается самый популярный чай в Японии — *сэнча*. А вот дальше вступает в дело японская фантазия и изобретательность, начинаются эксперименты с процессом и со вкусом.

¹ Интересно, что первый чай, попавший в Европу, был именно японский зелёный, привезённый голландцами в начале XVII столетия, но он был довольно быстро вытеснен чёрным чаем из Китая, который продавали англичане. Несмотря на попытки японского экспорта в Америку, а затем в Россию, создание британцами чайных плантаций на Цейлоне и в Ассаме в первой половине XIX века окончательно выбило японцев из конкуренции на мировой арене.

Если листья для сэнча не формовать, а высушить плоскими, а потом перетереть в порошок — получим *матча*. Если кусты, с которых собирали листья, перед сбором укрывать от солнца, получается *гёкуро* или *кабусэ-ча*. Недорогое сырьё идёт на *ходзичя* — обжаренный чай со сладковатым карамельным ароматом. Для изготовления *гэнмайча* тоже используют недорогой сэнча, зато с добавлением обжаренного риса, что придаёт ему характерный поджаристый аромат.

Всем этим чаям свойственна одна интересная особенность — для термической обработки листьев используется влажный пар. Этот метод был популярен в Китае до XII–XIII веков, но затем он уступил место методу сухого жара, который с тех пор и остаётся стандартным в китайской чайной индустрии. Японцы же предпочли не отказываться от классических древних традиций, что может являться своего рода атавизмом, как, впрочем, и практика перетирания чайного листа в порошок при заваривании. Что бы делали миллионы любителей *матча* по всему миру, если бы японцы не сберегли эту средневековую традицию, — уму непостижимо.

Последователь Эйсая дзэнский мастер Догэн тоже много думал о здоровье и искал способы сделать питание здоровым и правильным. Использовать в пищу зверей, рыб или птиц казалось ему плохим для кармы и бесчеловечным.

Идея не была нова: она появилась в буддизме Махаяны и была связана с концепцией ненасилия — *ахимса*. Вместе с распространением буддизма она набирает популярность во многих странах Юго-Восточной Азии; этому принципу приготовления еды следуют монашеские сообщества в Китае, Корее, Вьетнаме и так далее.

В XIII столетии благодаря Догэну она начинает распространяться и в Японии, получив название *сёдзин-рёри* («кухня духовного развития»). От других видов гастрономических традиций, появившихся в стране, где не слишком любили ограничивать себя в физиологических удовольствиях, она отличалась наибольшей строгостью и формальностью: в ней было полностью запрещено использование любого животного, будь то мясо или рыба. В еду шли овощи, бобовые, злаки, ключевым продуктом был нейтральный по вкусу соевый творог тофу (который, впрочем, по своему аминокислотному составу весьма близок к мясу, как и другие продукты из сои).

Эта аскетичная веганская кухня, помимо следования принципу ненасилия, являлась в то же время воплощением главного

буддийского принципа: простота, скромность, отказ от желаний и от удовольствий. В своей работе «Тэндзо кёкун» («Наставления монаху, отвечающему за кухню») Догэн писал:

«Когда готовишь еду, важно быть искренним и относиться с уважением к каждому ингредиенту, неважно, благородный он или простой. Густой и жирный суп ничуть не лучше бульона из сваренных диких трав. Готовя еду из трав, обращайся с ними так, как будто это продукты для великого праздника: искренне и с чистым открытым сердцем».

Как известно любому вегетарианцу, блюд, которые можно вкусно приготовить без мяса или рыбы, великое множество, и сёдзин-рёри — прекрасное тому подтверждение. В этой кухне встречается большое количество блюд из риса, включая каши, несколько видов лапши, грибы и овощи под разными соусами. Кроме того, существовала соя — источник не только протеина, но и неисчислимого числа вкусных рецептов: многие блюда, которые готовили монахи в японском средневековье, были полноценными заменителями мяса, мода на которые придёт в мир значительно позже.

Дело в том, что соевый и пшеничный белки крайне удобно готовить и использовать в пищу: им можно придавать самые разные формы и текстуры, при этом они останутся лишёнными ярко выраженного вкуса, а значит — легко принимающими вкусы различных вкусовых добавок. А как мы помним, с учётом доведённых до совершенства техник и методов ферментации в японской кухне, создание по-настоящему «вкусных» кусочков не было тут большой проблемой.

Таким образом, казалось бы — аскетизм и усмирение плоти, однако с другой стороны это приводит к необходимости экспериментировать, находить новые интересные сочетания, создавать яркие вкусы с использованием продуктов, априори полезных для здоровья, — настоящая радость для любого гурмана. Неудивительно, что традиция сёдзин-рёри в итоге вышла за пределы стен буддийских монастырей и нашла немало поклонников в среде простых людей.

Время правления воинского сословия внесло значительные изменения в японскую гастрономию и привычки населения, и эти изменения во многом были связаны с традициями буддийских монастырей. Это говорит о большом их влиянии на са-

мурайских лидеров, которые, хоть и любили закатывать пиры, старались устраивать их в соответствии с заветами мудрых монахов, наверняка знавших секреты здоровья и долголетия лучше, чем воины.

Ещё одна из традиций, зародившихся в монашеской среде, но перешагнувших через время и оказывающих сегодня значительное влияние на японскую гастрономию, — это кайсэки-рёри, о которой неоднократно говорилось выше. Она представляет собой удивительный пример метаморфозы, когда традиция максимального аскетизма и простоты, связанная с концентрацией на вкусе зелёного чая, зародившись в полумраке бедных монашеских хижин, превратилась спустя века в особую гастрономическую культуру, где изысканные сезонные блюда подаются с роскошным изяществом в полутьме дорогих ресторанов.

Перевести это понятие сходу не получается. Если со словом рёри («еда», «кухня») всё понятно¹, то определяющее слово кайсэки может поставить в тупик, поскольку существует два разных варианта его написания, а значит, и перевода.

В первом варианте (懷石) оно означает «камень за пазухой». Кажется, что никакого отношения к еде нет, но это лишь на первый взгляд. Автор этой концепции великий чайный мастер Сэнно Рикю, как и многие другие монахи, использовал небольшое ноу-хау: если нагретый на огне камень положить ближе к животу, то чувство голода и холода пропадает, а значит, можно сосредоточить все свои помыслы на чайной церемонии. Иногда, говорят, монахи в древности даже предлагали пришедшему гостю горячий камень вместо угощения.

Таким образом, кайсэки в этом написании — это даже не еда, а её иллюзия, изящное обозначение того, что еда вообще не нужна. Она, конечно, гостям предлагалась, но в самом названии было заложено то, что она скромна и бесхитростна, как её отсутствие, что она не для того, чтобы ею наслаждаться, а чтобы перейти после неё к чаю — главному поводу для встречи.

Был и второй вариант написания — 会席 («место встречи»), который означал совместную трапезу и предполагал закуску, которая подаётся гостям до того, как они переходят к чайной церемонии. Это могло быть какое-либо сезонное блюдо, хоть

¹ При этом любопытно, что иероглифы слова «кухня» (料理) дословно можно перевести как «отмерить и упорядочить».

самое простое, но создающее приятное ощущение сытости, после которой гости переходили к чаю.

Таким образом, в отличие от современной чайной церемонии, где к чаю подаётся лишь маленькая сладость (отголосок классического кайсэки) и больше ничего, в первоначальном замысле чай подавался лишь после еды, и чайная церемония, таким образом, становилась завершающим смысловым аккордом встречи.

Второе написание и значение слова кайсэки оказалось со временем значительно более востребованным и вышло далеко за рамки еды, сопровождающей чайные церемонии. Немалую роль в этом сыграли знатные самураи, которые предпочитали себя в еде не ограничивать. Постепенно эта кухня стала предполагать роскошную еду для массовых застолий, в которой преобладал гастрономический фактор, а не аскетичная атмосфера чайной церемонии.

Жанр кайсэки-рёри, пережив небольшую трансформацию в результате смены иероглифов, благополучно дожил и до наших дней. Сегодня он представляет собой нечто среднее между лаконичной снедью монахов и самурайским пиршеством: это смена из нескольких блюд, каждое из которых миниатюрно и изысканно. Все эти блюда строго соответствуют сезону, поэтому меню регулярно обновляется. Не меняется только чётко установившаяся за много столетий последовательность.

Ниже приведено кайсэки-меню одного токийского ресторана с попыткой не только перевести, но и объяснить изящные японские названия блюд.

1. *Сакидзукэ* (закуска): тофу из кунжута, *васаби*, бульон для собы.

2. *Дзэнсай*: мини-суси из палтуса с юдзу (вид японского цитруса), креветки в фирменном фритюре, японская корюшка, варёная в сладком соевом соусе, омлет, тефтели из глютенa проса, сваренные по-голландски с овощами.

3. *О-цукури*: более формальное и вежливое наименование для того, что мы называем сасими.

4. *Нимоно* (тушёное блюдо): свиные рёбрышки, тушённые с пастой мисо, подаются с дайконом, конняку и корнем лопуха.

5. *Якимоно* (жаренное на гриле): жареная *савара* в *юан* (способ приготовления, при котором во время жарки рыбу смазывают смесью соевого соуса и сока юдзу).

6. *Агэмоно* (жаренное во фритюре): авокадо и тушённая с имбирём печень угольной рыбы в кляре; цуккини, фаршированный пенкой соевого молока *юба*, в кляре.

7. *Су-но моно* (маринованное блюдо): маринованная водоросль *модзуку* с добавлением кусочков лосося, кальмара и рисового теста.

8. *О-сёкудзи* («еда», главное блюдо): обжаренные рисовые колобки *нигири* с горячим бульоном.

9. *Амамоно* (сладкое): желе из корня лианы *кудзу* в сладком соусе.

После такого обильного и разнообразного меню, да ещё и под рисовое вино, кто же останется голодным?

В то время как одни монахи усмиряли голод горячими камнями, а другие с пиететом варили дикие травы, японская кухня переживала одно из самых значительных внешних влияний за всю свою историю. И связано оно было с португальцами, которые в XVI веке открывают для себя Японию и привозят с собой те предметы и обычаи, которых до этого тут никогда не было.

Это были не только новые блюда, но и способы готовки: жарка в масле и на масле, использование яиц, выпечка кондитерских изделий. Жарить продукты и подвергать их термической обработке японцы научились давно, но глагол *яку* («жарить») означал тут жарение на гриле или на углях. Возможно, в силу недостатка молочных и мясных изделий в ежедневном японском рационе использование в готовке растительного масла было не слишком распространено в силу его дороговизны, и идея готовить на масле японцам в голову не приходила.

Однако португальские миссионеры, жившие в Нагасаки, познакомили местных жителей с этой концепцией, и с тех пор еда, приготовленная в кляре и во фритюре, занимает важное место в японской кулинарии. В первую очередь это знаменитая *тэмпура*. Само слово — и это мы в нём слышим — тоже из португальского языка, по-португальски *tempo* означает «время». Так миссионеры называли религиозные посты, когда нельзя было есть мясо и приходилось чем-то его заменять. Заменяли обычно рыбой и овощами, обжаренными в кляре.

С тех пор *агэмоно* (или жаренные в масле блюда) стали незаменимой частью японского рациона, и сегодня, кроме *тэмпуры*, можно встретить приготовленную таким образом свиную отбивную — *тонкацу*, курицу в кляре — *караагэ*, тофу — *ацу-агэ* и многие другие продукты.

Влияние *намбан-рёри* («кухня южных варваров») на японскую гастрономию сложно переоценить: само слово «южные варвары» (*намбан*) можно встретить в различных блюдах японской кухни и сегодня.

Так, очень популярен сладко-кисло-солёный соус *намбан-дзукэ*, техника приготовления которого очень проста: обжарить, залить горячим маринадом (из соевого соуса, уксуса и сахара) и дать пропитаться. В Японии наиболее часто это проделывают с мелкими рыбёшками, но можно делать и с рыбой, и с мясом.

«Южные варвары» также появляются в названии блюда родом из южной префектуры Миядзаки, популярного во всей стране: *Чикин намбан*. Это курица, обжаренная в кляре и политая маринадом, поданная с соусом тартар. Хотя это блюдо довольно современное и появилось в XX столетии, нужно помнить: традиция использовать куриное мясо в пищу тоже укоренилась в Японии не без влияния европейцев.

В еду до этого чаще шла дикая птица — куропатки, фазаны, утки; куриц особо не разводили, разве что бойцовых и декоративных петухов. Однако, познакомившись с европейскими рецептами, японцы обнаружили, что домашняя курица — прекрасная альтернатива диким птицам, а, кроме того, куриц можно выращивать в промышленных масштабах и больше не испытывать нехватки в птичьем мясе. С тех пор в японской кухне появляются многочисленные рецепты — от обжаренных в кляре кусочков курицы караагэ до *ояко-дон*, который из себя представляет омлет с курицей, положенный сверху на рис. Обращает на себя внимание несколько циничное название блюда из яйца и курицы: *ояко* в переводе означает «родители и дети».

Ещё одно европейское лакомство, покоровшее жителей Кюсю после того, как они его попробовали, — нежнейший бисквит. Португальские моряки часто привозили его с собой, поскольку этот вид сладостей не портился за долгие месяцы плавания, а в эпоху Великих географических открытий это было очень важным качеством еды. Японцам, охочим до новых гастрономических впечатлений, пришёлся по душе нежный вкус этого десерта — так благодаря португальцам изменилось их отношение к сладкому.

Древние японцы в качестве сладостей обычно ели орехи или фрукты. В VII столетии к императорскому двору попадает ячменная патока из Китая, а также *каракудамоно* («китайские фрукты»), которые представляли из себя крупу, смешанную с сиро-

Кагами-мочи

пом из сладкого стебля девичьего винограда *цута*, слепленную в форме фруктов и обжаренную в масле. Но эти сладости были доступны лишь самым богатым, а большая часть населения страны использовала для приготовления сладостей (*вагаси*) два важнейших элемента японской гастрономии: рис и бобы.

В первую очередь нужно рассказать о *мочи* — лепёшках из клейкого рисового теста, обладающих непривычной для русского человека тягучестью. Эта тягучесть достигается и за счёт особого клейкого сорта риса, и благодаря необычной технике приготовления. Рис отваривают на пару, дают чуть остыть, а затем начинают толочь — долго и методично, разминая руками и взбивая деревянными молотами, пока он не превратится в тягучую массу. Тогда из неё делают лепёшки и угощают родных и друзей, заворачивая в неё сладкую пасту, обсыпая порошком из обжаренных соевых бобов *кинако*, или же обёртывая в нори и макая в соевый соус.

Мочи, как и многие другие изделия из риса, испокон веков обладали особой сакральностью и играли важную роль в придворных ритуалах, особенно связанных со свадьбами и рождением детей. Ими угощали молодожёнов и клали в рот младенцам, чтобы те росли здоровыми и счастливыми, их вручали знатым самураям, да и сегодня их готовят в честь разных сезонных праздников, придавая особые формы и вкусы.

Например, в честь Нового года на домашних алтарях в японских домах появляются «зеркальные мочи» (*кагами-мочи*) — украшения из двух или трёх мочи, сложенных друг на друга в виде пирамидки, которую венчает мандарин или другой цитрусовый плод. Там же можно встретить сосновые ветки, сушёных креветок и другие благоприятные символы для встречи года. Считается, что боги, проходя мимо, увидят, у кого наиболее красива эта декорация, и одарят этого человека счастьем, войдя к нему домой.

Так эти лепёшки стоят около недели — пока не затвердеют. Тогда их крошат на мелкие куски и едят, размочив в мисо-сиру. В этом можно увидеть отголоски того, как обращались с «зеркальными мочи» испокон веков. Они были не новогодней едой, а более повседневной: их ставили на какое-то время, чтобы в них успел войти благоприятный дух, а затем съедали, становясь вместе с тем более счастливыми.

Иногда мочи называют рисовыми лепёшками, но на самом деле они бывают разные. Можно встретить *вараби-мочи* из папоротника, *точи-мочи* из желудей, *имо-мочи* из батата, *кудзу-мочи* из корня лианы и многие другие виды.

Рис может использоваться и в разных других сладостях: например, *данго* — маленькие колобки из рисовой муки, которые насаживают на шпажки, обжаривают и поливают разными соусами, или *уиро* — тянучие батончики из пропаренного теста из рисовой (иногда — пшеничной) муки, сахара и воды.

Другой важный источник сладкого вкуса в японской гастрономии — фасоль адзуки (по-японски записывается как 小豆 — «маленькие бобы»), которую варят с сахаром для получения пасты *анко* — традиционной начинки японских сладостей. Готовится просто: кладём анко внутрь мочи — и получается *дайфуку* (大福 — «большое счастье»), внутрь теста, выпеченного в форме рыбки, — получается *тайяки*; внутрь оладьев — получается *дораяки*; в тонкие вафли — получается *монака*. Для нас, привыкших видеть в десертах начинки из фруктов, шоколада и сладкого крема, фасоль в качестве основного ингредиента смотрится сурово и диковато. А для японцев — ничего, пальчики оближешь.

Впрочем, анко можно ни во что не заворачивать. Достаточно его разварить и добавить агар-агар, чтобы остудить и получить желеобразный *ё:кан*, по консистенции чем-то напоминающий мармелад, который, загустевая, приобретает матовый тёмный

Ёкан

цвет. Иероглифы, которыми записывается слово «ё:кан», дословно означают «бараний холодец»: оригинальный китайский рецепт подразумевал мясное блюдо, а не сладость. Но у монахов, которые привезли это блюдо в Японию, мясо было под запретом, и пришлось заменить его фасолью. Так получился японский аналог нашего мармелада.

Но едва ли мармелад удостаивался стольких восхищений своим внешним видом и текстурой. Как писал Танидзаки Дзюньичиро в «Похвале тени» (1933): «Эта матовая, полупрозрачная, словно нефрит, масса, как будто вобравшая внутрь себя солнечные лучи и задержавшая их слабый грезящий свет, эта глубина и сложность сочетания красок — ничего подобного вы не увидите в европейских пирожных... Вот вы кладёте в рот холодноватый, скользкий ломтик ёкана, и вам кажется, будто вся темнота комнаты собралась в одном этом сладком кусочке, тающем сейчас у вас на языке».

Европейские бисквиты хоть и пришлись японцам по душе, оказались не слишком просты в изготовлении. Во-первых, учитывая не слишком развитое в Японии птицеводство, яйца были элитарным и дорогим продуктом, поэтому новый модный десерт не пошёл в народ, а торжественно преподносился императорам и сёгунам по особым случаям.

Ещё одна сложность состояла в том, что в Японии не существовало такого приспособления, как печь или духовка, и равномерно обдавать блюдо сильным жаром со всех сторон было крайне непросто. По этой причине первые *касутэра* (японское название этой сладости происходит от португальского *Rao de Castela* — «кастильский хлеб») больше напоминали оладьи, и лишь в XIX столетии появилась *касутэра-набэ* — специальная кастрюля с крышкой для приготовления этого десерта.

Помимо бисквита, европейцы привезли с собой ещё один незаменимый элемент сладостей у себя на родине — сахар. До этого он в Японии был известен как лекарственное средство и почти не использовался в повседневной пище. Японцам пришлось по вкусу *компэйто* — леденцы и *арухэйто* — цветная карамель, и с тех пор сахар всё глубже стал проникать в японский быт.

Зарубежное влияние на Японию продолжалось, как известно, не слишком долго: в XVII столетии Токугава Иэмицу издаёт эдикт о начале политики *сакоку*, и Япония погружается в столетия самоизоляции. Междоусобные войны остаются позади, а впереди — спокойная жизнь и развитие городской культуры, свободное от волнений внутри и снаружи. Эпоха Эдо и развитие одноимённого города повлекли за собой самые разные культурные изменения; перемены произошли и на столах, и на прилавках.

В первую очередь в это время возникает то, чего в Японии никогда до этого не существовало: индустрия общественного питания. На улицах города появляются переносные лавки *ятай*, в которых готовят еду, и первые кабаки, где голодным горожанам наливают чарку сакэ и предлагают к нему нехитрую закуску. Так было положено начало традиции простой и быстрой еды в дополнение к существовавшим — высокой аристократической и лаконичной буддийской — кухням.

Необходимо помнить: Эдо был одним из крупнейших мегаполисов своего времени с огромной плотностью населения, большую часть которого составлял служилый люд, прибывающий в столицу на заработки. Всех их нужно было прокормить, и в городе появляется большое количество предприятий общественного питания. Теперь гастрономия — уже не удел избранных. Каждый трудолюбивый работяга может позволить себе чарку сакэ с душевными закусками, и она становится источником ежедневных удовольствий для всех про-

стых людей. Со временем это неизбежно произойдёт во всём мире, просто тут случилось на сто лет раньше, чем везде. Даже сегодня Токио занимает первое место среди мировых столиц по количеству едальных и питейных заведений на душу населения.

Сегодня некоторые блюда, дошедшие до нас из того времени, мы могли бы назвать фастфудом эпохи Эдо: их приготовление не требовало особого времени, что, вне всякого сомнения, способствовало их популярности. Четыре основных фастфуда Эдо — это суси, тэмпура, лапша соба и угорь унаги.

Этимология слова «суси» восходит к прилагательному «кислый», таким образом, мы говорим о продукте, в котором кислый вкус изначально является определяющим¹. И в самом деле, история сверхпопулярных сегодня во всём мире суси представляет собой пример удивительной метаморфозы: способ консервации рыбы с целью продлить срок её пригодности в пищу превращается в блюдо, где ключевым ингредиентом является именно свежая рыба. И что ещё более удивительно — это блюдо своей экзотической простотой сумело покорить весь мир.

Технология, которая легла в основу создания суси, зародилась в Юго-Восточной Азии, в тех её регионах, которые находились далеко от моря. Для того чтобы местные жители могли полакомиться рыбой, им приходилось прибегать к хитрости, подкреплённой житейским опытом: утрамбовывать в кадке рыбу с рисом, смешанным с солью. Благодаря этому там начиналась ферментация, и рыба уже не портится, а становится пригодной к транспортировке. Кадку с получившейся смесью можно было переправлять на долгие расстояния, а затем, по прибытии к месту назначения, рис выкидывали, а рыбу благополучно съедали.

Как мы помним, на протяжении очень долгого времени столица Японии находилась в Киото — далеко от моря, и её жители не могли полакомиться свежей морской рыбой. То есть, разумеется, у них были карпы и многочисленная речная рыба, но их гурманские вкусы этот набор удовлетворял не полностью.

Специально для аристократов, не покидавших пределы столицы, были использованы вышеозначенные ноу-хау, позволяв-

¹ Хотя сейчас часто записывается иероглифами 寿司, которые буквально переводятся как «заведующий благополучием», — это была шутивая придумка лавочников позднего Эдо.

Инари-дзуси

шие им почти бесперебойно получать рыбу и готовить блюда из неё. Этот самый первый вид суси называется *нарэ-дзуси* (ферментированные суси).

Поначалу ферментация рыбы занимала долгое время — до нескольких месяцев, но затем оно всё больше сокращается. В XV столетии появляются «придавленные суси» — *оси-дзуси*: прессованные в формах рисовые брусочки с маринованной рыбой сверху (в наше время чаще всего используют скумбрию, а раньше брали любую рыбу, которую удавалось найти в нужной свежести). До сих пор этот вид более традиционен для региона Кансай, где располагаются Киото и Осака.

Однако в начале XVII века Токугава Иэясу переносит столицу в Эдо, прямо на берег океана, а значит, эпицентр гастрономической культуры переносится туда, где свежая рыба всегда доступна.

Тот наиболее традиционный вид суси, который мы знаем сегодня, называется *нигири-дзуси* («нигири» означает «слепленный»): повар лепит небольшой рисовый колобок и кладёт на него толстый ломтик рыбы. Ещё одно их традиционное название *эдомаэ-дзуси* (суси, выловленные перед Эдо — в Токийском заливе).

Согласно историческим свидетельствам, эту вариацию приготовления и подачи всеми любимого блюда впервые попробовал у себя в лавке некий Ханая Ёхэй в 20-х годах XIX столетия, и она быстро стала популярной. Так появляется одно из самых известных в мире блюд, которое сегодня можно встретить во множестве стран — и в самых дорогих ресторанах, и в меню служб доставки еды.

Однако, помимо классических нигири, у суси есть и много других разновидностей. *Маки-дзуси* («свёрнутые суси») — известные всем как «роллы», упоминавшиеся выше *оси-дзуси*, *чираси-дзуси* («разбросанные суси») — когда кусочки рыбы выкладываются поверх риса, *инари-дзуси* («суси богини Инари») — рисовые колобки, завернутые в тонкий слой обжаренного тофу (считается, что это любимое лакомство лисиц — посланниц богини Инари). В общем, очень много разных видов, но мировую популярность получили лишь два из них: нигири и маки.

К суси принято подавать имбирь и васаби — для дезинфекции — и соевый соус — для придания рыбе дополнительного вкуса умами.

Какие-то суси надо есть с васаби, какие-то с имбирем, какие-то — с острым тёртым дайконом, но общая логика такова: во-первых, нельзя смешивать васаби и соевый соус, поскольку нежный аромат васаби тонет в интенсивном вкусе сои. Во-вторых, нельзя макать рис в соевый соус: рисовый колобок моментально мокнет, разваливается и теряет клейкость. В-третьих, согласно сакральной эстетике синто, рис должен оставаться белоснежно чистым, все дополнительные соусы совершенно ни к чему. Неслучайно в специальной суси-терминологии рис называется *сяри* — «останки Будды». По легенде, после смерти Будды его кости раздробили на 80 тысяч кусочков, чтобы захоронить их в ступах по всему миру, и кто-то из монахов сказал, что эти осколки очень похожи на рисинки. Один из основоположников буддизма в Японии монах Кукай писал, что «в Индии рисинки называют сари, потому что они похожи на останки будды (*буссари*)».

Мы кладем щепотку васаби на рыбу, краешек рыбы окунаем в соевый соус и отправляем суси в рот целиком, наслаждаясь комбинацией идеально порезанной рыбы, кисло-сладкой гаммы риса с уксусом и пряными нотами васаби и соевого соуса.

Второй популярный в Эдо фастфуд — тэмпура. Благодаря развитию промышленности растительное масло становится

Кабаяки — способ приготовления унаги

доступным для поваров, и теперь всё богатство сезонных продуктов, всевозможные дары моря и гор можно готовить по-другому, придавая знакомым продуктам новый вкус и текстуру и делая разнообразнее рацион.

Это идеально ложится на развитие городской гастрономии. Изначально в переносных лавках ятай жарили тэмпуру на шпажках, и бойкие лотки с шипящим маслом становятся очень популярны среди столичных жителей. И это даже несмотря на то, что разводить огонь рядом с жилыми бумажно-деревянными домами было весьма небезопасно: после нескольких крупных пожаров городские власти пытались всячески ограничить приготовление этого блюда. Но любовь к хрустящему фритюру, нежно обволакивающему и подчёркивающему вкус любимой еды, оказывается сильнее предписаний властей, и до сих пор разные варианты жаренных в кляре и масле продуктов являются неотъемлемой частью рациона японцев.

Не менее популярен среди жителей города был обжаренный речной угорь унаги, особо любимый японцами в летние месяцы. Хотя считается, что поедание унаги якобы помогает справляться с жарой и охлаждает организм, в действительности

сти такой эффект если и достигим, то разве что чисто психологически: на химическом уровне подобного влияния не существует. Но привычка есть привычка, и она, как известно, «замена счастью» и важнее любых научных аргументов.

Крайне важно и то, что привычка эта сформировалась не в новом времени и не в средневековье, а очень и очень давно. Еще в поэтической антологии «Манъёсю», составленной в VIII веке, мы встречаем следующее стихотворение Отомо-но Якамочи:

Скажу я тебе, Исимаро,
Поймал бы и съел ты угря —
От летней жары да и немощи
Он вмиг исцелил бы тебя!

После этого автор поясняет, что Исимаро был «худ, как бес из преисподней». Напомним также, что на август с его тягучей влажной жарой в Японии и в наше время приходится годовой пик смертности. И угорь — по-прежнему традиционная еда жарких месяцев. Большое количество белка и легкоусвояемых жиров, витаминов А и Е, и всё это под щекочущим аппетит сладким ароматом дыма и жжёной сои — даже когда жара утомила настолько, что ничего не хочется есть, отказаться от унаги бывает порой очень непросто.

Сожаление вызывает лишь то, что дикий унаги к началу XXI века превратился в природную и гастрономическую редкость, а выращенный на фермах уже не всем по карману. Оправдана ли высокая цена? — ведь в Китае тоже всю выращивают якобы таких же угрей. Одному из авторов этой главы доводилось пробовать дикого угря из Кагосимы, с лучших (и не только) ферм по всей Японии, и китайские аналоги. Разница существенная и по вкусу, и по аромату, и, что очень важно, по текстуре. Упругость дикого угря, приготовленного на углях без предварительной пропарки, — что-то совершенно особенное.

Ещё одним примером фастфуда Эдо была гречневая лапша соба — простое, дешёвое и доступное блюдо. Время идёт, на смену эдосским купцам и ремесленникам пришли токийские бизнесмены, но всеми этими качествами и народной любовью соба обладает до сих пор.

Гречку в Японии традиционно собирали и ели крестьяне в горных районах, где для риса было слишком холодно или по-

Цукими-соба

чва была недостаточно плодородной; но на более благородных уровнях японского общества её считали едой для бедняков и относились скорее пренебрежительно, нежели с любопытством. Однако в эпоху Эдо всё поменялось — изменился способ её приготовления: если раньше её, подобно другим злакам, варили, то теперь научились делать из неё лапшу. Быстрая и доступная, согревающая зимой и охлаждающая летом соба стала любимым блюдом горожан и остаётся им и поныне.

Такая долгоиграющая популярность имеет и другую причину — позитивное воздействие гречневой лапши на организм, которое жители Эдо прочувствовали на себе задолго до того, как учёные смогли докопаться до его причины. Дело в том, что всё большую популярность среди зажиточных горожан приобретал белый рис, который, будучи очищенным от шелухи, терял вместе с ней все полезные микроэлементы. Болезнью богатых в то время стала бери-бери, возникающая от нехватки витамина В₁ (тиамина). В результате они чувствовали слабость в конечностях, страдали от нарушения сна и потери аппетита, в особо острых случаях наблюдались параличи кистей и стоп. Это сейчас, кроме белого риса, японцы получают в еде достаточно тиамина, и проблема решена; а в былые времена подобное заболевание было довольно распространённым не только в Японии, но и во всём мире. Соба же оказалась очень богата тем самым тиамином, что сначала на интуитивном уровне, а затем и с научным обоснованием способствовало росту популярности собы.

Сегодня насчитывается большое количество видов гречневой лапши, из которых самые основные — *дзару-соба*, *кицунэ-соба* («лисы соба», с *абура-агэ* — жареными лепестками тофу), *цукими-соба* («любование луной» — это соба с яйцом, которое символизирует луну), *тэмпура-соба*. И это только основные, есть ещё множество самых разных вариаций. И хотя мы уже говорили о соба в контексте городского фастфуда, нужно отметить, что она традиционно вкуснее в горных районах, где произрастает гречка и местные лапшичники сами мелют свежую местную крупу и замешивают тесто на кристально чистой родниковой воде.

Кроме многочисленных лавок фастфуда и общепита, эпоха Эдо принесла с собой ещё один вид заведений, который оказался востребован горожанами. Речь идёт об *идзакая* (居酒屋) — формате, который прошёл через века, завоевал всенародную любовь жителей страны, а в последнее время осваивается и в России, и во всём мире.

Первые *идзакая* эпохи Эдо были *тачи-номи* (то, что у нас в народе называют «стоячками»): простая барная стойка, на которую ставились напитки. Потом вместе с напитками посетителям стали предлагать и нехитрую снедь в качестве закусок.

Постепенно закуски становились всё вкуснее и изобретательнее — так постепенно появился формат *идзакая-рёри*, а в XX столетии обычные рюмочные перешли в разряд ресторанов — с той нарочитой простотой и незатейливостью, которая может быть не понята иностранцами, но очень нравится местным жителям. Большие и маленькие, шумные и уютные, горящие неоновыми огнями и затерянные в тихих переулках — подобных заведений в Японии и сегодня очень много, все они очень разные, но у всех есть одна общая черта. Это — второй иероглиф в этом слове — *сакэ* (酒).

Говоря о японском алкоголе, для начала следует определиться с терминами. У этого слова (а в японском языке оно используется с уважительным префиксом — *о-сакэ*) в зависимости от контекста может быть несколько значений. В самом широком смысле оно означает «алкогольный напиток»: это отголоски тех далёких времён, когда кругом был только один вид спиртосодержащих напитков. То есть пиво, виски и шампанское — все они для японца *о-сакэ*.

Однако в более узком смысле «сакэ» означает традиционный рисовый напиток брожения, который также известен под названием *нихонсю* («японское вино»), и само это гордое название говорит о том, какое важное место оно занимает в жизни японцев.

Про сакэ ходит несколько мифов, которые нужно развеять с самого начала. Во-первых, не все хорошо представляют себе его крепость: как было сказано выше, это продукт брожения, то есть ближе к вину, а не к водке — в нем 15–16 градусов, и у него лёгкий сладковатый вкус. Есть сорта послаще — *амакучи*, есть сорта посуше — *каракучи*, но приятная рисовая сладость — важный элемент хорошего *нихонсю*.

Во-вторых, его совершенно не обязательно пить горячим — пусть это и наиболее традиционный способ его употребления, зародившийся очень давно, время привнесло новые более привычные нам способы. Сакэ прекрасно пьётся в охлаждённом виде из винного бокала, а сыр — одна из наиболее приятных закусок к нему (впрочем, все продукты, содержащие умами, с ним прекрасно сочетаются).

Считается, что обычай производить алкоголь из риса появился в Японии вместе с самим злаком благодаря переселенцам с юга Китая, предположительно в поздний период эпохи Дзёмон. Однако использование грибка кодзи, судя по источникам, началось не раньше VII–VIII веков, а повсеместной практикой стало лишь ближе к эпохе Камакура. Как же японцы ухитрялись сбраживать рис без вроде бы незаменимого ингредиента?

Первоначально одурманивающий эффект алкоголя считали сакральным, поэтому неудивительно, что первыми местами, где регулярно производили сакэ, стали синтоистские святилища: его готовили к праздникам. За несколько дней до праздника в храме собирались женщины из деревни, варили рис и затем активно его пережёвывали, слёвывая получившуюся кашу в кувшин. Наполненный кувшин оставляли бродить (до недели) и затем всей деревней распивали в день праздника, сближаясь тем самым с духами. Называли такой напиток *кучиками-дзакэ* («пережёванное сакэ»).

Суть метода — использование амилазы (фермента, расщепляющего крахмал на доступные дрожжам сахара), содержащейся в слюне человека. Интересно, что такой метод был распространён довольно широко. Аборигены Тайваня, племена

бассейна Амазонки, жители отдалённых островов архипелага Рюкю — лишь часть списка культур, где исследователи обнаружили подобные обычаи.

Японские учёные записали интервью с пожилой жительницей одного из маленьких островов Окинавы, которой довелось в юности «жевать сакэ» — по её словам, дело это крайне утомительное. Да это и неудивительно, можно себе представить, как устанет челюсть от целой смены непрерывного пережёвывания и сплёвывания. Ещё один интересный факт: почти везде это важное занятие было исключительно женским делом. Учёные выяснили, что, если жуёт мужчина, то гораздо больше шансов, что получившаяся брага испортится и будет совсем уж несъедобной.

У сакэ есть одна черта, кардинально отличающая его от других напитков: его производят из основного пищевого злака страны. Все остальные виды сырья для алкоголя — виноград, ячмень, кукуруза, сахарный тростник, картофель — возделываются в соответствующих регионах в больших количествах, но не играют ключевой роли в пропитании нации. А как мы знаем, в Японии всё, что было связано с рисом, строжайшим образом регулировалось государством. Наглядной иллюстрацией государственной важности этого напитка является налог на сакэ — один из первых налогов, введённых правительством Японии в эпоху Мэйдзи. К началу XX века на него приходилось 30–40% всех бюджетных поступлений страны. Про русско-японскую войну 1904–1905 годов даже говорили, что её выиграли только благодаря деньгам, поступившим в бюджет от сакэ.

Процесс производства сакэ крайне непрост: по сравнению с ним производство вина из винограда — пара пустяков. Его особенностью является использование параллельной ферментации, не применяемой в западной виноделии.

Когда исходное сырьё содержит простые сахара (фрукты, ягоды, мёд), то весь процесс брожения укладывается в один этап: дрожжи «съедают» глюкозу и производят этиловый спирт и углекислый газ. Это простая ферментация. Процесс брожения пива — это последовательная ферментация (как мы говорили, ферментировать злаки — довольно трудоёмкий процесс): сначала в одной ёмкости мы расщепляем крахмал на сахара, а затем в другой ёмкости превращаем сахара в спирт.

Уникальность брожения сакэ в том, что оба этапа (крахмал — сахар и сахар — спирт) происходят в одной ёмкости,

к тому же в одно и то же время. Это делает процесс сложным, увеличивая количество одновременно задействованных факторов, благодаря чему сакэ объективно считается одним из самых сложных в производстве виноподобных напитков. Чтобы сделать сакэ, ингредиентов надо немного: рис, споры грибка кодзи и вода. Зато терпения требуется — хоть отбавляй.

Считается, что самое лучшее сакэ производят зимой — во-первых, осенью поспевает свежий урожай риса, во-вторых, низкие температуры замедляют процесс ферментации, что с одной стороны делает его легче контролируемым, с другой — позволяет «вытянуть» из дрожжей самые изысканные ароматы.

Первый шаг — это шлифовка риса: чем тщательнее он отшлифован, тем меньше в нем белков, жиров и минералов, которые при ферментации дают разные ноты вкуса, следовательно, тем легче и чище будет вкус и ярко выражен фруктово-цветочный аромат, производимый дрожжами. Для дорогих сортов (*дайгиндзё*) используется рис, очищенный на 50% или даже больше.

Затем берём примерно 20% риса, варим на пару, инокулируем на нем кодзи и получаем рисовый солод. Из этого солода, риса и воды делаем *сюбо* — «закваску»: это 7–10% от итогового объема сакэ, которые выступают как стартер для основной ферментации.

Когда кодзи растворят весь рис, получится сладкое рисовое молоко — *амадзакэ*. Добавив туда дрожжи, мы запускаем процесс брожения. Убедившись, что дрожжи взялись за дело, переливаем *сюбо* в большой чан, добавляем ещё риса, солода и воды. Через несколько дней добавляем ещё, и так несколько раз, доводя объём до конечного. Такое постепенное увеличение объёма делает ферментацию более размеренной и плавной. Когда дрожжи «доели» весь (или почти весь) сахар, ферментация окончена: мы получаем самую древнюю форму сакэ — густой и тягучий *добуроку*.

Затем эта брага пропускается через фильтр, и мы получаем более привычное прозрачное сакэ. Хотя параллельная ферментация позволяет достичь максимального градуса среди всех вин — до 23%, сакэ после фильтрации обычно разбавляют до более приятных для потребителей 15–16% (неразбавленное сакэ называется *гэнсю* («изначальное вино») и часто выпускается лимитированным тиражом).

При выборе в магазине сакэ мы рекомендуем обращать внимание на слово *дзюмми* (純米, «чистый рис»): оно означает,

что никаких других ингредиентов, кроме риса и воды, использовано не было. Это важно, поскольку довольно часто в сакэ добавляют этиловый спирт.

Впервые это стали делать в начале 1940-х годов во время острой нехватки риса и квалифицированных кадров на производствах в оккупированной Маньчжурии: дефицит риса компенсировали тем, что недображивали сакэ, добавляли спирт, чтобы поднять градус, и разбавляли водой для получения стандартной крепости в большем объёме. Затем и в самой Японии начали применять этот метод, который достиг пика популярности к концу 60-х годов, когда еле пришедшие в себя от войны и окрылённые первыми экономическими успехами японцы были готовы пить всё что угодно.

Когда в 70-х годах начинается стремительная вестернизация образа жизни и питания, этот процесс не обходит стороной и мир алкоголя. Рядовым потребителям становится доступен обширный выбор: пиво, вино, виски, бренди; учитывая падкость японцев на пришлое из-за моря товары, это привело к краху индустрии сакэ. Потребление рисового вина в Японии достигло своего пика в 1971 году, и с тех пор не было ни одного года, когда бы оно росло. Лишь в начале XXI века с приходом нового поколения сакэваров начинается своего рода ренессанс рисового вина, появляется больше изысканных сортов, и это — в сочетании с возрастающим интересом к сакэ за границей — делает будущее этого напитка чуть более оптимистичным.

Кроме рисового вина, есть ещё один традиционный вид японского алкоголя, но готовится он посредством не только брожения, но ещё и перегонки, потому и градусов в нём больше — около 20–25. Этот напиток называется сёчю и готовится, как правило, из батата. Но есть и другие варианты: из риса, из ячменя, даже из сакэ-касу — жмыха, который получается при производстве сакэ (что-то типа японской граппы).

Сёчю распространено на острове Кюсю: изначально там было слишком жарко для производства сакэ, поэтому развилось менее требовательное к условиям ферментации производство дистиллятов, и сегодня именно там делают наиболее вкусные и известные сорта. В других префектурах его тоже производят, но настоящий сёчю должен быть родом из южных префектур. Учитывая нативное происхождение, крепость и способ производства этого напитка, хочется назвать его «самогоном», и это будет вполне справедливо.

На заметку тем, кто захочет дегустировать этот напиток: есть три основных способа употребления.

Первый — *мидзувари*: разбавленный водой. Второй — *рокку*: со льдом. Третий, считающийся классическим, — *оювари*: разбавленный кипятком. Подобно тому как нихонсю большую часть истории употребляли горячим и идея охлаждать его появилась не без влияния европейцев, так и сёчу пили, чтобы согреться, а холодный алкогольный напиток согревает не так эффективно.

Если мы направимся ещё южнее, на острова Окинавы, то сможем попробовать там местный алкоголь с ещё большей крепостью — *авамори*. Он уже ближе к тем напиткам, которые мы привыкли пить во время застолий: в нём 40–50 градусов. Считается, что технология дистилляции в XIV–XV веках из Юго-Восточной Азии попала в королевство Рюкю, а потом уже из Окинавы — в саму Японию. Авамори производят при помощи брожения риса с кодзи и водой и последующей перегонки. В процессе приготовления шла обильная пена, за эту особенность напиток и получил своё название («авамори» буквально означает «переполненный пеной»). Для авамори характерна длительная выдержка, напитки старше трёх лет получают право называться кусу («старое сакэ») и чем дольше выдерживаются, тем выше ценятся (настаивается авамори в глиняных сосудах, а не в деревянных бочках, поэтому он даже спустя годы остается бесцветным).

Кроме исконно японских напитков, надо выделить и зарубежные, но пользующиеся большой любовью в Японии; в первую очередь это пиво и виски.

Пиво тут появляется в 70-х годах XIX века вместе с европейскими веяниями времён Мэйдзи. Первый завод был основан в Йокогаме, где проживало большинство экспатов, которые были более всех заинтересованы в этом напитке. Вторым было решено построить на активно осваивавшемся в то время острове Хоккайдо, и он был назван в честь главного города на нём: Саппоро.

К началу XX века мы уже видим прообразы большинства современных брендов — «Кирин», «Саппоро» и «Эбису». В 1920-х к ним добавляется «Асахи», а значительно позже — в 1960-х — «Сантори» (до этого они концентрировались на выпуске вина и виски). Отметим также, что в 1930-х годах японские производители создают основу пивной промышленности в Китае (знаменитое до сих пор Tsingtao) и в Корее (завод, позднее выкупленный местным капиталом и выпускающий сегодня пиво Hite).

В наше время пивная индустрия, разумеется, не ограничивается этими гигантами: кроме больших заводов существует множество маленьких, и индустрия крафтового пива сейчас находится на подъёме.

Виски стало набирать популярность, как можно догадаться, после оккупации Японии американскими войсками в 1945 году. Будучи падкими на новые зарубежные веяния, японцы с удовольствием осваивали развлечения, популярные в Америке. Вместе с джазом, бейсболом и иррациональной любовью к «Диснею» в Японии появился и этот крепкий ячменный напиток, в производстве которого японцы сегодня достигли больших успехов.

Однако организм подавляющего большинства японцев устроен таким образом, что фермент, отвечающий за расщепление крепкого алкоголя, вырабатывается не очень эффективно, поэтому, несмотря на весь свой энтузиазм и любовь к спиртным напиткам, они не очень сильны в питии и зачастую начинают клевать носом на самом интересном месте.

Поэтому крепкий алкоголь в неразбавленном виде тут не так распространён, как на Западе, японцы всё же предпочитают лёгкие напитки, которые можно пить медленно и долго. Специально для них был придуман такой способ распития виски, который многим покажется совершенно неинтересным: разбавлять его льдом и содовой в такой пропорции, чтобы крепость получившегося коктейля была не более 5–6 градусов. Это знаменитый *хайбол*, приобретающий в последнее время популярность и за пределами Японии.

Разумеется, этими напитками японская алкогольная индустрия не ограничивается, но, зная эти названия, можно смело идти в идзакаю, чтобы увидеть там настоящую Японию, которая скрывается за строгой классической культурой, чопорной формальностью правил и строгостью этикета. В этой Японии — звон стаканов, громкие крики «*ирассай!*» («Добро пожаловать!»), льётся рекой пиво и саке, и трудолюбивые служащие снимают стресс после работы.

Раньше в качестве опознавательного знака у входа в эти заведения часто вешали красные бумажные фонари *ака-чэчин*, подсвеченные изнутри: уютный мягкий свет приглашал войти, расслабиться и забыть обо всех проблемах за стаканчиком саке. Эти фонари можно встретить и сегодня, и само слово «ака-чэчин» стало альтернативным названием

этих заведений. Вместе с фонарями в идзакая сохранилась и сама атмосфера старой доброй Японии: грубые низенькие деревянные столы, бумажное меню, написанное от руки, весёлый галдёж, который по-японски называется словом *гая-гая*. Также там часто можно увидеть ряды бутылок с написанными на этикетках иероглифами: это работает система *боттл-кип*.

Принцип простой: покупаешь бутылку, и тебе совершенно не обязательно выпивать её за раз. Можешь оставить, прийти ещё — и твоя бутылка будет ждать тебя в любимом заведении. А если у тебя несколько таких бутылок в разных заведениях, то можно ходить, выпивать и платить при этом только за закуски.

Ну и, кроме того, в Японии, в отличие от России, ходят не столько в места, сколько к конкретным людям.

Идзакая — зачастую семейные предприятия, где за стойкой стоит улыбчивый хозяин, ему помогает жена, а дочка наливает сакэ и разносит гостям еду. Если даже это и не одна семья, то всё равно душевная теплота ощущается и оказывается иногда чуть ли не важнее еды. В некоторые места ты ходишь годами, знаешь всех, и тебя знают.

В идзакая существуют свои традиции: так, вместе с первым напитком обычно приносят небольшую закуску от заведения — *о-тоси*. Знатоки справедливо замечают, что по *о-тоси* можно определить вкус и стиль заведения. Еда, подающаяся в идзакая, задумана скорее как закуска, чем как основное блюдо: поэтому порции обычно небольшие и предполагают заказ нескольких блюд «в стол», чтобы делить их между участниками трапезы. К проверенной классике идзакая-рёри относятся:

- *хияяко*: тофу со стружкой тунца *кацуо-буси* и тёртым имбирём; перед едой нужно слегка полить соевым соусом;

- *таковасаби*: осьминог, перетёртый с *васаби*;

- *потэто сарада*: картофель, яйцо, морковь, соус — это звучит как рецепт салата из наших широт, причём на вкус и правда чем-то неувлимо напоминает оливье;

- *эдамамэ*: варёные бобы с солью — одна из наиболее классических закусок к первому заказанному пиву.

В большинстве идзакая в меню есть *сасими* и *якидзакана* (рыба, жаренная на гриле). Отдельное внимание имеет смысл обращать на раздел *о-сусумэ* («рекомендованное»): это либо сезонные блюда в соответствии с *сюн*, либо то, что повар считает наиболее удавшимся в этот конкретный день.

В общем, оказавшись в Японии, не проходите мимо красных фонарей: они символизируют вкусные заведения с неповторимой атмосферой.

Однако «красными фонарями» индустрия общественного питания в Японии не ограничивается: как говорилось в начале этой главы, разнообразие блюд, ингредиентов и способов их приготовления не поддаётся описанию. Тут великое множество самых разных забегаловок, кабаков, семейных ресторанов, баров, кафе, идзакая, *якитория*, *сусия*, лапшичных, пельменных и других мест общепита, и в подавляющем большинстве кормят очень вкусно. Можно смело экспериментировать, заказывать, пробовать и не бояться ошибиться: главное не быть *кувадзу гирай*¹.

Нельзя не рассказать об основных видах японских заведений и о том, что там нужно заказывать, чтобы помочь знакомящимся с японской кухней определиться с тем, что пробовать в первую очередь.

Выше была упомянута соба, но часто с ней связывают ещё один вид лапши — уже не из гречневой муки, а из пшеничной. Речь идёт о лапше *удон*, которая в последнее время приобретает популярность и в России. И если соба стала массово популярной лишь в эпоху Эдо, то *удон* получил распространение гораздо раньше — по некоторым источникам, техники его приготовления попали в Японию из Китая ещё в эпоху Хэйан. Отличить эти два вида лапши несложно: если соба — тонкая лапша серого цвета, то *удон* — значительно толще и белее.

Вариантов подачи *удона* существует множество, и зачастую всё ограничивается лишь фантазией повара. В самом простом виде это *какэ-удон* (подаётся с бульоном *какэдзирү* из смеси *даси*, соевого соуса и *мирина*), но часто можно встретить и другие разновидности. Ну и, конечно, сверху на лапшу в бульоне можно класть *тэмпуру*, клейкое рисовое тесто *мочи*, жареный *тофу*, водоросли, яйца, котлеты из рыбного фарша — в общем, всё что угодно. Часто встречается его сочетание с соусом *кари* — ещё одним зарубежным заимствованием, получившим большую народную любовь в Японии.

¹ 食わず嫌い — японское выражение, означающее «Не ел, но не люблю»: для суждения о чем-либо нужно это попробовать.

Слово «карри» прочно ассоциируется с индийской кухней, но японский вариант этого блюда значительно менее острый и значительно более густой, чем оригинал. Впервые карри попал в Японию в 70-х годах XIX столетия на волне реставрации Мэйдзи, когда японцы перенимали опыт передовых стран в разных сферах общественной жизни. Устройство флота решили заимствовать у британцев. А у тех была традиция — на всех кораблях по пятницам готовили карри с рисом (в том числе потому, что туда было удобно кидать накопившиеся за неделю обрезки разных продуктов). Японцы решили перенять и этот обычай, а затем моряки, уходя в отставку, разнесли рецептуру карри по всей стране.

Реставрация Мэйдзи, ставшая поводом для включения экзотического карри в японский рацион, в целом оказала серьёзное влияние на японскую кухню, значительно приблизив к тому, какой мы знаем её сегодня. Как уже говорилось выше, много столетий японцы не употребляли в пищу молочные продукты, да и мяса ели не очень много — животноводство не было развито в силу отсутствия подходящих для этого площадей. Однако теперь территория страны приросла огромным островом Хоккайдо с широкими пастбищами, и на столах японцев появляются молоко и мясо, ассоциирующиеся в сознании жителей страны с продвинутой Европой.

В список модных продуктов попадают и хлебобулочные изделия — в первую очередь сам хлеб: по-японски он называется *пан* (от португальского *пао*, но, несомненно ближе, к испанскому *пан*). Так вместе с европеизацией стал меняться японский рацион, изменились пищевые привычки, а затем и телосложение; и прекрасная, сбалансированная и полезная для здоровья японская диета начинает медленно уходить в прошлое.

В 1910 году на северо-востоке Токио, в районе Асакуса, несколько предприимчивых китайцев открывают лапшичную, в которой подают лапшу с наваристым бульоном по китайскому рецепту. Чтобы подчеркнуть одновременно её происхождение и близость японской культуре, лапше дали название *чю:ка-соба* («китайская соба»). Её до сих пор так называют в Японии, но всему миру она более известна как «рамэн». С тех пор прошло больше столетия, и наваристый вкус рамэна сперва покорила японцев, а затем начал триумфальное шествие по миру.

Приготовить рамэн не так просто. Самое главное — это сварить правильный бульон, дающий основу вкуса всего блюда. Первоначально это был куриный бульон с добавлением даси, но со временем появляются всё новые варианты. Так, южная версия этого блюда, возникшая в городе Хаката на Кюсю, — это бульон на свиных костях. Объясняется это в первую очередь тем, что там было много свиноферм и кости шли в бульон, чтобы ничего не пропадало, но в итоге бульон на свиных костях (*тонкоцу рамэн*) стал одним из самых популярных видов рамэна.

Кости и хрящи варятся на протяжении многих часов, пока бульон не приобретёт густую консистенцию и ярко выраженный свиной запах. После этого туда добавляют дополнительные ингредиенты — для придания вкуса и аромата. Три самых популярных вкуса рамэна — это *сёу* (с соевым соусом), *сио* (с солью) и *мисо* (что ожидаемо, с пастой мисо). Последний вид наиболее распространён на северном острове Хоккайдо. В общем, с бульоном можно экспериментировать. Ещё один из популярных его вариантов делается на сушёной рыбе, как правило, на сардинах.

Кроме пшеничной лапши, в рамэн кладут самые разные ингредиенты: ростки сои, бамбук, водоросли нори, лук, *наутто* (ломтик колбасы из рыбного фарша), и ограничивается этот набор тоже лишь фантазией повара. Учитывая популярность этого блюда (можно встретить книги «100 лучших рамэнов Японии», «50 самых вкусных рамэнов Токио» и так далее по всем ключевым городам и префектурам), каждый повар стремится превзойти не только всех других, но и сам себя.

В меню рамэнных можно встретить в качестве закуски японский аналог пельменей — *гёдза*, с начинкой из свиного фарша, перетёртого с капустой. В московских японских ресторанах предлагают гёдза с начинкой из креветок, это можно считать скорее китайским влиянием, а в самой Японии они встречаются довольно редко.

Не факт, что рамэн стал бы таким популярным во всём мире, если бы не изобретение в 1963 году его сублимированной формы — лапши быстрого приготовления. Комбинация высушенной горячим воздухом лапши и вываренного бульона со специями, будучи залита кипятком, волшебным образом за 2–3 минуты превращается в полноценную горячую трапезу, и эта технология поистине «взрывает танцпол» в мире кули-

нарии. Теперь рамэн стал доступен и студентам в Норильске, и космонавтам на околоземной орбите¹.

Ещё один уникальный японский вид заведений (в отличие от предыдущего не получивший распространение за границей) — это те, в которых подают *одэн*. Если хотите прикоснуться к аутентичной японской кухне, фактически недоступной за пределами Японии, — вам сюда.

Основа одэн — это снова бульон, в котором томятся на медленном огне всевозможные продукты. Среди них — яйцо, конняку, дайкон, рыбное суфле *хампэн*, рыбные тефтели *сацума-агэ*, рыбный фарш *чикува*, водоросли и многое другое. Мясо встречается гораздо реже, в основном — ближе к югу страны, где отваренные свиные ноги *тонсоку* и говяжьи обрезки *гю:судзи* являются отличной закуской к сёчу.

Мясоедам лучше отправиться в рестораны, где подают *яки-нику* (焼肉 так и переводится с японского — «жареное мясо»), но мясо там придётся жарить самим, кладя тонкие куски на раскалённую решётку гриля. Оно нарезано такими тонкими, почти прозрачными ломтиками, что жарится буквально за считанные минуты. Этот же принцип используется в блюдах со смешными названиями *сукияки* и *сябу-сябу*. Принцип их приготовления столь же несложен: тончайшие ломтики говядины слегка обвариваются: в случае *сябу-сябу* — в воде, в случае *сукияки* — в бульоне, который содержит соевый соус и сахар в пропорции два к одному. Затем нужно обмакнуть говядину в специальный соус — и готово.

Также не следует пропускать куриные шашлычки *якитори*, в честь которых названа знаменитая сеть японских ресторанов в России. Нет ни одной части курицы, которая не шла бы тут в ход: кожа, желудки, сердца, печень, хрящи — и это не считая различных видов приготовленного куриного мяса. Насажённые на маленькие шпажки, они готовятся в двух возможных вариантах — с солью (*сио*) либо в специальном соусе (*тарэ*), но вкусно будет и в том, и в другом виде.

Список можно, конечно, продолжать и дальше, но в этом случае он рискует превратиться в отдельную книгу. К сожалению, в какой-то момент нужно останавливать перечисление

¹ С 2007 года три вкуса лапши Cup Noodle входят в регулярное меню японских космонавтов на международной космической станции.

того вкусного, что можно попробовать на Японских островах всё равно никакие слова не заменят реальных вкусов, не передадут атмосферы этих уютных мест, не превратятся в непередаваемые запахи и ароматы.

Зато они могут дать хотя бы небольшое представление о том, как формировалась современная японская кухня, и обогатить поход в японский ресторан, заставив его заиграть новыми культурными и вкусовыми гранями. Хочется надеяться, что благодаря этой главе гастрономическая культура Японии стала читателю немного ближе, а какие-то её секреты смогут быть применимы и в повседневной кулинарной жизни.

Глава 6

Психология песка

Я прост. Как только
Раскрываются цветы,
Ем на завтрак рис.
Мацуо Басё

Довольно часто можно услышать в той или иной форме мнение, что, дескать, японцы — существа с другой планеты, что голова у них устроена совершенно по-другому, что понять их очень тяжело, и вообще — такой удивительный и сумасшедший народ надо ещё поискать. В принципе, эта точка зрения видится вполне обоснованной, и за аргументами далеко ходить не надо: посмотрите на их современную рекламу и классическое искусство, вспомните про харакири и театр кабуки, включите вечернее развлекательное ТВ-шоу, когда будете путешествовать в Японии, — и сразу станет понятно, что если не всё, то по крайней мере очень многое сильно отличается от того, как это принято и устроено в мире.

Действительно, если смотреть на японцев нашими глазами, эта нация обладает уникальными и неповторимыми особенностями, и эта непохожесть притягивает и удивляет, становясь для многих объектом интереса, для немногих — объектом изучения. Маленькие домики странной планировки, узкие улочки, нечитаемые иероглифические знаки, герои аниме, сады камней и рогатые маски демонов — все эти непривычные элементы образуют удивительно цельную картину, в которой всё на своём месте, и к этому вполне можно привыкнуть, как и к любой другой реальности. При этом стоит вынуть какой-либо из элементов и поместить его в другие условия, — сразу станет видна его чужеродность и странность.

То же самое и с самими японцами. Представители этой нации, с их вежливыми поклонами, доброжелательными улыбками, особыми жестами и интонациями столь же гармонично

смотрятся у себя на родине, сколь и привлекают внимание при общении с ними за рубежом. Грубо говоря, мы можем поставить в ряд самых разных азиатов из дальневосточных стран — своими манерами и поведением японец будет отличаться от всех остальных.

И это зачастую не ограничивается внешними проявлениями. Всё в этой стране и культуре оказывается противоположным тому, к чему привыкли мы. Машины движутся в другом направлении, знаки читаются справа налево, двери не открываются, а раздвигаются, красные иероглифы на такси означают, что оно свободно, зелёные — что занято. Для того чтобы открыть дверь, нужно сделать движение ключом в ту сторону, в которую у нас дверь закрывают. Все инструменты, от каллиграфической кисти до рубанка и пилы мастер не отодвигает от себя, а притягивает к себе (находясь там, «где не начинается, а заканчивается действие», по меткому выражению Клода Леви-Стросса). Такие примеры можно находить в японской повседневности в огромных количествах, и в какой-то момент они перестают удивлять.

Всё, к чему мы привыкли, оказывается тут сделанным не по правилам; и чем глубже учёные пытаются экспериментально постичь когнитивные причины этих различий, тем больше погружаются в кроличью нору самых невидимых культурных и биологических глубин. Сравнение мозговой активности японцев и европейцев не является предметом рассмотрения в данной книге, но ряд исследований в области нейropsychологии позволяет говорить о том, что вышеупомянутые особенности и отличия в направлении «право-лево» могут быть связаны с работой мозга.

Таким образом, понять и объяснить психологию японцев, отталкиваясь от предпосылок нашего мышления, используя наши механизмы рассуждения и способы анализа, оказывается едва ли возможно — проблемы начнутся даже на уровне слов и определений. Как показывают рассмотренные ниже примеры, многие ключевые понятия японского общественного сознания являются непереводаемыми на другие языки, а их объяснение может невольно исказить оригинальный смысл.

Эта глава — пожалуй, наиболее сложная, поскольку в попытках объяснить национальный характер другого народа мы неизбежно ступаем на очень зыбкую почву: с уверенностью говорить становится всё сложнее, приходится оперировать предположениями и догадками, полагаться на свои наблюдения, доверять

субъективным мнениям. Значительно бóльшую роль начинает играть авторская трактовка: в отличие от изобразительного искусства или исторических процессов, где мы имеем дело с определёнными и всем известными артефактами, именами, датами и событиями, разбор особенностей этнической психологии скорее напоминает блуждание в потёмках, где источником света являются твои собственные размышления и наблюдения.

Разумеется, психологическая наука и рефлексия японцев в отношении самих себя в немалой степени облегчают задачу. Благодаря тому, что за последнее столетие было написано немало важных и любопытных работ, авторская трактовка может опираться на авторитетные источники и благодаря этому становится более обоснованной и содержательной. Так, вставая на плечи гигантов, можно попробовать делать свой обзор загадочной японской души в надежде, что ни в каких смелых суждениях не придётся грешить против истины и что они в итоге смогут помочь читателю составить более полное представление об этом удивительном островном народе.

Прежде всего следует вернуться к тезису, который был сформулирован в самом начале книги: особенности национальной психологии любого этноса неразрывно связаны с теми условиями, в которых он развивается. Это огромное количество факторов: и географические, и социальные, и исторические. Если их внимательно изучить, осознать и использовать при анализе, можно обнаружить, что с учётом того, где находится их страна и как складывалась их история, японцы — абсолютно нормальны, и было бы удивительно, если бы они при этом всё были другими. Нельзя забывать и о том, что с японской точки зрения мы ничуть не менее странные: всё зависит лишь от того, откуда смотреть.

Поскольку Япония по своим природным и географическим условиям значительно отличается от материковых стран (которых на земном шаре подавляющее большинство), не следует удивляться тому, что и проистекающие из этого особенности менталитета будут отличаться в той же степени. А возможно, и больше, поскольку на географические факторы неизбежно накладываются и другие, из этого географического положения вытекающие. Но начнём с географии, точнее — повторим уже известное.

Япония, если говорить беспристрастными цифрами, располагается на 6852 островах, но важнее тут не их точное коли-

чество, а сам факт того, что мы говорим об островной цивилизации, тем более находящейся на значительном расстоянии от континента. Это Великобритания находится всего лишь в 30 километрах от Европы — вполне можно при сильном желании доплыть, что неоднократно проделывалось и привело к погружению жителей острова в контекст мировой истории. Япония же располагается в 140 километрах от континента — гораздо более подходящее расстояние для обеспечения надлежащей степени изоляции и замкнутости в себе.

Контакты с материком тут всегда были затруднены, и это, как мы говорили, придавало определённую пикантность культурному обмену во все времена. Но в данном случае важнее рассмотреть особенности не исторического процесса, а социального: какое влияние подобная географическая изоляция оказала на характер жителей.

Бескрайнее море вокруг — улада для глаз древних обитателей страны (и одновременно главный источник их белковой пищи) — всегда создавало естественную преграду свободе перемещений. Люди были вынуждены сосуществовать друг с другом не потому, что им так этого хотелось, а скорее потому, что по-другому было просто нельзя. И если на материке обычным паттерном являлось размежевание племён, миграция и освоение новых территорий, — на Японских островах все эти элементы нормального исторического развития были невозможны.

Осознание ограниченности пространства и необходимость выживать в этих условиях влияют на отношения с окружающими людьми: их важность значительно возрастает. Если вдруг условный обитатель материка поссорится со своими соседями, то ему ничто не мешает всех послать и уйти в другое место — благо земли на всех хватает. Конечно, поначалу будет непросто, но зато это открывает возможности для развития и создания чего-то нового.

Японцы же этой возможности были лишены. Даже если ты видеть не можешь членов своей общины, все они тебе по-человечески неприятны, и очень хочется куда-то уйти — вариантов особо нет. Куда бы ты ни ушёл, ты либо придёшь к уладе для глаз — бескрайнему морю, которое не переплыть, либо упрёшься в непроходимые горы, которые занимают около 75% всей площади архипелага. Земли и пространства, манёвров для развития — особо нет. То есть уйти куда-то прочь от людей теоретически можно, но, поскольку сама земля, мягко говоря, не богата ресурсами, одиночное существование

скорее обречено на гибель, нежели позволит открыть новые возможности и перспективы. Только вместе с окружающими людьми, как бы ты плохо о них ни думал, можно быть уверенным в будущем.

Волей-неволей приходится дружить со своими соседями: хорошие и гармоничные отношения между людьми тут не просто приятное дополнение к самостоятельной жизни, а ключевой фактор и залог успешного развития и комфортного существования. В то же время их отсутствие куда более губительно и фатально, чем на континенте.

При этом нужно помнить ещё один важный элемент этой картины: людей в Японии всегда было довольно много, и плотность населения традиционно весьма высока. А в сочетании с тем фактором, что территория архипелага была и остаётся весьма ограничена и большому количеству людей приходится жить вместе на небольшом участке земли, это может приводить к серьёзным последствиям, весьма влияющим на характер.

Знаменитый австрийский зоопсихолог Конрад Лоренц в своей классической работе «Агрессия: так называемое зло» (1966) постулирует: чем больше биологических особей сосуществует на ограниченной территории, тем больше вероятность конфликтов, которые будут возникать между ними. Разумеется, Лоренц писал в первую очередь о животных, и последующие критики его работ обращали внимание на необъективность прямых сравнений и на то, что напрямую экстраполировать результаты наблюдений за животными на человеческие сообщества — не самый убедительный приём. Тем не менее ряд приводимых учёным факторов и аргументов позволяет констатировать, что некоторая корреляция всё же существует: борьба за ресурс и агрессивность бывают часто взаимосвязаны.

Если основываться на этой концепции и рассматривать японцев как большое количество биологических особей, проживающих на весьма ограниченной территории, можно предположить, что подобная теснота обязана неизбежно приводить к противоречиям и конфликтам, а деление между собой ресурсов и земли — вызывать междоусобицы, в которых выживает разве что сильнейший. Соответственно, местное население должно было переубивать друг друга ещё до того, как их цивилизация выйдет на сколь-нибудь серьёзный уровень. Или даже если не переубивать (это, конечно, не более чем фигура речи), то, по крайней мере, уровень агрессивности в подобном обществе должен быть довольно высоким.

Но вот что удивительно: когда мы говорим о японцах и вспоминаем основные черты их характера, «агрессивность» — наверное, последнее, что может прийти в голову. Японцы такие добрые, покладистые и улыбчивые — сложно представить их ругающимися и конфликтующими друг с другом. Вежливость, учтивость, уважительные поклоны, ничтожно малое количество драк и бытовых преступлений — всё говорит о том, что перед нами одна из самых доброжелательных наций на земле. Казалось бы, налицо противоречие между биологическими и социально-историческими предпосылками и реальностью, которую мы можем наблюдать.

Разумеется, в данном случае мы можем оперировать только предположениями, и делать на их основе строгие выводы было бы несколько опрометчиво, а поэтому дальнейшее утверждение скорее содержит направление мысли, чем предполагает однозначную трактовку. Тем не менее, хочется предположить, что именно опасность возникновения конфликтов между членами общества, так же как и высокая вероятность их появления, приводят к тому, что в японском обществе формируются строгие правила и нормы, направленные на поддержание общественной гармонии и порядка.

Если следовать этой логике дальше, японцам *пришлось* стать вежливыми друг с другом не от хорошей жизни, а для выживания и сохранения своего общества: вежливость тут — своего рода защитный механизм, уберегающий от самоуничтожения. У этого механизма есть, очевидно, сильные стороны: достаточно хотя бы ненадолго оказаться внутри этой вежливой и доброжелательной культуры, где не звучат ругательства и не видны конфликты, где всё спокойно и безопасно, чтобы понять, как это важно. Для людей, не слишком привыкших к спокойствию и безопасности в повседневной жизни, это особенно непривычно и приятно.

Но, судя по всему, у этого есть и оборотные стороны, гораздо менее очевидные и гораздо более страшные. Эта невыраженная и невысказанная агрессивность, неизбежно возникающая от стрессов, которых рассыпано немало в обществе и повседневной жизни японцев, продолжает постепенно накапливаться, и при этом не предусмотрено никаких механизмов для того, чтобы её как-либо проявлять или выплёскивать.

В иных культурах можно выругаться матом или «послать» человека, если нет больше никаких сил с ним общаться. Можно

напиться и поругаться. Можно заплакать. Можно топнуть ногой, можно толкнуть обидчика или дать ему пощёчину, в крайнем случае — можно даже подраться; это, конечно, не приветствуется, но считается, что человеку порой сложно живётся на свете, и к таким эмоциональным реакциям надлежит относиться с пониманием.

Японское общество такой подход не приемлет: социальная гармония предполагает, что человек не должен проявлять свои чувства, если они как-то выделяются, затрагивают окружающих и привлекают к себе внимание. Нельзя ругаться, нельзя сказать кому-то прилюдно грубость, нельзя заплакать¹ — всё это видится недопустимым проявлением не только слабости, но и неуважения к общественным законам. Как бы ни было тебе грустно и тоскливо — улыбайся и кланяйся, максимум — поделись с близким коллегой за кружкой пива (но и то, разумеется, далеко не с каждым и только в крайнем случае). Утешает только то, что все вокруг приучены делать то же самое. Если принимать во внимание эту особенность японского общества, высокий процент самоубийств уже не кажется таким странным.

Можно соглашаться с фрейдовской идеей о том, что подавленные стрессы и желания приводят к неврозам, можно спорить с ней, но здравый смысл говорит, что, так или иначе, подавленная агрессия не может просто бесследно исчезать: скорее всего, она будет во что-то выливаться и как-то проявляться.

Вполне возможно, что столь большое количество и широкое распространение эротической и порнографической продукции, которая хорошо известна в мире под грифом *хэнтай* (в переводе с японского «странный, извращённый») не в последнюю очередь связаны именно с этим. По крайней мере, это вполне вписывается в концепцию Фрейда о том, что подавленные желания бессознательно выражаются в сексуальной сфере.

Кроме того, нельзя забывать и о том, что японцы — это не самая миролюбивая нация. Большое количество междоусобных войн и кровопролитных сражений на протяжении японской

¹ В рассказе Акутагавы Рюноске «Носовой платок» женщина рассказывает профессору о смерти своего сына, и он при этом удивляется тому, сколь спокойно и с вежливой улыбкой она говорит, как бесстрастно рассказывает о страшном горе и жестокой трагедии. Наклонившись под стол, чтобы поднять упавшую ручку, он видит её руки, комкающие носовой платок так сильно и нервно, что он чуть не рвётся. «Дама лицом улыбалась, на самом же деле всем существом своим рыдала».

истории намекают на то, что жестокость этому народу не чужда. Также об этом косвенно говорят такие эпизоды японской истории, как «холм из ушей», Нанкинская резня или печально известный «Отряд 731». Американские солдаты, сражавшиеся с японцами на полях Второй мировой войны, тоже едва ли согласились бы с тем, что японцы — миролюбивый и добродушный народ.

В японской литературе неоднократно встречаются проявления жестокости, описанной с особенным тщанием. Так, А.Р. Садокова пишет, что «эпические сказания [Японии] изобилуют рассказами о том, как богатырь расправляется со своими противниками, придумывая всё новые и новые способы наказания и умерщвления, нередко наслаждаясь содеянным». В связи с этим можно вспомнить и миф про Ямато Такэру, и народную сказку «Хрустящая гора», в которой коварный тануки убивает старуху и варит из неё суп, чтобы накормить им её супруга.

А вот мнение знаменитого режиссера Китано Такэси: «В Японии смех всегда сочетается с насилием. Когда зритель смеётся, это значит, что кому-то не повезло, кому-то причинили боль или тот попал в глупую ситуацию. В этом есть какой-то садизм. Мы в Японии выросли на садизме. Сначала школьников наказывают, чтобы научить покорности, потом на работе нас заставляют быть такими, как все, даже в личных отношениях мы предпочитаем придерживать язык, чем открыто выражать своё мнение. Когда я начинал сниматься на телевидении, популярность пришла ко мне именно из-за того, что я публично унижал себя на сцене».

Ещё один важный феномен японской жизни, не слишком известный в мире, — это издевательства в школе, так называемые *идзимэ*. Хотя в сознании массового обывателя японская школа ассоциируется с красивыми образами из аниме, реальность далеко не так привлекательна. Травля и издевательства приобретают тут характер серьёзной общественной проблемы, с которой непросто справиться. На первый взгляд это не кажется исключительно японским феноменом: давно было замечено, что дети могут быть очень жестокими, и конфликты между одноклассниками считаются нормальной частью школьной жизни. Однако если в европейских школах эти конфликты, как правило, являются противостоянием некоторых учеников друг против друга, в Японии это зачастую именно травля, направленная против одного конкретного ученика и осуществляемая большинством класса.

Причиной, как правило, бывает отличие этого человека от всех остальных, в самом разном смысле. Групповое сознание

японцев, по-видимому, не слишком приемлет тех, кто как-то выделяется и непохож на окружающих; во взрослом возрасте это чувство сглаживается, но в школьном коллективе может проявляться в самых неприглядных формах. Довольно часто в последнее время встречается травля учеников, которые вернулись в Японию после нескольких лет жизни за границей: эти люди становятся «белыми воронами» лишь из-за того, что имеют другой жизненный опыт (не говоря уже о приобретённых привычках и манерах).

Тема подавленной агрессивности японцев и её проявлений в современной жизни — очень сложная и неоднозначная, а её анализ, без сомнения, достоин отдельной работы, которая однажды, возможно, будет написана. Пока же важно помнить: знаменитая японская вежливость и доброжелательность, за которые мы так любим эту нацию, имеют свою оборотную сторону — это своеобразная плата за удобство, спокойствие и гармоничное существование в красивых пейзажах и со вкусной едой.

О ней не принято говорить, она не очень известна в мире, да и сами японцы её стараются не замечать: это можно уподобить массовому бессознательному вытеснению в государственном масштабе, если пользоваться психоаналитической терминологией. Лишь иногда японское умиротворение нарушается громкими новостями — о жестоком убийстве в квартире на тихой окраине маленького городка, о маньяке, который вдруг начал резать ножом людей в метро, потому что «устал», о семейном насилии с применением оружия. Тогда начинают проявляться те «скелеты в шкафах», которые обычно надёжно сокрыты под улыбками и вежливыми поклонами, и японцы вспоминают о том, что на самом деле лежит глубоко внутри их самих.

Одним из самых громких поводов вспомнить об этом была «Зариновая атака» 1995 года, совершённая «Аум Синрикё» в токийском метро. Когда стали известны подробности теракта, японцы были в шоке: выпускники престижных вузов, служащие солидных компаний ушли в религиозную секту, а в итоге стали террористами и распылили нервно-паралитический газ в центре столицы¹. После этого инцидента стали выходить аналитические статьи и книги, учёные рассуждали на телеэкранах

¹ «Зариновая атака» — первый (и на сегодня последний) масштабный теракт на территории Японии, совершенный японцами против своих соотечественников, а также первое в истории применение оружия массового уничтожения против мирного населения.

и страницах газет, *что* в японском обществе устроено не так, если становятся возможными такие ужасы, а молодые ребята посвящают себя тому, чтобы убивать жителей своей страны. И главное воплощение японского кошмара заключалось в том, что это был не один человек. Мечтающих отомстить за что-то окружающему обществу в «Аум» были сотни.

Эти рассуждения так или иначе строятся вокруг того, что из себя представляет японское общество, если порождает такие кошмары. Чтобы объяснить и понять психологию японского индивида, надо в первую очередь увидеть его частью того общества, без которого он одинок и непостижим. Поскольку во многих своих проявлениях японцы сформированы социумом, внимательный разбор отношений индивида и общества, которое его окружает, может многое сделать понятнее.

В социальной психологии существует распространённое деление на индивидуалистические и коллективистские культуры, появившееся ещё в 80-х годах прошлого столетия. В его основе — взаимоотношение человека и общества: кто из них оказывается в приоритете. Разумеется, есть разные нюансы, однако в целом принято считать, что в европейской и американской культуре важнее индивид, его желания и потребности. Общественные блага и интересы неизбежно располагаются на втором месте, на первом же — личное счастье.

Японцев же (как и другие азиатские народы) принято относить к коллективистским культурам. Тут совершенно неважно, чего хочет тот или иной человек. В конце концов, он всего один, а людей вокруг него — очень и очень много. Все желания и потребности индивида оказываются подчинены обществу, и сам он без этого общества ничего из себя особо не представляет. При этом нужно учитывать: это не вызывает ни отторжения, ни возражения, каковые могли бы возникнуть у европейцев, окажись они в таких условиях. Наоборот, это счастье — быть частью коллектива, и даже немного стыдно и не очень комфортно, если ты вдруг такой особенный, что все начинают обращать на тебя внимание.

Поэтому не надо удивляться, что японцы, например, любят стоять в очередях. Там, где русскому человеку, чуть ли не на генетическом уровне не любящему очереди (не то вспоминающему голодные годы, когда была нехватка продуктов, не то просто предпочитающему элитное массовому), совершенно не хочется вставать в хвост длинной цепочки людей, выстроившихся,

к примеру, у популярной лапшичной, японцу скорее захочется к этой очереди присоединиться, даже если ждать придётся долго. Так ему надёжнее и спокойнее — чувствовать, что он как все, что он часть этого прекрасного народа: в очереди и вместе со всеми ему гораздо лучше, чем элитно и одному.

Это же проявление коллективизма можно встретить в ожидании общественного транспорта. Здесь не принято расхаживать бесцельно по платформе или стоять, беспорядочно по ней рассеявшись: японцы образуют аккуратные очереди и могут спокойно стоять в них на протяжении весьма долгого времени.

Подобное нежелание японцев выделяться из общей массы весьма расходится с нашей психологией. Нам в большинстве своём приятно, когда на нас обращают внимание, поэтому мы и стараемся подчеркнуть свою индивидуальность — одеждой, аксессуарами, иногда — словами и суждениями. Но для японца нет ничего хуже. Об этом — знаменитая поговорка *«дэру куи ва утарэру»* — «торчащий кол получает по башке». Быть «торчащим колом» в японском обществе абсолютно неприемлемо, самое надёжное и безопасное — быть как все. Если все ездят на работу на общественном транспорте — немного странно приезжать на джипе. Если все носят одинаковые белые рубашки — как-то странно вдруг надевать голубую или розовую.

Ещё в эпоху Эдо появилась эта важная особенность японской моды: одежда дорогих брендов выглядит так же, как одежда менее дорогих. И почти так же, как одежда дешёвых брендов, их отличают лишь какие-то нюансы, заметные при более внимательном взгляде, ну и качество материала, разумеется. Таким образом, все выглядят почти одинаково, и лишь осознание того, что к телу прилегает дорогой ярлык, пусть об этом никто и не знает, даёт богатому человеку ощущение гордой уверенности, что пусть он внешне как все, зато на самом деле жизнь удалась¹.

¹ Глядя на это одинаковое японское общество, где не видно никакого расслоения между богатыми и бедными, где все могут позволить себе примерно одно и то же, где все вежливы и обходительны друг с другом, может прийти в голову мысль, что это и есть на самом деле общество победившего социализма — то самое, которое мечтали построить Советский Союз и другие страны социалистического блока. В общем, если бы коммунистические мыслители и деятели начала XX столетия увидели современную Японию, они бы, возможно, порадовались, что есть одно государство в этом мире, где социалистические идеалы не только оказались возможны, но и, очевидно, победили.

Примеров и проявлений подобного коллективизма в японской повседневной жизни можно вспомнить немало, но в целом суть ясна. Всё сводится к тому, что быть частью, одним из винтиков большого механизма — куда лучше, чем самостоятельным звеном. В своё время на лекциях в Институте стран Азии и Африки для этого использовались понятия «психология камней» и «психология песка». Метафора не слишком сложная: на Западе люди — это камни, неизбежно сталкивающиеся друг с другом, а на Востоке все они — песок, единый и неделимый. Человек — лишь маленькая песчинка огромного общества, и об этом он никогда не забывает.

Общество тут является законодателем моды и социальных принципов, общественное благо — главным мерилom успехов и достижений человека. Если в западной традиции принято трудиться для себя и для своего успеха, и даже порой использовать других людей в своих целях, то тут всё наоборот: личные успехи человека — это суета сует, всё делается ради общества и коллектива, личное благо — вовсе не самоцель, хоть и приятно, когда оно сопутствует общественному.

Таким образом, коллективистская японская культура, убирающая индивидуальность куда-то далеко и предпочитающая ей общественную гармонию, — это основа фундаментального отличия, существующего между нашими культурами. Если некоторым нашим согражданам свойственно желание выстроиться в своей повседневной жизни некий уютный мирок, в котором он может укрыться от окружающего и не всегда дружелюбного внешнего мира и государства, японец не мыслит себя вне общества и совершенно не хочет от него укрываться.

Так испокон веков формировалась жизнь японца в окружающем пространстве. Выращивая с соседями рис на одном поле, или строя вместе с ними замок для феодала, или выпивая с коллегами в пивнушке после тяжёлого дня в офисе, — декорации меняются, но суть остаётся прежней, — японец прочно связан с обществом и абсолютно спокоен, пока он как все.

И, предоставляя ему этот желанный комфорт, общество взамен требует от него совсем немного: всего лишь внимательного и *полного* соблюдения всех существующих правил.

Правила, правила, правила. Японцы должны следовать им постоянно и соблюдать неукоснительно, в этом одна из главных добродетелей этого общества, формировавшаяся испокон веков. Бросая взгляд на историю страны, мы можем обнаружить,

что государство всегда строго контролировало все аспекты жизни людей, не давая возможности сделать ни шагу в сторону, и японский характер оказался во многом сформирован этими многочисленными предписаниями.

Ещё в 681 году император Тэмму выпускает указ, согласно которому регулировались одеяния и украшения всех классов общества, и с тех пор эта градация делается всё более строгой и изощрённой. В эпоху Хэйан, как мы знаем, подобные правила становились объектами государственной политики, и у чиновников порой не было других занятий, кроме как придумывать всё новые тонкие критерии различий между разными придворными рангами.

Особенного размаха создание правил приобретает в эпоху Эдо: токугавские чиновники сочиняют законы, регулирующие и контролирующие все аспекты жизни всех жителей страны. Кажется, главная задача этого неусыпного контроля заключалась в том, чтобы не допустить ни малейшего неравенства между людьми: все в рамках своего социального класса должны были быть одинаковыми, и любые попытки выделиться не приветствовались и строго подавлялись. В своём стремлении упорядочить всё вокруг они дотягиваются даже до крестьян, которые раньше всегда находились вне особого интереса государственных мужей.

Крестьяне должны были строить дома в чётком соответствии с уровнем своего дохода — ни сантиметром больше, ни сантиметром меньше. Землевладелец с уровнем дохода более 100 коку¹ риса обязан был иметь дом шириной 18 метров, но при этом не мог его покрывать черепицей, не получив специального разрешения. Его семья не могла носить одежду из шёлка, а если его дочь выходила замуж за того, кто имел на это право, жениху было запрещено надевать шёлк на свадебную церемонию. На этих свадьбах оговаривалось количество блюд и их ингредиенты, число гостей и качество подарков. То же самое касалось всех остальных обрядов и церемоний.

Крестьяне с доходом около 20 коку риса не должны были строить дом шире 11 метров, не могли носить кожаную обувь и подавать на свадьбу гостям блюда из рыбы. Их жёны не могли пользоваться гребнями из кости, им не разрешалось использовать бумажные зонтики — только соломенные накидки. Хуже

¹ Коку — старинная мера объёма в Японии: 1 коку приблизительно равняется 150 килограммам.

всего приходилось тем, у кого доход составлял 10 коку. Их ла-чуга была максимум 9 метров в ширину, а в честь рождения их дети могли получить всего один подарок: игрушечное копье, если это мальчик, или куклу, если девочка.

Одежда, украшения жён, игрушки детей, количество лошадей и орудий труда — не существовало ничего, докуда бы не дотянулись строгие предписания властей. Сложно представить себе то удивительное терпение, с которым жители токугавской Японии покорно соблюдали все эти правила и не роптали на тех, кто их придумал. Но поскольку общество осуществляло неусыпный контроль за каждым из своих членов, не было никакой возможности уклониться от исполнения этих правил: испокон веков в жителях страны вырабатывались покорность и строгое подчинение.

Кроме того, строгость законов усугублялась тут тяжестью наказаний за малейшие провинности. Жителей страны держали в страхе, поскольку страх был самым надёжным способом обеспечить послушание.

Самурай мог отрубить голову представителю низшего сословия, если поведение этого человека казалось ему грубым или недопустимым. Часто, как можно ожидать, это было вопросом настроения, и грубым порой мог показаться даже не тот взгляд или не понравившееся выражение лица. Тем не менее, как бы ни беспочвенна была причина убийства, возразить на это было абсолютно нечего: классовая иерархия предписывала покорность и смирение.

Эта суровость нравов не была чертой исключительно военного правления, мы встречаемся с проявлениями удивительной жестокости и до того, как к власти в стране пришли самураи. Так, император Юряку (справедливости ради, отметим — не самый добрый император в японской истории) в V столетии едва не казнил свою служанку за то, что она подавала ему чарку сакэ, не заметив, что туда упал кленовый листок. Возможно, впрочем, она это и заметила, но сделать в этой ситуации ничего не могла. Слава богу, императора отговорили. В другом случае он приказал убить своего придворного за то, что тот не ответил, когда с ним заговорили: по всей видимости, от страха.

Юряку действовал вполне в русле традиции. Когда дело доходило до наказаний, японцам не было равных в придумывании наиболее болезненных и мучительных способов лишить человека жизни. Лучше этого они умели лишь придумывать, за что их можно было применять. Описания смертных казней, ис-

Утагава Тоёкуни III.
Казнь Исикавы Гозмона,
легендарного героя-
разбойника, который был
сварен заживо вместе
со своим сыном. Середина
XIX в.

пользовавшихся в японском средневековье, способны испугать самых крепких духом: людей варили в кипятке, сжигали заживо, сдирали кожу, протыкали копьями, распиливали на части и четвертовали¹. И это были лишь самые стандартные и незатейливые способы лишить человека жизни, в целом японская фантазия себя в этом не ограничивала.

Таким образом, у жителей страны постепенно выработалась генетическая память, которая приучила их следовать всем установленным в обществе правилам, поскольку в противном случае последствия могут быть самыми неприятными. Возможно, со временем, спустя столетия, эта память и генетически накопленный опыт поколений начнут стираться и забываться и японское общество станет более свободным от всевозможных установок и правил. Но пока со времён реставрации Мэйд-

¹ На полях отметим: Япония — одна из немногих стран в современном мире, где до сих пор приводится в исполнение смертный приговор и казнят через повешение.

зи, когда сословная система и жестокие смертные казни были отменены, прошло всего около ста пятидесяти лет — слишком мало, чтобы поменять заведённый порядок.

Говоря о японском обществе сегодня, нужно помнить: для его членов это не безликая одинаковая масса (каким оно может представляться европейцам без погружения в культуру), но наоборот — затейливый мир с возрастающими уровнями сложности: там свои границы, принципы разграничения, нормы поведения и ритуалы — от особой речи до языка тела. Без представления о том, каким японцы видят общество вокруг себя и как они старательно встраиваются в него, описание их картины мира лишилось бы, пожалуй, ключевого своего элемента.

Для того чтобы максимально достоверно объяснить и описать этот мир, приходится пользоваться специально существующими для этого японскими терминами (русский язык тут зачастую оказывается бессилён). Два самых важных — это *учи* (内, «внутри») и *сото* (外, «снаружи»).

Учи — это тот узкий круг близких людей, в котором японцу хорошо, спокойно и уютно: его семья, близкие друзья — те, кого у нас принято называть устойчивым словосочетанием «родные и близкие». Сото — это окружающий мир, в который человек попадает, выходя из дома на работу или учёбу: все те бесчисленные знакомые и коллеги, с которыми он общается, неукоснительно при этом соблюдая все правила приличия и социальные нормы — от надлежащего градуса поклона до вежливой речи.

Существуют иллюстрации, представляющие эту систему в виде лестницы, где человек, поднимаясь на ступеньку выше, попадает из мира внешнего в мир внутренний, от «чужих» — к «своим», из сото поднимается в учи. Это символично перекликается с тем, что в японских домах прихожая *гэнкан*, где принято разуваться и оставлять обувь, расположена на ступеньку ниже основного жилища; таким образом, входя в «своё» пространство, ты должен подняться на уровень выше.

«Внутренний» мир учи считается главным источником и основой уникального японского качества *амаэ*. Часто это сложное понятие, лежащее в основе отношений японца с окружающим миром, переводят как «зависимость от благожелательности других людей», хотя само слово лексически связано

с прилагательным *амаи*¹ («сладкий») и с глаголом *амаэру* — «баловать». В общем, этимология на первый взгляд понятна: баловать — означает не отказывать в сладком. Однако в какой-то момент к этому простому детскому феномену прибавляется затейливое взрослое содержание.

Японский психолог Дои Такэо, посвятивший феномену амаэ книгу под названием «Анатомия зависимости» (1971), объясняет это следующим образом: та зависимость, которую испытывает ребёнок от доброты матери, нуждаясь в её заботе и благожелательности, проявляется впоследствии в отношениях между взрослыми людьми в японском обществе. Вырастая и попадая в строгую реальность, японец интуитивно тянется к тому теплу, которое получал в детстве. В этом объяснении, кажется, отчётливо звучит фрейдистская концепция, но Дои, будучи психоаналитиком, этого не скрывает и говорит, что на основе общения со многими пациентами пришёл к выводу, что этот феномен — зависимость от хорошего отношения окружающих — проявляется в японцах очень сильно.

Человек в японском обществе рассчитывает на то, что к нему будут относиться с расположением, а к его недостаткам и просчётам — со снисхождением; эта потребность тут гораздо острее, чем в западном обществе. Иногда он даже может позволить вести себя немного по-детски, предполагая благосклонное отношение к нему окружающих, и сам он также готов из всех сил проявлять благожелательность в ответ.

Неслучайно столь частое использование в повседневной речи слова *ёросику* (сложно перевести его одним словом, но сам корень *ёроси* означает «благодать»): его произносят в разных выражениях, словно мантру, направленную на то, что все друг с другом будут вежливы и добры. Да и вообще, многие проявления японского характера и культуры — вежливость и учтивость, доброжелательные улыбки, почтительные поклоны и обмен подарками — становятся немного понятнее, если принимать во внимание, что там незримо присутствует идея амаэ — счастливого мира детства, в котором тебя понимают, ценят и любят. Так вот: когда человек находится внутри своего учи, он как бы оказывается «в домике», закрыт от всех внешних сложностей и правил, ведёт себя, как хочет, и любим таким, какой есть.

¹ Существует версия, что это слово появилось от звукоподражания, которым японские младенцы обозначают, что проголодались: *ума-ума*.

Однако, как только он попадает во «внешний» мир сото, всё сразу становится по-другому: нужно держать в голове огромное количество различных нюансов и тщательно соблюдать бесконечные общественные предписания, кланяться, использовать в речи надлежащие грамматические конструкции — и всё для того, чтобы получить благоприятное отношение со стороны окружающих, так необходимое японцу для комфортной жизни.

В этом внешнем мире появляются два качества, которых не знает прекрасный мир детства, — *гири* и *энрё*; и с ними японец идёт по жизни, не забывая о них ни на секунду, пока находится в обществе. Эти слова в самых общих чертах можно перевести на русский язык как «чувство долга» и «стеснение», но не нужно поддаваться видимой лёгкости аналогии: японские понятия, стоящие за этими словами, гораздо более сложны, и именно на них в значительной степени строится общение человека с окружающим его социумом.

Гири — одна из основ японской социальной гармонии. Если пытаться объяснить это древнее понятие простыми словами, то в общих чертах это будет похоже на принцип «добро в ответ на добро». Предполагается, что проявленное по отношению к тебе добро делает тебя как бы должником: нужно непременно ответить на это добром в том же объёме, даже если тебе этого делать не хочется. Будучи скорее общественным ритуалом и моральной необходимостью, нежели проявлением доброты от чистого сердца, гири тем не менее является прекрасным способом установить хорошие отношения с человеком, поскольку даже простой подарок или угощение обязывают его проявить дружелюбие и сделать что-то хорошее в ответ.

Назвать подобное поведение уникальной чертой японского характера язык не поворачивается: в том или ином виде это понимание свойственно представителям и других народов. Важное отличие состоит в том, что японцы в значительной степени строят отношения на этом чувстве, превращая проявление доброты в инструмент для достижения своих собственных целей и интересов. Подарить подарок, угостить человека ужином — и у него сразу появляется то самое необходимое гири, которое можно потом использовать.

Во многом именно поэтому в Японии так развита культура подарков, которые дарят по разным поводам, включая смену времён года и знакомство с новыми соседями по дому. Суще-

ствуется даже такое понятие, как *гири-чёко* — «гири-шоколадка»: это шоколадки, которые девушки дарят юношам в День святого Валентина¹.

Ещё одним любопытным проявлением гири является традиция отправлять по почте своим друзьям и коллегам новогодние открытки *нэнгадзё*. У них довольно незатейливое содержание, но оригинальность тут и не требуется: картинка с животным-символом наступающего года и два однотипных предложения — благодарность за совместную работу в уходящем году и надежда на сотрудничество в новом. Кому-то это могло бы показаться необязательным, но почта Японии ежегодно переправляет во все концы страны миллионы таких открыток. К этому ритуалу следует относиться со всей серьёзностью: если ты получил открытку от человека, которому забыл её отправить, — это очевидное нарушение той хрупкой гармонии, которую так ценят японцы.

Но гири было бы неправильно сводить к шоколадкам и новогодним открыткам; этот принцип гораздо важнее и значительнее простого обмена подарками. В этом слове звучит моральный долг, необходимость платить за проявленное добро, даже если порой это требует гораздо более значимых поступков, чем купить шоколадку на праздник. В обществе, построенном на гири, появляется одно из тех качеств, без которых японцы не смогли бы стать такими, какими мы их сегодня знаем, — верность.

Верность была главным моральным благом в японской истории, наполненной войнами и предательствами, помогала выживать и дарила надежду. В ответ на покровительство, которое слуга получал от своего господина, он был готов отдать за него всё, вплоть до собственной жизни. Этот долг, который он нес каждую секунду, не забывая о нем даже ночью, был «тяжелее горы» (как было написано в Императорском рескрипте солдатам в 1882 году), поэтому смерть зачастую оказывалась «легче пуха».

Верность привела к появлению среди самураев практики *дзюнси*, означавшей лишение себя жизни вслед за своим господином, за одну секунду решившись на сэппуку, и приобрете-

¹ Этот день в Японии — не в той же степени день влюблённых, как это принято на Западе. 14 февраля — день, когда девочки поздравляют мальчиков. Мальчики же дарят девочкам ответные подарки в «белый день» — 14 марта.

шей в средневековой Японии поистине масштабный характер. Иногда одной жизнью не ограничивалось. История сохранила свидетельства того, как вместе с самураем совершали самоубийство его жёны, дети, слуги: вся семья могла пасть жертвой этого экстремального проявления вассальной верности.

Верность во многом стала основой японского «экономического чуда»: работа всю жизнь во благо одной компании, пожизненный найм — все эти проявления японской корпоративной культуры того времени были бы без неё попросту невозможны.

Со временем средневековая жестокость ушла в прошлое, но основной принцип гири — помнить о своём долге и непременно возвращать его — не теряет своей актуальности с течением времени: сегодня он вовсю используется в бизнесе и рабочих взаимоотношениях между коллегами, хоть и сменил за прошедшие века самурайскую суровость на формальный обмен открытками и подарками.

Часто гири противопоставляют понятию *ниндзё* («чувства»). Если поведение в соответствии с гири — это исполнение долга, то ниндзё — это то, что делается от чистого сердца. Дихотомия *гирининдзё* известна не только как термин в японской психологии, но и стала основой большого числа дзидай-гэки или фильмов про якудза. Как поступить: как велит долг или как подсказывает сердце? Подобная дилемма знакома многим людям, даже далёким от мира японской организованной преступности.

Второе ключевое слово для полного социальных норм и ограничений «внешнего» мира сото — это понятие «энрё», которое можно перевести как «стеснение»; но оно всё же отличается от стеснения в нашем понимании.

Как уже говорилось ранее, японцы очень сильно зависят от мнения окружающих, поэтому стесняются совершать поступки, которые могли бы привлечь внимание других людей. Энрё — это то самое нарушение установленных социальных норм, пусть даже они порой весьма условны. В качестве наглядного объяснения можно обратиться к словосочетанию *энрё-но катамари*, которое можно перевести примерно, как «сгусток (комочек) стеснения». Приведённый ниже пример, вероятно, будет понятен в самых разных культурах. Представьте: на столе стоит тарелка с очень вкусными печеньями. Все берут их спокойно до тех пор, пока не останется одно — самое последнее: и вот для того, чтобы взять его, нужна некая смелость, поскольку на него претендуют несколько человек.

В японском языке для этого последнего печенья/куска на тарелке используется понятие «энрё-но катамари», и это может помочь примерно представить себе, что испытывает человек в случае энрё: вроде и не смертельно, но люди внимание обратят. Поэтому без крайней необходимости лучше не делать.

Когда человек находится в кругу родных и близких, внутри спокойного и безопасного учи, добро делается бескорыстно и без ненужного обременения чувством долга, а последнюю сладость можно брать, не опасаясь косых взглядов со стороны. Эта уютная возможность не думать о чувствах окружающих, а просто быть самим собой — приятная роскошь в мире, со всех сторон крепко стеснённом общественным давлением. Но как только человек выходит на улицу и закрывает за собой дверь, попадая в сото, он сразу становится другим: вежливым, предупредительным, тщательно контролирующим каждое своё слово и взгляд.

Помимо сложных моральных принципов, появляющихся в мире сото, очень сильно меняется и язык, которым человек выражает свои мысли.

Тут снова не обойтись без японских терминов, и это в очередной раз подтверждает, что мы имеем дело с уникальными понятиями, для которых у нас в языке даже нет слов, — возможно, по той причине, что не совсем актуальны сами идеи, которые стоят за этими словами. Итак, два краеугольных камня и два противоположных полюса выражения своих мыслей японски — это *хоннэ* и *татэмаэ*.

В самом общем виде можно объяснить разницу следующим образом. Хоннэ (本音, «истинные звуки») — это то, что человек думает про себя, его искреннее мнение, которое, впрочем, он далеко не всегда озвучивает, потому что не знает, как на это отреагируют окружающие, а осторожность лучше соблюдать в любых высказываниях. Татэмаэ (建前, «построенное впереди») — это как раз то, что он говорит (но совершенно необязательно, что на самом деле так думает). Порой между этими двумя понятиями лежит пропасть.

Из этого мы можем сделать следующий удивительный вывод: то, что японец нам говорит, может совершенно не отражать его мысли. Он говорит так лишь потому, что это ему кажется наиболее уместным в данной ситуации.

Это только в кругу родных и близких японцы могут позволить себе общаться «истинными звуками» и выражать своё

мнение, не опасаясь того, что оно может быть превратно истолковано. Но за пределами этого круга лучше себе подобных вольностей не позволять: мало ли что подумают люди. Поскольку порой тяжело просчитать реакцию собеседника на те или иные слова (а учитывая, что собеседник тоже не высказывает свои истинные мысли, это становится особенно трудно), самое безопасное — это говорить нейтральные фразы, не возражать и не спорить, избегать прямых категоричных суждений и быть деликатным насколько это вообще возможно.

Разумеется, это в известной степени может осложнить взаимопонимание, но обтекаемые формулировки и расплывчатые туманные высказывания являются в Японии нормой и правилом хорошего тона. Может быть даже так, что чем запутаннее и непонятнее ты говоришь, тем лучше и легче это воспринимается окружающими.

Есть даже специальное слово *аимаи* (означающее «двусмысленность», «неопределённость») — именно об этой особенности говорил писатель Кэндзабуро Оэ в своей Нобелевской речи, назвав аимаи «хроническим заболеванием, которое распространилось в современной Японии».

Поскольку это считается тут наиболее правильным способом высказывать свои мысли, японцы придумали немало изящных выражений, которые позволяют сказать какие-то вещи таким неопределённым образом, что носителям японской культуры будет понятно, а вот у иностранцев могут возникнуть сложности.

Так, например, японцы очень редко используют слово «нет» и не отказывают человеку. Точнее, отказывают, но очень изящно. Если японец хочет отказать в какой-либо просьбе, он с большой вероятностью использует выражение типа *чётто мудзукасий то омоимас*, что можно перевести как «мне кажется, это будет немного сложно». Разумеется, мысль, что сложность можно преодолеть, в эту фразу даже не вкладывается. Это — категоричный отказ, просто созданный той культурой, где гармония в общественных отношениях превыше всего.

Многие другие японские выражения могут служить дополнительными примерами. Так, японцы избегают категоричных высказываний, предпочитая заканчивать фразы выражениями неуверенности («я думаю», «кажется», «похоже, что»): японский язык изобилует подобными формами и нюансами. Ней-

тральное *маа маа* («так себе») — прекрасный ответ на вопрос «Как дела?», а вместо однозначного «да» (*хаи*) можно изящно использовать уклончивое «вроде да» (*хаи ичио*).

Да и сам по себе язык лексически и грамматически располагает к этой неопределённости. Японская речь крайне обезличена: тут редко звучат личные местоимения, вместо них японцы предпочитают использовать имя или фамилию. Это требует привыкания, поскольку наша повседневная речь во многом построена на местоимениях, а в японском языке они считаются скорее признаком плохого тона. Вместо не слишком вежливых «ты» или «вы» (причём этих местоимений второго лица насчитывается несколько видов в зависимости от уровня вежливости) тут принято называть собеседника по имени, как будто мы говорим про какого-то постороннего человека. Про третье лицо в каких-то случаях можно сказать «он» или «она», но правильнее опять же использовать имя того, о ком мы говорим. Даже говоря про самого себя, японцы крайне редко используют личное местоимение «я» (хотя для этого понятия тоже существует несколько слов): либо они его вообще опускают, либо (что звучит для нас ещё более странно) называют себя по имени, как бы обозначая в третьем лице. Очень часто местоимения опускаются вообще — за ненадобностью.

Это делает речь ещё более непонятной, и каждое отдельное предложение часто выглядит совершенно неопределённым, будучи вырванным из контекста. Отсутствие местоимений как бы убирает из предложения субъект действия: остаётся лишь сказуемое — глагол, и действие остаётся известным и понятным, а вот кто его совершил — нет. И в этом тоже можно увидеть связь с тем, что в японской культуре отдельный индивид незаметен и неважен, оставаясь в тени общества, а отсутствие субъекта и авторского взгляда является характерной чертой японского изобразительного искусства.

Вообще в случае японского языка контекст оказывается крайне важен: фамилия человека может обозначать какое угодно лицо, настоящее время грамматически не отделено от будущего, а иероглиф может читаться по-разному — в зависимости от того, какими знаками окружён. Как будто сам язык устроен так, чтобы выражать на нём мысли можно было лишь расплывчато и неопределённо. Вызывает даже некоторое удивление, как у этих людей получается развивать робототехнику и выпускать высокотехнологичные товары, используя для это-

го язык, как будто не слишком приспособленный для точных обозначений чего бы то ни было.

Вся эта уклончивость в речи и языке существует здесь с целью никак не выпячивать себя и свои суждения. Нужно помнить про старинную поговорку: «Когда колос богат, он поникает головой, когда человек богат, он задирает нос». Людям в соответствии с японскими представлениями о правилах хорошего тона надлежит быть скромными и низко кланяться — подобно рисовым колосьям.

Чем скромнее ты будешь, тем больше уважения это вызовет у собеседников. Если хвалят, что ты в чём-то преуспел, нужно сказать *Ииэ, фуцуу дэс* («Да что вы, я как все»). Если говорят, что ты умный, красивым ответом будет признание: «Здоровье — это единственное, чем я хорош» (*Кэнко: дакэ га торизэ дэс*). Если благодарят за угощение, в ответ надо сказать: «Извините, что покормил так скромно и просто» (*О-сомацу сама дэсита*). Приходя в гости к кому-нибудь домой, при входе нужно обязательно извиниться за то, что доставляешь неудобство (*О-дзяма симас*). Когда даришь подарок — признаваться, что вручаешь совершенно дурацкую и ненужную вещь (*Цумаранай моно дэс га*). Чем ты скромнее — тем всем приятнее.

Эта скромность как добродетель приводит к тому, что японцы часто не решаются высказать своё мнение, предпочитая промолчать. Это очень заметно в университетской среде (наверняка заметно и в других, просто в этой среде автор имеет наибольший опыт работы. Российские студенты задают вопросы и высказывают своё мнение, иногда даже дискутируя с преподавателями, активная работа в аудитории приветствуется и является способом «заработать очки». В Японии студенты не то что не спорят с преподавателями (это вообще невозможно себе представить), но даже боятся лишний раз задать вопрос. Эта же черта проявляется и за пределами университетских аудиторий: в многочисленных компаниях и офисах, в повседневной жизни. «Молчание — золото» — говорим иногда мы, и японцы с нами в этом обязательно согласятся.

Ещё одно крайне важное проявление скромности в повседневной речи — вежливая речь *кэйго*, вечный камень преткновения для всех студентов, изучающих японский язык. Если объяснять это совсем просто: в зависимости от того, какую ступень в социальной иерархии занимает твой собеседник, —

выше он или ниже, чем ты сам, — меняются слова и выражения, которые ты используешь. В речи, обращённой к сэмпаю, появляются другие глаголы, к существительным прибавляются вежливые суффиксы, знакомые слова приобретают необычный вид.

Если уходить в лингвистические дебри чуть более глубоко, то выглядит всё следующим образом.

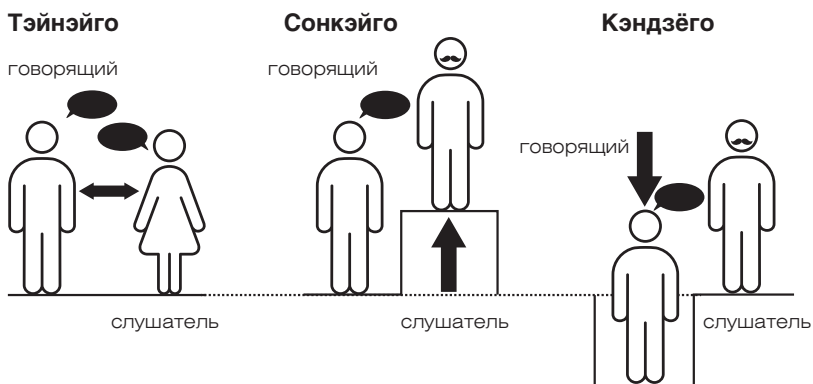
В японском языке существует три уровня вежливости.

Тэйнэйго: самая обычная стандартная вежливая речь между двумя людьми, одинаковыми по своему общественному положению. На ней не принято говорить с друзьями на вечеринках, для этого там слишком вежливые формы глаголов и другие местоимения. Но не приведи господь случайно заговорить на работе с коллегой языком с вечеринки: это примерно как если бы кто-то в русском языке начал вставлять матерные слова в офисную речь.

Сонкэйго: уважительная речь, используемая, когда мы говорим про действия и объекты, относящиеся к более уважаемому собеседнику. В данном случае следует использовать наиболее вежливые глагольные формы и прибавлять вежливые суффиксы *о* или *го* к словам. Это как если бы мы в офисной речи использовали, например, не глагол «прочитать», а «изволить ознакомиться».

Кэндзёго: скромная речь. Её мы используем, когда в общении с уважаемым собеседником говорим про самого себя. Это как если бы мы, к примеру, говорили не «поел», а «позволил себе перекусить». Тут глаголы — ожидаемо максимально скромные и порой уничижительные.

Схематически это можно изобразить примерно так:

И это только устная речь, а в языке деловой переписки на японском, в придачу ко всем выше озвученным правилам, и вовсе открываются такие дебри, что без долгих лет жизни в Японии этого не постичь и не осознать. В наиболее изысканном варианте даже появляются сезонные приветствия, в которых принято сочувствовать человеку в связи с сильной жарой и радоваться первым весенним проблескам солнца в феврале.

Запомнить всё это не так просто, не менее сложно и научиться использовать в речи и не делать ошибок. Даже среди молодых японцев не все в последнее время умеют использовать кэйго так же уверенно, как представители старшего поколения, что уж говорить об иностранцах, которым все эти вербальные нюансы кажутся птичьим языком, лишённым практической значимости. Так, возможно, оно и есть, но, как известно, соблюдение правил в Японии порой важнее, чем осознание того, зачем эти правила введены.

В общем, уже должно быть понятно, как непросто японцу внутри сото и сколь многое он должен помнить и держать в голове в общении с людьми. Прибавьте к этому и поклоны. Они не только традиционно заменяют японцам, не привыкшим к тактильным контактам, рукопожатия в качестве приветствия, но и позволяют передавать другие послания в адрес собеседника, включая благодарности и извинения, — глубиной и продолжительностью.

Лёгкий поклон (около 15°) — базовое приветствие; более низкий поклон (около 30°) — уважительное приветствие, самый глубокий и долгий поклон — как правило, либо безграничное уважение, либо сильное извинение, в зависимости от ситуации. Можно иногда даже увидеть забавную ситуацию, когда двое японцев усердно кланяются друг другу и при этом внимательно посматривают: кто закончит первым. Этот обмен любезностями может занять некоторое время.

Помимо деления общества по условно горизонтальному принципу (ближе к своему дому — дальше от него), существует также не менее важное деление по вертикальному: старший — младший. Тут появляются ещё два важных слова, которые передают это различие: *сэмпай* и *кохай*. Они могут быть хорошо известны любителям аниме, поскольку часто фигурируют в школьном лексиконе, однако им сфера употребления не ограничивается.

Сэмпай — это тот, кто старше, будь то старшеклассник, старшекурсник, тот, кто раньше закончил университет или раньше устроился на эту работу. Одним словом — старший в рамках определённого коллектива. Кохай — это тот, кто, соответственно, младше. Система придворных рангов эпохи Хэйан давно ушла в прошлое, но это самое простое деление на «старших» и «младших» — её сильно видоизменённые отголоски в современной Японии.

Как это проявляется в японской действительности?

Во-первых, разумеется, упомянутая выше вежливая речь кэйго. В общении с уважаемым собеседником нужно выбирать правильные формы, поддерживать надлежащий уровень уважения в произносимых словах. Во-вторых, поклоны. Однако этим всё не ограничивается.

Не менее важны и вопросы протокола — например, рассадка во время официальных мероприятий или просто застолий. Самого уважаемого человека принято сажать дальше всего от входной двери или ближе всего к нише *токонома*¹ (если таковая в комнате есть). Самого младшего — ближе всего к двери. Заместитель садится не по правую руку от начальника, как у нас, а по левую. Так у каждого находится своё место, и если вдруг случайно перепутать, выйдет неловкий конфуз, которых в этой стране стараются изо всех сил избегать.

Внимание японцев к этому аспекту старшинства вполне объяснимо, если вспомнить о важности визуальной составляющей в этой культуре: входящий в помещение может сразу легко понять иерархию присутствующих даже без традиционного обмена визитками.

Иными словами, система иерархии «сэмпай — кохай» — не умозрительное старшинство, а чёткий кодекс правил, которые следует неукоснительно соблюдать, если хочешь развиваться и расти в компании. Сложно, конечно, но японцы привыкли. Хотя со временем и у этой отлаженной системы появляются неизбежные сбои.

Дело в том, что в Японии традиционно существовала система *нэнко дзёрэцу*, согласно которой более старший по возрасту человек занимает более высокий пост, а зарплата, таким образом, увеличивается по мере приближения выхода на пенсию.

¹ Ниша в традиционном японском аристократическом жилище, ставшая его ключевым элементом в XVI столетии. В ней, как правило, располагается ваза с цветами или висит свиток с иероглифическим изречением.

Это в целом удобно и понятно, но в то же время препятствует продвижению талантливой молодёжи.

По этой причине, да и в силу всё большего проникновения в старую корпоративную культуру новых западных тенденций, в последнее время всё чаще наблюдается сдвиг этой системы, приводящий к тому, что младший по возрасту может занимать более высокий пост, чем его пожилой коллега. И вот тут как раз и возникает путаница с вышеупомянутыми атрибутами этой иерархии. Например, какую вежливую речь использовать? У японцев, привыкших к традиционной иерархической системе, в этот момент происходит когнитивный диссонанс, и они слегка теряются.

Зависимость японцев от окружающих людей находит отражение в знаменитом разделении на «культуру вины» и «культуру стыда», введённом в этнопсихологию американским антропологом Рут Бенедикт в её классической книге «Хризантема и меч» (1946).

Сегодня эта книга известна во всём мире как один из важнейших источников знаний о японском национальном характере, несмотря на то что сама Бенедикт ни разу не была в Японии и все сведения черпала из прочитанной литературы, документальных и художественных фильмов, а также из общения с японцами, живущими в США. Учитывая это, трудно рассчитывать, что читатель получит полностью достоверную и объективную информацию об этой стране: даже на первых страницах книги о целях её написания говорится достаточно прямолинейно — «найти ответы на многие вопросы о нашем враге — Японии».

Впрочем, нужно отдать автору должное: она сумела обрисовать психологический портрет нации, который сегодня читается столь же интересно, как и во времена написания книги. К тому же самые важные качества японцев остаются неизменными, пусть пройдёт хоть пятьдесят лет, хоть сто пятьдесят, и не слишком меняются в зависимости от того, пишут о них враги или друзья. Однако от этого может меняться трактовка одних и тех же феноменов; вот почему, признавая важность этой книги как для этнопсихологии, так и для японистики, следует тем не менее относиться к некоторым формулировкам внимательно и критически.

Согласно Бенедикт, западное общество представляет собой «культуру вины» — это значит, что вина рассматривается как продукт индивидуального сознания, как результат нарушения определённых внутренних установок. Если человек совершает что-то плохое, он чувствует себя виноватым, даже если никто об этом

и не узнает. Это во многом связано и с идеей греха, ключевой для христианства: человек грешит, кается, может даже исповедаться или купить индульгенцию — очиститься, чтобы с чистой совестью грешить снова. Иными словами, в культуре вины всё построено на том, что человек без внешних укоров и напоминаний сам чувствует себя виноватым и раскаивается за плохие поступки.

Ничего подобного (если верить теории Бенедикт) нет в Японии. В соответствии с моралью синто, которая заслуживает отдельного рассказа, человек не является виновным, если он никак не навредил обществу и если никто не в курсе того, что он совершил. Можно творить сколь угодно плохие поступки, но при этом не испытывать никаких душевных терзаний или раскаяния.

Однако всё меняется, если о проступке узнают окружающие люди, поскольку общественного презрения и ostracism японец боится больше всего на свете. Нарушение социальных норм ведёт к появлению стыда, поскольку «стыдно поступать иначе, чем принято», и исповедь тут не принесёт облегчения. Японцу страшны не внутренние терзания перед самим собой, ему страшнее, если окружающие люди будут его стыдиться. Это Бенедикт называет «культурой стыда».

Это деление, ставшее классическим в европейской этнопсихологии, нельзя назвать бесспорным: среди самих японцев встречаются разные мнения на этот счёт. Упомянутый выше профессор Дои вполне справедливо замечает, что чувства вины и стыда при совершении человеком плохого поступка оказываются порой слишком сильно переплетены между собой, чтобы их можно было чётко разделить и тем более на основе этого делать вывод, как происходит моральная оценка одних и тех же поступков. Также он отмечает, что в своём делении на «культуру вины» и «культуру стыда» в оценке Бенедикт звучит явное превосходство первой по отношению ко второй.

Мой коллега, профессор Абэ Цунэюки из университета Тохоку как-то в личной беседе приводил в качестве опровержения этой теории следующий пример: «Я часто замечая, что японцы, когда переходят через дорогу ночью, даже когда нет ни машин, ни других людей, всё равно не идут на красный свет, а послушно стоят и ждут зелёного. Они понимают, что их никто не видит, но всё равно не нарушают правила; в основе этого поведения лежит что-то другое, нежели страх осуждения».

Впрочем, даже несмотря на справедливую критику возможного излишне категоричного деления на «стыд» и «вину» как на два разных фактора моральной ответственности, нельзя не согласиться-

ся с тем, что общественное мнение для японца очень важно. Быть как все, ничем не выделяться, оказаться песчинкой среди песка — звучит несколько утрированно, но именно так можно сформулировать источник чувства комфорта для многих японцев и сегодня.

Неудивительно, что, когда в 2020 году началась эпидемия коронавируса, все начали носить маски без лишних напоминаний: тяжёлое и молчаливое общественное давление на гордое выделяющееся меньшинство быстро сделало своё дело.

Трудно утверждать наверняка, но кажется порой, что внимательный и строгий общественный взгляд всегда незримо присутствует в голове этих людей, заставляет смотреть на себя со стороны и оценивать, насколько правильно и уместно выглядят их действия

и звучат их слова, даже когда вокруг никого нет. Японцы подсознательно опасаются, что кто-то может увидеть их в неподходящий момент и узнать что-то личное, что не следовало бы знать: пусть и не стыдное, но не предназначенное для общества. Учитывая, что японские дома стоят очень тесно, а соседи традиционно хорошо знают друг друга, эти опасения вовсе не случайны.

В связи с этим вспоминается *ёкай* (в японской культуре этим словом называются самые разные сверхъестественные существа, которых мы обычно зовём «нечистой силой») по имени *мокумокурэн*, что можно перевести как «множество глаз». На классической иллюстрации, выполненной Ториямой Сэкиэн-ом в XVIII веке, это обилие глаз торчит из традиционной бумажной перегородки *сёдзи*, являясь как бы метафорическим изображением того, что тебя могут увидеть, даже если ты дома и никто увидеть тебя не может. Подобно тому как мы считаем, что и у стен есть уши, японцы верят: у стен есть глаза.

Разумеется, подобное давление со стороны общества может порой приводить к желанию его по возможности избежать. Более того, будучи погружённым в этот мир вежливых

Торияма Сэкиэн.
Мокумокурэн из книги
«Сто демонов прошлого
и настоящего» («Кондзяку
хякки сюи»). 1781 г.
Метрополитен-музей,
Нью-Йорк, США

поклонов, неискренних слов, уважительной речи и формальной доброжелательности, человек в японском обществе может испытывать глубокое и никуда не исчезающее чувство одиночества. Искренняя дружба тут редка, человеческие эмоции спрятаны за непробиваемой вежливой улыбкой, душевное тепло почти никогда не проявляется, зато одиночество приветливо раскрывает свои объятия и принимает всех, кто устал от этого неискренного мира.

Это является причиной появления людей, известных сегодня во всём мире как *хикикомори*, которые предпочитают добровольное затворничество дома общению с окружающими людьми. Они целыми днями не выходят из дома и постепенно начинают воспринимать окружающий мир как небезопасный и порой враждебный; что характерно, это люди разного возраста, и их число с годами не уменьшается, а имеет тенденцию расти.

Разумеется, все мы знаем интровертов, которые предпочитают время, проведённое дома, общению с окружающими, но это нельзя сравнить с той фобией, которой подвержены настоящие хикикомори. Они задёргивают шторы, заклеивают окна чёрной бумагой, чтобы в комнату не попадали солнечные лучи, огрызаются на родных, если те хотят зайти к ним в комнату, и выходят оттуда лишь иногда глухой ночью, чтобы их никто не видел. Они перестают разговаривать, вздрагивают, когда слышат чьи-то голоса, панически боятся людей. У каждого из них своя история болезни, но все эти истории чем-то похожи.

Когда-то эти люди, как и все остальные, ходили в школу и университет, занимались спортом, общались с друзьями. Но постепенно они начинали чувствовать отдаление от этого мира, понимали, что пребывание дома комфортнее, чем социализация. Они проводят так целые дни, дни превращаются в месяцы, потом незаметно становятся годами. В результате хикикомори привыкают к этой одинокой жизни в затворничестве и уже не могут вернуться в нормальный мир.

Если раньше это, как правило, были молодые люди, то теперь статистика неумолимо сдвигается в сторону более взрослого возраста. Тридцати- и сорокалетние мужчины и женщины (впрочем, статистика говорит, что чаще мужчины) сидят в комнате, лежат целый день в кровати или играют в видеоигры и до ужаса боятся необходимости куда-то выходить. Их пожилые родители ставят им еду под дверь и тихо уходят: они поняли уже, что попытки договориться вызывают агрессию, и оставили их.

Речь идёт о серьёзных психических заболеваниях, которые неизбежно появляются у людей в таких условиях: шизофрения, дистимия, циклотимия, биполярные расстройства и различные маниакально-депрессивные состояния, для лечения которых требуются годы, медикаменты и специалисты. Существуют данные о том, что в Японии на одного психолога, работающего с тяжёлыми заболеваниями, приходится большее число пациентов, чем в других странах, и это не кажется преувеличением.

Кроме того, тут часто встречаются тихие сумасшедшие: они никому не мешают, просто странно одеты, бормочут себе что-то под нос или вслух произносят какие-то слова и предложения, но даже не думают обращаться к врачам. Окружающие смотрят на них с сожалением, но тут не принято вмешиваться в жизнь других, и эти люди спокойно живут себе в своём мире. Японское общество таким образом может быть очень удобным для тех, кто в него послушно встраивается, но оказывается беспощадным к тем, кто по каким-либо причинам из него выпадает.

Впрочем, японские технологии делают сегодня всё, чтобы сделать одиночество и затворничество максимально комфортными. Аниме, видеоигры, всё более правдоподобная графика, всё более реальные стимулы и муляжи действительности — любые средства идут в ход, когда дело доходит до необходимости сбежать от окружающей суровой реальности в её комфортную альтернативу. Возможно даже, существует и обратная закономерность: аниме и видеоигры именно потому настолько популярны в этой стране, что тут существует психологически оправданный запрос на них у большей части общества.

Также тут существуют *манга-кисса* («манга-столовые») — ещё один легальный способ уйти от людей и раствориться в виртуальной реальности. Огромные пространства, поделённые на маленькие отсеки, в каждом есть компьютер с большим экраном и удобное кресло, в котором при желании можно лечь и заснуть. В общей зоне — полки с бесчисленными комиксами и автоматы с прохладительными напитками. Можно проводить тут хоть сутки напролёт, почти не выходя из своего укромного уголка: играть в игры, читать комиксы, лишь иногда случайно сталкиваясь с другими подобными тебе людьми у кранов с прохладительными напитками, но при этом никак с ними не взаимодействуя, — настоящий рай для социопата.

Любителей виртуальной реальности тут называют *отаку* (в вежливой речи это означает «Ваш дом», или просто — «Вы») — ещё одно известное слово из современной японской культуры. Как правило, классических отаку можно встретить в районе Акихабара в Токио, но их, разумеется, гораздо больше, если мыслить в масштабах страны. Узнать их нетрудно: они неряшливо одеты, углублены в экран телефона, стараются не смотреть по сторонам и настороженно глядят на окружающих, поскольку гораздо более уверенно ощущают себя перед экраном компьютера.

Надо отметить, что робких и скромных очкариков с уклоном в затворничество в Японии гораздо больше, чем мускулистых уверенных в себе альфа-самцов — идеал, наиболее востребованный в западном обществе. Потому они неизбежно оказывают влияние на общественные тенденции, некоторые из которых могут казаться весьма странными и пугающими.

Довольно известный случай произошёл в 2008 году, когда в интернете появилась онлайн-петиция от одного из многочисленных отаку: молодой человек просил предоставить ему официальное юридическое право жениться на Асахине Микуру. Всё бы ничего, но Асахина Микуру — это рыжеволосая пышногрудая горничная из аниме «Меланхолия Харухи Судзумия». В петиции приводились следующие аргументы: поскольку современное общество уже является и высокотехнологичным, и морально развитым, и прогрессивным (XXI век как-никак), гражданин может иметь право жениться на двухмерном персонаже, если сильно захочет. Но самым пугающим было даже не само содержание этой петиции (мало ли какие отаку живут в Японии и какие сумасшедшие идеи могут приходить им в голову — этим никого особенно не удивить), а то, сколько человек под этим подписалось. Это число красноречиво свидетельствовало о том, что это в большей степени неутешительная общественная тенденция, чем просто фантазии одного отдельно взятого любителя аниме.

Впрочем, в среде отаку можно встретить самые разные увлечения. Одни коллекционируют аниме-фигурки, другие собирают из мелких деталей пластиковые модели роботов, третьи досконально знают характеристики гоночных автомобилей, четвёртые играют с утра до вечера в карточные и настольные игры — объект увлечения тут не так важен. Гораздо важнее то, что хобби позволяет сбежать от мира в глубь самого себя,

далеко от всех этих энрё, гири, сэмпаяв с кохоями и их ненужных навязанных правил.

То, что в Японии сейчас наблюдается серьёзная демографическая проблема — старение населения и кризис рождаемости, непосредственно связано с описанным выше феноменом. Печальная и равнодушная статистика показывает, что современные японские молодые люди всё реже стремятся ходить на свидания и знакомиться с противоположным полом, а предпочитают проводить время в одиночестве перед экраном компьютера. Оно, конечно, понятно и объяснимо: общаться с реальной девушкой, тем более при отсутствии подобного опыта, довольно неудобно: неизвестно, как она отреагирует и что подумает, непонятно, как ухаживать, страшно от того, что этот человек на тебя внимательно смотрит, тебя оценивает и ждёт от тебя каких-то конкретных шагов. Гораздо комфортнее оставаться в уютном мирке с двухмерными персонажами, увлекательными историями, царством фантазий и иллюзий.

Ещё один способ бегства от реальности, принимающий формы серьёзного социального заболевания, — залы игровых автоматов *пачинко*. Законодательно азартные игры на деньги в Японии запрещены, но пачинко изящно нарушает этот закон. Дело в том, что играют тут не на деньги, а на маленькие металлические шарики, однако в случае выигрыша можно обменять эти шарики на ценные призы. Ещё одна причина, почему на залы пачинко японские власти закрывают глаза, состоит в том, что этот бизнес контролируют якудза, а связываться с ними никому не хочется.

Попадая в пачинко, нужно быть готовым к удивлению: это чем-то похоже на наркоманию в её не самой приглядной форме. Играет очень громкая музыка, и вообще очень много звука и яркого света. Люди всех возрастов и социальных классов — от домохозяек до мужчин в костюмах, от молодёжи до стариков — зачарованно сидят перед яркими светящимися автоматами, кидают шарики и нажимают на рычажки. Многие машинально курят сигареты одну за одной. Они могут сидеть так часами, не слыша оглушающую музыку и не замечая времени: лишь бы не выходить наружу, в этот сложный мир с его нерешаемыми проблемами.

Аниме, видеоигры, прокуренные пачинко — одни из немногих легально доступных и не смертельно опасных выходов из существования в наскучившем японском обществе, требующем от всех его членов поведения по чётко установленным правилам.

Пачинко в Токио

Других альтернатив оно не предлагает. Это в немалой степени послужило причиной популярности «Аум Синрикё»: религиозная секта показалась многим отчуждённым и замкнутым в себе молодым японцам более заманчивым вариантом.

Высокий уровень самоубийств в стране, которая заядлому любителю аниме может казаться раем на земле, объясняется именно этим. Несмотря на все бытовые удобства, на красивую природу и вкусную еду, на безопасность и комфорт, на доброжелательность и улыбки со стороны окружающих, на высокий уровень зарплат и экономики, это не высказываемое вслух, но тем не менее неизбежно ощущаемое давление со стороны общества, необходимость строго следовать всем существующим правилам и полное отсутствие альтернативы могут перевесить все эти плюсы и привести человека к желанию прыгнуть под колёса поезда. Вот почему в японском метро в последнее время на всех платформах появились ограждения; эта тенденция приобрела тут в последнее время довольно серьёзные масштабы.

Поэтому, когда мы попадаем в Японию и видим красивую картинку с древними храмами, скоростными поездами, цветущей сакурой и свежайшими суси, нужно помнить, что в этих декорациях живут люди, и их жизнь далеко не так комфортна, как может показаться со стороны. То есть она, безусловно, очень комфортна в бытовом плане, но за все эти удобства японцам приходится расплачиваться психологическим дискомфортом: такова оборотная сторона, которая есть, говорят, у всего в этом мире, и Япония не исключение.

Есть основания предполагать, что иностранцу в этом плане в Японии живётся гораздо легче, чем самим японцам: он в принципе выглядит не как все, потому и спрос с него гораздо меньше. Можно не соблюдать необходимый градус поклона, можно не выполнять какие-то социальные нормы, да и вообще ощущаешь себя несколько свободнее и проще. По крайней мере, мы не росли в этой культуре, каждодневно ощущая подспудное общественное внимание, впитывая его с молоком матери и со школьным образованием. В этом плане японцев можно даже немного пожалеть: эти правила и нормы настолько прочно впечатаны в их сознание, что лишь многолетний опыт жизни за рубежом может помочь им чувствовать себя более расслабленно. В родной стране для них это чувство едва ли в полной степени достижимо.

Есть и ещё одна отличительная черта японского народа, которая сразу же приходит на ум как один из ключевых стереотипов об этой нации. Речь идёт об удивительном трудолюбии, которое позволило японцам создать эту страну такой, что мы восхищаемся: дескать, они реально «живут в будущем». Знаменитое «экономическое чудо», случившееся в Японии в XX веке, высокий уровень комфорта, передовые технологии — всё это не в последнюю очередь связано с тем, что японцы любят и умеют слаженно работать и вместе достигать высоких результатов.

А это трудолюбие, если внимательно разобраться, также берет своё начало у самых истоков японской культуры и проистекает из коллективизма, к которому мы неизбежно вынуждены возвращаться по ходу этой главы.

На самом деле, далеко не факт, что японцы так уж сильно любят работать. Есть основания полагать, что жизнь у них не такая приятная и что отдыхать они любят гораздо больше, просто не всегда умеют это делать. Но работа является настолько неотъемлемой частью их жизни, что без неё они себя вовсе не мыслят. Это у нас человек может быть свободным художником, весёлым фрилансером, позитивным безработным раздолбаем, и его будут ценить за весёлый нрав и оригинальность идей: черты характера у нас часто играют куда более важную роль, чем должность и место работы.

В Японии такое представить очень сложно. Тут тебя в первую очередь определяет то, где и кем ты работаешь и какую пользу ты приносишь людям. Труд — абсолютная ценность и высшая

идея, которая закладывается с детства так крепко и убедительно, что любая социалистическая система могла бы позавидовать. Японец горд, что он работает именно в этой должности, и знает, что он должен делать максимум, на который способен.

Человек в западном обществе, как правило, если он не законченный трудоголик, очень чётко разграничивает работу и досуг: с 9 до 6 (иногда с переработками, разумеется, как без них) он серьёзный и трудолюбивый сотрудник компании, который чётко выполняет все рабочие обязанности. Но после того, как он выходит с работы, она его особо не интересует: он встречается с друзьями, веселится и совершенно не думает о рабочих делах. Скажем так, Джон в офисе и Джон вне офиса — это два немного разных Джона. Более того, есть большая вероятность, что Джон и работает-то не потому, что ему так нравится его работа, а потому, что он хочет иметь возможность красиво жить и весело отдыхать, а работа — лишь способ заработать и достичь этого комфортного уровня жизни.

Ямамото же, в отличие от Джона, зачастую не может разграничить работу и неработу: даже после того, как он выходит из офиса, он всё равно остаётся Ямамото из компании «Асахи», потому что именно это является самым определяющим для общества, в котором он существует. Не случайно в японском языке, когда человек говорит, где он работает, предложение грамматически построено так, что вначале идёт название компании, а только потом — его собственное имя.

Верность своему рабочему коллективу, готовность перерабатывать и желание демонстрировать своё воодушевление работой — всё это тут очевидные и базовые вещи, и нет даже возможности представить, что может быть как-то по-другому. Ямамото работает не для того, чтобы красиво отдыхать, зачастую времени на отдых попросту не остаётся, потому что работа съедает подавляющую часть времени. Но он из-за этого не особо переживает: отдых, в отличие от труда, не входит в число базовых общественных ценностей. То есть можно, конечно, выпить пива с коллегами после работы, но это лишь небольшая передышка на фоне непрерывного рабочего процесса во имя успеха компании.

Получается, работа здесь происходит по отлаженной системе, во имя самой же этой работы. Вслед за незабвенным Портосом, который произнёс знаменитое «Я дерусь, потому что я дерусь», японец мог бы, пожав плечами, сказать: «Я работаю, потому что я работаю». И, если задуматься о том, почему так происходит, мы снова возвращаемся к идее коллективизма и главенства общества.

Существует одно важное японское слово, которое передаёт идею старания любой ценой и связано с коллективной нацеленностью на общий успех: глагол «гамбару». Можно встретить различные варианты перевода и передачи основной идеи: «делать всё от тебя зависящее», «упорствовать в достижении цели», «проявлять максимум энергии и настойчивости». Казалось бы, саму идею нельзя назвать присущей исключительно японцам. Но есть нюансы.

Самый важный из них состоит в том, что японское существительное «гамбари» обозначает действие, в меньшей степени нацеленное на результат, а в большей — на сам процесс. Иными словами, не так важно, получилось у тебя или нет. Важно, насколько ты при этом старался и выложился ли ты в своей работе по полной. И вот здесь культурные различия проявляют себя в полной мере. В связи с этим вспоминается один мой хороший японский друг, который несколько лет жил и работал в России. Он как-то обратился ко мне в связи с недоумением:

— Я тут заметил, что, когда общаюсь с коллегами и прошу их о чём-то, они часто говорят «я постараюсь». Я после этих слов был всегда уверен, что всё получится, но потом начал понимать, что как раз наоборот: если человек обещает постараться, то часто ничего не делает. Так вот, я тут подумал: по-русски «я постараюсь» — это аимаи (двусмысленное выражение) для слова «нет»?

Этот забавный лингвистический казус очень наглядно обозначает разницу смыслов, вложенных в это понятие. В Японии это кажется невероятным: если ты «гамбаришь», то ты наверняка сделаешь абсолютно всё, что нужно, без лишних напоминаний. Ты не только ощущаешь общественное давление, но и понимаешь, что все вокруг делают то же самое и подвести их ты не можешь. В этом плане гамбари — понятие коллективное, предполагающее то, что выкладываться изо всех сил должны все, и только в этом случае можно рассчитывать на успех.

Поскольку работают абсолютно все вокруг тебя, очень странно быть тем, кто будет это нарушать. Рабочий день в Японии не может закончиться ровно в 6: если сотрудник уйдёт в 6, это будет означать, что он совершенно не уважает свою компанию и не стремится к её успеху, а думает только о себе и о собственном досуге — это, скажем так, неприемлемо.

Поэтому после официального окончания рабочего дня никто не вскакивает с места, чтобы побыстрее уйти — это будет слишком вызывающе. Гораздо надёжнее подождать какое-то время, пока кто-то ещё наконец не начнёт собираться домой с извинениями, что ему, к сожалению, приходится уйти пораньше, а так

он бы ещё, конечно, с удовольствием поработал бы. Тогда уже не зазорно уходить и всем остальным.

Не нужно удивляться и тому, что, если верить официальной статистике, японцы используют оплачиваемый отпуск в течение года лишь наполовину. Странно же демонстративно отдыхать по полной программе, если ты делаешь это один, а все остальные — работают в поте лица. Торчащий гвоздь, следует помнить, ударяют.

Переработки в японской компании — тоже совершенно обычное дело. Учитывая, как основательно японцы подходят в принципе ко всему на свете, когда дело доходит до работы в сверхурочное время, тут они тоже не знают компромиссов. Одна из серьёзнейших проблем японского общества, которая может звучать невероятно в других культурах, — это *кароси*, буквально — «смерть от чрезмерного труда».

Впервые подобный случай был зафиксирован в 1969 году, когда двадцатидевятилетний сотрудник крупного издательства скончался на рабочем месте от сердечного приступа. Сам термин появился в 80-х, когда эти случаи стали пугающей тенденцией. А сегодня статистика Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии говорит о том, что в последние годы наблюдается неуклонное и постепенное увеличение числа подобных смертей, при этом от сорока- и пятидесятилетних смещаясь к тридцати- и двадцатилетним, а в группе риска оказываются не только мужчины, но и женщины. Сильный всплеск кароси наблюдался в период после лопнувшего пузыря японской экономики, когда число сотрудников в компаниях сильно уменьшилось, а работы меньше не стало.

Кароси можно разделить на два основных типа. Первый — самоубийство на фоне ухудшившегося ментального здоровья и появления психических заболеваний. Хронический недосып, бесконечные часы в офисе, стресс из-за давления со стороны начальства приводят к тому, что у людей не остаётся других интересов в жизни, кроме того, чтобы лечь спать, — подобное отсутствие эмоций и интересов влечёт за собой неизбежную депрессию. Если коллеги и руководство вовремя не заметят эту проблему (а количество случаев говорит о том, что замечают далеко не всегда, да и как её заметишь: коллектив большой, и все спокойно и молча работают, поэтому очень тяжело распознать, какой именно из сотрудников находится на грани), человек в один прекрасный день может решить покончить с такой жизнью, которая даже и не жизнь, по большому счёту, а просто бесконечная работа. Такую не очень хочется проживать.

Второй тип кароси — это инфаркты и инсульты, связанные с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Стрессы на работе, недоедание, хроническая усталость приводят к увеличению кровяного давления и изнашиванию кровеносных сосудов, что может в свою очередь спровоцировать атеросклероз или кровоизлияние в мозг, инфаркт миокарда или ишемический инсульт (или ряд других осложнений, названия которых некомфортно ни читать, ни писать), если вовремя не обратиться к врачу и не прервать этот бесконечный выматывающий рабочий режим. Но поскольку времени ни на что, кроме рабочих дел, зачастую не остаётся, поход к врачу и заботы о собственном здоровье приходится всё время откладывать до лучших времён. Пока наконец эта изматывающая работа не приводит к внезапной и неожиданной смерти, которая происходит зачастую прямо на рабочем месте: суровая и убедительная иллюстрация опасности трудоголизма.

И поскольку общественное мнение, как мы знаем, для японцев — наиболее определяющая ценность, можно ожидать, что при попадании японца в другие социальные условия его отношение к работе и труду будет также меняться. Удивительно, но это в определённой степени правда. Опыт личных наблюдений за трудовой этикой японцев, живущих и работающих в России, показывает, что, как только трудолюбивый японец видит другие нормы, он с удовольствием начинает под них подстраиваться: так и приятнее, и легче живётся. Теперь он может уходить с работы ровно в 6, не высиживая обязательные дополнительные полчаса-час, чтобы продемонстрировать верность компании, может задерживаться, ссылаясь на ужасные пробки (он видит, что все вокруг так делают, и это прекрасно работает), может работать меньше, чем раньше, но при этом без косых взглядов со стороны.

Причины такой массовой увлечённости работой (которая приобретает в Японии не индивидуальный характер, а становится общественным важным явлением) интересно рассмотреть ещё чуть более внимательно и увидеть в этом отголосок генетической памяти, привычку, воспитанную печальной и суровой необходимостью.

Как мы уже говорили, корни этой культурной и психологической особенности, вполне возможно, лежат в тех далёких от нас временах, когда в Японию попадает техника заливного рисосеяния, вынуждающая людей много и эффективно работать вместе. Без слаженного коллективного труда изменение природного ландшафта для создания многоуровневых заливных полей, замысловатая ирригационная система и контроль за тем, чтобы

в них поступало точно отмеренное количество воды для оптимального созревания риса, были бы совершенно невозможны. Таким образом, необходимость выжить и прокормить себя (тяжело представить себе более убедительную мотивацию) приводит японцев и к пониманию важности совместной работы, и к осознанию того, что работы всегда довольно много.

Кроме того, нужно помнить и учитывать: земля в Японии — не молочные реки и кисельные берега, а скорее просто горы, торчащие из океана; она крайне бедна ресурсами и полезными ископаемыми, поэтому на благосклонность со стороны природы рассчитывать не приходится. Точнее даже наоборот: природа, если и вмешивается в жизнь человека, то оказывает скорее разрушительное воздействие. Стихийных бедствий тут всегда было не счесть, и это тоже объясняется географическим положением архипелага.

Во-первых, тайфуны. Зона их активности, на которую приходится одна треть всех тропических циклонов мира, приходится на побережье Восточной Азии, и юго-западная часть Японии, особенно остров Кюсю, часто оказывается под ударом. Основные сезоны тайфуна — это август и сентябрь, и где-то это могут быть просто проливные дожди разной степени силы, поливающие несколько дней подряд, а где-то — ураганный шквалистый ветер, разрушенные дома, повреждённые линии электропередач, человеческие жертвы и страшные картинки в новостях.

Во-вторых, землетрясения: они тут происходят очень часто, большинство — лёгкие (потрясло и пошатало немного землю, а потом перестало: вначале некомфортно, но в итоге и к этому привыкаешь), а какие-то — чудовищно разрушительные, попадающие в мировые новости и приносящие многомиллионный экономический ущерб. Так, например, Великое землетрясение Канто, случившееся в 1923 году, повлекло потери, в пять раз превысившие бюджет на русско-японскую войну, а ущерб от Великого восточно-японского землетрясения, случившегося в регионе Тохoku в 2011 году и вызвавшего крупнейшую радиационную аварию на Фукусиме, составил десятки миллиардов долларов.

Виной всему то, что Япония расположена на стыке четырёх литосферных плит: малейшие тектонические деформации и движения земной коры приводят к подземным толчкам разной величины. Кроме того, учёные даже ввели специальный термин — Тихоокеанское вулканическое огненное кольцо (по-английски это звучит лаконичнее и красивее — просто Ring of Fire) — для обозначения территории по периметру Тихого оке-

ана, в которой находится большинство действующих вулканов и происходит большое количество землетрясений. В общем, все исследования говорят о том, что с тектонической точки зрения географическое положение Японии оставляет желать лучшего¹.

Если ждать милостей от природы не приходится, а приходится ждать только дополнительных трудностей, — остаётся лишь одно: работать самим и достигать всех благ собственным трудом. Это даёт мотивацию трудиться в поте лица, раз уж надеяться можно только на себя, и отчасти напоминает борьбу с течением или ветром: если на секунду расслабился и перестал работать, природа за секунду может разрушить уже созданное. Как было сказано в одном известном романе — приходится «бежать со всех ног, чтобы оставаться на месте».

В связи с этим можно вспомнить теорию «вызова-ответа» британского историка Арнольда Тойнби. Согласно ей, если природные условия при развитии цивилизации являются неблагоприятными, это может в итоге оказать, как ни странно, благоприятное влияние на её развитие. И даже более того: чем менее благоприятны условия, в которых развивается та или иная цивилизация, тем больше вероятность, что она сильно и успешно разовьётся.

Тойнби приводил в качестве примера цивилизацию Древнего Египта, который вынужден был бороться с разливами великого Нила и обуздывать непокорную стихию, а в итоге великий Нил дал возможности и для ирригации, и для торговли, позволив египтянам создать величайшую цивилизацию древности. Япония также представляет собой не самую плохую иллюстрацию убедительности идеи британского историка: горная гряда на небольшом архипелаге с отсутствием природных ресурсов и наличием большого числа стихийных бедствий — далеко не лучшие стартовые условия для создания цивилизации. Тем удивительнее (а согласно Тойнби, как раз неудивительно), что именно в таких условиях японцы создали такую страну, что мы, попадая туда

¹ Впрочем, у этого весьма опасного географического положения есть и преимущества: в частности, большое количество горячих источников (*онсэн*), бьющих из-под земли на всей территории страны из-за разломов земной коры, является одним из несомненных плюсов как жизни в Японии, так и туризма в ней. Помимо того, что это отличный способ расслабиться и снять усталость, вода в них является целебной: говорят, самураи даже лечили в них свои раны. Подобные горячие источники, бьющие из-под земли, можно встретить и у нас на Дальнем Востоке, но уровень чистоты и благоустроенности этих мест пока, к сожалению, крайне отличается от японского.

сегодня, риторически вопрошаем: «Почему же у нас не так? Почему мы не можем сделать так же? Ведь как было бы хорошо».

Ответ напрашивается сам собой: возможно, именно потому и не так, что базовые природные условия, в которых развивались наши цивилизации, очень сильно отличаются. Возможно, если бы японцам достались для освоения широкие просторы с кучей полезных ископаемых и других ресурсов, мы бы имели дело с совсем другой нацией.

Но природа распорядилась иначе. И японцы вынуждены — были и остаются — работать не покладая рук, поскольку иначе рассчитывать не на что. Невозможно представить, чтобы в местных народных сказках появился герой, подобный знаменитому русскому Емеле — ленивому, зато везучему, которому совершенно не обязательно работать для того, чтобы получить все жизненные блага. Русская сказка говорит о важности доброты: человеку доброму сердцем, пусть он и лежит целыми днями на печи, непременно повезёт. Японский фольклор описывает совершенно другие добродетели, и в этих различиях можно отчётливо увидеть проявления национального характера.

Подчинять себе землю, изначально не самую комфортную для проживания: вырубать леса, которыми было покрыто абсолютно всё (влажный тропический климат вполне способствует густой растительности), возводить сложные ирригационные системы, возделывать рисовые поля, строить дома, которые время от времени разрушает недружелюбная стихия, — всё это вполне могло воспитать в этом народе понимание необходимости труда и сформировать вокруг этого национальную идею, которая проявляется и сегодня¹.

Но необязательно смотреть так далеко в прошлое и обращаться к самым корням японской культуры. Даже в более близкие к нам времена японцы демонстрировали, что старание не только является базовой общественной ценностью, но и помогает добиваться невероятных результатов.

В качестве очевидного примера вспоминается реставрация Мэйдзи — время, когда Япония превращалась в европейскую державу и за пару десятилетий прошла исторический путь, на который иные страны потратили не одно столетие. События, связанные с этим временем, мы уже рассматривали выше, но

¹ Не случайно главный и наиболее священный в древности японский праздник *Ниинамэсай* (во время которого император страны в сопровождении жрецов благодарил божеств за урожай и просил процветания в следующем году) в современных календарях стал «Днём благодарности труду».

тут интереснее обратить внимание на другой аспект, который зачастую ускользает от внимания.

Идея, которая лежит в основе европеизации, — в первую очередь, это идея прогресса. Априори известно и не подлежит сомнению, что непрерывное развитие должно непременно привести к светлому будущему. Общество движется от дикого и нецивилизованного прошлого — вперёд, поскольку впереди явно будет лучше, чем сейчас и чем было до этого. На этом убеждении построено развитие цивилизации, и нам это и сегодня не кажется ни странным, ни абсурдным. Технологический прогресс, покорение новых вершин и освоение далёких планет — всё это манит и сегодня наших современников, обещая им новые удовольствия и радости.

Но для японцев, вступивших в эпоху Мэйдзи во второй половине XIX столетия, это казалось совершенно диким. Воспитанные на китайских классических трактатах, они были убеждены, что самое лучшее уже случилось в прошлом. Именно тогда был Золотой век, жили благородные люди и властвовали мудрые правители, сейчас же мы всё дальше удаляемся от этого времени. Идеалом для них была прекрасная эпоха Хэйан с изысканными нравами и утончённой культурой, и невозможность при всём желании вернуться к тому прекрасному времени наполняла их сердца грустью. Разумеется, мысль о том, что нужно ещё сильнее ускорять разрыв с благородным прошлым ради сомнительного будущего, в котором явно не будет так же хорошо, казалась им удивительной и какой-то несерьёзной.

Поэтому для понимания того, какой серьёзный путь прошла Япония в своём развитии во второй половине XIX века, надо начать с того, что в первую очередь кардинально поменялся образ мышления. Немалые усилия потребовались со стороны властей и мыслителей, оказывавших влияние на умы, чтобы японцы постепенно осознали, что будущее не так страшно, более того, подобные изменения необходимы, если они хотят встать вровень с европейскими державами¹. И после этого японцев было уже не остановить.

Реставрация Мэйдзи впервые наглядно продемонстрировала всему миру, что если японцы за что-то берутся, то подходят к этому со всем старанием, на которое способны. Подумать только: маленькая островная страна без ресурсов, которую ни-

¹ Для этого пришлось даже придумать само слово «цивилизация» в значении прогресса (японское 文明 — это сочетание двух иероглифов: «культура» и «светлый»), до этого его вообще не было в японском языке, как не было и самой идеи.

кто особо не воспринимал всерьёз, после стремительной модернизации одерживает две невероятные военные победы — над Китаем и над Российской империей. Способность японцев учиться у великих и благодаря этому развиваться всегда была одной из сильных сторон этой культуры, но в период Мэйдзи это, возможно, оказалось удивлением и для самих японцев.

И в XX столетии тоже произошло немало потрясений, которые укрепили знаменитое японское трудолюбие. Мы даже не можем представить себе, на что похожа была Япония к моменту окончания Второй мировой войны. Две атомные бомбы стёрли с лица земли два красивых и развитых города на юге страны, а множество других были разрушены безжалостными ковровыми бомбардировками — американцы до такой степени стремились убедить японцев поскорее сдаться, что немного увлеклись уничтожением, демонстрируя свою военную мощь. По некоторым воспоминаниям, американские военные, когда проезжали по оккупированной ими Японии и смотрели по сторонам, сами удивлялись тому, что сделали. С воздуха было не так заметно, а боевой настрой мешал проявить благородство и хладнокровие: вместо городов и деревень получилась в итоге выжженная земля — и это вовсе не преувеличение.

Не говоря уже о колоссальных экономических потерях. Вся экономика страны была брошена на военные нужды, иголки и проигрыватели переплавлялись в танки и корабли, на кону стояло будущее Японии, а потом вдруг в один момент все жертвы оказались напрасны. Император признал поражение и призвал всех пережить то, что пережить невозможно, — и японцы остались посреди выжженной земли, с рухнувшей экономикой, покоровившись американским завоевателям. Страну нужно было воссоздавать буквально с нуля.

Не факт, что это получилось бы у другого народа, окажись он в подобной ситуации, но у японцев получилось. Не зря один из пилотов-смертников перед вылетом, понимая, что поражение неизбежно, сравнивал Японию с фениксом, который сгорит, но возродится из пепла ещё более красивым, чем был. Работать с утра до вечера, не отвлекаясь на забавы и развлечения, отдать все свои силы общему делу, вместе постепенно восстанавливать красоту и силу японской цивилизации — задача стояла амбициозная, но кроме неё ничего не существовало: все понимали, что это — самое важное, что нужно делать.

Все мы хорошо знаем продолжение этой истории: японское «экономическое чудо», технологические успехи, укрепление иены

и превращение из рухнувшей экономики в третью экономику мира. Был, конечно, и лопнувший экономический пузырь, и период стагнации, но это, наверно, только в кино всё получается и ничего за это не бывает. В любом случае, нужно признать: у японцев получилось, и нужно отдать должное их стараниям и трудолюбию. И этот безусловный рефлекс — работать, работать и потом ещё немного поработать — ещё сильнее укрепился в коллективном бессознательном.

При этом некоторые особенности национального характера, которыми японцы сегодня славятся на весь мир, были приобретены ими относительно недавно. В первую очередь речь идёт о такой важной черте, связанной с успешной коллективной работой, как пунктуальность. Скоростные поезда синкансэнны приходят и отправляются минута в минуту точно по расписанию, общественный транспорт работает как часы, люди приходят на встречу за пять минут до её начала, а опоздание считается крайне не серьёзным и очень невежливым проступком. Удивительно, что всё это — примета недавнего времени.

Например, Николай Японский (в миру — Иван Касаткин, основатель православной церкви в Японии), живший в Токио в 60-х годах XIX столетия, оставил в дневнике следующую запись: «Рикша прибыл, по японскому обыкновению, с опозданием на полчаса». Сразу появляется справедливое недоумение: вроде «по японскому обыкновению» — это как раз приехать немного заранее, минут за пять-десять до назначенного времени. И тут мы снова должны обратиться к изменениям японского национального характера, произошедшим в период Мэйдзи.

Дело в том, что время в Японии всегда измеряли по китайской системе, знакомой нам в связи с традиционным календарём, построенном на двенадцати животных зодиакального цикла. Время в сутках не было исключением: этот временной промежуток делили на двенадцать отрезков, каждый из которых составлял приблизительно два часа.

Таким образом, когда речь шла, к примеру, о времени прихода чиновников на службу, указывалась определённая стража, поэтому прийти вовремя — означало прийти в течение двух часов: как ни крути, довольно широкий временной промежуток, но более точного деления не существовало. И с этой точки зрения опоздание увековеченного в дневниках Николая Японского рикши — ещё не самое серьёзное: мог и на час с небольшим задержаться.

Лишь в 1872 году в Японии вводят общее время по всей стране, и население начинает приобретать часы, которые довольно быстро становятся предметом массового спроса. С этого момен-

та и начинается неуклонное движение японцев в сторону безупречной пунктуальности, которая отличает их и сегодня.

Поэтому, когда мы сегодня рассуждаем о японском национальном характере, следует помнить: несмотря на то что сейчас он выглядит единой завершённой картиной, где разные детали гармонично дополняют друг друга, эта картина формировалась столетиями вместе с развитием японского народа и теми сложными этапами, через которые ему приходилось проходить. А поскольку история неумолимо движется дальше, можно ожидать, что и японцы будут меняться, встраиваясь в меняющуюся действительность.

Японское «экономическое чудо» привлекло к этой стране внимание всего мира: многие люди стали интересоваться, как маленькое островное государство на краю земли сумело добиться таких успехов. Безусловно, один из важных секретов — непрерывное стремление к совершенствованию и улучшению, которое характеризует подход японцев ко многим вещам. По всему миру стала известна производственная система компании «Тойота», основанная на философии *кайдзэн* — идее непрерывного изменения к лучшему даже в самых мелочах. Наведение порядка на своём рабочем месте, стандартизация рабочих процессов, развитие самодисциплины, чёткое планирование самых очевидных процессов — это всё важные составляющие производственного успеха.

Японцы привыкли доводить до совершенства всё, за что берутся: их стремление к высокому качеству окружающих предметов и явлений не знает равных. И пусть экономические и технологические успехи этой страны в последнее время уступают тому взлёту, который был полвека назад, вера в японское качество в мире не слишком пошатнулась: товары, сделанные в Японии, до сих пор заслуженно считаются одними из лучших, и вряд ли кто-то решится с этим спорить.

В связи с этим интересно обратить внимание и на корпоративную культуру этой страны. Все экономические, технологические и другие достижения Японии куются тут: в гигантских небоскрёбах и крошечных офисах, крупных корпорациях и маленьких фирмах — миллионами трудолюбивых сотрудников, чётко соблюдающих установленные правила и работающих как единый слаженный механизм. Эти правила известны всем и соблюдаются зачастую на бессознательном уровне, при этом часть из них связана с организацией рабочих процессов, а часть — с корпоративными ритуалами, но обе они существуют в тесной связи между собой.

В работе в японской компании есть немало сложных моментов, требующих привыкания. Одним из них является то, что решения принимаются крайне медленно, с кучей постоянных обсуждений, проверок и перепроверок. Японцы не любят брать на себя ответственность — это сразу выделяет человека из комфортной обезличенной массы сотрудников и резко выдёргивает из зоны комфорта. Поэтому бесконечные совещания и согласования, подтверждения и проверки существуют для того, чтобы этот сложный ответственный момент, принятие определённого решения, приблизить максимально плавно и безболезненно.

Чего стоит хотя бы знаменитый принцип «шпината», сформулированный ещё в начале 80-х годов. Звучит немного комично, но на самом деле он до сих пор широко известен в японской корпоративной культуре и часто там применяется.

По-японски «шпинат» звучит *хо:рэн:со*, и это слово японцы раскладывают на три слога, каждый из которых является обозначением важного правила, о котором надлежит помнить и соблюдать для успешной и эффективной работы: *хо* (報告 — *хо:коку* — «извещение»), *рэн* (連絡 — *рэнраку* — «кон-такт»), *со* (相談 — *со:дан* — «обсуждение»).

Тут всё в общем-то понятно без особых дополнительных разъяснений. Вначале подчинённый докладывает вышестоящему, затем вышестоящий связывается с ответственным лицом, затем происходит обсуждение. Но вот на самом обсуждении путь к согласованному решению может занять немалое время — поскольку ответственность тяжела, нужно принять коллективное решение, а это трудно делать, когда все участники привыкли на всякий случай использовать общие слова, говорить не то, что думают на самом деле, да и вообще выражать свои мысли очень обтекаемо. В таких условиях обсуждения могут растягиваться на долгие часы и не приводить к конкретному результату.

Для того чтобы стимулировать процесс принятия решений, в японской корпоративной сфере часто используют практику *нэ-маваси* («окапывание корней»). Принцип прост и многим из нас наверняка хорошо знаком: перед собранием, на котором должно приниматься то или иное решение, нужно договориться отдельно с каждым из участников о желаемом исходе голосования, и тогда на самом собрании всё пройдёт быстро и без проблем. Эту технику едва ли можно считать исключительно японским явлением, но тут она исключительно важна: без неё многие вопросы просто встали бы и обсуждались бы до бесконечности — вежливыми формами, двусмысленными фразами, избегая прямых суждений.

Вообще эффективность работы сотрудников японских компаний, когда узнаёшь в большем приближении офисную реальность или начинаешь сталкиваться с её результатами, может оказаться под вопросом: создаётся ощущение, что многие из них выполняют не самый сложный объём работы и при этом получают за время, проводимое в офисе, большие для этого объёма деньги. Здешные зарплаты остаются на довольно высоком уровне, но иногда они достаются за несложную бюрократическую работу с документами, которая не всегда требует столь раздутого штата.

Кроме того, по справедливому замечанию одного американского бизнесмена, много лет работающего в Японии, ругают за неудачи тут гораздо сильнее, чем хвалят за успехи, и поэтому далеко не все оказываются готовы рисковать своим психологическим комфортом во имя призрачных побед. Страх ошибиться и стать объектом недовольства пересиливает желание выслужиться, взять на себя ответственность за смелое решение и получить похвалу. Гораздо спокойнее просто стабильно ходить на работу и сидеть перед компьютером, пусть и не совершая никаких прорывов, но зато и ничего не теряя.

Сотрудников японских фирм эта ситуация вполне устраивает: большинство довольны своей зарплатой и не жалуются на условия труда. Для экономики страны, тем более в долгосрочной перспективе, это выглядит уже не столь обнадеживающе. Запас прочности ещё есть, но общие тенденции скорее вызывают вопросы, нежели внушают надежду.

На основании написанного выше может сложиться впечатление, что жизнь в современной Японии полна самых разных проблем, и некоторые из них имеют весьма глубокий характер. Это впечатление, увы, небезосновательно: разговор о психологии современных японцев, связанный с их жизнью и бытом, получается не самым оптимистичным. Старение населения, низкая рождаемость, продолжающийся упадок экономики, самоубийства и сердечные приступы от переработок, подавленная агрессивность и психические заболевания — далеко не полный список того, что находится на обратной стороне красивой и нарядной Японии «на экспорт» — с пагодами, театром кабуки, покером и «Большой волной» Хокусаи.

Не все черты характера и особенности национальной психологии японцев, как можно заметить, оказываются столь уж привлекательными: будучи сформированными необходимостью, закалёнными суровой моралью и жестоким законом, они

могут быть востребованы в определённой среде, но не слишком помогают за её пределами. Вежливость, доброжелательность и улыбочивость, которые покоряют их собеседников за рубежом, как выясняется, связаны с более мрачными качествами, имеющими те же корни. Многое в Японии обусловлено её чрезмерно высокой плотностью населения, невероятной ролью общества в жизни человека и отчётливо коллективистским характером всей культуры.

Однако не хочется заканчивать эту главу грустными тенденциями и печальными прогнозами и также не хочется утверждать, что жизнь в Японии тяжела и безрадостна. Напротив, тут есть немало очевидных плюсов, включая вкусную еду, горячие источники и многие другие радости жизни. Очень важно и то, что эти радости — зачастую физиологического плана, и именно они ценятся японцами особенно высоко.

В этом смысле японцев можно назвать гедонистами, и фокус их гедонизма зачастую направлен на получение удовольствий физических, а не духовных; телесные радости в этой культуре традиционно были в большом почёте. Выпить жарким летом кружку холодного пива, положить в рот огромный вкусный кусок свежего тунца, опустить уставшее тело в горячую целебную воду и откинувшись смотреть на звёзды — ни одно стихотворение и ни одна музыка в этом мире не смогут сравниться по силе ощущения с тем блаженством, которое в этот момент испытывает тело человека.

И вообще нужно отметить, что японцы любят своё тело и заботятся о нём с куда большим старанием, чем представители многих других культур. Возможно, это связано с традиционным убеждением, что твоё тело принадлежит не столько тебе самому, сколько твоему господину, родине и императору. И поэтому заботиться о нём — это не столько вопрос собственного желания, сколько вопрос долга (тоже в некоторой степени проявление гири). Хотя, возможно, сейчас это уже и не так актуально, и современным японцам просто приятно чувствовать себя здоровыми и жить долго. В любом случае, регулярные медицинские проверки в Японии — это норма, к врачам часто обращаются и к их советам прислушиваются, всевозможные витамины и биологические добавки позволяют поддерживать необходимый уровень содержания всех микроэлементов. Собственно, секрет знаменитого японского долголетия — это не только здоровая пища (тут она бывает всякая), но в первую очередь — бережное отношение к своему телу.

Эти размышления о телесном и биологическом подводят нас к ещё одной важной теме, без которой разговор о японской психологии был бы неполным.

Речь идёт о японском взгляде на вещи и о восприятии окружающего пространства в целом. Под словом «взгляд на вещи» тут в первую очередь подразумевается взгляд в его самом очевидном смысле: глаза японцев словно обладают какой-то особенностью, которая позволяет воспринимать предметы по-другому.

Для японцев глаза — важнейший из органов чувств и источников информации об окружающем мире. Кросс-культурные исследования показывают, что европейцы при общении обычно смотрят на рот собеседника, считывая информацию по его губам, и благодаря этому более внимательно концентрируясь на том, о чем он говорит. Японцы же предпочитают смотреть в глаза — там для них гораздо больше важной информации. С этим, весьма вероятно, связано то, что во время пандемии коронавируса европейцы неохотно носили маски, в то время как японцы не то что носили их без лишних напоминаний, но и вообще перестали в последнее время снимать. Точка зрения, согласно которой маска является помехой разговору или мешает лучше понять собеседника, им совершенно непонятна: общение в маске тут является нормой.

Зато по этой же причине в Японии, несмотря на яркое солнце, почти не носят солнечные очки. Закрывать глаза чёрными очками считается невежливым.

Ещё один любопытный и не самый очевидный пример важности глаз в культуре — так называемые «смайлики». В западной культуре все эмоциональные нюансы в электронном письме передаются скобками, обозначающими рот:), (, (((и так далее. В Японии — это, как можно ожидать, выражения глаз: ξ • _ > •) , ^ _ ^ , ; _ ;

Зрение обладает особо важной ролью и в традиционной культуре. Не случайно столько японских традиций имеют в названии иероглиф *ми* (見 — «видеть»): *ханами* (花見 — «любование сакурой»), *цукими* (月見 — «любование луной»), *юкими* (雪見 — «любование снегом»), даже *о-мимаи* из другой области (お見舞い — «навестить больного»¹). Зрение тут воспринимается не как пассивное, а как активное действие, обладающее мощным эффектом, иногда даже сакральным. В древности даже существовала традиция *ку-ними* (国見 — «смотреть на страну»), когда император, обозревая страну, своим взглядом дарил ей благодать и процветание.

¹ Вообще для этого ритуала тут весьма любопытный выбор иероглифов — «зрение» и «танец».

Примеры того, что японский глаз может выделять большое количество оттенков и цветовых нюансов, неоднократно встречаются в классической литературе: можно заметить, что японские авторы гораздо внимательнее относятся к описанию рядов и узоров, нежели их европейские коллеги. Едва ли будет преувеличением и то, что красота формы для японцев часто определяет ценность содержания, но в данном контексте обращает на себя внимание и другая особенность японского взгляда.

У японцев особая направленность зрения, позволяющая ему фокусироваться на маленьких объектах и воспринимать их малейшие нюансы (то, что А.Н. Мещеряков называет «близорукостью японской культуры»). Это у нас громадные Царь-Пушка и Царь-Колокол — чтобы было видно всем издали, японцам же более привычны миниатюрные деревья и крошечные стихотворения (и вообще, как пишет Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья», «всё маленькое трогает своей прелестью»). То же внимание к самым крошечным элементам окружающей действительности, вполне возможно, лежит и в основе технологических успехов современной Японии, поскольку высокие технологии и робототехника — это по большому счету максимально точная работа с минимальными деталями.

Вектор японского зрения — от большого к малому — проявляется во многих вещах. К примеру, в обозначении времени. Мы называем дату следующим образом: 10 июля 2021 года (то есть в порядке от числа к году). Японцы скажут в противоположном порядке: год, затем месяц, затем число. Похожая тенденция проявляется в системе японских адресов. Тут не существует улиц и номеров домов, вместо этого есть цифры — как бы координаты объекта. Адрес выглядит так: Сэндай (город), Аоба-ку (название района), Фуцука-мачи (название квартала), 2-5-23; таким образом, мы снова наблюдаем как бы приближение с высоты и наведение взгляда на конкретный дом.

Этот точный глазомер приводит японцев к поистине невероятной детальности всех измерений — не случайно традиционные японские меры длины и ширины позволяют измерить объекты значительно более точно, чем всякие западные сантиметры и миллиметры. Так, один «волос» составлял 0,0333 миллиметра, а наименьшая мера веса была равна 0,037 грамм.

В своей знаменитой книге «Ветка сакуры» (1971), которая открыла Японию читателям Советского Союза, Всеволод Овчинников приводит выражение *массё буммэй* («цивилизация в сосновой игле»): о том, что для японцев любой, даже самый маленький

предмет может содержать в себе целый мир, который можно разглядывать и изучать. Это действительно очень меткое наблюдение и невероятно поэтичное высказывание, есть лишь один нюанс: в японском языке такого выражения не существует.

Судя по всему, это литературная мистификация, введённая автором книги для лучшего пояснения своей мысли. И это — тот самый случай, когда мистификацию можно считать оправданной; в конце концов, если этого выражения не существовало, его следовало придумать. Поэтому, говоря об особенности японского взгляда видеть большое в малом, хочется прибегнуть к этой метафоре: пусть это определение станет маленьким и важным поэтическим вкладом отечественного японоведения в постижение и объяснение японской культуры.

Удивительная точность восприятия проявляется и в языке: восприятие японцев поистине конкретно, о чём может свидетельствовать большое количество наименований для самых разных объектов, включая биологические виды — окружающую флору и фауну. Говоря общими словами, русский человек со своей склонностью к широте восприятия склонен скорее видеть лес, а не дерево; японец же не просто увидит дерево, но и узнает, какое именно это дерево. Мир вокруг него предельно конкретен, поделён на мельчайшие элементы, каждый из которых оказывается назван по имени.

С этим же связано наличие в японском языке большого количества ономотопей (по-русски их принято называть «звукоподражаниями», но это не всегда корректно, поскольку иногда речь идёт вовсе не о звуках), которых мы вскользь касались в разговоре о манге. Эти слова помогают вербально выражать тончайшие оттенки стимульной реальности, для которых в других языках может не быть терминов: больше десяти слов для выражения «хрустящести» еды разных видов (например, чипсы хрустят ПАРИ-ПАРИ, капуста — СЯКИ-СЯКИ, миндаль — ГАРИ-ГАРИ, и нельзя поспорить с тем, что это действительно разные хрусты) и больше трёхсот — для разных текстур пищи в целом; десятки слов для эмоциональных состояний и сотни для тактильных и болевых ощущений. Шкала точности, таким образом, оказывается настроена максимально тонко, но при этом почти непереводаима и непонятна людям других языковых культур.

Удивительным образом, столь же детально, японцы разделяют птиц и насекомых по их голосам. Мы слышим чирикание разных птичек, и оно звучит примерно одинаково (по крайней мере, мы

не в состоянии вербально воспроизвести эти различия, даже если воспринимаем их на слух), японцы же отчётливо различают «чи-чи, чи-чи», «кё-кё-кё», «цуцупи-цуцупи» и прочие голоса лесных обитателей. То же самое происходит с цикадами и другими насекомыми: если прислушаться, оказывается, все звучат по-разному.

В попытках объяснить этот феномен можно обратиться к нейрopsихологии и изучению мозговой активности. В частности, одна из теорий, принадлежащая японскому психологу Цунода Таданобу (его знаменитая и противоречивая¹ книга «Японский мозг» увидела свет в 1988 году), связывает это с работой мозговых полушарий. Цунода утверждает, что мозг японца обрабатывает звуки не правым, как у европейцев, а левым полушарием, которое отвечает за обработку речи, — таким образом, японцы не просто слышат звуки, но и преобразуют их в буквы.

Приводить эту теорию в качестве научно обоснованного факта было бы не совсем правильно: сам Цунода не измерял мозговую активность (да и в 80-х годах не было возможности сделать это на необходимом уровне), а лишь высказал предположение, экспериментально доказано это пока не было. Тем не менее, на его мнение часто ссылаются в связи с этой любопытной особенностью японского языка.

Сложно претендовать на то, чтобы исчерпывающе рассказать в этом небольшом эссе, что из себя представляет загадочная японская душа. Но задача данной главы (как и всей книги) не столь амбициозна. Её цель — дать читателю приблизительное представление об этом необычном и не похожем на нас островном народе, показать стереотипно вежливых и трудолюбивых японцев немного другими, отметив те их качества, которые зачастую остаются за пределами знаний и интересов. Более внимательное знакомство с Японией, несомненно, таит немало удивительных открытий и неразгаданных тайн, но этот путь читателю предстоит пройти самому, и каждый выберет его длину сам. Автору лишь остаётся надеяться, что его скромный труд су-

¹ Противоречивая, поскольку утверждает при отсутствии эмпирической доказательной базы, что японский мозг уникален и работает совершенно по-другому, нежели мозг представителей других народов. Это чем-то перекликается с *нихон дзинрон* — теорией уникальности японского народа, на которой строилась милитаристская политика в первой половине прошлого столетия. Учитывая неприятные ассоциации, даже сами японцы относятся к ней настороженно.

мел пробудить интерес к этой стране и сможет стать отправной точкой этого увлекательного путешествия.

У японского народа есть одна важная черта, которая в немалой степени позволила сделать Японию такой, какой мы её любим и в чём-то иногда даже восхищаемся: любопытство. Японцы могут не до конца понимать самих себя и не осознавать место своей культуры в мире, быть по-детски наивными во многих своих проявлениях, следовать правилам там, где правильнее было бы ими пренебречь, но зато они с самого начала с большим интересом и любопытством относились к окружающему миру. И не будь у них этого любопытства на глубоком генетическом уровне — ничего этого не получилось бы.

Возможно, нам следует отплатить Японии тем же.

А если учитывать, что знакомство с чужой культурой может помочь лучше понять свою собственную, то Япония — это, помимо, красивой природы, вкусной еды, высоких технологий и аниме, ещё и возможность по-новому взглянуть на самих себя.

Список дополнительной рекомендуемой литературы

Ниже приведены книги, на которые автор ссылается в своём повествовании и / или рекомендует для дальнейшего изучения Японии. Этот список, разумеется, неполный, но и в этом виде, хочется надеяться, будет кому-то полезным.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:

Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии. М.: Наталис, 2010. — 544 с.

Иофан Н.А. Культура древней Японии. М.: Наука, 1974. — 261 с.

Сэнсом Дж. Б. Япония. Краткая история культуры. СПб.: Евразия, 1999. — 576 с.

Моррис А. Мир блистательного принца. Придворная жизнь в древней Японии. М.: ИД «Дело» РАНХиГС. 2020. — 464 с.

Моррис А. Благородство поражения. М.: Серебряные нити, 2001. — 392 с.

Тернбулл С. Самураи: военная история. СПб.: Евразия, 1999. — 432 с.

Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Крафт, 2010. — 352 с.

Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. — 735 с.

Бикс Г. Хирохито и создание современной Японии. М.: АСТ, 2002. — 572 с.

Мещеряков А.Н. Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2008. — 592 с.

Мещеряков А.Н. (отв. ред.) История японской культуры. М.: Наталис, 2011. — 368 с.

Симонов К.М. Япония — 46. М.: Советская Россия, 1977. — 344 с.

Садокова А.Р. Японский фольклор (в контексте мифолого-религиозных представлений). М.: ИМЛИ РАН, 2001. — 256 с.

Бенедикт, Рут. Хризантема и меч: модель японской культуры. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 256 с.

Дэвис Р. Дж., Икэно Осаму. Япония. Как её понять: очерки современной японской культуры. М.: АСТ, 2009. — 317 с.

Леви-Стросс, Клод. Обратная сторона Луны: Заметки о Японии. М.: Текст, 2013. — 160 с.

Мещеряков А.Н. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 1999. — 399 с.

Накорчевский А.А. Синто. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. — 448 с.

Кодзики. Записи о деяниях древности. В 2 т. СПб.: ШАР, 1994. — 570 с.

Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. Пер. В. Н. Марковой. М.: Азбука, 2011. — 304 с.

Мурасаки Сикибу. Гэндзи моногатари. В 3 т. Пер. Т.Л. Соколовой-Делюсиной. СПб.: Гиперион, 2018.

Митицуна-но хаха. Дневник эфемерной жизни. Пер. В.Н. Горегляда. СПб.: 1994. — 352 с.

Кэнко Хоси. Записки от скуки. Пер. В.Н. Горегляда. М.: Азбука, 2011. — 224 с.

Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ. М.: Центрполиграф, 2016. — 319 с.

Повесть о доме Тайра. Пер. И. Львовой и А. Долина. М.: Азбука-классика, 2005. — 768 с.

Сказание о Ёсидзунэ. Пер. А.Б. Стругацкого. СПб.: Евразия, 2000. — 320 с.

НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:

Лафкадио Хёрн. Япония: попытка интерпретации / Lafcadio Hearn. Japan: An Attempt at Interpretation. Read Books Ltd., 2013.

Эдвин Рейшауэр. Япония. История нации / Edwin O. Reischauer. Japan. The story of a nation. Charles E. Tuttle Co.: Publishers, Tokyo, 1989

Манга. Антология глобальных и культурных перспектив. Под ред. Тони Джонсон-Вудс / Manga. An Anthology of Global and Cultural Perspectives. Ed. By Toni Johnson-Woods. Continuum Publishing Group, 2010

Фредерик Л. Шодт. Манга! Манга! Мир японских комиксов / Frederik L. Schodt. Manga! Manga! The World of Japanese Comics. Kodansha International, 2013

Мацуока Сэйго. Цветы, птицы, ветер и луна. Феноменология природы в японской культуре / Matsuoka Seigow. Flowers,

Birds, Wind, and Moon. The Phenomenology of Nature in Japanese Culture. JPIC, 2020.

Камата Тодзи. Миф и божество в Японии. Взаимодействие kami и будд / Kamata Toji. Myth and Deity in Japan: The Interplay of Kami and Buddhas. JPIC, 2017.

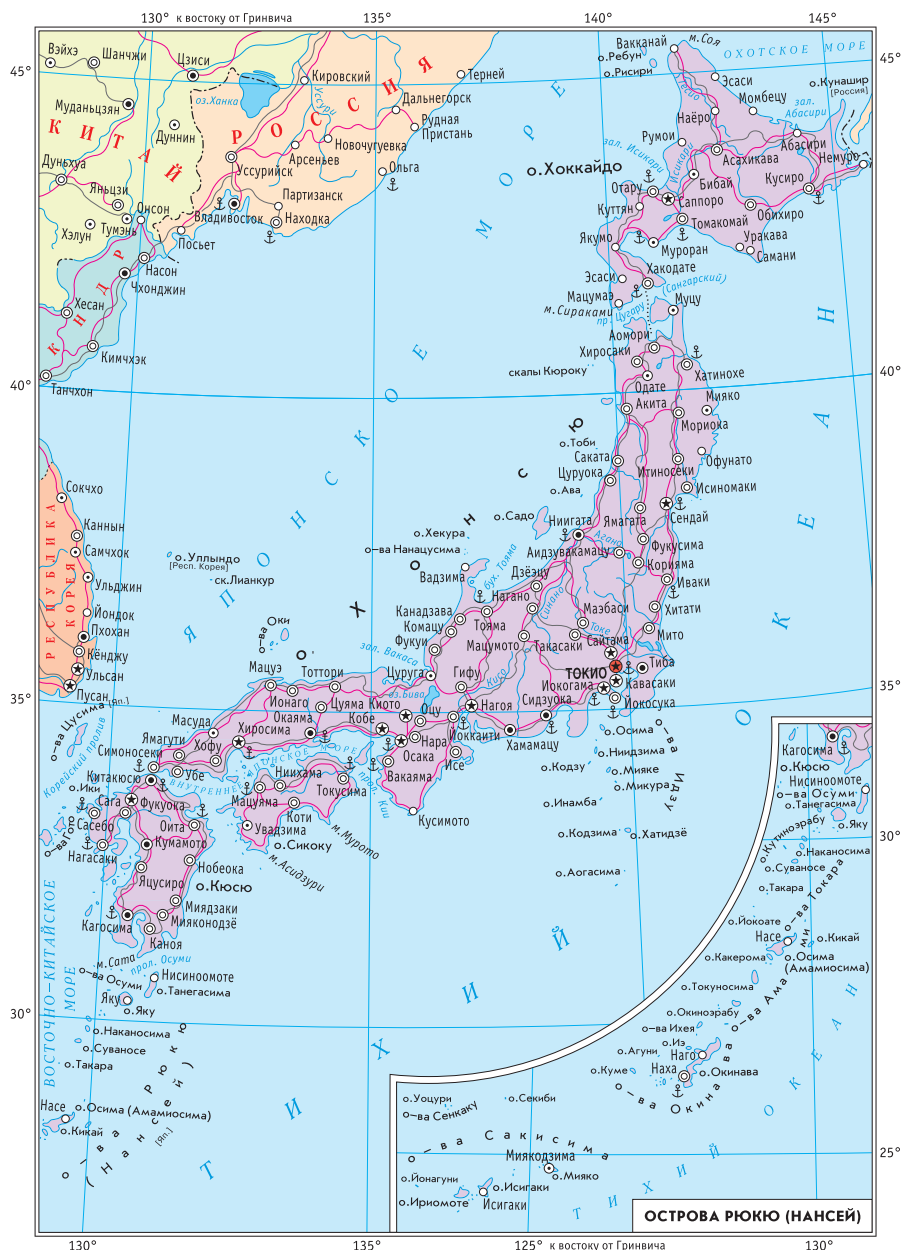
Пятнадцать лекций по Японии эпохи Сёва: путь к Тихоокеанской войне в поздней историографии. Ред. Цуцуи Киётада / Fifteen Lectures on Showa Japan: Road to the Pacific War in Recent Historiography. Ed. by Tsutsui Kiyotada. JPIC, 2016.

Элис К. Типтон. Современная Япония. Социальная и политическая история / Elise K.Tipton. Modern Japan. A social and political history. Routledge, 2015.

Нэнси К. Столкер (ред.) Пожирающая Япония. Глобальные перспективы японской кулинарной идентичности / Nancy K. Stalker (Ed.). Devouring Japan. Global Perspectives on Japanese Culinary Identity. Oxford University Press, 2018.

Дональд Ричи. Сто лет японского кино / Donald Richie. A Hundred Years of Japanese Film. Kodansha, 2012.

ЯПОНИЯ

Современная политическая карта Японии
© Картографическая основа. РОСРЕЕСТР

Семья айнов в традиционных одеждах. Фото студии сестёр Герхард. 1904 г.
Исторический музей Миссури, Сент-Луис, США

Бронзовое
зеркало. Период
Кофун (IV в.).
Британский
музей, Лондон.
© The Trustees
of the British
Museum

Танцующие ханива — терракотовые скульптуры периода Кофун, которые устанавливали на вершинах курганов. VI в. Токийский национальный музей, Токио, Япония

Храм Тодай-дзи. Преф. Нара, Япония

Храм Бёдоин. Удзи, преф. Киото, Япония

Утагава Кунисёси. На Ёсизунэ нападают призраки Тайра. 1853 г. Рейксмюсеум, Амстердам, Нидерланды

Утагава Тоёкуни III. Казнь Исикавы Гоэмона, легендарного героя-разбойника, который был сварен заживо вместе со своим сыном. Середина XIX в.

Кусуноки Масасигэ (1294–1336)

Сайго Такамори (1828–1877)

Муцухито, Император Мэйдзи (1852–1912). Фото Учиды Куичи. 1873 г.
Метрополитен-музей, Нью-Йорк, США

Атомный «гриб» над Нагасаки. 9 августа 1945 г.

© Everett Collection // Shutterstock.com

Женщина, пережившая атомную бомбардировку Нагасаки. Ее кожа обожжена по рисунку, соответствующему темным частям кимоно, которое было надето во время взрыва. Сентябрь 1945 г.

Гэмбаку доум («Атомный купол»). Хиросима, преф. Хиросима, Япония

Утагава Хиросигэ. Гравюра из цикла «100 известных видов Эдо». 1857 г.

Винсент Ван Гог. Мост под дождем (копия Хиросигэ). 1887 г. Музей ван Гога, Амстердам, Нидерланды

Китайские женщины в дворцовом саду. Авторство приписывается Кано Эйтоку.
Конец XVI в. Метрополитен-музей, Нью-Йорк, США

Клод Моне. Японка (Камилла Моне в японском костюме). 1876 г. Музей
изящных искусств, Бостон, США

 Хоя — морской ананас

Кацуо-буси

Кагами-мочи

Закат над рисовым полем

Праздник Карацу Кунчи, проводится в ноябре в городе Карацу (преф. Сага)

Страница из «Манги Хокусая» — сборника из серии зарисовок Кацусики Хокусая. Начало XIX в. Изображение приводится по изданию: Michener, James A. *Hokusai Sketchbooks: Selections from the Manga*, Rutland, Vermont & Tokyo: Charles E. Tuttle Company. 1958.

Обложка 5-го тома манги «Астробой» (также известной как «Могучий Атом»)
Осаму Тэдзуки (выходила с 1952 по 1968 гг.)

© TRAN CONG PHUC / Shutterstock.com

Ночная улица. Преф. Гифу, Япония.

© Kobby Dagan / Shutterstock.com

Пачинко в Токио.

Замок Мацумото. Преф. Нагано, Япония

Ицукусима-дзиндзя, тории Миядзимы. Преф. Хиросима, Япония

Вид на залив Мацусима.
Препф. Мияги, Япония

Песчаная коса Аmanoхасидатэ. Преф. Киото, Япония

Оглавление

Вместо вступления	5
-----------------------------	---

ЧАСТЬ 1

ИСТОРИЯ

Глава 1

Древняя Япония.	10
-------------------------	----

Глава 2

Жизнь легче пуха	68
----------------------------	----

Глава 3

Из тени в свет	122
--------------------------	-----

ЧАСТЬ 2

СОВРЕМЕННОСТЬ

Глава 4

Внутри Годзиллы 184

Глава 5 (в соавт. с Д. Булахом)

Кулинария вычитания 242

Глава 6

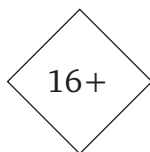
Психология песка 306

Список дополнительной

рекомендуемой литературы 361

Издание для досуга

Скандал рунета

Раевский Александр Евгеньевич

Я ПОНЯЛ ЯПОНИЮ

От драконов до покемонов

Редактор *П. Притуманова*

Корректоры *С. Чиргадзе, Е. Цветкова*

Дизайн обложки *Д. Агапонова*

Технический редактор *Н. Чернышева*

Компьютерная верстка *А. Грених*

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу публикуются фотографии и другие иллюстративные материалы, распространяемые по лицензии *Creative Commons*, а также изображения по лицензии *Shutterstock*

Подписано в печать 07.11.2022.

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 23. Печать офсетная.

Гарнитура CharterITC. Бумага офсетная.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции

ОК-034-2014 (КПЕС 2008);

58.11.1 — книги, брошюры печатные.

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2022 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1,
комната 705, помещение I, этаж 7

Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қаласы, Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылым,
705-бөлме, I-жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий
на продукцию в республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., За,
литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92
Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған